

ФЕДРА,

трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ

Ж. Расина.

(1677).

Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника

Льва Поливанова,

съ приложеніемъ этюда Патена о французской классической трагедіи въ сравненіи съ античною и другихъ объяснительныхъ статей.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевск., пер., д. Пустошкина,

противъ Англійской церкви.

1895.

Цѣна **1** *р.* **50** *к.*

ФЕДРА,

трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ

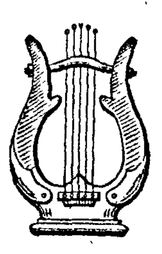
Ж. Расина.

(1677).

Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника

Льва Поливанова,

съ приложеніемъ этюда Патена о французской классической трагедіи въ сравненіи съ античною и другихъ объяснительныхъ статей.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевск., пер., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1895.

19036-10
2010517240

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ:

Стрн.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
26	14 сн.	Понятна	Понятно
33	9 „	ихъ	его
37	4 св.	добродѣтели	добродѣтелію
40	16 „	ст. е.	(т. е.
41	19 сн.	снова	снова воспроизводить
43	19 св.	даетъ ему	даетъ
55	14 сн.	жилыхъ	живыхъ
66	3 св.	градиціей	градаціей
76	99 „	Левкотскую	Левкатскую
96	20 сн.	греческихъ трагиковъ	о греческихъ трагикахъ
„	6 „	приписывала	приписывали
105	14 св.	нечего	ничего
106	19 „	печати	въ печати
159	1 сн.	*А. В.*	*В. А.*
25	2 св.	Перитоемъ	Пиритоемъ
70	2 сн.	вѣрялась	ввѣрялась
77	19 св.	заслугой	услугой

I.

«ИППОЛИТЪ» ЕВРИПИДА,

Патена.

1. Обозрѣніе «Ипполита» Еврипида.

Избирая изъ произведеній Еврипида сначала тѣ, въ которыхъ онъ является преемникомъ Софокла и предшественникомъ Расина, т. е. которыя дозволяютъ намъ понять трагическое искусство въ его переходѣ отъ формы греческой къ французской, считаю наиболѣе удобнымъ, послѣ Ифигеніи въ Авлидѣ, остановиться на Ипполитѣ, гдѣ также сходится эта двоякая точка зрѣнія.

Обѣ эти піесы дали подражателямъ новаго времени сложную интригу и развитіе страсти, въ которыхъ поэты новаго времени, конечно, очень превзошли древнихъ, но которыя тѣмъ не менѣе на греческой сценѣ представляли замѣтный успѣхъ и поразительную новость. Въ то же время и та и другая вполнѣ соотвѣтствуютъ духу античной трагедіи, какою ее создалъ геній Эсхила и Софокла, гдѣ видимъ ту же простоту дѣйствія на зрителей, ту же правду чувства, ту же наивность быта и языка, хотя въ ущербъ силѣ и величію, но при тонѣ, болѣе мягкомъ и трогательномъ. Въ особенности мы находимъ въ нихъ равномѣрное содѣйствіе тѣхъ двухъ силъ, которыя двигали тогда драму: людскихъ страстей, оживлявшихъ ее контрастами характеровъ, интересомъ положеній, возбужденіемъ страха и состраданія—и силы рока, сообщавшей этому разнообразію и движенію единство, величіе, нѣчто религіозное и божественное.

Такъ въ Ифигеніи въ Авлидѣ борьба, въ которую вступаютъ честолюбіе, фанатизмъ, темпераментъ, безсердечіе, жестокій эгоизмъ и героическое великодушіе, лишь приводитъ жертву, такъ долго оспариваемую, на алтарь, гдѣ ожидаетъ ее милосердіе боговъ. Такъ въ Ипполитѣ преступная и кровосмѣсительная страсть, дѣвственное цѣломудріе и несокрушимая вѣра, невольный грѣхъ, непреодолимый гнѣвъ - *служатъ лишь смертными орудіями*, дѣйствующими сообща, для мщенія божества.

---

1) 2-я глава I-го тома сочиненія: Etudes sur les tragiques Grecs par H. Patin. Euripide. 6 édition. P. 1883.

Эта таинственная сила въ трагедіи Ипполитъ объясняется намъ въ прологѣ, какъ толкованіе ея, которое Еврипидъ не пожелалъ предоставить заботамъ своихъ комментаторовъ.

Появляется Венера и послѣ хвалы своему непобѣдимому могуществу и всемірному владычеству, напоминающей знаменитое воззваніе къ Венерѣ въ началѣ поэмы Лукреція [1]), объявляетъ, что намѣрена наказать Ипполита, который презираетъ ее и предпочитаетъ чтить Діану. Съ этимъ намѣреніемъ она вложила въ сердце Федры преступную страсть къ юному царевичу ея пасынку: эта роковая любовь, долго скрываемая, вскорѣ обнаруживается и сцѣпленіемъ роковыхъ обстоятельствъ, производимыхъ богинею, погубитъ ея врага. Конечно, въ ея мщеніе будетъ вовлечена невинная Федра: но что богинѣ до нея? лишь бы отомстить.

Не безъ основанія порицали отталкивающій образъ, который приданъ здѣсь божеству. Греческая миѳологія, правда, изображала въ наглядной формѣ то суевѣріе, которое побуждаетъ насъ приписывать Богъ вѣсть какимъ враждебнымъ силамъ несправедливыя причуды случая; поэты, вдохновлявшіеся этими вымыслами, приписывали судьбѣ и ея посланникамъ злыя и жестокія страсти. Но эти изображенія, столь ложныя, если сопоставить ихъ съ чистыми понятіями о божествѣ, и столь правдивыя, если ихъ отнести къ земной жизни человѣка и къ идеямъ, которыя онъ составляетъ себѣ о нихъ въ возрастъ невѣжества и варварства, эти изображенія, гдѣ самое заблужденіе есть подобіе исторіи, почти всегда облекались съ намѣреніемъ таинственнымъ мракомъ. Человѣкъ являлся въ нихъ подъ властію непреложныхъ законовъ, противъ которыхъ глухо протестовало нравственное чувство, но изслѣдованіе которыхъ воспрещалось религіознымъ страхомъ. Таково было впечатлѣніе ужасныхъ и мрачныхъ драмъ: Прометея и Эдипа. Что-то необъяснимое, какъ загадка нашего смертнаго жребія, внушало въ нихъ вмѣстѣ и ужасъ и благоговѣніе. Но не таково дѣйствіе пролога въ Еврипидовомъ Ипполитѣ, гдѣ завѣса приподнимается совершенно и открываетъ любопытству зрителей въ этой богинѣ, объявляющей такъ откровенно и холодно планъ жестокаго мщенія, образъ божества слишкомъ явно лживый. Будетъ ли смѣлымъ предположеніе, что Еврипидъ, который какъ поэтъ, пользуясь вѣрованіями своего отечества и своего вѣка, не стѣснялся засвидѣтельствовать, что эти вѣрованія противны его разуму, желалъ косвенно протестовать противъ нихъ, когда представлялъ ихъ взорамъ во всей ихъ наготѣ?

Такой прологъ можетъ быть очень философическимъ, но конечно онъ очень мало соотвѣтствуетъ духу драмы. Если Еврипидъ позволилъ себѣ это для нѣкоторыхъ избранныхъ зрителей, которые подобно ему не поддавались театральнымъ иллюзіямъ и которые могли отвлекаться отъ нихъ или поддаваться имъ по желанію, то для публики, которая никогда не бываетъ такъ гибка, онъ долженъ

1) De rerum natura. Lib. I, ст. 1—29.

былъ стараться уничтожить дѣйствіе своего скептическаго пролога. Онъ и сдѣлалъ это съ искусствомъ, напоминающимъ Софокла въ трагедіи, только что мною названной. Эдипъ не заслужилъ своихъ несчастій, но въ силу недостатковъ своего характера сталъ ихъ виновникомъ. Ипполитъ является также отчасти виновникомъ въ своемъ несчастіи, въ силу своей добродѣтели, порою горделивой и суровой. Жалость, слишкомъ горькая, которую возбудили бы эти неповинныя жертвы судьбы, такимъ образомъ смягчена несовершенствомъ, примѣшаннымъ къ ихъ благородному образу. Къ тому же слезы не такъ горьки при развязкѣ, когда Эдипъ, совершившій кровосмѣшеніе и отцеубійство, получаетъ неожиданное утѣшеніе въ семейной привязанности, въ объятіяхъ юныхъ дочерей своихъ, и когда Ипполитъ умираетъ на рукахъ отца, наконецъ выведеннаго изъ заблужденія, плачущаго и его благословляющаго. У Еврипида сцену открываетъ и заключаетъ божество; но Діана своимъ состраданіемъ, благодѣтельной добротою — качествами по истинѣ божественными—примиряетъ насъ съ этимъ чудеснымъ вмѣшательствомъ, которое сначала насъ оттолкнуло. Точно покровительственное провидѣніе заступило мѣсто подавляющей роковой силы [1]).

Я уже опредѣлилъ въ общемъ обзорѣ духа Еврипида и характера его произведеній, какую новую роль играетъ у него судьба и какое вліяніе онъ оказалъ этимъ на развитіе искусства [2]). Въ осо-

---

1) Возможенъ вопросъ, какъ могла Діана ограничиться только утѣшеніемъ Ипполита послѣ катастрофы, вмѣсто того, чтобы оказать ему покровительство — что было бы такъ естественно—ранѣе, чѣмъ она совершилась. Богиня отвѣчаетъ сама на это возраженіе, ссылаясь на положеніе Олимпійскаго общественнаго права, повидимому неизвѣстное Гомеру, у котораго боги не считаютъ за грѣхъ противорѣчить другъ другу и удерживаются отъ этого лишь взаимнымъ страхомъ. „Таковъ законъ“, говоритъ она (ст. 1319): „никто не воленъ итти наперекоръ стремленіямъ другого“. Этотъ законъ, быть можетъ, вымышленный Еврипидомъ для нуждъ своей басни или же согласно съ задачею, которую онъ поставилъ себѣ вообще—исправить своими вымыслами теологическую систему грековъ (см. разсужденіе М. Ф. Бланше: De Aristophane Euripidis censore, 1855, стр. 58), былъ не разъ приводимъ Овидіемъ (Метаморфозы, III, 236; XIV, 784):

...Neque enim licet irrita cuiquam
Facta dei fecisse deo...

(т. е.: „вѣдь *нельзя никакому богу* уничтожать дѣла другого бога“).

...Nisi quod rescindere nunquam
Dis licet acta deum...

(т. е.: „дѣла *боговъ* никогда не подобаетъ нарушать богамъ“).
См. объ этомъ въ комментаріи Валькенера къ Ипполиту (Valckenaer. Hyppolite) ст. 1319.

2) Въ первомъ томѣ Etudes sur les tragiques grecs Патена, посвященномъ Эсхилу, въ общемъ историческомъ обзорѣ греческой трагедіи (гл. I) читаемъ: „Скажемъ ли, что Еврипидъ совершенно исключилъ изъ своихъ произведеній силу рока? Конечно, нѣтъ; и чтобы быть справедливыми, слѣдуетъ *поспѣшить прибавить, что онъ скорѣе ее перемѣстилъ*. Эсхилъ и Софоклъ изображали боговъ, повергающихъ людей въ бѣдствія неотвратимыя; Еврипидъ представлялъ боговъ посылающими имъ непреодолимыя страсти. Прежде трагическое лицо вовлекалось въ борьбу съ препятствіями внѣшними; отнынѣ имъ пришлось бороться съ врагами внутренними: драматическая борьба была пере-

бенности это наблюденіе прилагается къ піесѣ, теперь насъ занимающей. Доселѣ одни только событія подчинялись власти рока; въ первый разъ мы видимъ ее располагающею страстями души. Такимъ образомъ роковая сила перенесена съ извнѣ внутрь; тамъ найдутъ ее и удержатъ новые поэты; уже задолго возвѣщаетъ о себѣ трагедія, въ которой должна царствовать страсть, могущественная какъ судьба.

Слѣдуетъ ли, какъ то сдѣлалъ Брюмуа [1]), впрочемъ довольно неясно, обвинить Еврипида (а съ нимъ и нашихъ трагиковъ, виновныхъ въ томъ же) въ непризнаніи правъ свободной воли? Нисколько [2]). Свобода присутствуетъ не въ чувствахъ и даже не въ разумѣ; мы не болѣе властны избавиться отъ наважденія первыхъ, нежели послѣдовать предостереженіямъ второго, ни избѣжать злыхъ искушеній, ни послѣдовать познанію добра, внушенію страсти или долга. Между этими силами, которыя, добиваются свободы, находится воля, опредѣленія которой, добрыя или преступныя, равно составляютъ нашу свободу. Федра, какъ и всѣ люди, испытываетъ невольное, неизбѣжное, роковое вліяніе страсти; и какъ всѣ люди, слышитъ невольно, неизбѣжно, роковымъ образомъ властный голосъ долга. Сопротивляется ли она своимъ мятежнымъ чувствамъ, какъ у Еврипида; подчиняется ли имъ, какъ у Расина,— она свободна въ своемъ паденіи такъ же, какъ и въ своей побѣдѣ, сознаніемъ преступленія, сокрушеніями, угрызеніями совѣсти, отчаяніемъ. Напрасно Жоффруа, защитивъ въ своемъ комментаріи Еврипида отъ нападеній Брюмуа, возобновляетъ ихъ противъ Расина. Расинъ не основалъ своей драмы, какъ утверждаютъ, на ложной и соблазнительной доктринѣ, что существуютъ заблужденія, въ которыхъ воля наша неповинна и за которыя она не отвѣтственна; не основалъ

мѣщена въ человѣческое сердце; дѣйствующими лицами сдѣлались сами наши душевныя свойства, а сюжетомъ піесы—эта внутренняя, междоусобная война чувства и разума, борьба столь же древняя, какъ природа наша, и которая окончится вмѣстѣ съ нею". (Стр. 47 въ 5 изд. 1877).— 1) См. ниже статью Менара.— 2) См. какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ относительно Еврипида Бартелеми въ Анахарсисѣ (гл. LXXI): „...Нѣкоторые мудрецы, устрашенные превратностію дѣлъ человѣческихъ, допустили какую-то силу, которая играетъ нашими намѣреніями и ждетъ минуты нашего благополучія, чтобы принести насъ въ жертву безчеловѣчной своей ревности (Herod. I, 32; III, 40; VII, 2). Отъ этихъ чудовищныхъ системъ произошло то, что человѣкъ вовлекается въ преступленія одною силою божества, которому ненавистно его поколѣніе, страна или потомство (Aeschil. ad Plat. de rep. II, 2). Но какъ жестокость этого ученія ощутительнѣе въ трагедіи, нежели въ другихъ сочиненіяхъ, то первые наши авторы часто смягчали его на театрѣ и тѣмъ подходили близко къ правиламъ, мною изложеннымъ. Иногда дѣйствующее лицо, пораженное судьбою, *оправдываетъ* ее собственнымъ проступкомъ, соединеннымъ съ судьбою, переданной ему въ крови; иногда, примирившись съ своею участію, выходило изъ бездны, въ которую было ею ввергнуто. Федра горитъ преступною любовью; Венера зажгла ее въ сердцѣ ея на погубленіе Ипполита. Что дѣлаетъ Еврипидъ? Онъ выставляетъ сію царицу зависящимъ лицомъ; и болѣе того: замыслилъ и исполнилъ ужасное намѣреніе обвинить Ипполита (ст. 728 и 877). Любовь Федры невольна, но не таково ея преступленіе.

онъ ее и на томъ (какъ несправедливо также утверждаютъ), чтó разумѣлъ Буало, похваляя добродѣтельное сокрушеніе:

«Федра, вопреки самой себѣ, измѣнница и кровосмѣсительница» [1]).

Если, вопреки голосу своего разума, которому желала бы послѣдовать, она все-таки незамѣтно вовлекается въ преступленіе, то не дозволительно ли сказать, выражаясь поэтически, не отрицая тѣмъ нравственную свободу, что вопреки себѣ она виновна? Если ея покушенія ей противны, если она горько сокрушается о добродѣтели, ею покинутой, нельзя ли съ полнымъ правомъ назвать ея сокрушенія добродѣтельными? Не будемъ опрометчиво и легкомысленно обвинять великихъ поэтовъ въ нарушеніи правды и нравственности. Что же и сдѣлало бы ихъ великими поэтами, если не чудесный даръ воспроизводить человѣческую природу въ ея дѣйствительности и создавать тѣ живые образы, въ которыхъ равно проявляются и пониманіе философа и непосредственный смыслъ толпы, важные уроки, заключающіеся въ этихъ образахъ? Изображають ли они намъ душу во всей ея силѣ, когда она борется побѣдоносно противъ преступныхъ соблазновъ; разоблачаютъ ли они намъ и ея слабость, когда она отдается непреодолимому стремленію своихъ безнравственныхъ наклонностей и обстоятельствамъ, которыя благопріятствуютъ имъ, когда, потворствуя извращеннымъ чувствамъ, она сама желаетъ самообмана и паденія; избираютъ ли они такимъ образомъ благородное или трогательное, возбуждающее удивленіе или жалость,—они всегда различными путями приходятъ къ одному и тому же заключенію: показать въ святой суровости долга нашу единственную опору на землѣ.

Указавъ, въ какомъ различномъ смыслѣ, хотя равно истинномъ и равно нравственномъ, греческій и французскій поэты понимали свои произведенія, возвращусь теперь къ прологу Ипполита, послужившему точкою исхода для этого изслѣдованія.

Вслѣдствіе особенности, о которой я уже упоминалъ неоднократно и которая проистекаетъ изъ самой природы античнаго театра, этотъ прологъ, какъ почти всѣ прологи такого рода, не только излагаетъ сюжетъ піесы, но и сообщаетъ ея развязку. Одинъ ученый издатель Еврипида, Барнесъ, дѣлаетъ по этому поводу очень странное замѣчаніе, что этимъ у зрителей возбуждается большое ожиданіе того, чтó *должно случиться* [2]). Думаю, что отъ этого *должно* происходить противоположное. Очевидно, что предупреждать такимъ образомъ событіе значитъ ослаблять любопытство по крайней мѣрѣ на половину. Говорю: на половину, потому что эти драмы не были вполнѣ лишены способности возбудить удовольствіе неожиданности, какъ то показалъ основательный критикъ, котораго слова считаю за лучшее напомнить здѣсь: „Венера“, говоритъ онъ, „излагаетъ первыя причины, а не вторыя, или, если она излагаетъ и эти, то не опредѣ-

[1]) VII-е посланіе.—[2]) Unde excitatur magna auditorum de eventu exspectatio.
[3]) Баттё: Mém. de l'Acad. des Inscrip. et Belles-Lettres, m. XLII, 452.

ляетъ ни способа, ни средствъ—двухъ обстоятельствъ, которыхъ уже достаточно для того, чтобы произвести впечатлѣніе неожиданности... Надо кромѣ того различать неожиданность, испытываемую дѣйствующими лицами и испытываемую зрителями. Зрителямъ не до такой степени важно испытывать неожиданность, потому что они не испытываютъ ея уже при второмъ представленіи, а наслаждаются зрѣлищемъ того, какъ ее испытываютъ дѣйствующія лица. Ипполитъ совсѣмъ не знаетъ, что *врата* смерти въ эту минуту раскрываются передъ нимъ; зритель, знающій это, видитъ его приближающагося съ повязкою на глазахъ, слѣдитъ за нимъ съ трепетомъ и несмотря на то, что предупрежденъ, почувствуетъ ударъ катастрофы съ не меньшею силою. То же испытаетъ зритель при неожиданностяхъ, поражающихъ Федру и Тезея". Къ этимъ тонкимъ доводамъ, прибавлю то, что́ уже повторялъ неоднократно: что Греки въ театрѣ менѣе искали тревожнаго наслажденія неожиданностями непосредственными или отраженными въ дѣйствующихъ лицахъ, которыя привлекаютъ насъ, нежели спокойнаго созерцанія положеній и характеровъ.

Ипполитъ могъ бы обойтись и безъ пролога, и если бы, какъ и Ифигенія въ Авлидѣ, онъ утратилъ его, вслѣдствіе ли исправленій издателя или вслѣдствіе хищеній времени, по всей вѣроятности искаженіе піесы не было бы замѣтно. Піеса уясняется очень хорошо и безъ этой помощи; соперничество двухъ богинь, взаимно оспаривающихъ участь героя, сразу становится ясною зрителю, даже посредствомъ самой декораціи, которая представляетъ ему подъ перистилемъ Тезеева дворца статуи Венеры и Діаны, и поведеніемъ Ипполита, который, возвращаясь съ охоты съ своими друзьями, презрительно проходитъ мимо первой богини и оказываетъ нѣжную и благоговѣйную почесть второй.

Эту роль Ипполита, съ его суровою и цѣломудренною гордостію, трудно понять въ наше время; и критики словно нарочно искажали ее. Брюмуа [1]) представляетъ его философомъ, разсуждающимъ и морализирующимъ; Ла-Гарпъ [2])—чѣмъ-то въ родѣ Арнольфа или Сганареля, нелюдимомъ и меланхоликомъ, всегда остерегающимся женскихъ хитростей; для Жоффруа [3])—это сельскій дворянинъ, подобный англійскимъ помѣщикамъ, который по возвращеніи съ охоты, собирается съ нѣсколькими сосѣдями *пообѣдать*. Все это грубыя каррикатуры, которыя отвлекаютъ насъ далеко отъ генія Грековъ.— В. Шлегель [4]) держался къ нему *ближе* въ этомъ мѣстѣ своей книги, гдѣ, по примѣру Винкельмана, онъ объясняетъ античную поэзію и скульптуру одну черезъ другую.

„Чтобы вполнѣ почувствовать Ипполита Еврипидова, *должно*", говоритъ онъ, „такъ сказать, быть посвященнымъ въ таинства красоты, подышать воздухомъ Греціи. Вспомните, что́ передала намъ древность наиболѣе совершеннаго изъ образовъ героической юности: діоскуровъ Монте-Кавалло, Мелеагра и Аполлона Ватиканскаго. Ха-

1) Théatre des Grecs.—2) Lycée. Комментарій къ Расину.—3) Th. des Grecs.—4) Cours de la littérature dramatique.

рактеръ Ипполита занимаетъ въ поэзіи почти то же мѣсто, какъ эти статуи въ скульптурѣ"... „Можно замѣтить", прибавляетъ онъ остроумно, „во многихъ изображеніяхъ идеальной античной красоты, что древніе, создавая идеализированный образъ человѣческій, слили оттѣнки характеровъ обоихъ половъ, а Юнона, Паллада, Діана имѣютъ величіе и строгость мужескія; что Аполлонъ, Меркурій и Вакхъ, напротивъ, заключаютъ въ себѣ извѣстную долю граціи и нѣжности женской. Такъ и въ героической и дѣвственной красотѣ Ипполита видимъ мы обликъ его матери Амазонки и отраженіе Діаны въ образѣ человѣческомъ" [1]).

Пусть же представляютъ себѣ подъ этими благородными чертами, такъ хорошо описанными нѣмецкимъ критикомъ, то лицо Ипполита, къ которому Еврипидъ хотѣлъ въ особенности привлечь симпатію зрителя—и тогда будетъ болѣе понятно дѣйствіе этой первой сцены, гдѣ онъ появляется среди многочисленныхъ товарищей наслаждающимся своей юностію и свѣжими силами, въ дикой свободѣ своей, и проявляя довѣрчивую безпечность, представляющую такой контрастъ съ роковою участію, которая, какъ уже извѣстно намъ, угрожаетъ ему.

Таинственное общеніе, связующее его съ Діаною, выражено въ стихахъ, полныхъ граціи. Онъ приноситъ въ даръ богинѣ вѣнокъ [2]), свитый имъ самимъ въ лугахъ, которыхъ никогда еще не дерзали коснуться ни лезвіе косы, ни ноги стадъ, въ которыхъ порхаетъ лишь пчела и священная ограда которыхъ—жилище непорочности—посѣщается лишь друзьями жизни невинной и чистой [3]). Это религіозное приношеніе, эти радостныя пѣсни, предшествующія и сопутствующія ему, эта охотничья обстановка, которою окруженъ

---

1) Шлегель приводитъ здѣсь мѣсто изъ Сенеки:

> Tuaeve Phoebes vultus, aut Phoebi mei...
> Est genitor in te totus: et torvae tamen
> Pars aliqua matris miscet ex aequo decus.
> In ore graio scythicus apparet rigor.

(т. е.: „Твоей ли Фебы образъ, или моего Феба... въ тебѣ весь родитель, и вмѣстѣ съ тѣмъ придаютъ красоту въ равной степени черты суровой матери. Въ чертахъ лица грека ясна жёсткость скиѳа").

2) Замѣчанія схоліастовъ подали поводъ къ неправдоподобному предположенію (см. примѣч. Валькенера и Монка), что этотъ вѣнокъ имѣлъ лишь метафорическое значеніе и долженъ быть понимаемъ, какъ приношеніе Ипполитомъ въ даръ богинѣ самого себя или гимна, которымъ онъ ее прославляетъ. Послѣднее значеніе можетъ быть подтверждено знаменитыми мѣстами, гдѣ была употреблена та же фигура (Lucr. de Nat. rer., I, 725 и сл., Horat. Carm., I, XXVI, 7 и сл., и др.).

3) См. прочувствованную похвалу этихъ стиховъ и этой живописи въ Курсѣ франц. литературы Виллымена (Картина XVIII в., лекція XLIII); также XXXIV гл. Курса драматической литературы Сенъ-Маркъ-Жирардена, гдѣ остроумно и краснорѣчиво говорится о любви въ Ипполитѣ Еврипида, о древней непорочности и о дѣвственности христіанской. Позднѣе Легуве косвенно прославилъ это прекрасное мѣсто, подражая ему въ піесѣ, вдохновленной другимъ произведеніемъ Еврипида—въ своей Медеѣ. Въ I актѣ, сц. 3, юная Креуза, невѣста Язона, готовая покинуть ради матери Латоны дѣвственный дворъ Діаны,

Ипполитъ—все это образуетъ оживленное и блестящее вступленіе, совершенно во вкусѣ Грековъ, которые старались съ самаго начала овладѣть воображеніемъ, поразить одновременно и чувства и умъ зрителя.

Въ ту самую минуту, когда Ипполитъ готовъ войти во дворецъ, одинъ изъ его слугъ, старикъ, судя по отеческой и фамильярной его рѣчи, приглашаетъ его почтить, вмѣстѣ съ изображеніемъ Діаны, и статую Венеры. Ипполитъ уходитъ, отвергнувъ совѣтъ его, и старый рабъ, оставшись одинъ, заклинаетъ богиню забыть дерзкія рѣчи, только что слышанныя ею. Изъ этой сцены намъ ясно, какъ по понятіямъ древнихъ гордая увѣренность въ собственныхъ своихъ силахъ и презрѣніе общепринятыхъ обычаевъ могли казаться преступленіемъ, достойнымъ гнѣва боговъ; въ то же время эта сцена подготовляетъ катастрофу и, бросая яркій свѣтъ на дѣйствіе, совершенно достаточна, чтобы, сдѣлать дальнѣйшее участіе Ипполита въ прологѣ излишнимъ.

Является хоръ трезенскихъ женщинъ (дѣйствіе и греческой и французской піесы, какъ извѣстно, происходитъ въ Трезенѣ). Женщины разговариваютъ о тайномъ недугѣ, который съ нѣкоторыхъ поръ снѣдаетъ царицу, и причина котораго неизвѣстна. Ихъ пѣсни представляютъ оригинальную смѣсь поэзіи смѣлой и образовъ безыскусственныхъ. Откуда узнали онѣ странную новость, которая заботитъ ихъ и о которой приходятъ разспрашивать? Согласно съ народнымъ обычаемъ во времена Навсикаи, и съ еще большимъ основаніемъ — во времена Федры, онѣ узнаютъ новость у ключа, куда ходятъ за водою и стирать бѣлье. Брюмуа, назвавшій стараго совѣтчика Ипполитова не слугою, не рабомъ, какъ бы то слѣдовало по его положенію, но торжественно — *офицеромъ*, нѣсколько скандализуется *этими нравами* и не осмѣливается допустить, чтобы они были *такъ же хороши, какъ наши*, конечно, въ поэтическомъ смыслѣ. Такая разборчивость напоминаетъ тѣ времена, когда Ла-Моттъ сожалѣлъ, что Гомеръ унизилъ своего Ахиллеса, заставляя его приготовлять обѣдъ собственными руками, и не далъ ему для поддержанія его героическаго сана метръ-д'отеля или, по крайней мѣрѣ, повара.

Чтобы понять дѣйствіе слѣдующей сцены и даже большинство

подноситъ богинѣ, какъ Ипполитъ, вѣнокъ цвѣтовъ, сопровождая свой даръ граціозными стихами такого содержанія:

Богиня, цѣломудренно препоясанная,
Богиня съ легкой обувью,
Прими, вмѣстѣ съ моими волосами,
Эти веселыя сокровища утра.
Они росли въ долинѣ,
Которой еще никогда не топтала
Нога сокрушительныхъ стадъ;
Коса щадитъ эти корзины
И только блестящее крыло пчелъ
Тамъ порхаетъ весною.

Подобно уединенной (этой) долинѣ,
Я долго жила на твоихъ глазахъ,
Открывая тайну моихъ дней
Однимъ только лучамъ, сходящимъ съ неба:
По тѣнистая и священная долина
Увидѣла въ своей оградѣ появленіе
Бѣгуна съ пылающими ноздрями;
И вдругъ, привѣтствуя своего господина,
Захотѣла постлать подъ его ноги
Свои цвѣты, ковры и воды.

Прости, о богиня... и т. д.

слѣдующихъ сценъ, слѣдуетъ представить себѣ хоръ на томъ мѣстѣ, которое было ему отведено согласно порядкамъ греческаго театра, на ступеняхъ, соединявшихъ переднюю часть сцены (proscenium) съ орхестрой. Съ этого мѣста, гдѣ онъ внимательно наблюдаетъ за дѣйствіемъ, видитъ онъ, какъ появляется подъ перистилемъ дворца Федра, въ сопровожденіи женщины, которую Брюмуа, въ своемъ стремленіи все облагораживать, называетъ *наперсницей* царицы, но которая въ дѣйствительности—просто ея кормилица. Федра остается у дверей, распростертая на ложѣ, которое поставили тамъ рабы и на которомъ пожелала она въ своемъ болѣзненномъ состояніи, смѣняя одно желаніе другимъ, подышать свѣжимъ воздухомъ и видѣть дневной свѣтъ. Подлѣ нея — ея кормилица, которая говоритъ съ ней, но порою отходитъ отъ нея, чтобы посовѣтоваться съ самою собой о своемъ положеніи и о положеніи своей госпожи, или для того, чтобы отвѣчать на вопросы хора, предлагающаго ей ихъ съ любопытствомъ. Такое расположеніе дѣйствующихъ лицъ, думаю я, должно было придать силы дѣйствію сцены, которая къ тому же такъ поразительна ходомъ діалога, правдивостью чувствъ, выразительностью страсти и сюжетъ которой былъ совершенною новостію на греческомъ театрѣ.

Въ первый разъ слышался здѣсь языкъ любви, которымъ никогда не говорила ни муза Эсхила, ни даже муза Софокла: ибо если эта страсть и принимаетъ участіе въ развязкѣ Антигоны, то не имѣетъ никакого значенія для самой піесы или, по крайней мѣрѣ, не проявляется въ ней. Что же касается ревности, такъ хорошо изображенной въ Деянейрѣ[1]), то она представлена тамъ болѣе какъ чувство супруги, считающей оскорбленными свои супружескія права гнуснымъ совмѣстничествомъ любовницы. Почему греческіе трагики дотолѣ изгоняли изъ своихъ произведеній страсть, которая, напротивъ царствовала почти безраздѣльно въ нашихъ произведеніяхъ? Самое разумное и основательное, что было высказано объ этомъ [2]), заключается въ томъ, что согласно нравамъ и строю античнаго общества, любовь какъ явленіе болѣе чувственное, нежели духовное, и не очистившееся еще союзомъ чувствъ болѣе возвышенныхъ, не могла считаться достойною искусства, которое имѣло цѣлію въ своихъ изображеніяхъ въ особенности представлять и выдвигать достоинства нравственныя. Для того, чтобы этому чувству возвыситься до трагедіи, нужно было, чтобы любовь, возбуждаемая непреодолимою силою рока, нарушая обыкновенный порядокъ вещей, вступая въ борьбу съ препятствіями, полагаемыми природою и закономъ, и принося за собою обстоятельства самыя роковыя, выразилась въ характерахъ, внушающихъ состраданіе и ужасъ, что именно соединяетъ въ себѣ страсть, производящая прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, убійство, которую наслалъ гнѣвъ Венеры на Федру.

---

[1]) Въ Трахиніянкахъ.—[2]) В. Шлегель. Сравненіе Федры Расина съ Федрою Еврипида (Парижъ, 1807; перепеч. въ Боннѣ, 1842,—и въ Essais litteraires et historiques Шлегеля (стр. 85 и сл.).

Нужно ли воспроизводить здѣсь эту столь достопамятную сцену [1]), это тѣлесное изнеможеніе, изступленіе чувствъ, волненія души, которыми обнаруживается мучительная борьба, пожирающая Федру; это тягостное признаніе, котораго такъ горячо отъ нея добивались и которое съ такимъ трудомъ было получено послѣ того, какъ страдалица отказывала въ немъ, медлила, приготовляясь къ нему, и наконецъ усиливается заставить высказать ту, кто спрашиваетъ, чтобы не осквернить собственныхъ устъ? Не достаточно ли отослать читателя къ наиболѣе вѣрному толкованію, наиболѣе краснорѣчивому комментарію, къ этой сценѣ, глубокими чертами врѣзанной въ памяти всѣхъ [2]), гдѣ Расинъ съ изящною вѣрностію и съ быстротою движенія, свойственной его генію и обычаямъ нашего театра, передалъ такъ живо поэзію Еврипида, сверхъ того оживленную счастливыми чертами Сафо, Ѳеокрита, Катулла и Вергилія?

На неожиданное признаніе Федры кормилица и хоръ разражаются выраженіями ужаса и состраданія. Царица объясняетъ имъ, что тщетно сопротивляясь своей страсти, хочетъ умереть, чтобы избавиться отъ нея и спасти честь свою и дѣтей своихъ. Тогда кормилица, испуганная ея рѣшеніемъ, мѣняетъ тонъ своей рѣчи и даетъ ей преступные совѣты, строго осуждаемые хоромъ, которому традиціи театра предписывали быть болѣе вѣрнымъ добродѣтели.

Порицались эти совѣты кормилицы. Но живая привязанность, до сихъ поръ оказываемая ею къ той, которую выкормила и спасеніе которой для нея дороже всего на свѣтѣ, дѣлаютъ эти совѣты правдоподобными, несмотря на ихъ безнравственность. Если они кажутся высказанными нѣсколько неожиданно послѣ ея первыхъ запальчивыхъ рѣчей противъ преступныхъ чувствъ, то должно же принять во вниманіе, что эти совѣты отдѣлены довольно продолжительнымъ молчаніемъ, во время котораго она размышляетъ и приходитъ къ своему рѣшенію. Нѣкоторые критики [3]) даже предполагали (хотя, по моему мнѣнію, безъ всякаго основанія), что она на нѣкоторое время уходитъ со сцены и возвращается съ рѣшеніемъ. ободрить Федру въ ея страсти. Впрочемъ нельзя отрицать, что у Расина эти совѣты или другіе подобные имъ, по примѣру Еврипида вложенные въ уста Эноны, лучше подготовлены обстоятельствами, которыя ей внушаютъ смѣлость и могутъ извинить ее ложной вѣстью о смерти Тезея, вѣстью о его возвращеніи, и позже— порывами ревности и жестокаго отчаянія, охватившими ея госпожу, отъ которыхъ она хочетъ ее избавить [4]).

Федра Еврипида сопротивляется настойчиво, и кормилица, отчаявшись побѣдить ея упорство, рѣшается безъ ея согласія послужить ей вопреки ея волѣ. Она предлагаетъ царицѣ, согласно древнему суевѣрію, прибѣгнуть къ волшебнымъ средствамъ, чтобы исцѣлить ее, и подъ этимъ предлогомъ удаляется, несмотря на настоянія несчастной: послѣдняя подозрѣваетъ не безъ основанія, что та хочетъ

1) Ст. 197 и сл.—2) Федра, актъ I, сц. 3-я.—3) Между прочими В. Шлегель.—4) Актъ I, сц. 5; актъ III сц. 3; актъ IV, сц. 6.

открыть ея любовь Ипполиту, и этимъ подозрѣніемъ, высказаннымъ робко, разоблачаетъ сокровенное желаніе своего сердца, быть можетъ тайное согласіе съ этимъ: правдивая черта, достойная удивленія, которая, какъ мнѣ кажется, еще никѣмъ не была отмѣчена [1]).

Черезъ нѣсколько минутъ Федра, остававшаяся въ глубинѣ сцены на своемъ страдальческомъ ложѣ въ смертельномъ сокрушеніи и глубокомъ молчаніи, вдругъ въ испугѣ прерываетъ пѣснь хора, прославляющаго роковое могущество любви. Она услыхала во дворцѣ молящій голосъ кормилицы и гнѣвные возгласы Ипполита; она видитъ себя опозоренной; она видитъ, что погибла, что ей остается одинъ исходъ — внезапная смерть. Вскорѣ появляется Ипполитъ, и несчастная, которую онъ не удостоиваетъ словомъ, принуждена выслушивать его поношенія ей и ея полу. Наконецъ Ипполитъ покидаетъ это жилище, которое является оскверненнымъ, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ него не иначе, какъ вмѣстѣ съ отцомъ, о позорѣ котораго сожалѣетъ онъ и которому онъ разоблачилъ бы его, если бъ данная врасплохъ клятва не связала его языка [2]). Федра не колеблется болѣе; эта женщина, недавно страдавшая и сокрушенная, удивляетъ теперь внезапностію своего рѣшенія и силою своего отчаянія; съ негодованіемъ прогоняетъ она кормилицу, причину ея гибели; заявляетъ, что сама позаботится о своей участи, что нашла средство спасти свое доброе имя и честь дѣтей. Зритель угадываетъ это ужасное средство: Федра, добродѣтельная, не взирая на мятежное чувство и вопреки богамъ, Федра, доселѣ столь достойная уваженія и состраданія, стала бы для зрителя предметомъ отвращенія, если бы бурный и отчаянный порывъ, подвинувшій ее на преступленіе, и отреченіе отъ жизни, не смягчали бы этого чувства. Какъ бы то ни было, поэтъ спѣшитъ удалить ее со сцены и по плану, необыкновенно тонко задуманному при всей простотѣ начертанія, интересъ зрителя, отклоненный отъ нея, всецѣло переносится на ея жертву.

Внутри дворца слышенъ большой шумъ. Царицу нашли повѣсившеюся собственными руками на роковой петлѣ [3]). Смущенные

---

1) Ст. 521.—2) Ст. 608 Объ оговоркѣ, сдѣланной при этомъ Ипполитомъ и, начиная съ Аристофана (Θесмофор., 275; Лягушки 102, 1471) и Платона (Теет., Пиръ), вызвавшей столько упрековъ, въ I т. („Эсхилъ“, стр. 58) Патенъ говоритъ: „Гигіенонъ принесъ на Еврипида судебнымъ порядкомъ обвиненіе въ нечестіи за сентенціозный стихъ его Ипполита:

Клялись уста; душа же не клялась.

Этотъ родъ *мысленной* оговорки, несомнѣнно принадлежитъ, что бы о томъ ни говорилъ Цицеронъ (Off. III, 29), морали очень плохой. Но Ипполитъ, у котораго она срывается въ минуту нетерпѣливаго порыва противъ докучныхъ просьбъ, самъ опровергаетъ себя въ концѣ піесы, поплатившись жизнью ради соблюденія клятвы. Этотъ стихъ Еврипида припомнилъ и Овидій, вложивъ въ уста Кидиппы (Heroid. XXI, 137):

Quae jurat mens est; nil conjuravimus illa;
Illa fidem dictis addere sola potest.

(т. е.: клянется умъ; въ умѣ я не дала никакой клятвы; одинъ онъ можетъ сообщить клятвѣ неизмѣнность»).

3) Ст. 776 и сл.

голоса обращаются другъ къ другу, отвѣчаютъ и зовутъ на помощь. Женщины, составляющія хоръ, взволнованныя, сокрушенныя, колеблются войти—черта наивная, взятая изъ сцены Эсхилова Агамемнона [1]). Вдругъ слышно распоряженіе раба положить и покрыть тѣло Федры; зритель узнаетъ, что она умерла. Въ самый моментъ этой тревоги и этого ужаса поэтъ вводитъ Тезея. Онъ возвращается изъ священнаго странствованія, которое онъ предпринялъ съ цѣлью вопросить оракула. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, на голову его надѣтъ вѣнокъ изъ листьевъ. Этотъ праздничный беззаботный видъ долженъ былъ производить поразительный контрастъ съ тревогою и ужасомъ, царящими на сценѣ.

Тезей изумляется и тревожно освѣдомляется о причинѣ ихъ; съ быстротою мысленно пробѣгаетъ онъ рядъ различныхъ бѣдствій, которыя могли бы поразить его, прежде нежели приходить къ дѣйствительному несчастію, которое наконецъ открываетъ ему хоръ: черта, хорошо задуманная и вмѣстѣ исполненная правды. По его приказанію дворецъ открывается, и взорамъ зрителей представляется безжизненный трупъ Федры. Тезей сбрасываетъ съ себя вѣнокъ и предается скорби, для которой патетическій геній Еврипида умѣлъ найти выраженіе, въ высшей степени живое и проникающее въ душу зрителя; наконецъ, въ охладѣвшихъ и окоченѣвшихъ рукахъ своей жены онъ замѣчаетъ дощечки. Онъ беретъ ихъ и, предполагая, что на нихъ написана просьба къ нему, чтобы онъ оставался вѣренъ супружеству и не далъ ея дѣтямъ мачехи, уже заранѣе обѣщается исполнить послѣднюю волю супруги и матери съ готовностью въ высшей степени трогательною—и все это въ ту минуту, когда эта жена, столь имъ любимая и оплакиваемая, должна обмануть его жестокой клеветою [2]).

Когда бросаешь взглядъ на произведенія Грековъ въ ихъ цѣломъ, то поражаешься ихъ чрезвычайною простотою; когда же всмотришься въ ихъ подробности, то изумляешься удивительному богатству изобрѣтенія. Трагедія, разсматриваемая нами, состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ сценъ, но какое въ этихъ сценахъ разнообразіе положеній и чувствованій!

Дощечки, взятыя Тезеемъ и поспѣшно имъ прочитанныя, обвиняютъ Ипполита въ томъ, что онъ посягнулъ на отцовское ложе. При этомъ ужасномъ обвиненіи, которое, какъ неопровержимое свидѣтельство, подтверждаетъ смерть обвинительницы, несчастный отецъ, въ порывѣ негодованія, взываетъ, какъ и въ нашей трагедіи, къ Нептуну съ мольбою, чтобы онъ исполнилъ данное ему нѣкогда обѣщаніе, и ввѣряетъ своего сына его ударамъ.

Хоръ присутствуетъ при этомъ проклятіи, послѣдствія котораго, по вѣрованію Грековъ, были неотвратимы. Онъ пытается умилостивить Тезея, но не можетъ образумить его, будучи связанъ клятвою [3]). Вѣрность клятвѣ, столь роковая для невиннаго Ипполита, не менѣе поразительна, нежели было ранѣе довѣріе Федры. Не воспро-

1) Ст. 1320 и сл.— 2) Ст. 786 и сл.—3) Ст. 889 и сл.

изводя здѣсь ея основаній, хотя остроумныхъ, но слишкомъ замысловатыхъ, которыя неоднократно старались придумывать, полагаю, что будетъ достаточно указать основаніе истинное. Это не что иное, какъ искусственный характеръ хора, часто проявляющійся въ ущербъ правдоподобію, но который былъ неизбѣжнымъ условіемъ постояннаго его присутствія на сценѣ. Слѣдовало или отказаться отъ большей части сюжетовъ, требовавшихъ нѣкоторой таинственности, или сохранить этому неизбѣжному свидѣтелю дѣйствія условную скромность, утвердившуюся сценической традиціей, которую Горацій возвелъ въ законъ драматическаго искусства [1]).

Превосходно драматическое положеніе, которое сводитъ (у трупа Федры) Тезея съ Ипполитомъ [2]). Оно повторяется у Расина, хотя, можетъ быть, оно тамъ менѣе живо и поразительно [3]). Здѣсь юный царевичъ еще не видѣлся съ отцомъ; въ ту самую минуту, когда онъ впервые приходитъ броситься въ его объятія, разражается надъ нимъ, какъ молнія, ударъ отчаго гнѣва. При видѣ этого ужаснаго свиданія, такъ искусно приготовленнаго, такъ хорошо проведеннаго, окруженнаго такою печальной обстановкой, какія ожиданія должны были возбуждаться въ сердцахъ зрителей!

Было бы слишкомъ долго сравнивать во всѣхъ подробностяхъ греческую сцену съ французскою. Эта параллель, къ тому же, постоянно показывала бы намъ различіе генія обоихъ поэтовъ, особенно же обоихъ театровъ: у того и другого, конечно, равная правдивость, равное краснорѣчіе; но у поэта греческаго болѣе развитія и даже замедленія; у французскаго — болѣе быстроты и движенія; у перваго — печаль болѣе сдержанная, у второго — гнѣвъ, болѣе сильный.

Тезей въ нашей трагедіи начинаетъ свою роль сильно и запальчиво: онъ изумляется тому, что сынъ осмѣлился явиться къ нему на глаза; онъ грозится убить его собственною рукою; изгоняетъ его и предаетъ неотвратимому мщенію, котораго ожидаетъ отъ Нептуна.

Въ греческой трагедіи онъ замедляетъ темными угрожающими намеками ожиданіе и тревогу Ипполита, онъ издѣвается горькими насмѣшками надъ его ложной добродѣтелью; съ самодовольствомъ упрекаетъ онъ сына въ преступленіи; прежде, чѣмъ произнести приговоръ объ изгнаніи, онъ заранѣе опровергаетъ всѣ доводы, которые можетъ высказать сынъ въ свою защиту.

Это предвзятое опроверженіе, встрѣчающееся у обоихъ поэтовъ и очень естественное, быть можетъ, лучше примѣнено Расиномъ, послѣ перваго оправданія Ипполита, которое Тезей спѣшитъ прервать въ порывѣ своей ярости.

Переходя отъ этой части сцены, наполненной гнѣвомъ Тезея, къ слѣдующей, гдѣ развивается оправданіе Ипполита, мы будемъ поражены такимъ же различіемъ обоихъ произведеній.

Греческій Ипполитъ, выслушавшій отъ своего отца болѣе спо-

---

[1]) Ille tegat commissa (Ad Pison., ст. 200).—[2]) Ст. 900 и сл.—[3]) Актъ IV, сц. 2.

койное выраженіе гнѣва, быть можетъ, злоупотребляетъ при этомъ заученными приготовленіями, декламаторскими разсужденіями, отъ которыхъ французскій Ипполитъ основательно воздерживается. Впрочемъ у обоихъ почти однѣ и тѣ же идеи: ужасъ передъ преступленіемъ, которое на нихъ взводятъ, напоминаніе о всѣмъ извѣстной безпорочности, торжественная клятва, отказъ объяснить ужасную истину, здѣсь — изъ уваженія къ святости клятвы, тамъ — изъ болѣе благороднаго побужденія пощадить честь отца. Въ общемъ нашъ Ипполитъ своимъ скромнымъ языкомъ, своей покорностію, уваженіемъ къ отцу проявляетъ изящество, болѣе утонченное, нежели Ипполитъ древній, который отличается непосредственностію и суровостію природы болѣе грубой. Если эта противоположность сначала заставляетъ отдать предпочтеніе Расину, то Еврипидъ тотчасъ похищаетъ его съ той поры, какъ холодное упоминаніе объ Арисіи является на нашей сценѣ расхолодить все неумѣстнымъ внесеніемъ второстепеннаго интереса. Ипполитъ Расина, выслушивающій упрекъ за ложное оправданіе себя, постыдно прогнанный, удаляющійся, почти ничего не отвѣчая, съ печалью и почтеніемъ слишкомъ спокойными въ виду угрозъ отца, далѣе не выдерживаетъ сравненія съ греческимъ Ипполитомъ, который къ своему живому протесту, къ страстной своей скорби, присоединяетъ порывъ уязвленной гордости, отвергаетъ движеніемъ руки и голосомъ дерзкихъ рабовъ, готовыхъ увести его насильно по приказу Тезея; который покидаетъ сцену лишь послѣ всѣхъ, торжественно заявивъ о своей невинности и пославъ трогательное прощаніе родному городу, окруженный друзьями, которые толпою слѣдуютъ за нимъ и свидѣтельствуютъ своею скорбію о его гонимой добродѣтели. Такимъ образомъ греческій Ипполитъ представляетъ преимущество, которое мы рѣдко уступаемъ древнимъ — удаленіе со сцены болѣе сценичное.

Не разъ уже имѣли мы случай замѣтить, что какъ ни правильны были драматическія сочиненія Грековъ, въ нихъ однакожe не высчитывалась продолжительность времени изображаемыхъ дѣйствій съ строгою точностію, какъ обыкновенно то предполагаютъ. Только довольно короткая лирическая интермедія, въ которой поэтически прославляется роковая участь Ипполита, отдѣляетъ его отправленіе отъ извѣщенія о его смерти [1]).

Ни въ чемъ наша трагедія не отличается такъ отъ древней, какъ въ подобныхъ разсказахъ, посредствомъ которыхъ и въ греческомъ и во французскомъ театрѣ почти всегда объясняется развязка піесы.

Греки, которые особенно заботились о правдоподобіи, не упускали случая внести въ нихъ какое-нибудь наивное обстоятельство, изображающее чаще всего общественное положеніе разсказчика, по большей части низкое — что выражается особенно въ той манерѣ, съ которою онъ высказываетъ свою скорбь о сообщаемомъ. Сверхъ того ихъ разсказчики охотно распространяются въ подробностяхъ и

1) Ст. 1100—1140.

прежде всего стараются показать, что ихъ свидѣтельство правдиво. Впечатлѣніе отъ разсказа на зрителей составляетъ уже заботу второстепенную: смотря по природѣ событія и по возбужденію свидѣтеля, повѣствованіе, обыкновенно свободное и простое, порою возвышается до краснорѣчія и поэзіи, соединяя такимъ образомъ, какъ требуетъ того драматическая иллюзія, реальное съ идеальнымъ.

Не совсѣмъ такъ у насъ. Этого правдоподобія, касающагося лица разсказчика, чаще всего лишены наши разсказы. Наперсники, на которыхъ мы почти исключительно возлагаемъ эту обязанность, живутъ слишкомъ мало индивидуальной жизнію, имѣютъ характеры слишкомъ безличные, чтобы проявлять себя въ своихъ рѣчахъ. Что дò правдивости въ изображеніи подробностей, то она никогда не бываетъ нашимъ главнымъ предметомъ, и главную нашу заботу составляетъ поэтическое впечатлѣніе отъ разсказа.

Отсюда проистекаетъ, что на нашихъ театрахъ разсказы являются показными мѣстами піесы, которыя менѣе принадлежатъ ея содержанію, нежели автору, и которыя удобно извлекаются изъ піесы въ хрестоматіи, гдѣ щеголяютъ своею пышностію и изяществомъ. Рѣзкое различіе представляютъ въ этомъ разсказы Грековъ; ихъ разсказы выигрываютъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, и очень теряютъ, будучи оттуда вырваны.

Это различіе замѣтно въ обоихъ разсказахъ о смерти Ипполита у Еврипида [1]) и у Расина [2]).

У Еврипида разсказчикъ, котораго Брюмуа обратилъ также въ офицера,—одинъ изъ рабовъ, и именно изъ низшихъ рабовъ героя [3]). Онъ добродушно сообщаетъ намъ, что въ минуту отправленія онъ находился на берегу моря, занятый чисткою лошадей. Образъ жизни этого лица обнаруживается во всемъ, чтò онъ разсказываетъ: подробностями относительно его службы, о которыхъ онъ заботливо упоминаетъ и о которыхъ умолчалъ бы всякій другой. Онъ разсказываетъ, какъ Ипполитъ взошелъ на колесницу, какъ взялъ возжи и какъ держалъ бичъ; онъ входитъ въ мелкія подробности объ усиліяхъ Ипполита остановить коней и избѣжать паденія. Отношенія, связывающія его съ Ипполитомъ, опредѣлены трогательно выраженіями привязанности къ нему, усердной преданности, стараніемъ выдвинуть все то, чтò привлекло бы къ нему участіе, все, что можетъ убѣдить въ его невинности, въ которой самъ онъ не сомнѣвается и о которой свидѣтельствуетъ онъ передъ Тезеемъ въ слѣдующихъ простодушныхъ словахъ:

О царь! хотя я рабъ чертога твоего,
Но никогда не въ силахъ буду я повѣрить
Лишь одному тому, что твой порочень сынъ.
Хотя бъ повѣсилось все женщинъ поколѣнье,
Хотя бъ на Идѣ сосны исписали всѣ,
Остался бъ я увѣренъ въ томъ, что онъ невиненъ [4]).

---

[1]) Ст. 1163 и сл. — [2]) Актъ V, сц. 6. — [3]) Галеви (Grèce tragique, 1846), высказалъ предположеніе, что этотъ разсказчикъ у Еврипида, можетъ быть, тотъ самый рабъ, который въ началѣ піесы даетъ своему юному господину совѣты, дабы предупредить печальный конецъ.—[4]) Ст. 1239—1244.

Но это еще не все. Этотъ разсказчикъ, который не столько желаетъ вызвать удивленіе, сколько передать дѣло, какъ оно совершилось, и движимый чувствомъ преданности, входитъ въ мелочное описаніе множества обстоятельствъ.

Это не мѣшаетъ въ изображеніи такого необыкновеннаго и печальнаго событія этому честному человѣку, охваченному волненіемъ, достигнуть, какъ сказано было выше, поэзіи и краснорѣчія.

Не очевидно ли, что разсказъ Терамена, сочиненный подъ вліяніемъ этого образца, имѣетъ совершенно иной смыслъ? Онъ приличенъ Терамену не болѣе, какъ и всякому другому разсказчику, и потому всѣ техническія и мѣстныя подробности, о которыхъ мы говорили, исчезли въ немъ, чтобы дать мѣсто подробностямъ болѣе сбщимъ и болѣе возвышеннымъ. Это – отрывокъ необыкновенно поэтическій, но котораго драматическая пригодность, несмотря на то, была и еще часто будетъ оспариваема [1]).

Я сокращу эти распространенія, предоставляя окончить ихъ и пополнить памяти моихъ читателей—и поспѣшу перейти къ концу моего разбора. Трагедія, оконченная для Расина, еще не окончена для Еврипида. Представивъ взорамъ зрителей печальное зрѣлище безпорочности, угнетенной судьбою, онъ хочетъ, какъ было сказано выше, доставить ему нравственное вознагражденіе. Онъ возвращаетъ на сцену умирающаго Ипполита для того, чтобы примирить его съ отцомъ, наконецъ выведеннымъ изъ заблужденія. Имѣлъ ли Еврипидъ основаніе для такого окончанія своей трагедіи? Этого нельзя предположить, если признать справедливость слѣдующаго мѣста изъ критики Луи Расина [2]):

.....„Я нахожу, что Тезей достаточно несчастливъ, чтобы не заставлять его еще быть свидѣтелемъ горя и послѣднихъ воплей своего сына, и что это окровавленное тѣло не должно было бы являться взорамъ зрителя, уже достаточно растроганнаго разсказомъ объ испытанныхъ Ипполитомъ мученіяхъ“.—

и приговора, въ которомъ Ла-Гарпъ [3]) повторяетъ то же въ слѣдующихъ словахъ:

„На сцену вносятъ умирающаго Ипполита, который для того, чтобы сдѣлать своего отца окончательно гнуснымъ, прощаетъ ему свою смерть; это значитъ безполезно удлинить піесу, прибавивъ еще одинъ недостатокъ“.

Легко судить, хорошо ли поняли Луи Расинъ и Ла-Гарпъ смыслъ этой сцены [4]), по слѣдующему, почти подстрочному ея переводу.

---

[1]) См. Фенелона: Lettre à l'Academie française; Ла-Моттъ: Discours sur la Poésie en général et sur l'Ode en particulier; Буало: XI-e Réflexion critique sur Longin; Луи Расинъ: Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, т. VIII, стр. 300; Comparaison de l'Hyppolite d'Euripide avec la tragédie de Racine sur le même sujet; д'Оливе: Remarques de grammaire sur Racine, etc., сводъ этой полемики въ Histoire du théâtre-Francais, т. XII, стр. 1 и сл.; Dixionnaire philosophique Вольтера, статья: Amplification, замѣчанія различныхъ комментаторовъ Расина и въ особенности Ла-Гарпа въ его Commentaire и въ его Lycée.—См. ниже подробнѣе въ статьѣ Менара.—[2]) Comparaison etc.—[3]) Lycée.—[4]) Замѣчательно, что тогда какъ они осуждаютъ ее, какъ некстати умножающую тяжелое впечатлѣніе трагедіи, знаменитый нѣмецкій критикъ Бёхъ (Boech, Graec. trag. prin-

Діана, явившаяся высказать Тезею упрекъ за его слѣпой гнѣвъ и жестокую поспѣшность и разоблачившая ему невинность его сына, послѣ нѣсколькихъ утѣшительныхъ словъ этому несчастному отцу, обращается съ слѣдующими словами къ Ипполиту, принесенному при послѣднемъ издыханіи на сцену рабами:

Несчастный! Какое бѣдствіе тебя постигло! Благородство твое погубило тебя.

Ипполитъ.

О благоуханіе божества! Хотя я во власти страданій, но почувствовалъ твое присутствіе и получилъ облегченіе. Здѣсь богиня Артемида [1]).

Артемида.

Да, несчастный,—богиня, больше всѣхъ возлюбившая тебя.

Ипполитъ.

Владычица, видишь ли ты, какъ я страдаю?

Артемида.

Да, вижу. Но мнѣ воспрещены слезы.

Ипполитъ.

Нѣтъ болѣе твоего охотника, твоего вѣрнаго слуги.

Артемида.

Нѣтъ его болѣе. Погибаешь ты, столь любимый мною.

Ипполитъ.

Нѣтъ и возницы, и блюстителя твоихъ изображеній.

Артемида.

Это замыселъ коварной Киприды.

Ипполитъ.

О, узнаю я, наконецъ., богиню преслѣдующую меня.

Артемида.

Она была уязвлена твоимъ презрѣніемъ; ей была ненавистна твоя нравственная чистота.

Ипполитъ.

Она одна погубила насъ всѣхъ троихъ.

Артемида.

Всѣхъ васъ: тебя, твоего отца и его супругу.

Ипполитъ.

И бѣдствіе отца оплакиваю я.

сір. XIX), напротивъ, порицаетъ ее за то, что онъ называетъ счастливою развязкою, въ слѣдующей довольно строгой оцѣнкѣ произведенія, возбуждающаго такое удивленіе..... „Victoriam Athenis meruit, licet longe inferior multis aliis Euripidis fabulis; sed ipsa vitia, sententiae imprimis immodice cumulatae, et fortasse faustus fabulae exitus judicum animos videntur movisse, nisi aemulorum Iophontis et Ionis etiam minus bonae tragoediae fuerunt"—т. е.: „(Ипполитъ Еврипида) увѣнчался побѣдой въ Аѳинахъ, хотя и далеко уступалъ многимъ другимъ трагедіямъ Еврипида; но кажется, самые недостатки, въ особенности неумѣренно нагроможденныя сентенціи и, можетъ быть, счастливый исходъ фабулы подѣйствовали на души судей,—если даже не менѣе хороши были трагедіи соперниковъ—Іофонта и Іона.

[1]) Во II т. своихъ этюдовъ (Sophocle, стр. 10) Патенъ, допуская, что хотя во многихъ древне-греческихъ трагедіяхъ божества, давая о себѣ знать дѣйствующимъ лицамъ благоуханіемъ или голосомъ, остаются имъ невидимы, будучи видимы только зрителямъ, тѣмъ не менѣе предполагаетъ, что зрители едва ли могли допустить это и вѣроятнѣе считали ихъ видимыми и дѣйствующимъ лицамъ.

Артемида.

Онъ былъ введенъ въ обманъ по волѣ боговъ.

Ипполитъ.

О отецъ! какъ ты несчастливъ въ бѣдствіи своемъ!

Это трогательное обращеніе выводитъ Тезея изъ смертельнаго унынія, въ которое погрузилъ его видъ страданій Ипполита и разоблаченіе его невинности. Скорбно восклицаетъ онъ:

Погибъ я, сынъ мой! Жизнь для меня не имѣетъ болѣе цѣны!

Ипполитъ.

Я оплакиваю болѣе тебя, отецъ мой, и твое роковое заблужденіе, нежели себя.

Тезей.

О, если бы я могъ умереть вмѣсто тебя, сынъ мой!

Ипполитъ.

О, какъ горьки дары твоего отца, Поссейдона!

Тезей.

О, если бъ никогда не молилъ я о нихъ устами моими!

Ипполитъ.

Что же? быть можетъ, въ гнѣвѣ ты убилъ бы меня собственною своею рукою.

Тезей.

Да, боги помрачили мой разумъ.

Ипполитъ.

О, если бы смертные могли проклинать боговъ! 1)

Здѣсь вновь выступаетъ съ своимъ словомъ Діана, чтобы остановить эту невольную запальчивость благочестиваго Ипполита. Замѣтимъ мимоходомъ, какъ искусно введена она въ діалогъ, равно какъ и Тезей въ указанной выше сценѣ. Она обѣщаетъ отомстить за Ипполита[2]) на смертномъ, который наиболѣе милъ Венерѣ. Артемида предсказываетъ ему тѣ почести, которыя ему будутъ воздавать въ Трезенѣ, гдѣ умираетъ онъ теперь. Культъ, обѣщанный Ипполиту богинею, не есть вымыселъ поэта; онъ дѣйствительно совершался въ Трезенѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Павсаній[3]). Греки, почерпавшіе свои трагедіи изъ баснословныхъ преданій своей исторіи, охотно переносили туда начала мѣстныхъ обычаевъ. Легко понять, сколько правдоподобнаго прибавляла такая смѣсь вымысла съ реальнымъ.

Слова, которыми Діана утѣшаетъ послѣднія мгновенія Ипполита,

1) Ст. 380 1406. — 2) Такое же обѣщаніе дается ею или ея именемъ умирающей Камиллѣ въ Энеидѣ (XI, 845):

Non tamen indecorem tua te regina reliquit
Extrema jam in morte: neque hoc sine nomine letum
Per gentes erit, aut famam patieris inultae.

(т. е.: Однако твоя царица не оставила тебя безславною уже при послѣднемъ издыханіи, и твоя смерть не останется неизвѣстною въ народахъ, и ты не потерпишь славу неотмщенной).

3) Corinth. XXXII. Ср. Лукіана de Dea Syria (LXX), Діодора Сиц. (IV, 62) и т. д.

въ подлинникѣ отличаются восхитительной граціей и гармоніей: кажется, слышишь дѣйствительно небесный голосъ божества:

„Передъ свадьбою невинныя дѣвы въ даръ тебѣ будутъ приносить пряди своихъ волосъ и въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ платить дань горькими слезами. Никогда не умолкнутъ въ честь тебя печальныя пѣсни дѣвъ; любовь „Федры къ тебѣ въ безмолвіи не заглохнетъ безвѣстной. (Тезею) Ты, сынъ „престарѣлаго Эгея, прими въ объятія свое дитя и привлеки его къ себѣ на грудь. „Ты погубилъ его невольно. Людямъ свойственно впадать въ ошибки по волѣ „божества. (Ипполиту) Тебѣ же, Ипполитъ, совѣтую простить отца: жребій „судилъ тебѣ погибнуть такъ. Прощай: мнѣ нельзя видѣть усопшихъ и осквернять свой взоръ, глядя, какъ умирающіе испускаютъ духъ. А ты—вижу я—близокъ къ этому концу“ [1]).

Это удаленіе богини объясняется той же причиной, по которой въ Иліадѣ [2]) Аполлонъ покидаетъ Гектора, когда судьба положила ему свой приговоръ и онъ готовъ умереть, и которая въ Энеидѣ [3]) не дозволяетъ Юнонѣ присутствовать при послѣднемъ единоборствѣ, при послѣднихъ минутахъ Турна.

Ипполитъ.

„Прими и отъ меня прощальный привѣтъ, блаженная дѣва!... Иди, легко разставшись съ долгой дружбою моею. Я примирюсь съ отцомъ—ты хочешь этого, а твоя воля была всегда для меня священной. Увы! мракъ покрываетъ мои очи!... Отецъ, возьми меня и положи мое тѣло прямѣе.

Тезей.

Сынъ мой! чтó ты дѣлаешь со мной несчастнымъ?

Ипполитъ.

Я умираю. Я вижу уже дверь въ подземный міръ.

Тезей.

И ты оставилъ грѣхъ на душѣ моей?

Ипполитъ.

Нѣтъ, я прощаю тебѣ это убійство.

Тезей.

Что говоришь? Ты смываешь съ меня кровь свою?

Ипполитъ.

Да; клянусь въ томъ разящею стрѣлами Артемидой.

Тезей.

Дорогой мой! Какъ ты великодушенъ къ отцу своему!

Ипполитъ.

Прощай и ты, отецъ! Будь счастливъ много разъ.

Тезей.

О, какъ благочестивъ и чистъ ты душою!

Ипполитъ.

Желаю, чтобы ты нашелъ такими же законныхъ дѣтей своихъ.

Тезей.

Не покидай меня еще, дитя мое. Соберись съ силами.

---

[1]) Ст. 1416—1430.—[2]) XXII, 213.—[3]) XII, 151. Ср. ibid. Servius; Stat., Theb., VII, 789.

Ипполитъ.

Силы оставили меня, отецъ: я умираю. Накрой скорѣй лицо мое одеждой.

Тезей.

Аѳины славныя, страна Паллады! какого мужа лишились вы! Не разъ вспомню я о твоихъ козняхъ, Афродита" [1]).

Этой сценой, необыкновенно трогательной, кончается піеса Еврипида. Такъ въ греческой трагедіи къ ужасу катастрофъ присоединялись впечатлѣнія трогательныя; такъ античная Мельпомена сама исцѣляла рану, наносимую ея кинжаломъ. Если наши чувства сначала возмущаются жестокими законами Рока, который угнетаетъ и сокрушаетъ невинныхъ, зато они постепенно успокоиваются при видѣ этого отца, обвиняющаго себя и молящаго о прощеніи, и этого сына, который забываетъ о себѣ самомъ, оплакивая своего гонителя и прощая его, и при видѣ этого дружескаго божества, пекущагося объ ихъ примиреніи. Въ какомъ благородномъ и божественномъ видѣ поэтъ представляетъ намъ Діану! Какое нѣжное состраданіе и, въ то же время, какая небесная ясность! Какою утѣшительною прелестью дышатъ ея слова, которыя успокоиваютъ душевную скорбь; какъ одно ея присутствіе облегчаетъ тѣлесныя страданія и отсрочиваетъ приближеніе смерти! Это не одинъ изъ тѣхъ холодныхъ истукановъ, которыхъ часто спускаетъ Еврипидъ на землю съ небесъ своего театра, и которые разлучались съ землею только искусствомъ машиниста. Въ ней сразу узнаемъ мы безсмертную обитательницу Олимпа, и зритель готовъ воскликнуть, какъ Ипполитъ: „О небесное благоуханіе!" Здѣсь греческую сцену еще оживляетъ божественное вдохновеніе Софокла.

Такова эта трагедія, столь прекрасная, что колеблешься сказать о той трагедіи, которую она породила, словами Горація: O matre pulchra filia pulchrior! Мнѣ остается въ слѣдующей главѣ опровергнуть страстныя нападенія, которыя послѣдовательно направлялись на оба шедёвра—Еврипидовъ и Расиновъ; показать, что каждое изъ этихъ произведеній, во имя котораго порицали другое, имѣетъ свой особый сюжетъ, свою оригинальность; что если они различаются, какъ это можно было уже видѣть, подробностями, характеромъ сочиненія и выборомъ изображаемыхъ въ нихъ нравовъ, то не менѣе различаются они главнымъ замысломъ; что на основѣ, данной Еврипидомъ, и по нѣкоторымъ указаніямъ Сенеки Расинъ, возбужденный зрѣлищемъ нравовъ своего времени, въ особенности вдохновленный идеями христіанскими, сумѣлъ создать произведеніе, которое не принадлежитъ Греціи и которое вполнѣ принадлежитъ нашему театру. Къ этимъ двумъ обработкамъ общаго сюжета, на которыхъ я долженъ въ особенности остановиться, я присоединю обозрѣніе піесъ древнихъ и новыхъ, въ которыхъ были обработаны столько разъ, съ различнымъ успѣхомъ, сюжетъ Ипполита и нѣкоторые другіе сюжеты, аналогичные съ нимъ; я предпошлю имъ

---

[1]) См. 1431—1452.—[2]) За этой сценою слѣдуетъ нѣсколько стиховъ заключительнаго хора (Перев.).

нѣкоторыя необходимыя подробности, которыя еще не были высказаны, объ исторіи созданія и представленія Еврипидова Ипполита [1),

---

2. «Ипполиты» Еврипида и «Федра» Расина.

На драматическихъ состязаніяхъ въ Аѳинахъ трагедіи, уже представленныя прежде, иногда воспроизводились вновь, частію самими авторами, частію ихъ наслѣдниками, учениками и друзьями съ перемѣнами, которыя придавали имъ видъ новизны и дѣлали ихъ болѣе достойными общаго признанія публики. То же было и съ Ипполитомъ, который, какъ извѣстно, два раза являлся на состязаніе и получилъ награду только во вторичной передѣлкѣ, послѣ исправленій, которыя были указаны Еврипиду неудовлетворительнымъ успѣхомъ первой редакціи [2]). Отсюда—два Ипполита, извѣстные въ древности, которые различались, быть можетъ по обычаю, присоединеніемъ къ заглавію словъ: первый и второй [3]); а можетъ быть—какъ можно предполагать, судя по выраженіямъ въ нѣкоторыхъ цитатахъ [4]), названіемъ одной изъ этихъ піесъ [5]) именемъ Федры; но сверхъ того—что́ уже несомнѣнно — двумя особыми обозначеніями: Ипполитъ покрытый [6]) и Ипполитъ съ вѣнкомъ [7]). Кто далъ эти названія: самъ ли Еврипидъ или грамматики—неизвѣстно. Неизвѣстно также, что́ они означаютъ. Одни, принимая ихъ въ метафорическомъ смыслѣ и, какъ мнѣ, кажется слишкомъ хитро—видятъ въ нихъ указаніе на различный успѣхъ обоихъ Ипполитовъ, такъ какъ второй изъ нихъ блескомъ своего увѣнчанія затмилъ, какъ бы „покрылъ“, перваго [8]); другіе въ своихъ объясненіяхъ держались болѣе буквальнаго толкованія: по ихъ соображенію [9]), Ипполитъ съ вѣнкомъ означалъ просто героя, который, пренебрегая Венерой, приноситъ въ даръ Діанѣ красивый вѣнокъ, описанный поэтомъ [10]); а Ипполитъ покрытый—то [11]) несчастнаго сына Тезеева, принесенаго уже мерт-

---

1) Въ началѣ нынѣшняго года (1863) Аѳины и, можетъ быть, театръ Вакха, недавно возвращенный къ жизни, увидѣли вновь произведеніе Еврипида, но, къ славѣ Расина, въ формѣ новой, сообщенной ему нашимъ поэтомъ. Замѣчательная трагическая актриса г-жа Ристори представила тамъ при большомъ стеченіи публики и возбуждая живой восторгъ, Федру въ итальянскомъ переводѣ. Вскорѣ происходило подобное же представленіе Медеи Эрнеста Легуве—и вновь воскресила память объ Еврипидѣ.—2) Argum. Hippol. Ср. Бентлея, Epist. ad J. Mill.; Гартунга Eurip. restitut, 1843, т. I, ст. 41 и сл., 419 и сл. Этотъ послѣдній критикъ полагаетъ, что Еврипидъ имѣлъ намѣреніе не исправить первое произведеніе, но сочинить на тотъ же сюжетъ новое, совсѣмъ отъ него отличное.—3) Валькенеръ. Praefat. ad Hippol.—4) Лукіана (Adv. indoct.), Евстафія (in Iliad. VI и VII), Стобея (въ различныхъ мѣстахъ). Присціанъ упоминаетъ также о Федрѣ Сенеки.—5) Валькенеръ, ibid.; Diatr. in Eurip. fragm., гл. II.—6) J. Poll., IX, 50; схол. Теокрит. II, 10.—7) Argum. Hippol., Гезих., см. Ἀνασειράζων; Присціанъ и т. д.—8) Валькенеръ (ibid.); Брюмуа и т. д.—9) Барнесъ, Мерклендъ, Бентлей, Прево, Монкъ и др.—10) Ст. 72 и сл.—11) Musgrave, Brunck., и т. д.

вымъ къ отцу и, по обычаю [1]), покрытаго пеленою, то цѣломудреннаго пасынка Федры, смутившагося ея признаніемъ въ любви и отъ стыда закрывшаго лицо свое [2]). Эти частныя толкованія основаны на довольно общемъ мнѣніи, которое составили себѣ критики [3]) о первоначальномъ планѣ Еврипида, потомъ, такъ какъ онъ оскорбилъ своихъ зрителей, измѣненнаго авторомъ; они почти всѣ сходятся въ предположеніи, что Еврипидъ сначала, доводя страсть Федры до послѣдней степени, съ той смѣлостію, которая не была одобрена, заставляетъ Федру собственными устами признаться въ своей страсти. Это они заключаютъ на основаніи двухъ отрывковъ, которые можно озаглавить именами Федры и Ипполита.

Федра.

Чтобы научиться не бояться ничего, чтобы рѣшиться на все, у меня есть наставникъ, богатый всѣми средствами, нужными для побѣды надъ трудностями жизни: Эросъ, богъ, которому менѣе всего возможно противиться [4]).

Ипполитъ.

О, священная стыдливость, если бы ты, всегда присущая сердцу смертныхъ, охраняла ихъ отъ безстыднаго нарушенія своихъ законовъ [5])!

Предполагаютъ также, что въ первомъ Ипполитѣ Тезей не былъ представленъ, какъ во второмъ, возвращающимся изъ странствія съ цѣлію вопросить оракула, но что онъ являлся вырвавшимся изъ ада, куда его съ Пиритоемъ привела настолько же нечестивая, насколько и смѣлая предпріимчивость—что̀ дѣлало Тезея менѣе привлекательнымъ. Этимъ объясняется слѣдующее воззваніе отрывка:

Тезей.

О блистательный эѳиръ, чистый свѣтъ дня! какъ нѣженъ твой видъ и въ минуту счастія, и даже тогда, когда испытываешь несчастіе, какъ я теперь [6])!

Наконецъ изъ одного мѣста у Плутарха [7]), гдѣ сказано, что у Еврипида Федра упрекаетъ Тезея въ томъ, что онъ самъ, будучи виновенъ передъ нею, далъ ей поводъ полюбить Ипполита, можно было вывести, что въ первой трагедіи развязка состояла не въ добровольной смерти Федры и ея письмѣ, оклеветавшемъ Ипполита, какъ мы видимъ во второй трагедіи; что при развязкѣ піесы Федра являлась сама къ Тезею и, быть можетъ, надъ окровавленнымъ трупомъ Ипполита, чтобъ возстановить невиновность несчастнаго. Если бы всѣ эти догадки были основательны, то слѣдовало бы въ то же время допустить—что̀ многимъ казалось правдоподобнымъ и знаменательнымъ — что изъ Ипполита покрытаго извлечены важнѣйшія положенія трагедіи Сенеки.

Ипполитъ съ вѣнкомъ былъ представленъ на четвертый

---

[1]) См. Hippol. ст. 1449. Ср. ib. 250 и сл.; Troad., 635; Софокла Аяксъ, 913 и сл.—[2]) Toup in Theocr. II, 10. — [3]) Мюсгрэвъ, Валькенеръ, Брункъ, Прево, Маттіэ и др.; см. Гартунга, ibid., стр. 41 и сл.; Ф. Г. Вагнера, Eurip. fragm., изд. Ф. Дидо, 1846, стр. 720 и сл.; Наука Трag. graec. fragm. 1856, стр. 390 и сл.—[4]) Fragm., VI.—[5]) Fragm., III.—[6]) Fragm, XII.—[7]) De audiend. poët., VIII.

годъ LXXXVII олимпіады [1]), въ годъ смерти Перикла, и одинъ критикъ, мало благосклонный къ этому произведенію [2]), предполагалъ, что должно приписать пріемъ, сдѣланный трагедіи публикою, отчасти тому отношенію, которое она получила къ событію, занимавшему умы всѣхъ, тѣмъ заключеніемъ піесы, которымъ, по мнѣнію этого критика, замѣнилъ поэтъ въ виду этого сближенія, другое, лучшее заключеніе, которымъ оканчивался Ипполитъ покрытый [3]):

Тезей.

Аѳины славныя, страна Паллады! какого мужа лишились вы! Не разъ вспомню я о твоихъ козняхъ, Афродита!

Хоръ.

Это нежданное горе раздѣляютъ всѣ граждане; прольется много слезъ; скорбь о гибели великихъ мужей все глубже западаетъ въ сердца [4])!

Тотъ же критикъ предполагаетъ, что другія мѣста піесы [5]), гдѣ идетъ рѣчь о нравственномъ недугѣ, терзающемъ Федру, могли быть разоблачены отъ ихъ метафорическаго смысла и объяснены какъ выраженіе страданій самихъ Аѳинъ во время моровой язвы, которая похитила у нихъ вмѣстѣ съ столькими гражданами, главу государства, и что эти мѣста піесы не остались безъ вліянія на успѣхъ трагедіи. Чтó бы о немъ ни думали, но успѣхъ былъ полный: изъ того же свидѣтельства, которое сообщаетъ намъ о времени вторичнаго появленія Ипполита на сценѣ, узнаемъ мы, что онъ получилъ награду при состязаніи съ двумя произведеніями поэтовъ Іофонта и Іона, которымъ досталось на этомъ состязаніи лишь второе и третье мѣсто.

Не странно ли, что трагедія, встрѣчаемая общими похвалами и увѣнчанная въ вѣкъ, наиболѣе благопріятный для оцѣнки произведеній искусствъ, народомъ просвѣщеннѣйшимъ въ свѣтѣ; трагедія, которую схоліасты, природные толкователи вкуса грековъ, поставили въ число произведеній перворазрядныхъ среди лучшихъ твореній великаго поэта, достигшаго полной зрѣлости возраста и генія (ему былъ тогда 51 годъ); трагедія, извѣстная даже варварамъ, какъ говоритъ Павсаній [6]); предметъ множества цитатъ, намековъ, подражаній въ мелочахъ; трагедія, вызвавшая плодотворное соревнованіе не только со стороны Сенеки, но такого поэта, какъ Расинъ,—что такая трагедія встрѣчена Вольтеромъ и Ла-Гарпомъ, его слишкомъ покорнымъ ученикомъ [7]), съ такимъ пренебреженіемъ. Нынѣ, когда

---

[1]) Argum. Hippol.—Ср. Клинтона, Fast. hellenic., стр. 69.—[2]) Бёкъ. Graec. trag. princip. XIV.—[3]) По Мюгрэву, Валькенеру и др. это была строфа сохраненная Стобеемъ (ст. 16), смыслъ которой былъ таковъ: „Ипполитъ, блаженный герой, какихъ почестей заслуживаешь ты за свое цѣломудріе! Нѣтъ ничего могущественнѣе добродѣтели въ смертныхъ; рано ли, поздно ли наступаетъ время награды за нее".—[4]) Ст. 1450 и сл. [5]) Ст. 175, 185 и сл., 208 и сл.—[6]) Attic., I, XX.—[7]) Къ нимъ можно еще присоединить Мармонтеля, который, заимствовавъ изъ нашей Федры хорошо выбранныя примѣры поэтическаго краснорѣчія, считалъ себя въ правѣ прибавить: „Только при этихъ условіяхъ заслужила она благосклонность; сюжетъ Еврипида, безъ Расинова искусства, не былъ достоинъ французскаго театра" (Elements de litérature, въ главѣ: Eloquence poétique).

въ изученіе древности вносятъ менѣе предразсудковъ своего времени и національныхъ предубѣжденій, а болѣе терпѣнія и свѣта (и нашему времени дозволительно гордиться этимъ),—трудно повѣрить, какъ люди такого достоинства могли проявить относительно этого древняго произведенія столько недобросовѣстности, легкомыслія и добровольнаго невѣжества.

Вольтеръ, сближая другъ съ другомъ произведенія Расина и Еврипида, ограничился относительно Еврипида нѣсколькими рѣшительными утвержденіями[1]), потомъ усердно собранными и объясненными Ла-Гарпомъ. Ла-Гарпъ взялся показать въ подробностяхъ, что̀ Вольтеръ только указалъ: напримѣръ, какъ Расинъ, заимствовавъ у Еврипида *тридцать или сорокъ стиховъ, которые были достойны подражанія величайшаго изъ нашихъ поэтовъ*, присвоивъ себѣ *единственное прекрасное мѣсто, и даже единственное имѣющее смыслъ*, изъ всей греческой трагедіи, сдѣлалъ не болѣе того, что̀ дѣлалъ Мольеръ, когда *бралъ свое добро* у Сирано-де-Бержерака. Я привожу слова Ла-Гарпа буквально.

Читатели, знающіе обѣ трагедіи и сохраняющіе какое-нибудь воспоминаніе о многочисленныхъ предметахъ сравненія, къ которымъ онѣ мнѣ доставляли случай, сумѣютъ по достоинству оцѣнить правдивость Вольтера, ограничивающаго нѣсколькими стихами всѣ заимствованія Расина у Еврипида, и за исключеніемъ одного мѣста, *единственно прекраснаго и даже единственно имѣющаго смыслъ*, относящаго все прочее къ одному уровню съ изобрѣтеніями Сирано-де-Бержерака!

Не болѣе сдержанности и чувства уваженія и у Ла-Гарпа; но онъ по крайней мѣрѣ беретъ на себя трудъ объяснить это презрѣніе, и дѣлаетъ честь Еврипиду указаніемъ его ошибокъ, потому что таково скромное выраженіе, которое неоднократно употребляетъ относительно автора Ипполита авторъ Варвика и Коріолана. Его критики разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ его „Курса литературы“, въ которыхъ идетъ рѣчь о театрѣ греческомъ и французскомъ; онъ воспроизвелъ и развилъ ихъ въ своихъ комментаріяхъ къ Расину; я соберу ихъ вмѣстѣ и сдѣлаю ихъ краткій обзоръ, слѣдуя порядку самой піесы.

Ла-Гарпъ прежде всего восклицаетъ противъ грубой искусственности пролога, *ошибки огромной и непростительной*, по его словамъ, *которая низводитъ искусство къ его младенчеству* [2]). Я уже не разъ указывалъ истинную цѣну этого пошлаго упрека. Если независимо отъ этого поэтическаго предисловія, піеса является правдоподобною и возбуждаетъ интересъ,—разумно ли оказывать такую строгость къ мелочи, которая не касается существа піесы и которую можно даже откинуть? Но этотъ прологъ *заранѣе сообщаетъ все, что̀ будетъ происходить* [3]). Это правда и доказываетъ только, повторяю, что Греки полагали драматическій интересъ въ иномъ, а не въ ожиданіи развязки. Но какъ же *вводить божество, заставляя его играть такую гнусную роль!* [4]) Это уже вина греческой миѳологіи, а не

[1]) Письмо объ Эдипѣ.—[2]) Lycée.—[3]) Ibid.—[4]) Ibid.

Еврипида, который не могъ измѣнить ея. Въ піесѣ Расина развѣ Венера имѣетъ чувства, болѣе достойныя божества? Она только не выражаетъ ихъ сама съ той смѣлостію, которой излишество я порицалъ у Еврипида и которая одна заслуживала бы здѣсь упоминанія.

Вотъ еще упрекъ очень странный: Еврипидъ, по словамъ Ла-Гарпа, *не ввелъ въ эту піесу ни одного эпизода, а потому очень растянулъ дѣйствіе* [1]). Думаю, что въ первый разъ высказывается упрекъ поэту за то, что онъ ограничился своимъ сюжетомъ. Чтó касается до приписанной ему *растянутости*, то я рѣшительно не замѣчаю ея. Піеса очень проста, какъ и всѣ піесы греческаго театра, и въ то же время, именно вслѣдствіе этого, ведена довольно живо. Наконецъ, введеніе эпизодовъ не производитъ ли обыкновенно дѣйствіе совершенно противоположное тому, которое приписываетъ имъ критикъ? Эпизодъ Арисіи, напримѣръ, который повидимому онъ подразумѣваетъ здѣсь, несмотря на прелесть увлекательной поэзіи, несмотря на счастливыя послѣдствія, которыя отъ него проистекаютъ и ради которыхъ онъ и былъ введенъ въ дѣйствіе,—не служитъ ли разительнымъ тому доказательствомъ?

Эту *длинноту*, которой мы не можемъ найти въ Ипполитѣ, укажетъ намъ Ла-Гарпъ. *Разговоры Федры съ кормилицею занимаютъ*, говоритъ онъ, *два первые акта*. Много удивительнаго въ этихъ немногихъ словахъ. Во первыхъ, наивная увѣренность, съ которою авторъ «Лицея» здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, принимаетъ это дѣленіе на акты, совсѣмъ неизвѣстное греческимъ трагикамъ и противорѣчащее простотѣ состава ихъ піесъ; затѣмъ—простодушіе, съ которымъ онъ распространяетъ до размѣровъ *двухъ актовъ* то, чтó въ дѣйствительности занимаетъ не болѣе одной сцены. Но наконецъ, если эта сцена все-таки не болѣе, какъ праздный *разговоръ*, то сила упрека отчасти сохранится, и Еврипидъ останется оправданнымъ лишь на половину. Посмотримъ же, чтó это за *разговоръ*, вызывающій столько упрековъ. Кто бы могъ ожидать? То, чтó именно казалось Вольтеру мѣстомъ *единственно прекраснымъ, единственно имѣющимъ смыслъ*,—есть увлеченіе и признаніе Федры, которому подражалъ и которое перевелъ здѣсь Расинъ. Такъ критикъ въ своемъ неумѣломъ и слѣпомъ рвеніи наноситъ ударъ одновременно и поэту, на котораго нападаетъ, и тому, котораго хочетъ защитить. Ни дать, ни взять — злополучный медвѣдь, оберегавшій отъ мухъ пустынника у Лафонтена.

Да будетъ мнѣ позволено заимствовать изъ аполога другое сравненіе. Лживый и грубый доводъ Ла-Гарпа противъ несчастнаго Еврипида, который отвѣчать ему не можетъ, мнѣ кажется очень похожимъ на разговоръ волка съ ягненкомъ. Въ немъ такое же благожелательство, такая же логика, тотъ же способъ оставаться правымъ вопреки всякой правдѣ. Еврипидъ, говоритъ онъ, *перенесшій интересъ на Ипполита*, чтó критикъ не преминулъ осудить,

[1]) Ibid.

хотя Ипполитъ есть герой піесы, *не затруднился сдѣлать изъ Федры чудовище* [1]). А въ чемъ же заключается *чудовищность* Федры? Въ томъ, во-первыхъ, что ея *изступленіе,* ея *стыдъ,* ея *сокрушеніе,* въ чемъ до Ла-Гарпа всѣ имѣли глупость видѣть трогательную *борьбу порока съ угрызеніями совѣсти,* оказываются какъ нельзя менѣе имѣющими это значеніе. Что же они такое? А вотъ что: *Жестокое положеніе Федры происходитъ отъ того, что страсть, испытываемая ею, не есть склонность естественная и самородная, но родъ болѣзни, насланной на нее богами, которая можетъ только терзать ее* [2]). Вѣроятно, это иначе у Расина, гдѣ Федра безпрестанно обвиняетъ въ своей преступной страсти гнѣвъ Венеры. Вѣроятно, исключеніе изъ событія вмѣшательства боговъ и ограниченіе его дѣйствіемъ невольнаго чувства измѣнило бы его природу. Пусть понимаетъ, кто можетъ, такое смѣшеніе идей и языка: что до меня, я отказываюсь понять ихъ и думаю, что не окажу несправедливости, если примѣню къ этому мѣсту, совершенно темному и для читателей и для самого писавшаго, выраженіе, которымъ Ла-Гарпъ называлъ этого рода темноту. Это просто *сугубая галиматья.*

Послѣдуемъ за анализомъ Ла- Гарпа и обратимъ вниманіе на его точность. Федра, послѣ долгаго сопротивленія неотступнымъ просьбамъ, открываетъ наконецъ въ смущеніи свою постыдную тайну и объявляетъ, что хочетъ скорѣе умереть, нежели нарушить добродѣтель и лишиться чести. Ла-Гарпъ называетъ это *изліяніемъ передъ хоромъ женщинъ всѣхъ ужасовъ преступной страсти* [3]). Федра съ негодованіемъ отвергаетъ совѣтъ отдаться склонности, которой она побѣдить не можетъ—и вотъ Ла-Гарпъ въ своемъ правдивомъ протоколѣ докладываетъ, что *она постепенно уступаетъ низкимъ внушеніямъ своей кормилицы* [4]). Когда эта раба обѣщаетъ госпожѣ своей исцѣлить ее чародѣйствомъ, любовнымъ напиткомъ, Федра съ ужасомъ подозрѣваетъ, что она хочетъ злоупотребить своимъ знаніемъ ея роковой страсти, разсказавъ о ней тому, кого она любитъ, и Ла-Гарпъ милостиво замѣчаетъ въ выраженіяхъ, повторенныхъ имъ два раза и которыя стыдно выписать—что *кормилица взялась сдѣлать предложеніе Ипполиту* [5]). Понятна ли все лукавство выраженія: *взялась?* Не подрывая совершенно правдивости критики, тѣмъ не менѣе оно можетъ возбудить подозрѣніе, что греческая Федра въ соучастіи съ кормилицей, которое, будучи однимъ изъ ея тайныхъ желаній, совершенно отсутствуетъ въ ея поступкахъ,—въ соучастіи, которое безмолвно одобряется ея страстію, но отвергается ея волею: изображеніе, достойное восхищенія, показывающее одновременно и слабость и силу души Федры.

Ла-Гарпъ говоритъ, что эта *грубая непристойность,* которую онъ безъ всякаго основанія приписываетъ Еврипиду, не могла бы быть терпима на театрѣ, дѣлающемъ строгій выборъ [6]), и прибавляетъ, что Сенека, *приписавъ самой Федрѣ этотъ постыдный поступокъ,*

---

[1]) Коммент., предисл.—[2]) Ibid.—[3]) Lycée.—[4]) Коммент., предисл.—[5]) Lycée.—[6]) Ibid.

имѣетъ ту заслугу, что избѣжалъ недостатка приличія. Нечего сказать, хорошо пониманіе тонкаго приличія! Что всего любопытнѣе,— Расинъ, интересы котораго, плохо понятые, сдѣлали Ла-Гарпа столь несправедливымъ къ Еврипиду, создалъ именно то, что̀ хотѣлъ Ла-Гарпъ найти у Еврипида. Французская Федра не только говоритъ за себя сама, какъ у Сенеки, но пользуется посредничествомъ своей кормилицы. Это гораздо хуже, чѣмъ у Еврипида, или—вѣрнѣе—еще лучше, чѣмъ у него. Расинъ былъ достаточно увѣренъ въ своемъ искусствѣ, чтобы осмѣлиться довести до конца страсть и дозволить ей преступить границы приличія, которыя не могутъ удержать силу страсти.

Но вотъ и смертельный ударъ этой античной роли, которую Ла-Гарпъ задумалъ заклать во славу новаго театра. *Смерть Федры есть не раскаяніе, а мщеніе* [1]). На это отвѣчу сначала, что если справедливо въ общемъ, какъ говоритъ Ла-Гарпъ, что *смерть для каждаго человѣка есть моментъ раскаянія* [2]), то эта истина скорѣе принадлежитъ нравственному ученію христіанства, нежели идеямъ языческимъ, и что древнему поэту до извѣстной степени простительно впасть въ противорѣчіе съ ней. Затѣмъ, въ чемъ же раскаиваться Федрѣ Еврипида? Развѣ каются въ склонности непроизвольной? Не болѣе, какъ въ нечаянной ранѣ, въ тайной язвѣ. Она плачетъ и краснѣетъ отъ нея; она скрываетъ свой позоръ отъ всѣхъ до тѣхъ поръ, пока любопытство и нескромность рабы, заставъ ее въ расплохъ, не раскрываетъ его. Тогда она впадаетъ въ отчаяніе и для спасенія своего добраго имени и чести своихъ дѣтей оклеветываетъ невиннаго. До этихъ поръ она сохраняла свою добродѣтель и чистоту; она заслуживала уваженія и удивленія; но она возбуждаетъ отвращеніе вслѣдствіе неистовства, въ которое ввергаетъ ее забота о своемъ добромъ имени. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать того, что̀ умѣряетъ жестокость ея преступленія: чрезмѣрность ея несчастія, самозабвеніе; она уже напередъ себя караетъ, губя себя вмѣстѣ съ тѣмъ, кого любитъ. Мнѣ сдается, что къ побужденіямъ, одушевлявшимъ ее, примѣшивается мятежное рѣшеніе отмстить за презрѣніе, перенесенное ею и предвидимое еще впереди, быть можетъ также соединить съ своей судьбою человѣка, любимаго ею и въ то же время ей ненавистнаго въ ея безнравственной страсти; но въ этихъ душевныхъ движеніяхъ, въ этой бурѣ страсти, я не могу видѣть, какъ Ла-Гарпъ, *постыдную нелѣпость*, *нарушеніе основъ искусства*, *здраваго смысла и природы*, къ которой нашъ аристархъ, съ стремительностію, очень странною въ критическомъ трудѣ, обращается такъ: *О природа, душа трагедіи, ты, которую Греки и этотъ самый Еврипидъ часто изображали чертами столь правдивыми, такова ли ты? Существуютъ ли женщины подобныя Федрѣ?* [3]) Признаюсь, я восхищенъ тѣмъ участіемъ, какое возбуждаетъ эта женщина, столь виновная, которая къ тому же не представляетъ главнаго интереса въ піесѣ, а, напротивъ, составляетъ, какъ остроумно

---

[1]) Lycée. Коммент., предисл.—[2]) Ibid.—[3]) Lycée.

было уже замѣчено[1]), ея *необходимое зло*. Я восхищенъ тѣмъ, какъ поэтъ заставляетъ насъ только предчувствовать ея преступленіе и скрываетъ ее отъ насъ прежде, чѣмъ она запятнала себя имъ.

Если я такъ подробно останавливаюсь на замѣчаніяхъ Ла-Гарпа, то только для того, чтобы, показавъ все ихъ ничтожество, имѣть новый случай выяснить геній Еврипида и совершенство его произведенія; только потому, что паденіе этихъ лѣсовъ, нагроможденныхъ вокругъ его памятника критикою завистливою и лживою, должно лучше обнаружить его соразмѣрность и красоту. Нельзя достаточно надивиться, до какой степени Ла-Гарпъ не понялъ его или не хотѣлъ понять. Повидимому отъ его взора ускользнулъ даже сюжетъ піесы. Его до такой степени преслѣдуетъ мысль о французской піесѣ и желаніе отыскать ее въ піесѣ греческой, что онъ думаетъ, что и греческая піеса должна непремѣнно окончиться со смертью Федры. *Она совсѣмъ окончена*, восклицаетъ онъ, *а Тезей еще не появлялся: промахъ непростительный!* [2]) Какъ? Піеса, завязку которой составляетъ клевета Федры и заблужденіе Тезея, развязку же—смерть Ипполита, такая піеса окончена прежде, нежели все это будетъ имѣть мѣсто въ ней! Можетъ ли итти далѣе недобросовѣстность или, по меньшей мѣрѣ, невнимательность?

Наконецъ встрѣчаемся мы съ осужденіями болѣе искренними и справедливыми. Онѣ касаются двухъ мѣстъ изъ ролей Ипполита и Тезея. Хотя Ла-Гарпъ плохо понялъ Ипполита, лицо очень далекое отъ нашихъ нравовъ и отъ обычаевъ нашей сцены, но нельзя не согласиться съ нимъ, что длинное витійство противъ женщинъ, въ которомъ слышится голосъ Еврипида подъ маскою его героя [3]),—составляетъ часть мало согласную съ геніемъ драматической поэзіи, а порою даже съ здравымъ смысломъ [4]). Надо согласиться съ нимъ также и въ томъ, что Тезей, несмотря на справедливыя основанія гнѣва, все же недостаточно проявляетъ родительскаго чувства, когда ему объявляютъ о смерти сына [5]). Но, дѣлая эту послѣднюю уступку, не забудемъ замѣтить, что Ла-Гарпъ, введенный въ заблужденіе переводомъ Брюмуа, очень преувеличилъ черствость, въ которой упрекаетъ аѳинскаго царя. Греческіе трагики болѣе другихъ имѣли бы право обвинять своихъ переводчиковъ въ измѣнѣ. Бо́льшая часть критикъ, въ которыхъ нападаютъ на нихъ, беретъ свое начало въ невѣрныхъ переводахъ. Чтобы опровергнуть ихъ, почти всегда бываетъ достаточно прибѣгнуть къ подлинному тексту. Такъ, въ томъ мѣстѣ, которое теперь занимаетъ насъ, Брюмуа заставляетъ Тезея говорить слѣдующія слова:

„Признаюсь, что мой гнѣвъ противъ предателя побуждалъ меня слушать этотъ разсказъ съ нѣкотораго рода удовлетвореніемъ. Но все же я чувствую, что пробуждаются въ моемъ сердцѣ благочестіе къ богамъ и нѣжныя чувства къ сыну, какъ бы виновенъ ни былъ онъ. Итакъ, не горюя объ этомъ событіи, остаюсь равнодушнымъ“.

Ла-Гарпъ, который выписываетъ этотъ переводъ, распущенный и растянутый, и главное—неточный, имѣетъ основаніе жаловаться

---

[1]) Шлегель. Сравненіе etc.—[2]) Lycée.—[3]) Ст. 612 и сл.—[4]) Lycée; Комм., предисл.—[5]) Lycée.

на холодность отца въ такую минуту. Но если бы онъ взялъ на себя трудъ сличить его съ греческимъ подлинникомъ, какъ того требовала справедливость, то онъ, конечно, поумѣрилъ бы строгость своихъ упрековъ. Вотъ дословная передача рѣчи Тезея у Еврипида:

Мой гнѣвъ противъ измѣнника сначала побудилъ меня слушать этотъ разсказъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; теперь же изъ уваженія къ богамъ-мстителямъ, и во вниманіе къ этому несчастному, который все же сынъ мой,— я не могу выразить ни радости, ни скорби" [1]).

Спрашиваю теперь, есть ли въ этомъ колебаніи отца между его злопамятнымъ чувствомъ и остаткомъ любви къ сыну, между богами, къ помощи которыхъ онъ взывалъ, и сыномъ, котораго сразили они, хоть что-нибудь похожее на странныя слова Брюмуа: *Я остаюсь равнодушнымъ?*

Впрочемъ Еврипидъ—соглашаюсь въ этомъ—здѣсь не вполнѣ безупреченъ, и здѣсь умѣстно сдѣлать наблюденіе, съ какимъ искусствомъ Расинъ подражаетъ древнимъ и исправляетъ ихъ. Когда, въ его Федрѣ, Тезей изгналъ Ипполита и предалъ его неизбѣжному мщенію, отеческое чувство дрогнуло и выразилось въ слѣдующихъ стихахъ, которые гораздо болѣе естественны и трогательны, нежели стихи греческаго поэта [2]):

Презрѣнный! Шагомъ скорымъ
Спѣшишь къ погибели ты неизбѣжной самъ.
Поклялся мнѣ Нептунъ, столь страшный и богамъ
Волной своей: теперь онъ клятву исполняетъ,
Богъ-мститель за тобой самъ слѣдомъ поспѣшаетъ:
Тебѣ его теперь уже не избѣжать!
О, я любилъ тебя—и не могу сдержать
Я въ глубинѣ души тревожнаго волненья,
Хотя нанесено тобой мнѣ посрамленье!
Но приготовилъ самъ себѣ ты тотъ конецъ.
Бывалъ ли кѣмъ-нибудь такъ оскорбленъ отецъ!
О небо! Видишь ты души моей кручину!
Ужели я далъ жизнь преступному столь сыну!

Возвратимся къ Ла-Гарпу и, указавъ столько его критическихъ замѣчаній, изъ которыхъ лишь два имѣютъ нѣкоторое основаніе, сдѣлаемъ ему упрекъ—чтобы кончить съ нимъ—за невниманіе, съ какимъ онъ отнесся къ той удивительной сценѣ, на которой мы считали нужнымъ остановиться довольно долго,—къ утѣшительному вмѣшательству Діаны, которая, сближая отца съ сыномъ, примиряетъ зрителей съ ужасомъ развязки.

И основываясь на такомъ-то разборѣ, въ которомъ греческая піеса почти повсюду понята превратно, а еще чаще искажена, который свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ предубѣжденіемъ, о столь маломъ знакомствѣ съ театромъ древнихъ, о такомъ поверхностномъ чтеніи произведенія, которое имѣютъ притязаніе оцѣнивать,—основываясь на такомъ разборѣ, Ла-Гарпъ *позволилъ себѣ негодовать* на то, что осмѣлились *ввести въ обычай сравненіе* между Еврипидомъ и Расиномъ, думать

---

[1]) Ст. 1240—1257.—[2]) Сц. 3-я IV акта.

и любезно повторять, что *Расинъ замѣнилъ величайшіе недостатки величайшими красотами;* заключить, наконецъ, слѣдующими по истинѣ безсмысленными словами: *Таково это произведеніе, которое должно простить Еврипиду, потому что мы ему обязаны призведеніемъ Расина* [1]).

Откуда это ожесточеніе и запальчивость, которую способны вызвать къ себѣ лишь современники, у Ла Гарпа къ поэту, умершему за нѣсколько столѣтій? Отъ пристрастія, вполнѣ принадлежащаго его времени: отъ вліянія, которое оказывали на его сужденія мнѣнія Вольтера; отъ желанія возвысить французскихъ трагиковъ и во главѣ ихъ—Вольтера, надъ драматургами всѣхъ временъ; кто знаетъ? не отъ тайной ли мысли, что и ученику можетъ достаться на долю высокая участь учителя. Ла Гарпъ неосмотрительно опирался на очень спорное мнѣніе, что поэзія, въ частности же трагедія, продолжала непрерывно свое развитіе, усовершенствуясь, начиная отъ древнихъ временъ до новыхъ, а у насъ—съ XVII до XVIII вѣка. Эта вѣра въ усовершимость трагедіи представляла ему въ послѣдовательныхъ произведеніяхъ сцены непрерывно возрастающій прогрессъ, послѣднимъ предѣломъ котораго въ его глазахъ былъ, конечно, Коріоланъ и Варвикъ. Съ этой-то высоты опуская взоры свои на греческій театръ, онъ съ снисходительной или съ презрительно-сострадательной улыбкой смотрѣлъ на то, что ему казалось дѣтствомъ и лепетомъ искусства, на эту первобытную поэзію, въ которой, по другимъ воззрѣніямъ, голосъ человѣка, едва начинающій развиваться, долженъ былъ встрѣтиться, при первыхъ произнесенныхъ имъ словахъ, съ наивнымъ и неподражаемымъ выраженіемъ чувства и истины.

Занимаясь Ифигеніей въ Авлидѣ, мы видѣли, что критики греческой піесы возбудили противъ французской піесы реакцію, во многомъ напоминающую запальчивость и насилія политическихъ партій. То же повторилось и по поводу Ипполита и Федры. Расинъ снова выдержалъ очень сильныя и по большей части несправедливыя нападенія, искупая тѣмъ неблагоразумное предпочтеніе своихъ фанатическихъ поклонниковъ.

Съ 1776 г., Баттё, защищая противъ Вольтера Софоклова Эдипа [2]) и Еврипидова Ипполита [3]), провелъ между послѣдней изъ этихъ піесъ и Федрою Расина параллель, въ общемъ довольно умѣренную и основательную, но въ которой преимущество не всегда признавалось за поэтомъ французскимъ. Но нападки на Расина стали еще сильнѣе послѣ развитія въ «Лицеѣ» мнѣнія Вольтера, отъ котораго отказался бы и самъ Вольтеръ, увидѣвъ, до чего довелъ его мысль фанатическій его послѣдователь.

Почти въ то же время, въ 1807 и 1808 г., Жоффруа въ комментаріи [4]) своемъ, гдѣ воспроизвелъ идеи своихъ фельетоновъ, и В. Шлегель въ брошюрѣ своей [5]), написанной по-французски

[1]) Lycée: Коммент.—[2]) Mém. de l'Acad. des Inscr. et Belles-Lettres, т. XLII, стр. 473.—[3]) Ibid., стр. 452.—[4]) Oeuvres de J. Racine, avec Les Commentaires par J. H. Geoffroy. Paris, 1808, т. IV.—[5]) Comparaison etc.

очень изящно и умно, затѣяли вмѣстѣ полемику: первый—только противъ Ла-Гарпа, второй—противъ самого Расина. Оба вложили въ этотъ споръ личныя страсти: французскій журналистъ—отвращеніе, которое считалось систематическимъ, къ Вольтеру и ко всѣмъ, кто болѣе или менѣе примыкалъ къ нему; нѣмецкій критикъ—патріотическую ненависть къ Франціи, выступивъ пока противъ ея театра. Ихъ труды замѣчательны знаніемъ античной сцены. Шлегель въ особенности показалъ ту ученую проницательность, которую онъ впослѣдствіи проявилъ съ такимъ блескомъ въ I-й части своего «Курса драматической литературы». Онъ проникаетъ всю тайну трагическаго генія Грековъ, и раскрываетъ тончайшія красоты произведенія Еврипида. Но этотъ тонкій и вѣрный вкусъ совершенно покидаетъ его, какъ только онъ заводитъ рѣчь о трагедіи французской и о произведеніи Расина, духъ и характеръ котораго онъ не знаетъ или представляется не знающимъ[1]). Это совершенная противоположность съ Ла-Гарпомъ, столь искуснымъ въ изъясненіи пружинъ нашего театра и внезапно теряющимъ свой критическій смыслъ, когда видитъ себя среди аѳинскаго театра лицомъ къ лицу съ пьесою Еврипида. Слушая ихъ противорѣчивыя доводы, кажется, присутствуешь при двухъ безсовѣстныхъ тяжебныхъ рѣчахъ, гдѣ правому дѣлу вредитъ адвокатъ, съ яростію искажающій все и клевещущій на противника своего. Что же всего болѣе довершаетъ сходство—весь процессъ есть сплошная ябеда, безъ которой не возникало бы и процесса: одного правдиваго показанія достаточно было бы для его немедленнаго прекращенія. Въ сущности обѣимъ піесамъ, также какъ и обоимъ театрамъ, нечего оспаривать другъ у друга; каждая имѣетъ свой особенный характеръ, свою оригинальность. Ихъ различаютъ не только духъ и изображаемые нравы, но и главный замыселъ. Получивъ основу отъ Еврипида и кое-какія указанія у Сенеки, Расинъ, какъ сказано выше, одушевленный зрѣлищемъ современныхъ ему нравовъ, вдохновленный въ особенности идеями христіанскими, сумѣлъ произвести піесу, которую не можетъ уже счесть своей Греція и которая вполнѣ принадлежитъ нашему театру. Всмотримся въ это преобразованіе греческой трагедіи во французскую, въ этотъ своего рода метампсихозъ, который изъ трагедіи Еврипи-

---

[1]) См. объ этомъ замѣчательную статью М. П. Дюбуа въ Globe 23 окт. 1827 (т. V, № 87), а также основательную и изящную замѣтку Избраннаго театра Расина Жерюзе (1847)—примѣчанія, полныя знанія дѣла и вкуса, въ которыхъ онъ указалъ отношеніе піесъ этого театра, нами здѣсь разсматриваемыхъ болѣе спеціально: Федры и Ифигеніи въ Авлидѣ, съ ихъ древними образцами. Въ Діалогахъ мертвыхъ, перепечатанныхъ въ 1856 г. (Thèses de Litterature, стр. 225 и сл.) Жюлльенъ заставляетъ вести споръ о драматическомъ искусствѣ Казимира Делавиня и В. Шлегеля; перваго онъ *надѣлилъ тономъ рѣшительнымъ* и рѣзкимъ, а второго снисходительнымъ, которыхъ они, конечно, не проявляли бы при своей жизни. Бесѣда, впрочемъ интересная и поучительная, *отличающаяся свободою* мнѣній, которая вызываетъ на полезныя размышленія, заставляетъ Шлегеля нѣсколько дорого поплатиться, а порою и греческихъ трагиковъ и ихъ лучшія произведенія, Эдипа царя и Ипполита въ частности, за пристрастіе знаменитаго нѣмецкаго критика къ аѳинскому театру въ ущербъ нашему.

довой произвелъ трагедію Расина; это будетъ объясненіемъ и оправданіемъ той и другой и одновременнымъ отвѣтомъ непримиримымъ сторонникамъ древности и новыхъ временъ, Ла-Гарпу и Шлегелю.

Когда въ разборѣ Ипполита мы сближали нѣкоторыя греческія сцены съ французскимъ подражаніемъ, уже могло поразить различіе тона и манеры обѣихъ піесъ. Расплывчатость Еврипида сжалась, его распущенность приведена въ порядокъ, его движеніе, нѣсколько медленное, ускорено, его простота облагорожена. Повидимому самые нравы приняли участіе въ этой перемѣнѣ стиля, болѣе простого, болѣе домашняго въ Ипполитѣ—и болѣе изящнаго и великолѣпнаго въ Федрѣ: въ Ипполитѣ передъ нами домъ, хозяева, рабы; въ Федрѣ—дворецъ—правда, скромный, куда приходятъ отдохнуть отъ

Всей шумной пышности аѳинскаго двора [1]).

Уже одинъ этотъ стихъ въ экспозиціи піесы можетъ сразу служить указаніемъ, что Трезена Расинова не то же, что Трезена Еврипидова. Ипполитъ не только живетъ въ ней, но царствуетъ; онъ ея властитель; тамъ есть царедворцы и гвардія. Эта обстановка слѣдуетъ за нимъ до самой печальной сцены, разсказанной въ повѣствованіи о его смерти. Его сопровождаютъ въ изгнаніе и присутствуютъ при его послѣднихъ минутахъ не сверстники его и товарищи его потѣхъ, какъ у Еврипида,—но опечаленная гвардія:

Кидаюсь я туда; за мной вослѣдъ стремится
И свита вся туда жъ... [2])

говоритъ Тераменъ.

Этотъ самый Тераменъ, очень не похожій на раба, который у Еврипида исполняетъ обязанность разсказчика и который въ своей простодушной скорби такъ мало стѣсняется саномъ Тезея,—Тераменъ примѣшиваетъ къ патетическому выраженію своей скорби сдержанную вѣжливость царедворца; онъ не забываетъ ни на минуту, кто онъ, и съ кѣмъ онъ говоритъ; онъ боится, проливъ слезы, нарушить уваженіе подданнаго: «*Прости мнѣ, государь, невольныя рыданья*, говоритъ онъ царю.

Трезена новаго времени волнуется заботами честолюбія и интересами политическими. Здѣсь очень заняты престолонаслѣдіемъ Тезея, соперническими притязаніями старой и новой династій, сына иноземки и дѣтей царя—предметами, о которыхъ нѣтъ и рѣчи въ Трезенѣ древней. Но кромѣ того здѣсь видимъ и заботы болѣе нѣжнаго свойства. Ихъ вызываетъ Арисія, заимствованная Расиномъ изъ миѳологіи, за что онъ такъ одобрялъ себя, тогда какъ она получила отъ героической эпохи и греческой женщины одно только имя; опытное кокетство, утонченное изящество, хитроумные обиняки Расиновой Арисіи принадлежатъ всецѣло новѣйшимъ пріемамъ обходительности. Ипполитъ также принадлежитъ къ этой эпохѣ по своему обра-

---

[1]) Дѣйствіе I, сц. 1.—[2]) Дѣйствіе V, сц. 6.

зу мыслей и по языку, совершенно лишенному той грубости и суровой гордости, которыми онъ величается лишь сохраняя обычай Еврипидова героя, такъ что всякій, знавшій его еще въ Греціи, готовъ былъ бы сказать ему, какъ его воспитатель:

Ужъ гордымъ Ипполитъ не пересталъ ли быть? [1])

Кто не узнаетъ въ этихъ измѣненіяхъ вліянія, которое должно было произвести на французскаго поэта зрѣлище двора благовоспитаннаго, элегантнаго, величаваго, всецѣло преданнаго любовнымъ похожденіямъ и политикѣ? Былъ ли когда-нибудь поэтъ, болѣе подготовленный къ воспроизведенію греческаго быта въ его наивной простотѣ, нежели Расинъ, воспитанный на чтеніи древнихъ, чувсовавшій ихъ, такъ живо ихъ комментировавшій, и наконецъ въ своихъ библейскихъ драмахъ, освободившись отъ стѣсненій сцены, такъ вѣрно передавшій ихъ духъ? Съ увѣренностію можно сказать, что Расину передать это не дозволяли предразсудки его времени: не безъ нѣкоторыхъ угрызеній литературной совѣсти, лишь уступая обычаямъ и вкусу свѣта, гдѣ поэтъ вращался и для котораго трудился, онъ порою скрывалъ подъ чуждыми украшеніями суровую наготу античныхъ образцовъ.

Конечно, такая смѣсь заслуживаетъ осужденія: но его извиняетъ то, что она почти неизбѣжна. Драматическій поэтъ повинуется не только своему сюжету, но и своимъ зрителямъ. Ему предстоитъ двоякая необходимость приноравливаться къ идеямъ и чувствамъ тѣхъ, кого онъ хочетъ привязать и трогать, и въ то же время не слишкомъ искажать рабскимъ угожденіемъ черты, которыя онъ желаетъ воспроизвести. Счастливы тѣ, которымъ ихъ геній дозволилъ предписывать законы вмѣсто того, чтобы ихъ получать, и такимъ образомъ охранить вѣчные законы искусства и правды противъ ложнаго вкуса или невѣжества современниковъ! Но такимъ преимуществомъ пользовались немногіе поэты, и никто не могъ пользоваться имъ постоянно. Если обозрѣть всѣхъ новыхъ и даже древнихъ поэтовъ, то не окажется ни одного, который иной разъ не внесъ бы въ изображеніе прошедшихъ вѣковъ нравовъ и страстей своихъ современниковъ, и подобно нѣкоторымъ живописцамъ, изображая иноземныхъ лицъ, не приберегъ бы хоть небольшое мѣсто собственному своему лицу. Будемъ же болѣе снисходительны къ этимъ жертвамъ, возлагаемымъ на драматическій талантъ и составляющимъ одно изъ условій ихъ искусства. Вмѣсто того, чтобы произносить поэту суровый упрекъ за его уступки, воздадимъ ему должное за то, что онъ отстоялъ. Тогда мы будемъ справедливѣе къ этимъ великимъ людямъ, вѣчной славѣ нашей сцены, которые искусными средствами умѣли согласовать, насколько было возможно, преходящія причуды вкуса съ его непоколебимыми законами; которые если и скрывали нѣкоторую долю истины, то только для того, чтобы ее не отвергли всю; которые, щадя искусно общераспространенные пред-

[1]) Дѣйствіе I, сц. 1.

разсудки, кончали тѣмъ, что истребляли ихъ, и довели насъ, наконецъ, постепенно до той строгости литературныхъ принциповъ, которыми было бы въ высшей степени несправедливо злоупотреблять противъ этихъ же великихъ писателей. Мы убѣдимся, что въ концѣ концовъ они не окажутся менѣе вѣрными и природѣ и исторіи, нежели тѣ, которые обвиняютъ ихъ въ этой невѣрности; что напримѣръ, Гёте и Шиллеръ перенесли ко дворамъ Филиппа II и герцога Феррарскаго мечтательныя размышленія нѣмецкой философіи и филантропическій энтузіазмъ людей XVIII вѣка.

Этотъ нравственный переворотъ, который долженъ былъ внести въ простой бытъ Трезены очаровательные образцы двора Людовика XIV, дворцовыя интриги и утонченное волокитство — не только измѣнилъ внѣшній характеръ драмы, но сообщилъ ей совершенно иной духъ и даже сюжетъ. Ипполитъ, усвоившій утонченность нашей цивилизаціи, нашъ душевный складъ, манеры, нашъ языкъ, передѣланъ съ искусствомъ, которое не достанетъ смѣлости порицать— столько въ немъ ума и ловкости,—по образцу юныхъ принцевъ нашей сцены, обычныхъ любовниковъ нашихъ трагедій. Лишенный такимъ образомъ своей оригинальности, которой мы не потерпѣли бы въ немъ, Ипполитъ не могъ остаться и героемъ піесы; его роль, неизмѣнно благородная и трогательная, стушевалась; самое имя его, сначала поставленное въ заглавіи піесы рядомъ съ именемъ Федры, вскорѣ исчезло оттуда, чтобы оставить тамъ только имя того дѣйствующаго лица, которымъ на самомъ дѣлѣ наполнена вся піеса: разница существенная, полагающая глубокое различіе между обоими произведеніями и не дозволяющая между ними сравненія, которому всегда будетъ недоставать, вмѣстѣ съ единствомъ точки зрѣнія, справедливости и вѣрнаго вывода. У Еврипида Ипполитъ сосредоточиваетъ на себѣ весь интересъ; у Расина весь интересъ направляется на Федру; Федра въ древней трагедіи—не болѣе какъ орудіе участи Ипполита; Ипполитъ въ нашей трагедіи является лишь случаемъ, роковымъ поводомъ страсти Федры; цѣломудріе, суровая доблесть— вотъ единственная и важная идея для поэта греческаго; для французскаго поэта, напротивъ, это – преступная страсть и кровосмѣшеніе: что́ у одного является на первомъ планѣ, то составляетъ лишь фонъ картины у другого. Отсюда столько различій въ планѣ и въ дѣйствіи на зрителей; отсюда и разногласіе тѣхъ зрителей, которые не захотѣли перемѣнить вмѣстѣ съ художникомъ точку зрѣнія и взглянуть на его произведеніе оттуда, откуда на него смотрѣлъ онъ самъ и желалъ, чтобы смотрѣли другіе.

Эта Федра, ставшая у Расина главнымъ и какъ бы единственнымъ лицомъ, не есть—не слѣдуетъ скрывать этого—ни Федра греческая, ни Федра латинская. Ея характеръ такъ же новъ, на столько же французскій, какъ и все остальное; слѣдовало бы даже сказать: болѣе, нежели все остальное. Когда Буало обращался къ Расину:

«Хоть разъ увидя добродѣтельную скорбь Федры, вѣроломной и впавшей въ кровосмѣшеніе вопреки самой себѣ, кто въ справедливомъ удивленіи передъ этой возвышенной борьбою не благословитъ счастливый вѣкъ, который, будучи

прославленъ цѣнными плодами твоихъ завѣтныхъ думъ, видѣлъ рожденіе великолѣпныхъ этихъ чудесъ изъ рукъ твоихъ?» [1])

то отдавалъ справедливость смѣлой новизнѣ этой удивительной роли. Да, на глазахъ всѣхъ тогда *изъ рукъ* Расина *родился* образъ, котораго черты доставлены были преимущественно его эпохою. Онъ былъ начертанъ подъ вдохновеніемъ тѣхъ нравовъ, когда сердечныя увлеченія, даже самыя преступныя, облагороженныя и какъ бы очищенныя нравственною тревогою, угрызеніями совѣсти вслѣдствіе религіознаго чувства, любовью и сокрушеніемъ христіанской чистоты, ужасомъ предъ Божественнымъ осужденіемъ, — вызывали, силою страсти и безпомощностью сострадание свѣта и почти уваженіе. Это общество, породившее любовь, подобную любви г-жи Ла-Валльеръ, тронутое ея заблужденіями, взволнованное ея раскаяніемъ, удивленное и изумленное ея покаяніемъ, должно было найти кое-что изъ собственныхъ душевныхъ волненій въ зрѣлищѣ преступленія и страданія, воспроизведенныхъ искусствомъ Расина. Даже самъ Арно, этотъ врагъ театра, который не могъ простить поэту, своему прежнему ученику, его свѣтскіе успѣхи, янсенистъ Арно поддался обаянію изображенія мученій души, лишенной благодати. Авторъ «Генія христіанства» [2]) вошелъ въ душу этого драматическаго лица и въ чувства вѣка, его одушевившія, когда увидѣлъ подъ античнымъ именемъ жену-христіанку. «Страхъ мстительнаго пламени и ужасной вѣчности нашего ада сквозитъ, по его словамъ, во всей роли этой преступной женщины, въ особенности въ знаменитой сценѣ ревности, которая—какъ извѣстно—есть изобрѣтеніе новаго поэта»... «Слѣдующіе стихи, быть можетъ представляютъ вопль самый сильный, какой когда-либо издавался страстію», прибавляетъ Шатобріанъ:

Helas! du crime affreux dont la honte me suit
Jamais mon triste coeur n'a recueilli le fruit.
Увы! Отъ преступленья,
Въ которомъ я нашла одно лишь посрамленье,
Тоскующій мой духъ не собиралъ плодовъ! [3]).

Въ немъ звучитъ и чувственность, и голосъ души, и отчаяніе, и ярость любви, которыя не поддаются никакому выраженію. Женщина, которая *удовлетворилась бы вѣчностію страданій*, если бы испытала *единое мгновеніе* счастія,—такая женщина не въ *характерѣ древнихъ*; это—окаянная грѣшница, при жизни впавшая въ руки Божіи; ея слово есть слово осужденнаго».

Любопытно изслѣдовать, насколько обѣ древнія Федры вошли

---

[1]) Et qui, voyant un jour la douleur vertueuse
De Phèdre malgré soi perfide, incestueuse,
D'un si noble travail justement étonné,
Ne bénira d'abord le siècle fortuné
Qui, rendu plus fameux par tes illustres veilles,
Vit naître sous ta main ces pompeuses merveilles?

[2]) Шатобріанъ (Génie du christianisme, II, кн. III, гл. 3).—[3]) Дѣйствіе IV, сц. 6.

въ созданіе нашей Федры новой, которую одухотворяетъ вдохновеніе совершенно новое. Еврипидъ своей Федрѣ сохранилъ въ ея изступленіи и заблужденіи долю стыдливой сдержанности, которую внушали греческіе нравы. Она ничего не ждетъ отъ своей страсти, не хочетъ удовлетворить ее, не стремится къ тому, кто ей внушилъ ее и не обращаетъ къ нему ни единаго слова; даже другимъ женщинамъ она повѣряетъ ее лишь съ отвращеніемъ и смущеніемъ. Сенека, въ эпоху вполнѣ развращенную, изобразилъ свою Федру красками, очень мало сходными съ тѣми, которыми начерталъ свою героиню Еврипидъ. Эта вторая Федра совсѣмъ не противится своимъ необузданнымъ желаніямъ; она, напротивъ, отдается имъ, безстыдно провозглашая ихъ, смѣло добиваясь ихъ удовлетворенія, нагло признаваясь въ нихъ тому, кто возбудилъ ихъ въ ней, постыдно бросаясь къ его ногамъ и, попытавшись спасти свою честь гнусной клеветою, ужасъ которой не смягченъ ничѣмъ, предавшись низкому отчаянію и въ послѣднія мгновенія, въ присутствіи оскорбленнаго мужа, хвастаясь чувствами своей ужасной страсти. Это порокъ закоренѣлый, безстыдный, нераскаянный; это унизительный образъ человѣческой природы; если задача трагедіи—воспроизводить ея достоинство, то конечно нѣтъ ничего болѣе чуждаго искусству, какъ такое изображеніе.

Расинъ не воспроизвелъ въ своей Федрѣ ни Федры Еврипида, ни Федры Сенеки: наши нравы не представляли ни строгой сдержанности первой, ни возмутительной распущенности второй. Но Расинъ воспользовался и тою и другою Федрою и хотѣлъ, чтобы его героиня съ изступленною страстію и добродѣтельнымъ ужасомъ Федры греческой дошла до порыва Федры латинской. Въ этой-то постоянной противоположности ея чувствъ и поступковъ искалъ Расинъ источника того сильнаго интереса, который получило его произведеніе. Не должно впадать въ ошибку относительно цѣли, которую поставилъ себѣ поэтъ, какъ это случилось съ нѣкоторыми критиками. Надѣляя свою Федру привязанностію къ долгу, Расинъ въ то же время хотѣлъ, чтобы она была виновна, и очень виновна, чтобы она стремилась къ прелюбодѣянію и кровосмѣшенію, чтобы она оклеветала добродѣтель и желала смерти неповиннаго. Расинъ заставляетъ ее говорить самой себѣ:

Но что я? Гдѣ же власть разсудка моего?
Кто? кто жъ ревнуетъ? Я! Къ кому мольба? къ Тезею!
Мужъ живъ—а я еще все страстью пламенѣю!
Порывы страсти той къ кому меня влекутъ?
О, дыбомъ волосы на головѣ встаютъ
Отъ слова каждаго! Безмѣрное растлѣнье!
Я отдалась вся лжи, грѣху кровосмѣшенья;
Преступныя свои я руки, чтобъ отмстить,
Въ кровь *неповинную* стараю *погрузить* [1])!

Эти стихи явно противорѣчатъ смѣлому утвержденію Ла-Гарпа,

[1]) Дѣйствіе IV, сц. 6.

что Федра Еврипида болѣе преступна, нежели Расинова; они опровергаютъ и софизмы В. Шлегеля, торжественно указывающаго намъ, напротивъ, что нашей Федрѣ, добродѣтели которой мы такъ любуемся, недостаетъ стыдливости и милосердія, что она имѣетъ въ себѣ все, что пожелалъ авторъ изобразить въ ней. Въ то же время Шлегель очень озабоченъ тѣмъ, чтобы измѣнить и уничтожить все, что́ въ столь преступной женщинѣ вызываетъ наше участіе, и что на мѣсто непреодолимаго увлеченія и невольнаго подчиненія страсти, онъ постоянно подставляетъ хитрость, разсчетъ, жестокое и холодное рѣшеніе,—такимъ образомъ низводя ее, вопреки истинѣ, до степени отталкивающей героини Сенеки. Одинъ сохранившійся анекдотъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣренія Расина, и былъ бы одинъ достаточенъ для защиты его произведенія отъ похвалъ Ла-Гарпа и осужденій Шлегеля. Однажды у г-жи де-Ла-Файеттъ Расинъ доказывалъ, что въ трагедіи можно вызвать болѣе живую симпатію, болѣе мучительное состраданіе къ страданіямъ порока, нежели къ несчастіямъ добродѣтели. Чтобы подтвердить это, онъ написалъ Федру—и задача была рѣшена.

Какимъ же путемъ достигъ онъ того, чтобы возбудить интересъ и, какъ говоритъ Луи Расинъ, заслуженное уваженіе къ личности, которая, казалось бы, должна была внушать лишь ненависть и презрѣніе? Разумною постепенностію, которая заставляетъ насъ присутствовать при нечувствительномъ успѣхѣ и при роковомъ движеніи страсти, начиная съ первыхъ ея приступовъ до послѣдняго порыва; изяществомъ формы, скромностію рѣчей, которыя щадятъ стыдливость нравственнаго чувства, устраняя все, что́ сюжетъ піесы могъ бы представить гнуснаго и возмутительнаго; наконецъ, краснорѣчивымъ выраженіемъ угрызеній совѣсти, этими сокрушеніями объ утраченной невинности и этимъ отвращеніемъ отъ порока, которыя не составляютъ добродѣтели, но еще напоминаютъ о ней, какъ внушающая къ себѣ почтеніе развалина послѣ всего того, что было разрушено страстями.

Отсюда возникаетъ тотъ удивительный типъ трагедіи, который Еврипидъ лишь прозрѣвалъ и который всецѣло принадлежитъ намъ, трагедіи, гдѣ страсть, подвергнутая испытанію въ рѣшительныя минуты, какъ бы среди мученій, созда́нныхъ драматическими положеніями, выдаетъ сокровеннѣйшія тайны свои; трагедіи, которую называли отвлеченною, потому что, пренебрегая условіями мѣстными и индивидуальными, она склонна ограничиться анализомъ и выраженіемъ чувствъ, и потому, что, почти минуя эпоху и мѣстность, кажется не имѣющею никакой другой сцены, кромѣ самого сердца человѣческаго.

Мнѣ не хотѣлось прерывать никакими мелочами параллель между тремя знаменитыми произведеніями, которыя внушены были Еврипиду, Сенекѣ и Расину сюжетомъ, заключающимъ въ себѣ любовь Федры и смерть Ипполита: я даже считалъ себя обязаннымъ остановить особенное вниманіе лишь на греческомъ Ипполитѣ и на французской Федрѣ, которые одни представляютъ удивительные

памятники трагическаго искусства. Относительно латинской піесы я ограничился тѣмъ, что указалъ лишь общія черты, которыя связываютъ ее съ двумя остальными, и помѣстилъ ее между ними какъ переходъ, не останавливаясь на томъ, о чемъ уже было столько разъ писано и что́ уже, кажется, исчерпано: на погрѣшностяхъ въ планѣ, на нарушеніяхъ вкуса, безчисленныхъ въ этомъ произведеніи, какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Сенеки, на красотахъ мыслей и стиля, которыхъ тамъ также не мало и которыя получаютъ особенную цѣну оттого, что ими воспользовался Расинъ. Вокругъ этихъ трехъ трагедій я сгруппирую въ заключеніе извѣстное число піесъ, которыя были сочинены на тотъ же сюжетъ или на сюжеты аналогичные съ нимъ, и которыя, какъ останки античнаго театра или опыты нашего рождающагося театра, болѣе или менѣе заслуживаютъ упоминанія критики, благодаря славѣ, а порою и странной извѣстности своихъ авторовъ.

---

3. Другія древнія и новыя піесы съ тѣмъ же сюжетомъ.

Въ высшей степени жаль, что отъ Федры Софокла дошло до насъ лишь нѣсколько изреченій, сохраненныхъ Стобеемъ, о всемірномъ могуществѣ любви, о роковой власти страстей, о горечи преступныхъ радостей и о нарушеніи семейнаго счастія,—изреченій, изъ которыхъ можно угадать сюжетъ, обработанный Еврипидомъ не то позже, не то ранѣе Софокла—что́ остается неизвѣстнымъ, но было бы очень интересно знать. Изъ отрывка VI-го, который можетъ быть переданъ такъ: «Будьте снисходительны и сдержаны: что постыдно женщинѣ, то женщины должны скрывать»—можно заключить, что у Софокла, также какъ и у Еврипида, хору женщинъ Федра повѣряла страсть свою, и хоръ хранилъ ея тайну [1]).

Кромѣ своихъ двухъ Ипполитовъ, Еврипидъ сочинилъ нѣсколько трагедій, на сюжеты довольно сходные съ ними; необходимо знать время ихъ написанія для рѣшенія того, были ли онѣ приготовленіемъ къ Ипполитамъ или воспоминаніями о нихъ.

Таковъ можетъ быть Фриксъ, если въ этомъ произведеніи Еврипидъ слѣдовалъ, какъ предполагали, преданію [2]), по которому сынъ Атомаса преслѣдованіями со стороны Ино былъ обязанъ своему отказу раздѣлить кровосмѣсительную любовь своей мачехи, и если, какъ можно предполагать, то была мачеха, влюбившаяся въ пасынка, къ которому обращалась съ слѣдующими словами: «Вторая жена, говорятъ, можетъ желать только зла дѣтямъ перваго союза; я воздержусь отъ того, чтобы заслужить такой упрекъ» [3]).

---

[1]) Объ отрывкахъ изъ Федры Софокла см. въ концѣ Ф. А. Аренса Sophocl, fragm., изд. Дидо, 1842, стр. 347 и сл., и А. Наука (A. Nauck, Trag. graec. fragm. 1856, стр. 222 и сл.).—[2]) Schol. Pind. Pyth. IV, 288.—[3]) Отрыв. XI. Ср. Matthiae in Eurip. fragm. F. G. Wagner, ibid., стр. 819 и сл.; J. A. Hartung, ibid., т. II, стр. 143 и сл.; A. Nauck, ibid., стр. 492 и сл.—объясняютъ миѳъ о Фриксѣ различно.

Такова была, конечно, его Стенобея[1]), піеса, героиню[2]) которой Аристофанъ въ своихъ нападкахъ на нравственность театра ставитъ рядомъ съ Федрой,—эту жену Прэга, которая, подобно женѣ Тезея, оклеветала Беллерофонта въ преступленіи, къ которому не могла склонить его, и, когда ея мщеніе было выдано и низость обличена, прибѣгла къ самоубійству[3]).

Таковъ былъ, наконецъ, его Фениксъ, гдѣ были воспроизведены еще болѣе точно, нежели въ двухъ другихъ трагедіяхъ, и Федра, и Тезей, и Ипполитъ. Извѣстно, что у Гомера[4]) разсказываетъ Фениксъ воспитаннику своему Ахиллу, чтобы побудить его смирить свой гнѣвъ на Грековъ. Фениксъ — сынъ Аминтора, одного изъ царей Ѳессалійскихъ; когда отецъ его, старецъ, ужъ готовъ уступить мало приличной страсти къ юной рабынѣ - мать Феникса, Ипподамія, довела сына изъ ревности до позорнаго соперничества. Такимъ образомъ предупрежденный или смѣщенный у своей любовницы, и къ тому же собственнымъ сыномъ, разгнѣванный Аминторъ разразился ужасными проклятіями противъ Феникса; Фениксъ, самъ въ порывѣ гнѣва, хотѣлъ покуситься на жизнь отца, но потомъ сдержалъ себя и, покинувъ его дворецъ и даже страну, не взирая на сопротивленіе друзей, переселился въ Фтіотиду, къ Пелею, который принялъ его и поручилъ ему своего сына. Вотъ какъ разсказана у Гомера исторія Феникса. Послѣдователи Гомера коечто измѣнили въ ней. Изъ Плутарха[5]) извѣстно намъ, что стихи, въ которыхъ изображается отцеубійственное намѣреніе Феникса, какъ безнравственные, были исключены Аристархомъ изъ разсказа, гдѣ они позднѣе снова возстановлены. Изъ схоліастовъ Гомера, въ особенности изъ Евстаѳія[6]), намъ извѣстно, что грамматики Сосигенъ и Аристомедъ Низскій сдѣлали въ текстѣ исправленіе, по которому Фениксъ является вполнѣ невиннымъ относительно своего отца[7]). Итакъ Еврипидъ сдѣлалъ это исправленіе въ самомъ ходѣ событій прежде ихъ, быть можетъ слѣдуя какому-нибудь киклическому поэту. Въ его трагедіи, юная любовница Аминтора, влюбившись въ молодого Феникса, сдѣлала ему преложенія, которыя онъ отвергъ, и въ гнѣвѣ взвела на него то же обвиненіе, какъ

---

1) Или его Беллерофонтъ, если считать, вмѣстѣ съ Велькеромъ (Trilog. стр. 340), піесы подъ этими заглавіями за одну. Критики, занимавшіеся отрывками изъ Еврипида, (ср. G. Wagner, ibid, стр. 672, 788; J. A. Hartung, ibid., т. I, стр 78, 388; Nauck, ibid., стр. 351, 447, различаютъ, напротивъ, обѣ эти піесы, и одинъ изъ нихъ, М. Гартунгъ, относя Беллерофонта къ одной тетралогіи съ Ипполитомъ съ вѣнкомъ, предполагаетъ, что въ первомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, было видоизмѣнено сказаніе о Стенобеѣ, какъ во второмъ сюжетъ Ипполита покрытаго.—2) Ran. 1056. Ср. Thesmoph. 153, 548. — 3) Hom. Iliad., VI 155, и сл. Ср. Лукіана de Calumnia, XXVI; Apollod. Bibl. II, 3, 1; Hygin. Fab. LVII, и т. д.—Ср. Еврип. Sthenob. См. у вышеупомянутыхъ критиковъ Велькера, Вагнера, Гартунга, Наука недавнія попытки возстановленія Стенобеи и Беллерофонта.—4) Iliad. IX, 447 и сл.—5) De Audiend. poët, VIII.—6) См. Heyne, Var. Lect. et observ. in Iliad. IX, 453.—7) Вм. τῷ πιθόμην καὶ ἔρεξα, они поставили: τῷ οὐ πιθόμην οὐδ' ἔρξα.

Ино на Фрикса, и Стенобея (или по Гомеру—Антея) противъ Беллерофонта, а Федра противъ Ипполита. Введенный ею въ заблужденіе отецъ приказалъ выколоть своему сыну глаза и, какъ Тезей, прогналъ его отъ себя и изъ своего государства. Съ этими прибавками трагедіи исторія о Фениксѣ передана Аполлодоромъ [1]), который прибавляетъ къ ней одно обстоятельство, упоминаемое Проперціемъ [2]), но быть можетъ чуждое сюжету, обработанному Еврипидомъ, а именно, что по мольбѣ Пелея, Хиронъ возвратилъ зрѣніе Фениксу. Къ греческимъ фрагментамъ трагедіи Фениксъ слѣдуетъ прибавить не безъ пользы для возстановленія въ ней нѣкоторыхъ чертъ [3]), отрывки изъ подражанія ей, сдѣланнаго Энніемъ. Напр. въ слѣдующемъ стихѣ, приведенномъ у Цицерона [4]), который пренебрегли включить въ нее:

Neque tuum unquam in gremium extollas liberorum ex te genus

ст. е.: чтобъ дѣтей, тобою рожденныхъ, никогда не принялъ ты въ свои объятія и не прижалъ къ груди своей) одинъ критикъ [5]) съ вѣроятностію признавалъ остатокъ проклятія Аминтора сыну. Въ другомъ стихѣ

Quam tibi ex ore orationem duriter dictis dedit [6])!
(т. е.: Какое жесткое слово услыхалъ ты отъ него!)

можно узнать рѣчь друзей, которые, по Гомеру, слѣдили за Фениксомъ, чтобы воспротивиться его отъѣзду, и въ трагедіи, быть можетъ, внушали ему мысли о мщеніи, доблестно имъ отвергнутыя. Но не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что благородная покорность Феникса своему несчастію выражается слѣдующими стихами, разсѣянными въ сочиненіяхъ грамматиковъ, но по общей имъ всѣмъ мысли легко сближаемыми въ одну тираду:

Sed virum vera virtute vivere animatum addecet;
Fortiterque innoxium vacare adversus adversarios:
Ea libertas est, qui pectus purum et firmum gestitat;
Aliae res obnoxiosae nocte in obscura latent [7]).

Saeviter suspicionem ferre falsam, futilum est [8]).

Ut quod factum est futile, amici, nos feramus fortiter [9]).

Plus miser sim, si scelestim faxim... [10])

(т. е.: „Человѣкъ долженъ одушевляться лишь истинной добродѣтелью; ему должно имѣть мужество остаться безъ пятна передъ лицомъ своихъ враговъ. Лишь тотъ

[1]) Bibl. III, 13, 8.—[2]) Eleg. II, 1, 60. Ср. Овид. Metam., VIII, 307; De art amat. I, 337; Ibis, 261. Къ латинскимъ поэтамъ, вспомнившимъ о Фениксѣ и его приключеніи, одинъ схоліастъ Овидія (Ibis, 261) прибавилъ нѣкоего Батта (Battus), изъ котораго, по этому случаю приводитъ стихи, показавшіеся, и не безъ основанія, очень новыми Вейхерту (de L. Varii et Cassii Parmensis vita et carminibus, 1836, стр. 139 и сл.—[3]) Валькенеръ Diatrib. in Eurip. fragm., XXIV.—[4]) Orat., XLVI.—[5]) Якобсъ См. Еврипида Variorum въ Гласговѣ, 1821, т. VII, стр. 652.—[6]) Non., см. Duriter.—[7]) A. Gell., VII, 17.—[8]) Non., c. Saeviter.—[9]) Id. см. Futile.—[10]) Id. см. Faxim. Тотъ же грамм. (см. Cupienter) приводитъ одинъ стихъ этой піесы съ аллитераціей, которою Энній украсилъ свою поэзію, примѣръ, не менѣе поразительный, чѣмъ другой стихъ:... Stultu'st qui cupita cupiens cupienter cupit.

свободенъ, чье сердце чисто и твердо; все, что рабствуетъ передъ своими страстями, словно погружено въ темную ночь... Возставать противъ ложнаго подозрѣнія есть легкомысліе... Что сдѣлали относительно насъ легкомысленно, перенесемъ, друзья мои, мужественно... *Я былъ бы болѣе жалокъ, если бы былъ* преступенъ..."

Греческіе отрывки передаютъ намъ изъ той же сцены черты довольно краснорѣчивыя:

„Когда я видѣлъ проходящаго городомъ какого-нибудь слѣпца, привязаннаго къ своему вожаку и оплакивающаго свою участь, я считалъ его трусомъ за то, что онъ не *прибѣгаетъ къ смерти*. А теперь, несчастный! вотъ я низвергнутъ ниже того, о чемъ говорилъ. О смертные, любящіе жизнь, которые желаете увидѣть завтрашній день, хотя и удручены тягостію страданій! Такова у человѣка любовь къ жизни. Но мы знаемъ жизнь и, не зная смерти, каждый страшится разстаться съ солнечнымъ свѣтомъ." [1]).

„*Отечество отцовъ моихъ*, прощай! Для человѣка, хотя и раздавленнаго несчатіемъ, нѣтъ страны, болѣе сладостной, чѣмъ страна, его вскормившая!" [2])

Вотъ какимъ языкомъ у Еврипида говоритъ герой, готовый отправиться въ изгнаніе, слѣпой, въ разстройствѣ, надъ которымъ Аристофанъ не упустилъ случая потѣшиться [3]). Онъ заставляетъ Еврипида говорить Дикеополиду, пришедшему взять у него на прокатъ старый трагическій костюмъ, довольно жалкій, съ помощію котораго онъ могъ бы разжалобить Аѳинянъ: «Какой костюмъ нуженъ тебѣ?... костюмъ слѣпого Феникса?» [4])

Нѣтъ ничего естественнѣе, что Еврипидъ въ нѣкоторомъ родѣ противорѣчилъ самому себѣ въ различныхъ своихъ трагедіяхъ. Не бываетъ плодовитыхъ геніевъ, которые не преслѣдовали бы такимъ образомъ, подъ различными формами, не находя удовлетворенія, одну и ту же идею. Но что Ликофронъ послѣ Еврипида [5]) имѣлъ смѣлость написать Ипполита—можетъ удивить, если бы онъ не началъ снова—подъ тѣми же заглавіями: Пентей, Эолъ, Хризиппъ, Андромеда—другія трагедіи того же поэта и если бы онъ не отважился двумя Эдипами на соперничество съ Софокломъ [6]). Что касается Ипполита Сопатерова, изъ котораго Атеней [7]) приводитъ одно мѣсто, несомнѣнно мало трагическое, то въ немъ нельзя видѣть, какъ это неоднократно дѣлалось, трагедію, но—пародію.

Въ каталогахъ, относящихся къ древнему римскому театру, я нигдѣ не нашелъ и слѣда Еврипидова Ипполита. Между тѣмъ весьма вѣроятно, что такое крупное произведеніе не избѣжало всеобщаго подражанія, помощію котораго Ливій Андроникъ и его послѣдователи переносили въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ, на латинскую сцену греческую трагедію. Къ тому же Ипполитъ, по на-

---

[1]) Stob. CXXI, 12.—[2]) Stob. XXXIX, 9.—[3]) Acharn., 432 и сл.—[4]) Объ отрывкахъ Феникса греч. и Феникса *лат. см.* Ф. Г. Вагнера, ibid., стр. 815; Гартунга, ibid., т. I, стр. 69; Наука, ibid, стр. 488; Риббекка, Trag. Lat. reliq., стр. 43, 264.—[5]) Стихъ Аристофана, котораго нельзя привести (Thesmophor, 153), *наводитъ* на мысль, что Агаѳонъ также сочинилъ Федру.—[6]) См. Свиду и въ Biographie universelle прекрасную замѣтку Буассонада о Ликофронѣ.—[7]) Deipn. III.

родной легендѣ и по народному вѣрованію [1]) воскрешенный Эскулапомъ, къ великому неудовольствію Юпитера скрытый Діаною въ своемъ лѣсу и въ своемъ храмѣ въ Арисіи, и въ нѣдрахъ этого священнаго убѣжища сопричисленный подъ именемъ Вирбія къ культу богини,—сталъ героемъ Лаціума, очень охотно принятый слѣдовательно въ латинскую поэзію и на римскій театръ. Правда, Горацій относительно его держался преданія, которому слѣдовалъ Еврипидъ [2]) и которое было освящено памятниками Трезены [3]). По этому преданію Ипполитъ умираетъ, и только его памяти воздаются религіозныя почести у Трезенцевъ. Горацій, какъ истый скептикъ, отказывается въ одной изъ своихъ одъ [4]) вѣрить, чтобъ Діана имѣла власть вырвать изъ адскаго мрака чистаго Ипполита. Но съ другой стороны Вергилій прославилъ въ прекрасныхъ стихахъ въ Энеидѣ [5]) эту чудесную исторію и даже дозволилъ себѣ ее продолжить, включивъ въ число вождей Турнова войска сына Ипполитова, называвшагося, какъ и его отецъ, Вирбіемъ и рожденнаго отъ союза его съ нимфой Арисіей. (Ясно, что отсюда Расинъ заимствовалъ имя соперницы Федры, о чемъ онъ позаботился упомянуть самъ [6]). Послѣ Вергилія, Овидій помѣстилъ, и притомъ дважды, въ своихъ Fastes [7]) арисійское сказаніе о воскрешеніи и обоготвореніи Ипполита; онъ пользуется этимъ сказаніемъ даже въ Метаморфозахъ [8]), гдѣ герой успокоиваетъ скорбь Эгеріи послѣ смерти Нумы, разсказывая ей о своихъ собственныхъ несчастіяхъ: разсказъ этотъ, слишкомъ отдалившійся отъ предмета повѣствованія, чтобы быть патетичнымъ, но быстрый, изящный и живописный, далъ не одну черту Расинову Терамену и, къ несчастію, также и вѣстнику Сенеки. Послѣдній нашелъ въ немъ образецъ безконечныхъ амплификацій, въ которыхъ описываетъ и бурю [9]), и чудовище [10]), и общій ужасъ [11]), и борьбу Ипполита съ сверхъестественнымъ непріятелемъ [12]), и въ особенности, послѣ паденія Ипполита, его тѣло, влекомое конями, ужасное растерзаніе, не менѣе ужасные поиски его растерзанныхъ членовъ [13]),—амплификацій, въ которыхъ безвкусіе перемѣшано съ изяществомъ и изъ которыхъ художественное чувство Расина умѣло извлечь, также какъ и изъ разсказа Метаморфозъ, нѣкоторыя по-

---

1) Схол. Пинд. (Pyth. III, 99), Еврип. (Alcest); Эратосө. (Catast., VI); Аполлод. III, 10, 3; Павзан. (Cor., XXVII; ср. XXXII и Lac., XII); Гиг. (Fab., XLIX, CCLI) и т. д.—2) Ст. 1414 и сл.; schol.; 1428 и сл.—3) Павзан. ibid., Аттик., XXII; ср. Діод. Сиц., IV, 62; Лукіан. de dea Syria, XXIII.—4) IV, VII., 25. Клавдіанъ (de Bello Get., 440) повидимому хотѣлъ опровергнуть Горація, говоря:

Et juvenem spretae laniatum fraude novercae
Non sine Circaeis Latonia reddidit herbis.

и въ другомъ мѣстѣ (Fescenn., I, 16):

Venus reversum spernat Adonidem;
Damnet reductum Cynthia Verbium.

5) Aen. VII, 761 и сл.; Heyne (Excurs. VII).—6) Предисл. Расина къ Федрѣ.—7) III, 266 и сл.; VI, 733 и сл.—8) XV, 492 и сл.—9) Актъ IV, сц. 1, ст. 1004—1031.—10) Ibid., ст. 1033, 1046.—11) Ст. 1047—1051.—12) Ст. 1051—1082.—13) Ст. 1082—1107.

разительныя черты и, чтó всего удивительнѣе, черты натуральныя. Возвратимся къ Овидію. Этотъ поэтъ въ своихъ Метаморфозахъ [1]) изображаетъ Мирру, подобно тому какъ ранѣе авторъ Цириса [2]), Вергилій, или Галлъ, въ качествѣ достойнаго ученика Еврипида, изобразилъ Сциллу, сдѣлашую вслѣдствіе упорныхъ настояній и заботливаго насилія кормилицы признаніе въ ужасной своей любви. Въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній, въ Героидахъ [3]), Овидій далъ Сенекѣ для изображенія Федры образецъ, воспроизведенный Сенекой слишкомъ близко. Предположивъ письмо отъ Федры къ Ипполиту и заставляя осуществить знаменитую истину: epistola non erubescit [4]), Овидій захотѣлъ, ранѣе Сенеки, украсить нѣсколько искусственнымъ изяществомъ своего стиля признанія самыя наглыя, вызовы самые возмутительные. Однакоже исключимъ изъ этого сходства сцену знаменитую, особенно вслѣдствіе удивительнаго подражанія, ею вызваннаго, въ которой Федра Сенеки собственными устами дѣлаетъ Ипполиту мучительное признаніе въ своей страсти. Въ Героидѣ Овидія нѣтъ ничего, чтó могло бы навести Сенеку на изображеніе слѣдующаго діалога [5]), который, быть можетъ, даетъ ему наибольшее право ему на драматическую славу:

Ипполитъ.

Довѣрь слуху моему твою печаль, мать моя.

Федра.

Это имя матери очень пышно, очень внушительно: моему сердцу было бы пріятнѣе имя, болѣе смиреннсе. Называй меня своей сестрою, Ипполитъ, своей служанкой... Получи отъ меня скипетръ, довѣренный мнѣ знакъ власти. Прими меня въ свои служанки: тебѣ принадлежитъ право повелѣвать, а мнѣ— исполнять твои приказанія. Женщина не можетъ управлять государствомъ; но ты въ цвѣтущемъ возрастѣ, во всей силѣ юности, сумѣешь, опираясь на авторитетъ отца, управиться съ гражданами. Молящая, я ищу убѣжища въ сердцѣ твоемъ; укрой своимъ покровительствомъ рабу твою; пожалѣй вдову.

Ипполитъ.

О, пусть величайшій изъ боговъ отклонитъ это предсказаніе! Нѣтъ, нѣтъ, отецъ мой живъ, и скоро возвратится.

Федра.

Владыка корыстныхъ нѣдръ, молчаливыхъ береговъ Стикса, не дозволяетъ подняться на свѣтъ тѣмъ, кто разъ покинулъ его. Дастъ ли свободу Плутонъ похитителю своей супруги? Забудетъ ли этотъ страшный богъ свое оскорбленіе?

Ипполитъ.

Когда-нибудь небесные боги, болѣе милостивые, возвратятъ намъ Тезея. Но пока они оставятъ насъ въ сомнѣніи относительно его желаннаго возвращенія, я окажу къ братьямъ моимъ чувства, которыя составляютъ мой долгъ, и не допущу, чтобы ты могла считать себя вдовою. Я займу подлѣ тебя мѣсто моего отца.

Да будетъ мнѣ позволено остановиться здѣсь на минуту, чтобы указать особенное искусство этого діалога, гдѣ Федра съ ловкостію, которая внушаетъ ей ея положеніе, всѣми этими рѣчами о вдовѣ Тезея, о сестрѣ, о служанкѣ Ипполита, устанавливаетъ вы-

---

[1]) X, 382 и сл.—[2]) Ст. 220 и сл.—[3]) Epist. IV. [4]) Cic. Fam., V, 12.—[5]) Актъ II, сц. 3, ст. 608 и сл.

мышленныя отношенія съ тѣмъ, кого любитъ, чтобы постепенно приблизиться къ его сердцу, не встревоживъ его добродѣтели,—между тѣмъ какъ онъ, какъ бы предчувствуя это окольное нападеніе, противопоставляетъ ему строгій титулъ матери, который ставитъ ихъ обоихъ вновь въ ихъ дѣйствительныя отношенія.

Не при воспоминаніи ли подобной моральной тактики Шиллеръ изображалъ супругу Филиппа II, прикрывающуюся отъ страстныхъ порывовъ пасынка своимъ положеніемъ и именемъ матери, которое отвергалъ съ негодованіемъ пылкій ея поклонникъ?[1])

Не ту же ли тактику вспомнилъ и Понсаръ, въ наше время съ такимъ блескомъ возобновившій лучшіе дни трагедіи, когда писалъ сцену, гдѣ Лукреція, застигнутая въ своемъ скромномъ уединеніи Секстомъ, называетъ его своимъ гостемъ, другомъ своего мужа, по инстиктивному нравственному чувству укрываясь этими священными именами отъ человѣка, покушающагося на ея честь[2])?

Ипполитъ Сенеки безсознательно облегчилъ признаніе Федры, обѣщая ей занять подлѣ нея мѣсто своего отца. Она пользуется этимъ словомъ и обращаетъ его въ преступную надежду кровосмѣсительной любви; она рѣшается сказать[3]):

Сжалься надо мною; пойми нѣмую мольбу моего сердца; я хотѣла бы говорить—и не смѣю.

Ипполитъ.

Какое непонятное страданіе мучитъ тебя?

Федра.

Страданіе, совсѣмъ не свойственное мачехѣ.

Ипполитъ.

Какія темныя, загадочныя и таинственныя рѣчи! Объяснись съ полною откровенностью.

Федра.

Такъ узнай же: любовь сжигаетъ своимъ пламенемъ мое обезумѣвшее сердце. До мозгу костей пожираетъ меня оно, это пламя; оно разливается по моимъ жиламъ и проникаетъ въ мои нѣдра...

Ипполитъ.

Твоя чистая любовь къ Тезею производитъ въ тебѣ эту тревогу.

Федра.

Да, Ипполитъ: да, я люблю черты Тезея; тѣ черты, какія имѣлъ онъ въ дни своей юности, когда первый пухъ украшалъ его цвѣтущія щеки, когда онъ посѣщалъ мрачное вѣроломное жилище критскаго чудовища и спасительная нить вела его по длиннымъ изворотамъ лабиринта. Какимъ блескомъ сіялъ онъ тогда! Повязка охватывала его свѣтлые волосы; лицо его румянилось дѣвственнымъ стыдомъ; а между тѣмъ на нѣжныхъ рукахъ его виднѣлись могучія мышцы. Онъ подобенъ былъ Фебѣ, твоей богинѣ, или моему праіщуру Фебу; нѣтъ, нѣтъ: тебѣ самому! Да, онъ былъ таковъ, какъ ты, когда обворожалъ своего врага. Такъ же поднималась его гордая голова. Но въ тебѣ блещетъ болѣе яркое сіяніе, красота болѣе безыскусственная; въ тебѣ—отецъ твой, и какая-то дикая красота твоей матери Амазонки,—суровыя черты Скиѳовъ съ чертами Грека. О, если бы вмѣстѣ съ отцомъ своимъ прибылъ ты въ Критское море—сестра моя

---

[1]) Донъ-Карлосъ, актъ I, сц. 5.—[2]) Лукреція, трагедія Понсара, предст. въ 1843 г.—[3]) Ст. 636 и сл.

припасла бы спасительную нить охотнѣе для тебя, нежели для него. О, сестра моя! Въ какой бы части неба ни блистала ты теперь, зову тебя къ себѣ на помощь; у насъ одна судьба: обѣ мы съ тобою встрѣтили въ одной семьѣ нашихъ похитителей; твой похититель—отецъ, а мой—его сынъ... Смотри, у ногъ твоихъ молитъ тебя царица, отрасль столькихъ царей, на которой никогда не было ни единаго пятна, донынѣ чистая и только для одного тебя переставшая быть чистою. Добровольно отдаюсь я этой униженной мольбѣ своей. Сегодня—я ужъ рѣшилась,—конецъ или моимъ терзаніямъ или моей жизни. Сжалься надъ той, которая любитъ тебя."

Какъ удачно заключаетъ страстную тираду это «любитъ», долго ожидаемое, издалека подготовлявшееся, заключенное и скрытое во всемъ, что́ ему предшествовало! 1) Въ первый разъ, по крайней мѣрѣ насколько мнѣ извѣстно, прозвучало это слово на античной сценѣ, если его не вложилъ въ уста Федры Еврипидъ въ своемъ Ипполитѣ покрытомъ, противъ котораго высказалось общественное чувство стыда голосомъ Аристофана, такъ что первоначальную смѣлость пришлось исправлять Ипполиту съ вѣнкомъ. Но пока это сомнительно, прославимъ Сенеку за эту важную новизну, которая дѣлаетъ его предшественникомъ Расина по крайней мѣрѣ въ этой сценѣ, задуманной такъ смѣло, и (чего недостаетъ всей его піесѣ) такъ искусно, такъ естественно проведенной съ возрастаніемъ страсти, столь соотвѣтствующимъ ея ходу. Но Расинъ (ограничимся общимъ замѣчаніемъ), у котораго поступокъ Федры является болѣе невольнымъ, ея признаніе приготовленнымъ болѣе издалека и вырвавшимся неожиданно, а выраженіе любви менѣе чувственнымъ, нисколько не теряя оттого живости, и какъ бы искупленнымъ отчаяннымъ взрывомъ защиты и угрызеній совѣсти,—Расинъ, благодаря оригинальному употребленію, которое онъ умѣлъ сдѣлать изъ заимствованія, и тѣмъ страстнымъ движеніямъ, которыя онъ туда прибавилъ, значительно возвысился надъ своимъ образцомъ. Это уже не та Федра, которая, будучи обременена недостойными упреками и тяжелыми проклятіями, унизительно, нагло, настоятельно упорствуетъ въ своемъ преслѣдованіи, надъ которою поднимается мечъ, тотчасъ отброшенный, какъ бы оскверненный нечистымъ прикосновеніемъ. Федра Расина, которая, охваченная всецѣло любовью и въ ней признавшаяся, сама себя осуждаетъ, ненавидитъ себя, требуетъ себѣ кары, и сама въ припадкѣ изступленія овладѣваетъ мечемъ Ипполита, въ душу котораго чудесный подражатель, обращающій все, что попадаетъ въ его руки, въ золото, вложилъ, вмѣсто грубаго гнѣва, лишь стыдливое и скорбное смущеніе. Я могъ бы умножить эти сближенія если бы меня не сдерживала спеціальность моей задачи. Предпочитаю сослаться на Театръ Грековъ Брюмуа и на различныхъ комментаторовъ Сенеки и Расина, гдѣ можно найти эти сближенія съ бо́льшими подробностя-

---

1) Луи Расинъ, замѣчаетъ (Comparaisons etc): „Сенека доходитъ до того, что изображаетъ эту ужасную женщину у ногъ своего повелителя, простирающею къ нему руки для объятій и обращающеюся къ нему съ отвратительною мольбою: Miserere amantis". Мнѣ кажется, Луи Расинъ не отдалъ здѣсь должной справедливости тому, какъ употреблено это слово, столь его возмутившее.

ми, которыя были бы здѣсь неумѣстны [1]). Мною сказано достаточно, чтобы указать посредствующее мѣсто латинской піесы между двумя шедёврами, изъ которыхъ одинъ она какъ бы съ намѣреніемъ уничтожила, а для художественнаго построенія другого приготовила матеріалъ, послужившій генію, обработавшему его съ удивительнымъ искусствомъ.

Ипполитъ Сенеки, лучшее изъ его произведеній наряду съ Медеей и Троянками, наиболѣе нравившееся въ эпоху Возрожденія, когда этого поэта равняли, а порою и предпочитали трагикамъ греческимъ, былъ сыгранъ по первоначальному тексту въ Римѣ около 1483 г., а около 1573 вызвалъ въ Парижѣ подражаніе Гарнье. Это подражаніе очень свободное; мѣстами оно сокращаетъ подлинникъ, чаще же распространяетъ его. Такъ Гарнье прибавляетъ къ піесѣ прологъ, во вкусѣ Сенеки, гдѣ тѣнь Эгея излагаетъ сюжетъ, и безъ того понятный, въ безконечномъ рядѣ стиховъ, отличающихся слогомъ очень устарѣлымъ, но среди которыхъ выдѣляются слѣдующіе стихи, какъ бы гораздо болѣе новыя:

Mais quoi, le sort est tel; l'inexorable sort
Ne se peut ébranler d'aucun humain effort.

(Но такова судьба; неумолимую судьбу не можетъ поколебать никакое усиліе человѣка).

Въ первой сценѣ подражаніе распространяетъ общія мѣста подлинника безконечными и скучными подробностями о снахъ и роковыхъ предсказаніяхъ, волнующихъ душу Ипполита и смутно предвозвѣщающихъ ему ужасное событіе. Изъ этого мѣста, которое не блещетъ ни изобрѣтеніемъ, ни слогомъ, можно извлечь слѣдующіе стихи, въ которыхъ древній поэтъ изобразилъ ранѣе Ла-Фонтена [2]) очень привлекательно сумерки:

Mais comme il fait au soir après que le soleil
A retiré de nous son visage vermeil,
Et qu'il relaisse encore une lueur qui semble
Estre ny nuit ny jour, mais tous les deux ensemble.

(Но какъ бываетъ вечеромъ, послѣ того какъ солнце отвратитъ отъ насъ свое алое лицо, и еще оставляетъ свѣтъ—ни ночь, ни день, но и то и другое вмѣстѣ).

Въ другомъ мѣстѣ [3]) встрѣчаемъ въ роли Федры одну тираду, которая задолго предвѣщаетъ то, что Расинъ выразилъ [4]) такъ изящно и поэтично устами того же лица:

Il est aisé d'entrer dans le palle séjour,
La porte y est ouverte et ne clost nuict ne jour.
Mais qui veut ressortir de la salle profonde,
Pour revoir derechef la clarté de ce monde,

[1]) Разнообразное сравненіе Сенеки и Расина было снова предпринято за послѣдніе годы, съ нѣкоторою, быть можетъ, строгостію относительно Сенеки, Низаромъ въ его интересныхъ Etudes de moeurs et de critique sur les poëtes latins de la décadence, 1834 и 1849, т. I, стр. 120 и сл. 2 го изд.; съ другой стороны, съ излишнимъ пристрастіемъ, Видалемъ въ любопытныхъ Etudes sur trois tragédies de Sénèque imitées d'Euripide, 1854, стр. 75 и сл.—[2]) Fables, X, 15.—[3]) Актъ II, сц. 1.—[4]) Актъ II, сц. 5. Ср. Вергил. Aen. VI, 125 и сл.

En vain il se travaille il se tourmente en vain,
Et toujours se verra trompé en son dessain.

(„Легко войти въ жилище блѣдныхъ тѣней; дверь открыта туда и не запирается ни ночью, ни днемъ. Но кто хочетъ выйти изъ глубокаго чертога, чтобы вновь увидѣть сіяніе этого свѣта, тщетно дѣлаетъ попытки, напрасно тревожится онъ: всякій разъ видитъ онъ свои надежды обманутыми").

Движеніе стиховъ, такъ хорошо построенныхъ, въ которыхъ Расинъ изображаетъ [1]) изрыгнутое разбившеюся волною чудовище, высланное Нептуномъ противъ Ипполита, какъ бы предчувствуется въ слѣдующихъ стихахъ:

Elle bout, elle escume, et suit en mugissant
Ce monstre qui se va sur le bord eslançant.
(Пѣнясь она кипитъ, за чудищемъ несется,
Которое вскочить на берегъ ближній рвется).

Можно сказать, что въ этой піесѣ Гарнье встрѣчается счастливыхъ стиховъ не менѣе, чѣмъ въ другихъ піесахъ того же автора, хотя здѣсь, также какъ и всюду, его стихъ вообще растянутъ, вялъ, тривіаленъ. Въ немъ встрѣчаются черты, которыми старый поэтъ превосходитъ свою манеру и манеру своего времени:

Celui qui veut beaucoup veut encor plus pouvoir
(Кто хочетъ *многаго*, еще *мочь больше* хочетъ).
C'est presque guarison que de vouloir guarir
(Кто хочетъ здравымъ быть, почти уже здоровъ).
La mort jamais ne manque à ceux qui la désirent
(Смерть не бѣжитъ того, кто умереть желаетъ).
La mort est moins à craindre et donne moin d'esmoy,
Quand on laisse en mourant quelque regret de soy
(Смерть менѣе страшна и менѣе тревожитъ,
Коль жалость по себѣ оставить мертвый можетъ).
Je meurt de vous trop voir...
(Такъ часто видѣться—мученье для меня).

Гарнье далъ толчокъ къ усовершенствованію классическихъ трагедій Жоделля, но—какъ было сказано выше—усовершенствованію лишь въ стилѣ. Этому успѣху содѣйствовали равно и Сенека и греческіе трагики: первый самой напыщенностію своею порою возвышаетъ слогъ подражателя, охраняя его отъ плоскости; по слѣдамъ же греческихъ трагиковъ, когда онъ предпочиталъ слѣдовать имъ, ему случается встрѣчаться съ простодушіемъ и граціей. Конечно, эта удача очень рѣдка. Чаще всего Гарнье оскорбляетъ насъ греко-латинскою пестротою своихъ предшественниковъ, тривіальностію языка той эпохи, когда еще не совершилось раздѣленія языка вульгарнаго и ораторскаго или поэтическаго. Но благодаря вліянію образцовъ своихъ, а также и нѣкоторому личному вдохновенію, онъ плѣняетъ время отъ времени естественнымъ оборотомъ, легкимъ и даже изящнымъ. То былъ лепетъ нашей Мельпомены, не лишенный нѣкоторой прелести.

Наступаетъ, наконецъ, время, когда Корнель открываетъ Мельпоменѣ тайну стиля свободнаго и благороднаго, который будетъ обдѣланъ со-

[1]) Актъ V, сц. 6.

вершеннымъ искусствомъ Расина. Тогда писатели, нынѣ уже забытые, но участвующіе въ общемъ усовершенствованіи трагическаго языка, обработываютъ вновь одинъ изъ счастливѣйшихъ сюжетовъ, завѣщанныхъ новымъ поэтамъ поэтами античными, и, какъ полезные работники, приготовляютъ матеріалы для великаго памятника, который долженъ явиться вскорѣ. Въ 1635 г. Ла-Пинельеръ пишетъ своего Ипполита, подражаніе Сенекѣ, охарактеризованное въ Исторіи французскаго театра какъ нелѣпое произведеніе, изъ котораго однакоже приводятся тамъ нѣкоторые стихи, представляющіе обороты довольно правильные и сильные [1]). Въ 1646 году Жильберъ, авторъ болѣе извѣстный, бывшій въ молодости секретаремъ шведской королевы Христины и ея резидентомъ во Франціи, плодовитость котораго долго обезпечивала нашу сцену вмѣстѣ съ поэтами второстепенными, наполнявшими промежутки отъ одного произведенія Корнеля до другого, — далъ новаго Ипполита, котораго во второмъ заглавіи опредѣляетъ довольно странно Безчувственнымъ юношей. Если вѣрить Исторіи французскаго театра, то это опредѣленіе противорѣчило любезному тону, который придавалъ Жильбертовъ Ипполитъ своимъ отказамъ, выслушавъ любовное объясненіе Федры. Расинъ сдѣлалъ большую честь этой піесѣ, заимствовавъ изъ нея, какъ это часто указывается, нѣкоторыя подробности. Такова мысль о самоубійствѣ Эноны:

Энона ею съ глазъ позорно прогнана,
И въ море бросилась глубокое она [2]).

Такова и мысль слѣдующаго мѣста въ діалогѣ между Тезеемъ и Ипполитомъ:

Ипполитъ.

Чью, заподозрѣнный въ томъ преступленьи низкомъ,
Я жалость вызову, покинутый тобой?

---

[1]) Тезей, въ сравненіи, которое не находится у Сенеки, и которое нельзя признать приличествующимъ драмѣ, изображаетъ тамъ слѣдующимъ образомъ природу тѣней, встрѣченныхъ имъ во время сошествія въ аидъ:

Mille fantômes voins, et sans vie et sans corps,
Volent confusément dans ce cachot des morts.
Ainsi quand un milan part, et, quittant la terre,
S'élève à cette plaine où gronde la tonnère,
De son aile étendue arrêtant un rayon,
Il fait toujours sous lui de lui-même un crayon:
Cette ombre dont sa course en tous lieux est suivie,
Est un oiseau visible et sans corps et sans vie.
Tels à l'entour de nous on voyait approcher
Ces fantômes qu'en vain on eût voulu toucher.

(т. е.: Множество призраковъ, безжизненныхъ и безтѣлесныхъ, въ безпорядкѣ летаютъ въ этой темницѣ мертвыхъ. Такъ, когда поднимается коршунъ и, покинувъ землю, возносится въ пространство, гдѣ грохочетъ громъ, заслоняетъ одинъ изъ лучей распростертымъ крыломъ своимъ, онъ всегда отбрасываетъ подъ собою свое очертаніе: эта тѣнь, которая слѣдуетъ всюду за его полетомъ,— видимая глазу птица безъ тѣла и жизни. Такіе призраки, видѣли мы, приближались къ намъ со всѣхъ сторонъ; напрасно было бы желать прикоснуться къ нимъ).

[2]) Дѣйствіе V, сц. 5.

Тезей.

Ищи себѣ друзей съ отверженной душой,
Готовыхъ одобрять развратъ, кровосмѣшенье
И благодарности не слышащихъ внушенья;
Ищи предателей безъ чести и стыда,
Готовыхъ защищать преступниковъ всегда.

Вотъ какъ эти самыя мысли выразилъ впервые Жильберъ:

Hippolyte.

Si je suis exilé pour un crime si noir,
Helas! qui des mortels voudra me recevoir?
Je serai redoutable à toutes les familles,
Aux frères pour leurs soeurs, aux pères pour leurs filles.
Où sera ma retraite, en sortant de ces lieux?

Thesée.

Va chez les scélérats, les ennemis des dieux,
Chez ces monstres cruels, assassins de leurs mères;
Ceux qui se sont souillés d'incestes, d'adultères—
Ceux-là te recevront...

(т. е.: Ипполитъ. Увы! Кто изъ смертныхъ захочетъ принять меня, изгнаннаго за столь черное преступленіе? Я буду внушать ужасъ всѣмъ семействамъ, братьямъ за ихъ сестеръ, отцамъ—за дочерей. Гдѣ же найду я пристанище, покинувъ эти мѣста?—Тезей. Ступай къ злодѣямъ, врагамъ боговъ, къ жестокимъ чудовищамъ, убійцамъ своихъ матерей; къ тѣмъ, кто запятналъ себя кровосмѣшеніемъ, прелюбодѣяніемъ. Они примутъ тебя...")

Впрочемъ, быть можетъ, оба мѣста прямо заимствованы у Еврипида, гдѣ читаемъ:

Ипполитъ.

Куда пойду я, несчастный? чьимъ гостепріимствомъ воспользуюсь я, изгнанный за такое преступленіе?

Тезей.

Гостепріимствомъ тѣхъ, кому свойственно принимать предателей, которые оскорбляютъ или обольщаютъ ихъ женъ [1]).

Расинъ могъ также заимствовать прямо у Еврипида знаменитое полустишіе, которое легко узнать въ слѣдующемъ стихѣ Жильбера:

Ne m'en accuse point; c'est toi qui l'as nommé. [2])
(т. е.: Не обвиняй меня въ этомъ; ты сама назвала его).

Приводятъ еще изъ Жильбера довольно трогательное прощаніе Ипполита съ своими друзьями; оно есть также подражаніе Еврипиду, который, до той поры заслоненный Сенекою, привлекъ впервые—не странно ли это?—вниманіе авторовъ новѣйшихъ переработокъ сказанія о Федрѣ.

Расину оставалось извлечь изъ искуснаго соединенія двухъ образцовъ, столь неравныхъ, произведеніе дѣйствительно самобытное, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ искусства. Въ 1677 году

---

[1]) Ст. 1064—1067.—[2]) Актъ I, сц. 3. У Расина въ дѣйствіи I, сц. 3: „Его ты назвала".

явилось это чудо, какъ назвалъ его въ моментъ появленія Буало, предупреждая справедливое потомство въ краснорѣчивомъ посланіи [1]), гдѣ онъ тщетно старался утѣшить своего друга въ горькихъ страданіяхъ непризнаннаго и оскорбленнаго генія. Въ 1677 же году, лишь черезъ нѣсколько дней послѣ появленія Федры Расина, явилась другая Федра, заказанная предпріимчивому Прадону шайкою непріятелей Расина вслѣдствіе гнусныхъ происковъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться [2]), направленныхъ съ постыднымъ успѣхомъ противъ превосходнаго произведенія Расина, зрѣвшаго въ теченіе двухъ лѣтъ среди ученыхъ и поэтическихъ трудовъ. Не могу подумать безъ огорченія и негодованія, чего стоила намъ жалкая піеса Прадона, которая остановила Расина, достигшаго лишь 38 лѣтъ, на его пути, гдѣ каждый его шагъ былъ блестящей побѣдою въ сферѣ исторіи и миѳа на пользу нашего театра, и которая обрекла его трагическую музу на молчаніе въ теченіе 12 лѣтъ. Передаютъ, что Расинъ сказалъ: «Вся разница между Прадономъ и мною состоитъ въ томъ, что я умѣю писать» — и эти слова, очень сомнительныя потому, что въ нихъ мало справедливости, были приложены Вольтеромъ [3]) къ обѣимъ Федрамъ, при чемъ онъ язвительно сопоставляетъ стихи того и другого поэта, сходные по содержанію, въ сущности же очень различные, представляя обѣ піесы почти равными въ ходѣ ихъ. Но шли и далѣе: не побоялись утверждать, что планъ Прадона выше Расинова и что если бы принять планъ Прадона и стихи Расина, то получилась бы Федра совершенная. Ла-Гарпъ [4]) достаточно осудилъ эти дерзкія мнѣнія, показавъ помощію тщательнаго разбора, чѣмъ былъ этотъ планъ, столь прославленный и такъ мало извѣстный. Будетъ однакоже не безполезно для нашей цѣли напомнить, во что обратился сюжетъ Еврипида и Сенеки въ рукахъ страннаго и самонадѣяннаго Расинова соперника.

В. Шлегель [5]), освободивъ этотъ сюжетъ отъ всего, что̀ его дѣлаетъ трагическимъ, т. е. отъ преступной любви и кровосмѣшенія, не видитъ въ немъ ничего болѣе, кромѣ „мужчины извѣстныхъ лѣтъ, который ухаживаетъ за женщиной, не встрѣчая взаимности, тогда какъ эта женщина получаетъ такъ же мало успѣха въ своихъ любовныхъ попыткахъ относительно его сына; положеніе вполнѣ комическое“. Вотъ подлинное содержаніе трагедіи Прадона. Его Федра—лишь невѣста Тезея; она питаетъ невинную любовь къ Ипполиту, какъ и невинную ненависть къ Арисіи.

Во время появленія піесы, аристархи, полагавшіе эту піесу на вѣсы съ Расиновой и обсуждавшіе ихъ обѣ, по выраженію Буало, безъ пристрастія,—Визе и Сюблиньи [6])—въ особенности первый — основывали свое курьезное безпристрастіе именно на томъ,

---

[1]) Посл. VII. — [2]) См. объ этомъ подробно ниже въ статьѣ Менара.—[3]) Предисловіе къ Маріамнѣ.—[4]) Lycée.—[5]) Сравненie etc. — [6]) Mercure galant 1677, т. I; Dissert. sur les trag. de Phèdre et Hipp. См. Hist. du théâtre français, т. XII, стр. 1 и сл.

что ни одинъ изъ обоихъ авторовъ по всей справедливости не можетъ быть предпочтенъ другому, ибо они, разработали два совершенно различные сюжета. Эти критики признавали, что́ вскорѣ же очень естественно было забыто вмѣстѣ съ піесою Прадона, что этотъ неумѣлый поэтъ совершенно измѣнилъ, разрушилъ сюжетъ, что онъ, сохранивъ тѣ же имена, написалъ піесу совсѣмъ другого содержанія, и еще какого! По правдѣ, трудно рѣшить, что́ болѣе возмутительно въ его піесѣ: тривіальность ли положеній, пошлость ли чувствъ, или, наконецъ, безвкусіе стиля, за исключеніемъ кое-какихъ стиховъ [1]), на которые повидимому счастливо повліяло соперничество съ Расиномъ.

Изящество версификаціи и нѣкоторыя трогательныя подробности спасли отъ забвенія у Англичанъ одну трагедію на сюжетъ Федры и Ипполита Эдмонда Смита, 1707 г. Если авторъ не приблизился по стилю къ Федрѣ Расина, которой онъ подражалъ мѣстами, то держался еще ближе Федры Прадона—планомъ своимъ, гдѣ сюжетъ особенно обезображенъ. Объ этомъ легко судить по краткому разбору въ рецензіи Андріё [2]) на Греческій театръ Брюмуа:

„.... Ипполитъ тамъ обвиняется въ кровосмѣшеніи государственнымъ министромъ, честолюбіе котораго замышляетъ погубить юнаго принца; Тезей присуждаетъ сына къ смерти и отдаетъ его въ руки Кратандра, начальника своей стражи, которому приказываетъ обязать виновнаго убить самого себя тѣмъ мечемъ, который онъ оставилъ въ рукахъ Федры; приходятъ къ царю съ извѣстіемъ, что приказаніе его исполнено, и что Ипполита нѣтъ болѣе; вслѣдъ за тѣмъ Федра обвиняетъ себя или, скорѣе, обвиняетъ клеветника-министра; Тезей въ отчаяніи; но дѣло оканчивается развязкой, подоб-

---

1) Таково одно мѣсто во 2-й сц. V акта:

Le dirai-je, Cléone? à ma fureur en proie,
Je sentais dans mon coeur une secrète joie.
Ses menaces, ses pleurs, son éclatant courroux
Avaient pour mon amour quelque chose de doux.
Dans ses plus vifs transports de douleur et de rage
Je voyais mon bonheur écrit sur son visage.
Je lisais à travers son trouble et son effroi
Les dédains d'Hippolyte et sa flamme pour moi.
Bien que son désespoir dût me rendre alarmée
Je mourais, il est vrai, mais je mourais aimée;
Et, pour se consoler dans les plus grands malheurs,
On voit avec plaisir une rivale en pleurs.

т. е.: „Сказать ли тебѣ, Клеона? Въ своемъ наступленіи я чувствовала въ сердцѣ тайную отраду. Его угрозы, его слезы, взрывы его гнѣва имѣли для любви моей нѣчто сладостное. При самыхъ сильныхъ порывахъ горя и ярости я видѣла на его лицѣ черты моего счастія. Сквозь его тревогу и испугъ я читала и презрѣніе Ипполита и его любовь ко мнѣ. Хотя его отчаяніе должно было бы сокрушать меня, я умирала, правда, но умирала любимою. Вѣдь чтобы утѣшиться въ величайшемъ несчастіи, всегда съ удовольствіемъ видятъ соперницу въ слезахъ").

2) Revue encyclopédique, 1824. т. XXII, стр. 95.

ной развязкѣ въ Аделаидѣ Дюгескленъ: вѣрный Кратандръ, вмѣсто того, чтобы погубить царевича, спасаетъ его и возвращаетъ любви отца и юной Исмены..."

Въ началѣ нашего вѣка, одинъ писатель, большой поклонникъ Дора, кончившій тѣмъ, что принялъ его имя, и какъ и слѣдовало ожидать, большой порицатель Буало и Расина, прежде нежели передѣлать Art poétique перваго, принялся за исправленіе Федры второго [1]). Если онъ не превзошелъ Расина, какъ надѣялся, то сумѣлъ далеко оставить за собою Прадона, что̀ должно было казаться также труднымъ. Могъ ли Прадонъ написать когда-либо такіе стихи, какіе находимъ въ посвятительномъ посланіи этого автора:

Racine eut du talent; mais auprès d'Euripide,
Ce n'est qu'un barboteur dans l'onde Aganippide.

(т. е. „Расинъ имѣлъ талантъ; но подлѣ Еврипида—онъ не болѣе, какъ утка въ волнахъ Аганиппида»).

Трудно сказать, кто былъ болѣе оскорбленъ Ипполитомъ дю-Кюбьера: Расинъ или Еврипидъ.

Не желалось бы мнѣ покинуть читателей на этомъ странномъ воспоминаніи. Итакъ напомню имъ, въ заключеніе, какъ въ различное время пытались занимающій насъ сюжетъ переносить на лирическую сцену. Въ XVII в. Сегрэ (Segrais), еще молодой, какъ передаютъ, написалъ одну такую піесу, конечно навѣянную піесою Жильбера, трагедію-балетъ, который не былъ положенъ на музыку. Въ 1733 г. аббатъ Пеллегренъ, который ужиналъ театромъ, какъ выражается эпиграмма, въ сотрудничествѣ съ Рамо сочинилъ трагедію-оперу объ Ипполитѣ и Арисіи настолько удачно, что на нее была представлена пародія два раза подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Итальянскомъ театрѣ въ 1733 г. Риккобони, а въ 1742 г. Фаваромъ. Ближе къ намъ въ 1786 г. одинъ изъ почтенныхъ литераторовъ, прежде своего выступленія на поприще критики заявившій себя какъ авторъ недурныхъ стихотвореній и нѣкоторымъ успѣхомъ на театрѣ, Гоффманъ, написалъ лирическую трагедію Федру для Лемуана, когда-то усиленно подражавшаго Глюку, и впредь болѣе счастливо вдохновляемаго Сакчини. Онъ слѣдовалъ плану Расина, исключивъ только эпизодъ объ Арисіи, что было слишкомъ строго для оперы; изъ уваженія къ стихамъ великаго поэта, съ которымъ, какъ ему казалось, мнимые лирическіе композиторы обращались слишкомъ безцеремонно, онъ, сохранивъ тѣ же положенія, сочинилъ новые стихи, въ которыхъ находили изящество, нѣжность и чувство: но, не взирая на достоинства поэмы и музыки, которымъ публика воздала должную справедливость [2]), произведеніе показалось однообразнымъ и холоднымъ, и когда его возобновили въ 1813 г., безъ согласія автора, то же впечатлѣніе повторилось. Да и не могло быть иначе. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ названіе лирической трагедіи;

[1]) Hippolyte, trag. en 3 actes, imitée d'Euripide, par Dorat-Cubière-Palmezaux, предст. въ Парижѣ, на театрѣ du Marais 9 вентоза XI г. (1803). —
[2]) См. Переписку Гримма.

одно дѣло—опера, и совсѣмъ другое—трагедія: для музыки нужны черты крупныя, широкія, движеніе, контрасты, что-нибудь блестящее, быстрое, разительное, чтó сильно возбуждаетъ воображеніе и чувства; но смѣна въ оттѣнкахъ чувства и страсти, тонкій анализъ сердца, глубокое развитіе характеровъ, чтó составляетъ прелесть хорошей трагедіи,—все это внѣ области оперы; она должна это предоставить совсѣмъ иному искусству — искусству Расина и Еврипида.

ИЗЪ РАЗБОРА «ФЕДРЫ» РАСИНА, ЭМИЛЯ ДЕШАНЕЛЯ.

I. Сенека. — Расинъ[1]).

Федра Расина, увлеченная страстію болѣе, нежели Еврипидова, увлечена ею менѣе, нежели Федра Сенеки. Взглянемъ, чѣмъ обязанъ Расинъ Сенекѣ.

Федра, еще до признанія, вырваннаго у нея кормилицею, чувствуя отвращеніе къ себѣ самой, рѣшилась искать смерти. Тѣмъ съ бóльшимъ основаніемъ она укрѣпилась въ этомъ рѣшеніи послѣ признанія. Итакъ, признавшись Энонѣ [2]) въ своей преступной любви, она проситъ Энону теперь оставить ее спокойно умереть: съ нею умретъ и преступная страсть; вотъ все, что остается въ ея власти.

Своими я устами
Тебѣ открыла все. Не каюсь въ этомъ я,
Но *только объ одномъ молю теперь тебя:*

---

1) Чтеніе X-е.

2) *Имя это дано ей Расиномъ. У Еврипида и Сенеки она называется просто* „кормилицею", какъ у Шекспира кормилица Джюльетты. Въ древности, невольниковъ, а потомъ рабовъ, которыхъ считали не за людей, а за вещи, почти не заботились называть по имени. Въ обществѣ новаго времени слуги признаны личностями, и наши поэты XVII в. примѣшиваютъ къ древнимъ сказаніямъ чувства своего времени, болѣе человѣчныя; такъ что въ нашемъ классическомъ театрѣ даютъ имена даже лицамъ безъ рѣчей; такова Тамаръ, наперсница Эсөири, *Флипота, наперсница г-жи Пернель въ* Т а р т ю ф ф ѣ. Къ тому же у Расина, вообще, всѣ или почти всѣ лица имѣютъ имена, потому что они всѣ или почти всѣ—люди порядочнаго общества. Даже Энона и обращеніемъ и языкомъ своимъ является скорѣе воспитательницею, нежели кормилицею. Послушайте, какъ она выражается, говоря съ своею больною госпожею:

Три раза мракъ ночной на небо тѣнь возвелъ—
А ты очей своихъ ни разу не смыкала;
Три раза ночи тѣнь съ него заря сгоняла—
А пищей тѣло ты не хочешь подкрѣпить.

Даже Луи Расинъ находилъ, что она здѣсь выражается слишкомъ пышно, и нельзя не согласиться съ этимъ. Отвращеніе отъ вульгарности побуждало къ этой крайней изысканности поэтовъ XVII в. Нынѣ бросаются охотно, подъ предлогомъ реальности и натурализма, въ противоположную крайность. Никакая крайность не хороша. Не будемъ же и мы вдаваться въ крайности.

Послѣдній жизни часъ не огорчай упрекомъ,
И при концѣ моемъ, теперь ужъ недалекомъ,
Послѣдней искры жаръ ты къ жизни не буди:
Пора угаснуть ей въ хладѣющей груди...

Итакъ она не только отдается смерти: она торопитъ ее. И мы видѣли, что роль Федры здѣсь и кончается у Еврипида (за исключеніемъ сцены появленія трупа съ дощечками). Но не оканчивается она здѣсь ни у Сенеки, ни у Расина. Первый создалъ, а второй заимствовалъ у него сначала очень удачно задуманную перипетію, а потомъ—большую сцену, гдѣ Федра сама высказываетъ Ипполиту свою преступную любовь. — Вотъ начало перипетіи. Въ тотъ моментъ, когда Федра пожелала умереть, ей приносятъ вѣсть о смерти Тезея. Эта смерть оставляетъ ее вдовою и слѣдовательно возвращаетъ ей свободу; положеніе ея измѣняется. Расинъ видоизмѣнилъ перипетію такъ: является Панопа, одна изъ приближенныхъ царицы, и говоритъ:

Царица, тяжело быть вѣстницей печали,
Но ты должна узнать, что всѣ уже узнали:
Непобѣдимаго супруга твоего
Не стало болѣе: сразила смерть его.

Это извѣстіе скоро окажется ложнымъ; но оно теперь правдоподобно, судя по всему, что говорилось съ самаго начала піесы о Тезеѣ, о которомъ уже полгода не было вѣсти. Хотя мысль объ этомъ драматическомъ средствѣ принадлежитъ Сенекѣ, но Расинъ воспользовался имъ съ большимъ искусствомъ. Къ этому событію, которое было только приготовительнымъ, онъ присоединилъ очень искусную градацію. Итакъ ложная вѣсть составляетъ первую перипетію піесы—въ концѣ I акта—и подготовляетъ признаніе Федры въ своихъ чувствахъ въ слѣдующемъ актѣ. Энона, оставшись вдвоемъ съ своею госпожей, тотчасъ обращается къ ней съ такими словами:

Готова прекратить была я настоянья;
Я жизни не могла внушить тебѣ желанья;
Въ могилу за тобой ужъ думала сойти,
И словъ я не могла достаточныхъ найти,
Чтобы отвлечь тебя отъ мысли о могилѣ.
По вѣсти скорбныя твой долгъ перемѣнили.
Теперь твоя судьба совсѣмъ измѣнена:
Коль нѣтъ царя въ живыхъ—ты царствовать должна;
Мужъ умеръ твой: ужель ты сына позабудешь?
Коль ты умрешь—онъ рабъ; онъ царь—коль жить ты будешь.
Въ сиротствѣ будетъ кто опорою ему?
И слезы кто отретъ? О, къ небу самому
Невинный вопль его достигнетъ—и возбудитъ
Гнѣвъ предковъ на тебя. Живи жъ; теперь не будетъ
Ничто упреками тебя тревожить вновь:
Обычною твоя становится любовь.
Тезея смерть союзъ расторгнула отнынѣ,
Который для тебя доселѣ былъ святыней
И въ грѣхъ ужаснѣйшій любовь тебѣ вмѣнялъ (I,5).

Федра сдается на эти доводы, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касалось ея сына, а не во всемъ остальномъ, какъ увѣряетъ Шле-

гель, который пользуется этимъ мѣстомъ, чтобы разразиться негодованіемъ противъ нравственной распущенности Расина. Между тѣмъ ни Расинъ, ни Федра не принимаютъ второй части этой рѣчи Эноны, т. е. что вслѣдствіе смерти Тезея любовь мачехи къ пасынку является дѣломъ очень обыкновеннымъ и вполнѣ законнымъ. Нѣтъ; только съ похвальнымъ намѣреніемъ сохранить расположеніе Ипполита, котораго смерть отца сдѣлала почти властелиномъ, къ своему сыну, Федра рѣшилась итти говорить съ Ипполитомъ, для нея столь дорогимъ и столь страшнымъ. Она совсѣмъ не имѣетъ намѣренія дать ему возможность разгадать чувства, ее волнующія, ни ея любовь; но въ его присутствіи—и это весьма естественно—она смущается; она не владѣетъ болѣе собою: ея тайна мало-по-малу выскальзываетъ. Вотъ что я называю градаціей послѣ подготовленія. Нашъ поэтъ съ безконечнымъ искусствомъ задерживаетъ Федру на пути, по которому она скользитъ къ безднѣ и стремится противъ собственной воли. Мысль объ этомъ невольномъ признаніи несомнѣнно принадлежитъ латинскому поэту, и конечно, ему должно въ этомъ отдать полную справедливость; пользуясь этимъ средствомъ, Расинъ возвелъ второй ярусъ своего зданія, хотя не упоминаетъ о томъ въ своемъ предисловіи; но Сенекѣ недоставало очень многаго для того, чтобы онъ могъ, осуществляя свой замыселъ, сохранить всѣ незамѣтныя ступени и оттѣнки, въ особенности же соблюсти мѣру и приличіе, какъ то исполнилъ нашъ поэтъ.

Въ латинской трагедіи конечно, для того, чтобы зрителямъ или читателямъ ничто не оставалось неожиданнымъ, хоръ воспѣваетъ могущество Любви, которой не могутъ противиться ни юноши, ни старцы, ни боги, ни дѣвы, ни жители морей, воздуха и лѣсовъ: „О всемогущая Любовь, укрощающая и льва, и слона, и мачеху!

Vincit saevas
Cura novercas.

Во второмъ актѣ латинской трагедіи, едва Федра видитъ Ипполита, какъ падаетъ въ обморокъ. Потомъ она приходитъ въ чувство, и тогда начинается великая сцена, которой воспользовался Расинъ, усовершенствовавъ ее, и въ которой, быть можетъ, самъ Сенека подражалъ первому Ипполиту Еврипида—Ипполиту покрытому, до насъ не дошедшему. Ипполитъ въ діалогѣ, который завязывается между нимъ и Федрою по поводу смерти Тезея, безъ всякой дурной мысли, сказалъ: „О, если бы я могъ заставить тебя забыть твое вдовство и замѣнить тебѣ моего отца!“ При этихъ словахъ Федра теряетъ самообладаніе и, давъ волю своей страсти, кончаетъ тѣмъ, что бросается къ ногамъ Ипполита, съ восклицаніемъ: „О пощади! я люблю тебя!“ Miserere amantis.

Не знаю, могла ли римская публика—если предполагать, что эта піеса была играна, что́ совершенно невѣроятно, — испытывать удовольствіе отъ зрѣлища такого изступленія; но несомнѣнно, что французская публика временъ Людовика XIV была бы оскорблена имъ. Мнѣ хотѣлось сначала привести черту самую сильную — окончаніе сцены: но уже и началу ея недостаетъ изящества. Вотъ только

нѣсколько подробностей, пересыпанныхъ въ подлинникѣ множествомъ преувеличеній и антитезъ, которыя невольно сглаживаются въ переводѣ:

Федра.

Голосъ замираетъ на губахъ моихъ. Какая-то сила заставляетъ меня говорить; другая, еще бо́льшая, побуждаетъ молчать. О боги! свидѣтельствую вамъ: ненавижу я то, чего желаю.

Ипполитъ.

Если сердце желаетъ чего-нибудь, развѣ оно не можетъ высказать этого?

Федра.

Легкія горести находятъ слова для своего выраженія; великія же скорби нѣмы.

Ипполитъ.

Довѣрь мнѣ твою скорбь, матушка.

Федра.

Матушка? Оставь это имя, слишкомъ внушительное: болѣе смиренное имя прилично чувству, которое я питаю къ тебѣ: называй меня своею сестрой, Ипполитъ, или служанкой... Да, служанкой, рабою твоей! Я во всемъ окажу тебѣ повиновеніе! Если бы для того, чтобы пріобрѣсть твою благосклонность, я была должна перейти ледники и снѣжныя вершины Пинда, — я пойду туда! Если бъ я была должна броситься сквозь пламя или сквозь когорты непріятельскія и сквозь мечи, направленные въ мою грудь, — я пойду! Владѣй скипетромъ, врученнымъ мнѣ; я хочу служить одному тебѣ!..."

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ другихъ репликъ, двусмысленныхъ, темныхъ, въ которыхъ видно замѣшательство и которыя сами приводятъ въ замѣшательство, слѣдуетъ знаменитое мѣсто, которое съ такимъ вкусомъ избрано Расиномъ и переведено превосходно. Если бы мы могли прочесть здѣсь параллельно всю сцену латинскаго автора съ сценою Расина, было бы очень интересно сдѣлать наблюденіе, какъ нашъ поэтъ, воспользовавшись первымъ замысломъ этого объясненія, состоявшимъ въ изображеніи страсти, которая не въ силахъ сдержать себя и молчать,—тѣмъ не менѣе сумѣлъ нѣсколькими степенями самаго увлеченія и борьбы воли со страстію, освободить сцену отъ того, что́ было въ ней чрезмѣрнаго, и тѣмъ возвысить интересъ ея. Сцена Сенеки, не взирая на ея недостатки, оттого нисколько не становится хуже и менѣе драматичною; но сцена Расина еще прекраснѣе удивительнымъ ходомъ и постепенностію дѣйствія. Такъ какъ Федра, чтобы подавить роковую любовь, до сихъ поръ выражала скорѣе нѣчто въ родѣ отвращенія къ Ипполиту, то теперь она говоритъ ему:

Когда бъ ты ненависть питалъ къ одной лишь мнѣ,
Не сѣтовала бъ я!

Чувствуешь, что она смутно надѣется услышать какое-нибудь опроверженіе этой предполагаемой ненависти. Съ какой алчностью она схватилась бы за него! Но Ипполитъ ей отвѣчаетъ просто, въ изящномъ перифразѣ, который я сокращаю: „О! я знаю, что мачехи рѣдко любятъ сыновей другой жены". — Федра, вступая тотчасъ въ

рѣчь, на которую наводитъ ее эта мысль, восклицаетъ голосомъ, уже гораздо болѣе нѣжнымъ:

О, государь! клянусь: небесное велѣнье
Въ законѣ общемъ мной явило исключенье!
Иною скорбію терзаюсь *я*, повѣрь!

Ипполитъ (не понимая ея).

Причины нѣтъ еще тревожиться теперь;
Кто знаетъ? Твой супругъ еще живетъ, быть можетъ—
И небо, внемля намъ, вернуть его поможетъ.
Нептунъ его блюдетъ—и охранитель-богъ
Къ моленіямъ отца остаться глухъ не могъ.

Послѣдними двумя стихами, оброненными мимоходомъ, искусно подготовляется уже въ этомъ мѣстѣ пружина конечной катастрофы:

Федра.

О нѣтъ, не посѣтилъ еще никто двукратно
Печальныхъ береговъ: такъ и Тезей обратно
Не будетъ никакимъ ужъ богомъ возвращенъ:
Не отпускаетъ жертвъ корыстный Ахеронъ!
Но что *я*?.. Живъ Тезей! Въ тебѣ онъ оживаетъ;
Мой взоръ въ твоемъ лицѣ его мнѣ представляетъ.
Вотъ онъ передо мной—и съ нимъ я говорю,
И страсть, которою я такъ къ нему горю...
Забылась *я*... прости... сознаться мнѣ въ томъ больно:
Я высказала страсть безумную невольно.

Ипполитъ не можетъ болѣе не понимать истины, но притворно перемѣняетъ рѣчь:

Какъ поразительна любовь твоя къ нему:
И мертвый предстоитъ онъ взору твоему,
Все страстію къ нему твоя душа сгараетъ.

Тогда страсть Федры, обнаруживаясь вопреки ея волѣ, разражается со всею силою и срываетъ съ себя покровъ:

Да, государь, душа моя къ нему пылаетъ.
Любимъ онъ мной... не тотъ, какимъ сошелъ онъ въ Адъ,
Гдѣ—новой красотой всегда увлечься радъ—
Онъ ложе осквернить пришелъ тѣней владыки:
Но вѣрный, гордый, тотъ... немного видомъ дикій,
Прекрасный юноша,—волнующій мечты,
Подобный божеству... какимъ стоишь здѣсь ты!
Съ твоей осанкою и взоромъ, звучнымъ словомъ,
И съ краскою стыда въ лицѣ его суровомъ,
Когда онъ критскіе валы переплывалъ
И взоры дочерей Миноса чаровалъ.
Тогда что дѣлалъ ты? Гдѣ Ипполитъ скрывался,
Когда всей Греціи героевъ цвѣтъ собрался?
Зачѣмъ такъ юнъ ты былъ, и не взялъ онъ тогда
Тебя на свой корабль, въ которомъ плылъ сюда?
Тогда бъ чудовище погибло злое Крита
Повержено рукой искусной Ипполита—
И не укрылось бы въ убѣжищѣ своемъ;
Чтобы помочь тебѣ въ блужданіи твоемъ,
Тебѣ сестра моя *нить* чудную бъ вручила...
Нѣтъ, нѣтъ! въ томъ я бъ сама ее предупредила:

Любовь мнѣ эту мысль спѣшила бы внушить;
Сама бы я, сама сумѣла научить,
Какъ въ лабиринтѣ томъ пройти всѣ повороты:
Не мало бы принесъ мой милый мнѣ заботы!
Не стала бъ возлагать надежду я на нить:
Рѣшилась бы съ тобой опасность раздѣлить—
Сама бы повела тебя я за собою:
Отъ гибели спаслась я вмѣстѣ бы съ тобою
Иль вмѣстѣ бы съ тобой сгубила я себя.

Ипполитъ.

Святыня небеса! О, что услышалъ я!
Ты забываешься. Царица, вспомни только,
Что мнѣ Тезей отецъ, тебѣ онъ мужъ...

Федра.

Нисколько
Не позабылась я... Откуда вдругъ пришла
Тебѣ такая мысль? Ужели бы могла
Забыть я честь?

Такимъ разувѣреніемъ Ипполитъ пользуется для своего отступленія, извиняясь въ ложномъ пониманіи ея словъ:

Прости. Я сознаюсь, краснѣя,
Что рѣчь невинную, ея не разумѣя,
Я ложно обвинилъ, произнося укоръ...
Мнѣ стыдно—и меня смущаетъ такъ твой взоръ...
Я лучше удалюсь.

Но Федра, обезумѣвшая, чувствуя, что Ипполитъ ускользаетъ отъ нея, отрѣзываетъ ему отступленіе и губитъ себя окончательно:

Федра.

Жестокій! Ты прекрасно
Все понялъ: я тебѣ открылась слишкомъ ясно.
Узнай же Федру ты и силу страсти въ ней.
Люблю я. Но въ огнѣ любви къ тебѣ моей
Я ей не нахожу, клянуся, оправданья!
Не думай, чтобы я изъ низкаго желанья
Потворство оказать безумію любви,
Старалась ядъ ея питать въ своей крови.
Нѣтъ! Жертва жалкая божественнаго мщенья,
Самой себѣ гнусна я больше, чѣмъ презрѣнье
Ты чувствуешь ко мнѣ. Порукой боги въ томъ—
Тѣ боги, что во мнѣ губительнымъ огнемъ
И сердце и всю кровь нещадно воспалили
И въ почесть для себя жестокую вмѣнили
Соблазномъ женщину безсильную сгубить.
Припомни прошлое; ты вспомнишь, *можетъ быть:*
Не только я съ тобой встрѣчаться избѣгала,
Но я тебя гнала; несносною желала,
Безчеловѣчною казаться я тебѣ;
Хотѣла ненависть я возбудить къ себѣ...
И что жъ? къ чему тогда все это послужило?
Чѣмъ ты суровѣй былъ, тѣмъ больше я любила!
Ты обольстительнѣй въ своемъ насчастьи сталъ.
Томилась, сохла я, огонь во мнѣ пылалъ,
И слезы я лила. Въ томъ можешь убѣдиться,
Лишь на меня взглянувъ, коль взоръ твой обратиться

Способенъ хоть на мигъ на жалкую меня...
Но что я говорю? Да развѣ въ этомъ я
Постыдно признаюсь тебѣ по доброй волѣ?
Съ заботой я пришла о жалкой сына долѣ;
Пришла молить, чтобъ ты ему не дѣлалъ зла,
Но я любовію одной полна была:
Кто любитъ, видно тотъ не властенъ надъ собою —
И вотъ, увы! могла я говорить съ тобою
Лишь о тебѣ самомъ. Отмсти же за себя,
Чтобъ ненавистная любовь къ тебѣ моя
Была наказана. Достойный сынъ героя!
Съ лица земли сотри чудовище лихое.
Какъ? Ипполитъ любимъ Тезеевой вдовой!
Убей чудовище, убей своей рукой;
Вотъ сердце—вотъ: въ него направь свою ты руку.
Въ порывѣ утолить вины преступной муку
Ужъ рвется, чувствую, оно къ рукѣ твоей.
Молю тебя, рази, рази его скорѣй.
Иль, если ты его достойнымъ не считаешь
Удара твоего, и самъ меня лишаешь
Ты казни сладостной, и гнусной кровью той
Не хочешь рукъ сквернить,—то мечъ подай мнѣ свой
Взамѣнъ твоей руки. Отдай его!...

И внезапно, вырвавъ у него мечъ, Федра убѣгаетъ. Дальнѣйшій текстъ [1]) поясняетъ, что прежде бѣгства своего она сдѣлала видъ, что поражаетъ себя мечемъ, и что Ипполитъ въ замѣшательствѣ своемъ не сдѣлалъ попытки удержать ее. Итакъ слѣдуетъ предположить одно изъ двухъ: или что уже съ этой минуты, а не только за сценою, Энона попыталась воспротивиться ей (но сцена играется иначе: Федра спасается, поднявъ мечъ надъ головою, какъ безумная), или, согласно съ критикою Шлегеля, на сей разъ основательною, она лишь прибѣгаетъ къ театральному эффекту, оказавшемуся безполезнымъ. Впрочемъ мы тотчасъ возвратимся къ этому важному обстоятельству.

Одно знаменитое лицо при мнѣ высказывало мнѣніе, что Расинъ въ Федрѣ въ продолженіе всей піесы избѣгаетъ довести отношеніе дѣйствующихъ лицъ до конца. Не трудно убѣдиться въ противномъ. Федра, послѣ тщетныхъ усилій удержаться на томъ склонѣ, на который она ступила, катится до самаго низа... Она восклицаетъ:

Вотъ сердце—вотъ: въ него направь свою ты руку.
Въ порывѣ утолить вины преступной муку
Ужъ рвется, чувствую, оно къ рукѣ твоей.
Молю тебя, рази, рази его скорѣй!

Нельзя итти далѣе въ сценическомъ изображеніи изступленія страсти. Не скажу, чтобы этотъ вызовъ былъ разсчитанъ: но будучи безсознателенъ, онъ тѣмъ болѣе имѣетъ въ себѣ жизни.

Мечъ, вырванный ею у Ипполита, равно какъ и вся остальная

---

[1]) Актъ III, сц. I. Федра говоритъ Энонѣ:
Увы! когда ужъ мечъ груди моей касался,
Не дрогнулъ Ипполитъ и недвижимъ остался.

часть сцены, есть изобрѣтеніе Сенеки; но вотъ различіе: у Сенеки мечъ извлекаетъ въ негодованіи Ипполитъ съ тѣмъ, чтобы убить Федру, когда отвергнутая имъ, она бросается къ его ногамъ, обнимая ихъ; тогда онъ хватаетъ ее за волосы и хочетъ принести въ жертву Діанѣ. Она восклицаетъ, что величайшее счастіе ей умереть, еще чистою, отъ руки его. Тогда онъ бросаетъ мечъ и убѣгаетъ. Кормилица взываетъ о помощи, показываетъ всѣмъ придворнымъ безпорядокъ одежды и прически у Федры и брошенный Ипполитомъ мечъ и объявляетъ, что онъ хотѣлъ произвести насиліе надъ Федрою. Тутъ появляется Тезей, и Федра подтверждаетъ клевету кормилицы. Мечъ, оставленный въ рукахъ царицы, повидимому изобличаетъ преступника. Тезей, не выслушавъ и не повидавъ сына, который внушаетъ ему отвращеніе, призываетъ на него мщеніе Нептуна. Ипполитъ погибаетъ. Федра, при вѣсти о томъ, объявляетъ, что оклеветала его и, въ присутствіи Тезея, обращается съ страстной рѣчью къ его останкамъ [1]); потомъ мечемъ поражаетъ себя, желая послѣдовать въ Адъ за тѣмъ, кого она все еще любитъ и на кого несправедливо навлекла гибель.

Расинъ, заимствуя эпизодъ съ мечемъ, видоизмѣнилъ обстоятельства.

Такъ какъ онъ исключилъ нарушающее всякую мѣру выраженіе страсти, когда Федра обнимаетъ колѣна Ипполита, то Ипполитъ не имѣетъ и повода обнажать мечъ въ негодованіи противъ нея. Но поэтъ сохранилъ за Федрой достаточно любовнаго увлеченія, чтобы смутить Ипполита до такой степени, что Федрѣ удастся овладѣть мечемъ, восклицая: „подай мнѣ“, извлечь его изъ ноженъ и унести, покинувъ совершенно растеряннаго Ипполита.

Кромѣ этого, слѣдуетъ еще прибавить нѣсколько замѣчаній относительно эпизода съ мечемъ. Во 1-хъ, мечъ — анахронизмъ, неточность въ костюмировкѣ: Греки носили мечъ только на войнѣ. Эту незначительную неточность можно было бы поставить Сенекѣ въ упрекъ, если только онъ самъ не заимствовалъ ее изъ Ипполита покрытаго, гдѣ этому мечу могъ соотвѣтствовать охотничій ножъ. Я уже указывалъ у Еврипида, въ Ипполитѣ съ вѣнкомъ и въ Ифигеніи другой анахронизмъ — надпись на дощечкахъ, которыя впрочемъ находятся у всѣхъ греческихъ трагиковъ, что служитъ доказательствомъ, что подобныя неточности ихъ занимали мало. Въ этомъ отношеніи они походятъ на нашихъ писателей XVII вѣка, которые держались общей правды въ изображеніи страстей, общечеловѣческой правды болѣе, нежели прав-

---

[1]) Федра Роберта Гарнье (1573 г.) пойдетъ еще далѣе и, на глазахъ Тезея, поцѣлуетъ трупъ Ипполита въ его окровавленныя губы, восклицая:

Прими мой стонъ, дозволь мнѣ нѣжныхъ устъ твоихъ
Коснуться, Ипполитъ, послѣднимъ поцѣлуемъ. (V, 2.).

И между тѣмъ, за нѣсколько минутъ, разбитое тѣло Ипполита вѣстникомъ сравнивалось съ слизнякомъ (см. ниже Приложеніе III), такъ что этотъ поцѣлуй является вдвойнѣ страннымъ въ виду такого прозаическаго сравненія и въ виду присутствія Тезея.

ды исторической и мѣстныхъ красокъ. Ни тѣ, ни другіе не пренебрегали ими совершенно, но заботились прежде всего о первой.

Что касается до вырваннаго меча, то это не только театральный эффектъ; это сверхъ того одно изъ драматическихъ средствъ, потому что, оставшись въ рукахъ Федры, мечъ Ипполита служитъ вещественнымъ подтвержденіемъ клеветы, почти такъ же, какъ плащъ Іосифа, оставшійся въ рукахъ жены Пентефрія, служитъ доказательствомъ его невинности, обличившимъ преступный умыселъ.

Если принять это, то трудность исполненія на сценѣ состоитъ въ томъ, чтобы мечъ былъ выхваченъ правдоподобно, со стороны какъ исполнительницы роли Федры, такъ и исполнителя Ипполита: ибо въ тотъ моментъ, когда Ипполитъ стоитъ въ смущеніи, внѣ себя, онъ долженъ лѣвою рукою крѣпко стиснуть ножны меча, а правую поднять въ неопредѣленномъ движеніи, какъ бы для того, чтобы закрыть лицо и глаза и скрыть стыдъ, охватившій его отъ словъ Федры. И во время этого-то двойного жеста Федра, схвативъ рукоять меча, извлекаетъ его изъ ноженъ съ словами: „подай мнѣ“ и убѣгаетъ.

Невольно приходитъ на мысль возраженіе, что Федра, выхвативъ мечъ, должна была бы тотчасъ направить его противъ себя, какъ то явствуетъ изъ дальнѣйшаго текста. На это можно отвѣтить, что во время Расина французскую сцену никогда окровавливать не дозволялось. Доказательствомъ тому служитъ Горацій, преслѣдующій сестру свою Камиллу [1]) съ тѣмъ, чтобы убить ее за кулисами, и многіе другіе подобные примѣры. Положимъ, что такъ; но вѣдь Федра не убиваетъ себя даже и за кулисами. Принявъ во вниманіе это второе возраженіе, должно предполагать, что Энона и другія женщины царицыной свиты, бросившись по ея слѣдамъ, уже за глазами зрителей, продолжая спасеніе Федры отъ ея собственнаго изступленія, вырываютъ у нея мечъ.

Какъ бы то ни было, это производитъ сценическій эффектъ до такой степени сильный, что когда Рашель убѣгала внѣ себя, потрясая мечемъ надъ головою, сцена прерывалась громкимъ: браво! и восклицаніями всей зрительной залы, и окончанія акта на дѣлѣ какъ бы не существовало. Но это вредило піесѣ: потому что въ послѣдней сценѣ этого акта (II-го), приходитъ вѣсть, что Тезей, котораго считали умершимъ, быть можетъ, живъ; это порождаетъ новую перипетію и едва даетъ время зрителю собраться съ духомъ.

Дѣйствительно, въ слѣдующемъ актѣ Тезей возвращается: и тамъ-то всего лучше наблюдать, какъ у нашего поэта развивается и сплетается клевета на Ипполита. Мы уже замѣтили у греческаго поэта полудвусмысленность или неясность, допущенную имъ на время, касательно дощечекъ, привязанныхъ къ рукѣ трупа: но если принять все во вниманіе, то окажется уже съ того самаго момента вполнѣ вѣроятнымъ, а конецъ піесы удостовѣритъ окончательно,

---

[1]) См. въ статьѣ Марти-Лаво, стр. 24: „Горацій“, трагедія Расина, переводъ въ стихахъ, съ объяснительными статьями, Льва Поливанова. М. 1895.

что писала на дощечкахъ сама Федра и привязала ихъ къ своей рукѣ передъ тѣмъ, какъ повѣситься. Итакъ она виновница клеветы; но дѣло до времени остается нѣсколько неопредѣленнымъ и только лишь вѣроятнымъ: напередъ она казнила свое преступленіе добровольною смертію. Я только что указалъ, какъ, въ свою очередь, поэтъ латинскій обошелся съ этимъ обстоятельствомъ; онъ оказался безпощаднымъ: Федра не колеблется стать соучастницей въ клеветѣ. Посмотримъ теперь, какъ поступилъ Расинъ, чтобы не возлагать на нее всей гнусности и всей отвѣтственности за это лживое обвиненіе, переносящее на Ипполита всю тяжесть преступленія, которое желала совершить одна Федра. У Расина, какъ и у Сенеки, но только за кулисами, кормилица или наперсница, движимая привязанностію къ госпожѣ своей, принимаетъ исполненіе клеветы на себя: на глазахъ у зрителей Энона только внушаетъ эту преступную мысль царицѣ въ тотъ моментъ, когда та видитъ свою гибель и разоблаченіе преступленія при возвращеніи супруга, и когда она близка къ рѣшенію на самоубійство. Федра сначала отвергаетъ это внушеніе съ отвращеніемъ:

Чтобъ на невиннаго я стала клеветать!

Но когда она видитъ вдали появляющагося Тезея, а съ нимъ Ипполита, тогда въ смущеніи, не помня, чтó дѣлаетъ, она убѣгаетъ и предоставляетъ дѣйствовать Энонѣ. Такимъ образомъ она прямо не совершаетъ преступленія клеветы; но нельзя отрицать и того, что она въ ней участвуетъ. Въ самомъ дѣлѣ. для женщины столь взволнованной, двусмысленныя слова, обращенныя къ Тезею, въ минуту бѣгства отъ него. должны казаться странными, слишкомъ разсчитанными. Вотъ это мѣсто:

Энона.

Но вотъ идетъ Тезей.

Федра.

Я вижу Ипполита;
Мнѣ гибель въ дерзостныхъ очахъ его сокрыта!
Какъ хочешь поступай; ввѣряюсь я тебѣ:
Ужъ я заботиться не въ силахъ о себѣ.

Тезей *(приближаясь къ Федрѣ).*

Вражду свою со мной Фортуна прекратила:
Въ объятія твои супруга возвратила...

Федра.

Остановись, Тезей. Прекрасныхъ чувствъ своихъ
Ты мной не оскверняй: ужъ я не стою ихъ.
Твое достоинство оскорблено здѣсь было....
Фортуна безъ тебя жены не пощадила....
Приблизиться къ тебѣ ужъ недостойна я,
И должно лишь желать мнѣ скрыться отъ тебя.

Тѣмъ не менѣе—и здѣсь-то начинается собственное творчество Расина, третій ярусъ зданія — Федра возвращается въ слѣдующемъ актѣ съ намѣреніемъ объявить мужу всю правду, слѣдовательно

она готова сознаться въ своей винѣ, какъ вдругъ случайно узнаетъ изъ устъ Тезея, что Ипполитъ любитъ другую! Тотчасъ забываетъ она свое рѣшеніе спасти его и погубить себя; погибнетъ онъ. Она не противодѣйствуетъ гнѣву Тезея, который спѣшитъ къ алтарю Нептуна удвоить роковую мольбу и побудить бога исполнить ее. Федра, оставшись одна, разражается скорбными воплями:

Такъ вотъ какъ! Ипполитъ и сердца трепетанье
Способенъ испытать: ко мнѣ же ничего
Не можетъ чувствовать совсѣмъ душа его!
Такъ чувствами его Арисія владѣетъ!
Арисія своимъ считать то сердце смѣетъ!
Возможно ли? Когда ему призналась я,
И онъ старался такъ оборонить себя
Лицомъ безчувственнымъ и непреклонно твердымъ,
И строгостью чела, и этимъ взглядомъ гордымъ,
Я думала: любви закрыто сердце въ немъ,
Отъ всякой женщины охранено щитомъ.
И что жъ? Склонить его умѣла же другая!
Другую пощадилъ, жестокій взоръ склоняя.
Какъ видно, нѣжность чувствъ доступна для него:
Ему лишь я одна несноснѣе всего!
Возможно ль, чтобъ его спасти я пожелала!

Эта третья перипетія, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, создана самимъ Расиномъ, и ни для чего другого, какъ именно для нея—обратите на это особенное вниманіе — онъ ввелъ въ піесу лицо Арисіи. Къ тому же она очаровательна, эта Арисія; она преисполнена французской кокетливости, когда, напримѣръ, говоритъ:

Великая ли честь добиться поклоненья
Того, кто такъ готовъ всегда на увлеченье,
Чье сердце тысячамъ другихъ отворено,
И овладѣть душой, доступной всѣмъ равно?
Но непреклоннаго привесть въ повиновенье,
Въ безчувственной душѣ посѣять ядъ мученья,
Нежданно плѣнника въ оковы заключить,
Коль вздумаетъ въ борьбу онъ тщетную вступить
Съ ярмомъ плѣнительнымъ: вотъ то,чего желаю,
По чемъ всѣмъ сердцемъ я въ мученьи изнываю [1])!

Само собою разумѣется, что ни Трезена, ни сами Аѳины никогда не слыхали ничего подобнаго этимъ утонченнымъ чувствамъ, ни этого совершеннаго стиля... Здѣсь мы имѣемъ дѣло... съ женщиною, какою ее видѣлъ Расинъ, какою она развилась при дворѣ. Эта юная Арисія, безсознательная кокетка по своей природѣ, какъ нельзя лучше создана для того. чтобы своей привлекательной граціей побѣдить дикую гордость Ипполита.

И когда Ипполитъ говоритъ о ней:

О, если бы ее я только ненавидѣлъ,
То къ бѣгству въ этомъ я причины бы не видѣлъ [2])—

конечно, и онъ выражается утонченно; поэтъ нѣсколько забываетъ характеристику, которую далъ намъ:

... слѣдъ лѣсовъ, гдѣ взросъ онъ, въ немъ остался.

[1]) Дѣйствіе II, сп. 1. — [2]) Дѣйствіе I, сц. 1.

Эти лѣса очень смахиваютъ на рощи Марли и Тріанона. Но зато, какъ долженъ былъ нравиться Декарту или Николю, даже Боссюету стихъ:

Внезапно чуждымъ сталъ я самому себѣ! [1])

Изящество языка этихъ влюбленныхъ не должно скрывать отъ насъ крѣпости ихъ души и заставить забыть ее. Эта блестящая малютка-принцесса не болѣе поколеблется, въ послѣднемъ актѣ, сопровождать Ипполита, котораго изгналъ отецъ, чѣмъ Донна Соль послѣдовать за изгнанникомъ Эрнани. Итакъ она очень нѣжна, но и очень отважна. А что можетъ быть привлекательнѣе отваги существа нѣжнаго? Монима [2]) уже убѣдила насъ въ этомъ.

Мы имѣли случай замѣтить вообще, что второстепенныя лица не должны быть разсматриваемы только сами по себѣ. Такъ въ Британникѣ юная любовь Нерона и Юніи, кромѣ того, что представляетъ симпатичное зрѣлище, служитъ главнымъ образомъ къ тому, чтобы зажечь ревность Нерона, сдѣлать его безжалостнымъ до братоубійства и развить въ немъ чудовище. Итакъ эта любовь служитъ осью этой трагедіи. Также юношеская любовь Баязета и Аталиды преимущественно служитъ для возбужденія немилосердной ярости Роксаны. Такъ и влюбленный Ипполитъ, за котораго было сдѣлано столько упрековъ Расину, не можетъ быть объясненъ только мнимымъ отвѣтомъ поэта на недоумѣніе Арно: „Но иначе, что же сказала бы наша свѣтская молодежь?“ Нѣтъ; главное основаніе, и единственно истинное, состоитъ въ томъ, что эта взаимная любовь Ипполита и Арисіи служитъ для полнаго поворота чувствъ Федры, когда она узнаетъ о ней, для подавленія угрызеній ея совѣсти жесточайшими мученіями ревности:

... Мученья всѣ, что я перенесла:
....
Лишь тѣнь ничтожная той муки, что зажглась
Теперь въ душѣ моей! [3])
....
.... Ипполитъ и сердца трепетанье
Способенъ испытать! Ко мнѣ же ничего
Не можетъ чувствовать совсѣмъ душа его! [4])
....
Такъ нѣтъ же! я не дамъ имъ счастьемъ упиваться! [5])

Вотъ тѣ вопли, которыя исходятъ изъ ея растерзаннаго сердца. Пока она считала Ипполита неспособнымъ любить — она страдала, но безъ гнѣва: если на минуту она выразила неопредѣленное согласіе на его гибель, то для того только, чтобы спасти себя отъ грозящаго ей позора; но чрезъ нѣсколько минутъ, подавленная голосомъ совѣсти, она спѣшила разоблачить клевету: спасти Ипполита и погубить себя, быть можетъ, съ радостію. Но теперь она

---

[1]) Дѣйствіе II, сц. 2. — [2]) Въ трагедіи Расина: „Митридатъ“. — [3]) Дѣйствіе IV, сц. 6.— [4]) Дѣйствіе IV, сц. 5.— [5]) Ibid.

предоставитъ его гибели, потому что его преступленіе непростительно:

Ему лишь я одна несноснѣе всего [1])!
....
Энона! У меня — о кто бъ считалъ возможнымъ? —
Соперница была!

Энона.

Чтó говоришь ты? Кто?

Федра.

Да! Любитъ Ипполитъ— и несомнѣнно то!
Врагъ этотъ лютый мой, ничѣмъ неукротимый
И даже трепетной мольбой не одолимый,
Свирѣпый этотъ тигръ, который могъ внушать
Мнѣ ужасъ лишь одинъ, какъ только подступать
Рѣшалась я къ нему,—ручнымъ вдругъ сталъ, смирился
И, власть врага признавъ, предъ нею преклонился:
Арисія пути къ душѣ его нашла! [2])

Вотъ красоты вѣчныя. Расинъ не обязанъ ими ни Еврипиду, ни Сенекѣ. Развѣ одно только слово латинскаго поэта, быть можетъ, послужило непримѣтнымъ зерномъ того, чтó будетъ сейчасъ объяснено мною. Итакъ чтó же было пружиною этой удивительной сцены, превосходнѣйшей перипетіи, заключающейся въ ней, и катастрофы, изъ нея вытекающей, какъ не этотъ эпизодъ любви Ипполита и Арисіи, вызывавшій столько порицаній? Чтó говорю я, эпизодъ? Не ясно ли до очевидности, что причиной такой красоты не можетъ быть эпизодъ, ничтожная вставка, уступка вкусу времени; но что, напротивъ, эта любовь составляетъ самую ось, вокругъ которой вращается превосходная перипетія трагедіи. Развѣ любовь Ипполита къ Арисіи не служитъ причиною яростной ревности Федры, которой нѣтъ и тѣни у обоихъ древнихъ поэтовъ? Если бы она не имѣла никакого другого значенія для трагедіи, кромѣ одного этого, то и тогда слѣдовало бы признать ее, восхвалить это средство, породившее столько прекрасныхъ дѣйствій, такой патетическій взрывъ, ускоряющій развязку трагедіи.

Обратимся теперь къ тому, какъ эта мысль, одна изъ самыхъ драматическихъ, пришла на умъ Расину. Поль Жане высказалъ объ этомъ предположеніе очень правдоподобное. Онъ говоритъ, что Расинъ нашелъ у Сенеки слѣдующія два слова въ разговорѣ Федры съ кормилицею объ Ипполитѣ:

Nutrix.

Genus omne profugit.

Phaedra.

Pellicis careo metu—

чтó онъ, перевелъ, и очень хорошо, слѣдующими двумя стихами:

Oenone.

Il a pour tout le sexe une haine fatale.

[1]) Ibid.—[2]) Дѣйствіе IV, сц. 6.

Phèdre.
Je ne me verrai point préférer de rivale [1]).

Не могъ ли бы Расинъ сказать себѣ при этомъ: „А что, если бы я далъ ей соперницу?"... Это предположеніе очень правдоподобно и остроумно.—Итакъ подобно тому, какъ въ трагедіи Еврипида страсть Федры есть только средство, избранное Венерою для погубленія Ипполита, такъ въ піесѣ Расина любовь Ипполита къ Арисіи служитъ лишь средствомъ для возбужденія въ Федрѣ ревности, которая и удерживаетъ ее въ тотъ моментъ, когда она спѣшила спасти его.

Такъ роковую силу древней Судьбы, тяготѣвшей въ греческихъ и латинскихъ трагедіяхъ, согласно вѣрованіямъ того времени, надъ смертными и даже надъ безсмертными, драматургъ новаго времени замѣнилъ внутреннею мнимо-роковою силою страстей, съ которою вступаютъ въ борьбу въ различной степени свободная воля и совѣсть. Въ силу этой-то замѣны древній сюжетъ сталъ новымъ. Право, здѣсь уже не далеко до янсенистской доктрины о благодати, когда Энона говоритъ Федрѣ:

Ты любишь. Намъ судьба не станетъ покоряться.
Самъ рокъ судилъ тебѣ красой очароваться.

Въ самомъ дѣлѣ, предопредѣленіе очень близко къ роковой силѣ. Федра вовлеклась въ преступленіе потому, что была лишена благодати: „Наши желанія и рѣшенія наши, по этой доктринѣ"—говоритъ Сентъ-Бёвъ въ своемъ Поръ-Роялѣ—„совершаются по волѣ Божіей: мы свободны, мы чувствуемъ и думаемъ, что свободны, и все же бываетъ много случаевъ, гдѣ мы поступаемъ по принужденію: ужасная тайна! Федра съ своею добродѣтельною скорбію могла бы быть приведена въ Разсужденіи о свободной волѣ Боссюета въ доказательство, что часто поступаютъ вопреки собственному желанію; желаютъ противъ своей воли и хотятъ вопреки себѣ [2])":

Но что я говорю? Да развѣ въ этомъ я
Постыдно признаюсь тебѣ по доброй волѣ? [3])

Конечно, доводы такого порядка или приблизительно подобные имъ долженъ былъ развивать Буало, когда, желая примирить Расина съ отшельниками Поръ-Рояля, сначала съ Николемъ, потомъ съ Арно, онъ началъ съ того, что принесъ имъ трагедію Федру, предисловіе къ которой могло считаться первымъ шагомъ къ желаемому примиренію съ благочестивыми отшельниками [4]).

Чѣмъ же достигъ Расинъ того, что заинтересовалъ Федрой и сумѣлъ заставить сострадать ей, несмотря на ея преступныя чувства? Тѣмъ отвращеніемъ, которое они возбуждали въ ней самой; тѣмъ, что Буало такъ хорошо назвалъ „добродѣтельной скор-

---

[1]) Энона. Въ немъ ненависть ко всему нашему полу роковая.
Федра. Я не увижу себѣ соперницы, которую предпочелъ бы онъ мнѣ.
[2]) Поръ-Рояль, т. VI.—[3]) Дѣйствіе II, сцена 5.—[4]) См. объ этомъ подробно ниже въ статьѣ Менара.

бію Федры, вѣроломной кровосмѣсительницы вопреки самой себѣ"; искусной градиціей, заставляющей насъ быть свидѣтелями нечувствительнаго успѣха, рокового хода страсти, начиная отъ ея первыхъ приступовъ до послѣдняго взрыва; въ особенности же тѣмъ правдивымъ и краснорѣчивымъ впечатлѣніемъ угрызеній совѣсти, которое въ самомъ преступленіи есть дань, уплачиваемая добродѣтели.

Такъ, свободно пользуясь идеями Еврипида и Сенеки, Расинъ усовершенствуетъ, дополняетъ, очищаетъ то, что заимствуетъ у нихъ. Онъ не ограничивается заимствованіемъ у Еврипида единственной сцены, гдѣ появляется Федра и признается кормилицѣ въ своей страсти и мученіяхъ, и потомъ краткой сцены, гдѣ Тезей проклинаетъ сына; затѣмъ у Сенеки—лучшей сцены піесы—той, гдѣ Федра открываетъ Ипполиту свои чувства,—этого сценическаго изображенія разнузданной страсти, которой Расинъ умѣетъ придать постепенность и пристойность, сообщающія тѣмъ бо́льшую силу ея дѣйствію на зрителей, обладающихъ образованнымъ умомъ и тонкими чувствами; затѣмъ сцены, гдѣ Федра является, наконецъ, съ намѣреніемъ обѣлить Ипполита: Расинъ уже самъ создаетъ третье положеніе героини, которое дополняетъ два первыя, доводитъ развитіе ея характера до высшей степени патетическаго и возбуждаетъ въ насъ состраданіе къ своимъ удвоеннымъ терзаніямъ.

Дозвольте мнѣ, для большей точности, резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ и яснѣе обозначить три перипетіи этого великаго произведенія:

1. Федра отдается смерти отъ голода, стыда и скорби, чтобы похоронить съ собою роковую любовь свою, какъ вдругъ ей сообщаютъ вѣсть о смерти Тезея: первая сценическая неожиданность—полный поворотъ дѣйствія.

2. Федра, намѣревавшаяся только просить расположенія къ своему сыну у Ипполита, ставшаго повелителемъ вслѣдствіе смерти царя, мало-помалу, вопреки собственной волѣ, доходитъ до полнаго объясненія своихъ чувствъ юному государю, своему пасынку, и

Стыда суроваго предѣлъ переступила.

Она замѣчаетъ бездну уже тогда, когда находится на днѣ ея. Въ этотъ моментъ приходитъ вѣсть, что Тезей не умеръ, что онъ возвратился и сейчасъ явится: вторая сценическая неожиданность. Федра убѣгаетъ и, въ смущеніи, предоставляетъ дѣйствовать Энонѣ, которая для спасенія дорогой госпожи клевещетъ на Ипполита. Тезей обрекаетъ сына своего гибели.

3. Однакоже Федра черезъ нѣсколько минутъ возвращается, чтобы вывести Тезея изъ заблужденія и оправдать Ипполита; Тезей, прежде нежели она высказалась, случайно разоблачаетъ ей любовь Ипполита къ Арисіи; ревность охватываетъ сердце Федры и удерживаетъ ея добрый порывъ: она сражена, она болѣе неспособна на усиліе, нужное для его спасенія и обвиненія себя. Да и зачѣмъ спасать того, кто не только не любитъ ее, но еще любитъ другую?—Вотъ три момента и постепенный ходъ великой драмы.

Во всѣхъ трехъ піесахъ Тезей очень легковѣренъ и легкомысленъ: такова его природа. Это также необходимо для сюжета: нужно, чтобы это было такъ, подобно тому отсутствію любопытства Эдипа и Іокасты, вслѣдствіе котораго они никогда ни до, ни послѣ своего супружества—не разсказывали другъ другу событій изъ своего прошлаго. Эта невѣроятность, которой нельзя допустить, есть условіе піесы Софокла: все опирается на эту невѣроятность. Но если только она будетъ допущена,—драма Эдипъ-царь прекрасна въ высшей степени. Это то, что въ геометріи называется постулатомъ. Итакъ Тезей — лицо, которое принесено въ жертву остальному. Впрочемъ этотъ непостоянный въ своихъ чувствахъ герой, своего рода Донъ-Жуанъ миѳическихъ временъ, похитившій Елену ранѣе Париса, потомъ похитившій Перибею, Аріадну и множество другихъ [1]), этотъ старѣющій Донъ-Жуанъ, если бы былъ обманутъ такъ, какъ обманывалъ ихъ, возбудилъ бы мало къ себѣ состраданія. Обманутъ ли онъ, нѣтъ ли, — во всякомъ случаѣ его роль довольно смѣшна, а его ослѣпленіе непонятно. Въ Расиновой піесѣ Федра еще жива, она не повѣсилась, какъ у Еврипида: онъ можетъ ее спросить — и ничего этого не дѣлаетъ. Это, по истинѣ, непостижимо; но сюжетъ держится на этомъ. Этотъ недостатокъ былъ уже у Сенеки.

Слѣдовало бы сравнить смерть Ипполита у трехъ поэтовъ. Я уже говорилъ о простотѣ разсказа о ней у Еврипида: у него не кто иной, какъ быкъ, выходитъ изъ моря и пугаетъ коней; Ипполитъ сброшенъ, его приносятъ умирающаго на сцену, и несравненна идеальная картина, набросанная поэтомъ: Діана приходитъ утѣшить послѣднія минуты юнаго героя, который умираетъ за то, что ей одной оказывалъ чистую и вѣрную покорность; если богиня, дружелюбная къ Ипполиту, не могла спасти его, по крайней мѣрѣ она приходитъ принять его послѣдній вздохъ и оплакала бы его предсмертныя страданія, „если бы богамъ было дозволено плакать [2])“. Какъ бальзамъ, изливаетъ она на раны своего чистаго поклонника нѣжность своей божественной дружбы. „Увы! ты, столь дорогой мнѣ, умираешь!“ Она обѣщаетъ ему священныя почести и слезы дѣвъ на могилѣ его, какъ росу безсмертія:

Предъ свадьбой дѣвы непорочныя тебѣ
Въ даръ будутъ рѣзать волоса. Столѣтій рядъ
Глубокимъ трауромъ, въ слезахъ, дань будутъ приносить.
И вдохновенную пѣснь скорби въ честь тебя
Всегда пѣть будутъ дѣвы: Федры страсть къ тебѣ
Въ безмолвіи, безвѣстной, не заглохнетъ.
—Ты, престарѣлаго Эгея сынъ, прими
Въ объятья сына, привлеки къ себѣ! Его
Невольно погубилъ ты. Людямъ вѣдь впадать
Въ ошибку свойственно, по волѣ божества.
Тебѣ жъ совѣтъ мой, Ипполитъ, къ отцу вражду
Покинуть: жребій твой судилъ погибнуть такъ [3]).

---

[1]) „Какъ всюду расточалъ въ любви онъ увѣренья“ (Д. I). — [2]) Ипполитъ съ вѣнкомъ, ст. 1407.—[3]) См. Ипполитъ, перев. Е. Ѳ. Шнейдера. М. 1889 г., стр. 87.

У Сенеки картина смерти Ипполитовой далека отъ этого идеализма. Упавшаго съ колесницы, за которою влекся онъ, растерзаннаго въ клочки и даже на куски, его выносятъ на сцену, и отецъ—картина комически реальная—пытается снова сложить его тѣло. „Подайте сюда", говоритъ онъ, „останки этого дорогого тѣла; сложите здѣсь печальную ношу, эти члены, отовсюду подобранные и сложенные въ груду... Какъ? Неужели же тутъ Ипполитъ?... О, я сознаю теперь свое преступленіе! Я убилъ его!.. Попытаемся сложить въ порядокъ разрозненныя части этого растерзаннаго тѣла..." И далѣе слѣдуютъ подробности непереводимыя, отталкивающія, смѣшныя, которыя передаю въ сокращеніи: „Вотъ это правая рука... вотъ лѣвая... Вотъ, кажется, лѣвый бокъ..." Объ одномъ кускѣ, не сохранившемъ болѣе вида человѣческаго, онъ говоритъ: „Какая же это часть твоя? Увы! не знаю, но она твоя часть! Сюда ее, сюда; если это и не ея мѣсто, все же это мѣсто пустое":

Quae pars tui sit dubito, sed pars est tui.
Hic, hic repone: non suo, at vacuo loco.

Этимъ раскладываніемъ пасіанса оканчивается трагедія Сенеки.— Въ одной феерiи нашего времени представляется человѣкъ, котораго тѣло подвергается взрыву: члены его разбрасываются во всѣ стороны; ихъ собираютъ одинъ за другимъ; не достаетъ одной руки; но ее приноситъ собака. Бѣднягу складываютъ на глазахъ зрителей, становятъ на ноги—и онъ уходитъ. Выдумка эта довольно забавна, и у мѣста только въ феерiи. Вотъ почему тотъ же пріемъ неумѣстенъ въ сценѣ трагедіи. Одного этого уже достаточно, чтобы доказать, что эта трагедія не была исполняема на сценѣ—равно какъ и другія піесы Сенеки.

У Расина разсказъ Терамена слишкомъ извѣстенъ, чтобы нужно было останавливаться на немъ [1]). Расинъ здѣсь слишкомъ сохранилъ въ памяти амплификаціи Сенеки, описывая бурю и чудовище, ужасъ спутниковъ Ипполита и отважную борьбу его съ ужаснымъ звѣремъ, затѣмъ паденіе, тѣло, влачимое „конями, вскормленными его рукою". Онъ исключилъ только смѣшную сцену составленія трупа и описаніе самаго трупа, настолько же излишнее, какъ и отталкивающее. Но ему слѣдовало бы исключить много и другого, напр.: подражаніе Овидію—эти наклейныя украшенія, которыми уже воспользовался Сенека [2])... Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ прибавить, что многія подробности разсказа, заслужившія справедливое осужденіе [3]),

1) Подробно объ этомъ см. ниже въ статьѣ П. Менара. — 2) Далѣе у Дешанеля слѣдуетъ краткій очеркъ споровъ во французской критикѣ по поводу разсказа Терамена: мы опускаемъ здѣсь его, потому что этотъ споръ гораздо обстоятельнѣе изложенъ ниже въ статьѣ Менара.—3) Въ четвергъ на масляницѣ 1863 г. на театрѣ Портъ-Сенъ-Мартенъ романистъ и стихотворецъ Мери поставилъ пародію подъ заглавіемъ: *Разсказъ Терамена съ комментаріями Тезея*. Стихи Терамена изъ Расина здѣсь прерывались стихами, которые Мери сочинилъ для Тезея, чтобы вкривь и вкось высмѣивать первыя довольно ребячески. Упоминаю не болѣе, какъ о курьезѣ, объ этой піесѣ, гдѣ осужденіе кое-какихъ мелочей, болѣе или менѣе справедливое, тонетъ въ волнахъ зубоскальства, не дѣлающаго чести уму Мери, вообще пользующагося заслуженной извѣстностью. Впрочемъ это была не болѣе, какъ масляничная шутка.

должны были бы удивлять гораздо менѣе, чѣмъ насъ, зрителей того времени, воспитанныхъ на чтеніи рыцарскихъ романовъ и различныхъ легендъ, гдѣ выводились, какъ въ скульптурѣ и въ живописи на стеклѣ готическихъ церквей, всякаго рода чудовища, съ которыми Расиново чудовище имѣетъ довольно сходства. Св. Михаилъ и св. Георгій и имъ подобные на картинахъ и коврахъ постоянно поражали подобныхъ чудовищъ. Глаза привыкли къ нимъ и находили ихъ вполнѣ естественными. Остается замѣтить излишества въ описаніи, дѣйствительно чрезмѣрныя въ разсказѣ о такой бѣдѣ, обращенномъ къ отцу[1]).

Итакъ, въ этой трагедіи сводится и сосредоточивается геній трехъ поэтовъ и трехъ литературъ. При сооруженіи этого великаго драматическаго зданія, на фронтонѣ котораго начертано: Федра, греческій поэтъ далъ матеріалъ для перваго яруса, поэтъ латинскій—второй ярусъ, а Расинъ—вершину. — Зданіе трехъ-ярусное, трехъ стилей, различное происхожденіе которыхъ изобличается въ замыслѣ и въ исполненіи: стиль аттическій, римскій и французскій— три поэтическіе стиля трехъ цивилизацій. Какой памятникъ эпохи Возрожденія превзойдетъ его въ разнообразіи и гармоніи? Съ какимъ искусствомъ и съ какими модуляціями романтизмъ Еврипида, а затѣмъ Сенеки перенесены и переложены романтизмомъ Расина! И какъ эта силами ѳическаго Рока замѣчательно претворена въ новое представленіе страсти въ борьбѣ съ свободной волей посредствомъ изображенія этихъ сокрушеній совѣсти, почти христіанскихъ! Какая мѣра даже въ изображеніи преступленія! Какой гармоническій диссонансъ! и какая высочайшая красота! О, сколько было ума въ геніи Расина! [2]).

2. «Федра» Прадона.

Скажемъ два слова о піесѣ Прадона: о ея содержаніи и формѣ. Что до содержанія, то Прадонъ измыслилъ, или вѣрнѣе заимствовалъ у Жильбера очень простой способъ облегчить трудность сюжета — мерзости прелюбодѣянія и кровосмѣшенія: Прадонъ представляетъ Федру не женою Тезея, а только его невѣстою; такъ какъ брачныхъ узъ между ними нѣтъ, то она можетъ любить сына Тезеева, не совершая преступленія, но лишь погрѣшая противъ приличій. Правда, такой сюжетъ уже не такъ отвратителенъ, но что же осталось въ немъ трагическаго? Это напоминаетъ исправленіе Сида, предложенное критиками, которые, чтобы уничтожить предо-

---

1) Любопытенъ разсказъ о смерти Ипполита въ трагедіи Робера Гарнье 1573 г. См. ниже прил. III.—2) Сверхъ двухъ указанныхъ здѣсь источниковъ Федры, быть можетъ, есть и третій: это эпизодъ того Геліодорова Романа, который Расинъ зналъ наизусть (см. „Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Расина“, предпосланный переводу „Гоѳолія“ Льва Поливанова)—эпизодъ о Деменетѣ въ IV гл. Любви Теогена и Хариклеи. Тамъ также идетъ рѣчь о мачехѣ, которая пытается соблазнить пасынка и, будучи отвергнута имъ съ негодованіемъ, мститъ ему, оклеветавъ въ преступленіи, въ которомъ сама виновна. См. ниже *приложеніе* IV.

судительную часть сюжета, а именно любовь Родрига и Химены, продолжающуюся послѣ того, какъ Родриго убилъ отца Химены, графа Гормаса—предлагали другую комбинацію, а именно: чтобы сынъ Донъ-Діега не убивалъ на дуэли отца своей возлюбленной. Тогда, конечно, не было бы болѣе препятствія для ихъ брака; но именно это препятствіе и составляетъ драму, изъ него-то и вытекаютъ потрясающія столкновенія, породившія столько красоты въ произведеніи поэтовъ испанскаго и французскаго.

У Прадона, также какъ и у Расина, Ипполитъ любитъ Арисію, и піеса, сначала названная Федрою и Ипполитомъ, какъ была озаглавлена вначалѣ и піеса Расина, потомъ переименована въ Ипполита и Арисію. Федра узнаетъ объ этой любви и угрожаетъ Арисіи. Появляется Тезей, хочетъ устроить оба брака, свой съ Федрой и бракъ Ипполита съ Арисіей. Много ли трагизма въ этомъ двойномъ брачномъ торжествѣ, обращенномъ въ одно? Но Ипполитъ отказывается отъ брака, опасаясь, что Федра изъ ревности погубитъ его жену. Тогда-то Федра обвиняетъ Ипполита въ притязаніяхъ на ея руку. Но въ чемъ же тогда преступленіе? Однако Тезей, гнѣваясь на то, что сынъ посягнулъ на его достояніе, проклинаетъ Ипполита и предаетъ его мщенію Нептуна: наказаніе нѣсколько строгое за такой проступокъ. Ипполитъ погибаетъ. Разсказываютъ о его смерти. Федра, взволнованная раскаяніемъ, сознается въ своей клеветѣ и убиваетъ себя надъ трупомъ того, кого еще любитъ. Арисія хочетъ послѣдовать ея примѣру; но Тезей, находя, что мертвыхъ уже достаточно, удерживаетъ ее.

И смѣли утверждать, что этотъ-то планъ Прадона лучше Расинова! Даже Вольтеръ повторилъ это! можно подумать, что онъ не читалъ піесы.

Что касается стиля—то онъ плосокъ и прозаиченъ, испещренъ подражаніями и наборомъ стиховъ то изъ Корнеля, то изъ Расина. Прадонъ не только заимствуетъ у нихъ цѣлые стихи и полустишія, но иногда даже дѣйствующихъ лицъ или драматическія положенія, обкрадывая то Сида и Поліевкта, то Британника и Баязета. Арисія, напримѣръ, несомнѣнно есть неудачное подражаніе Аталидѣ [1]); нелѣпость ея доходитъ до полной глупости; судите сами: Федра, обманутая своей наперсницей и самимъ Ипполитомъ, думаетъ, что любима имъ, какъ Роксана Баязетомъ. Она разсказываетъ, что видѣла отца въ присутствіи сына, и что послѣдній, вѣроятно очень искусно умѣющій притворяться влюбленнымъ, не могъ сдержаться даже въ присутствіи Тезея:

Son désordre a fait voir un feu qu'il voulait taire.
. . . .
Thésée est pénétrant: il a paru surpris
De trouver de l'amour dans les yeux de son fils [2]).

---

[1]) Ф. Дельтуръ въ своемъ интересномъ сочиненіи: Враги Расина въ XVII вѣкѣ, 1859 г., очень хорошо разобралъ это.—[2]) „Его смущеніе обнаружило любовь, которую онъ желалъ скрыть... Тезей проницателенъ: онъ казался изумленнымъ, увидавъ любовь въ глазахъ сына".

Итакъ большая опасность угрожаетъ Ипполиту. Но Арисія очень хорошо знаетъ, что подозрѣнія Тезея неосновательны, что одно слово ея возлюбленнаго или ея собственное разсѣетъ подозрѣніе царя и даже обезпечитъ ихъ союзъ, ибо въ піесѣ Прадона Арисія не единственная отрасль осужденной семьи, и самъ Тезей, еще не зная взаимной любви молодыхъ людей, первый задумалъ ихъ бракъ. Однако, не взирая на столько причинъ для спокойствія, Арисія не можетъ подавить ужаса; она разражается, какъ Аталида при неожиданномъ извѣстіи о смерти Баязета, восклицаніемъ:

Que deviendrais-je, hélas! si cet amant si tendre
Perissait?... [1])

Федра, неожиданно остановленная въ своемъ довѣрчивомъ разсказѣ этимъ неумѣстнымъ разоблаченіемъ чувствъ соперницы, не щадитъ ее:

Et vous feriez juger à vos sens interdits,
Que le père vous touche ici moins que le fils! [2])

Она допрашиваетъ и понуждаетъ ее въ слѣдующихъ деликатныхъ выраженіяхъ:

Est-ce vous, est-ce moi qui le fais soupirer? [3])

Тогда Арисія пытается исправить зло, сдѣланное ея глупостію:

Ah! sans doute, Madame,
S'il soupire, vos yeux ont fait naître sa flamme [4]).

И выраженіемъ, снова похищеннымъ у Расина, Федра отвѣчаетъ:

Souhaitez le du moins! [5])

Мы видѣли, что Расинъ внесъ новое развитіе страсти Федры помощію возбужденной въ ней ревности; Прадонъ захотѣлъ подражать ему: различіе состоитъ въ томъ, что „у Расина эта страсть является настолько же возможною по вызвавшей ее причинѣ, насколько потрясающею и ужасною въ своихъ проявленіяхъ, тогда, какъ Прадонъ воспользовался въ высшей степени неумѣло тѣми средствами, которыя похитилъ“ [6]).

Итакъ даже для цѣлей соперничества съ Расиномъ Прадонъ пользуется заимствованіями изъ него самого. Тѣ клочки порфиры, которые онъ вырываетъ и вшиваетъ тамъ и сямъ въ свои стихи, служатъ лишь для обнаруженія его же безцвѣтной вялости. Чтобы изобразить перемѣну настроенія въ Ипполитѣ, намъ говорятъ:

Il va moins à la chasse, il demeure au palais [7]).

И самъ Ипполитъ говоритъ далѣе Арисіи:

Depuis que je vous vis, je n'aime plus la chasse;
Ou, si j'y vais, ce n'est que pour penser à vous! [8])

---

[1]) Увы! что будетъ со мною, если этотъ возлюбленный, столь нѣжный, погибнетъ?... [2]) И ты дашь поводъ думать своимъ смущеніемъ, что отецъ менѣе заботитъ тебя, нежели сынъ.—Расинъ въ Британникѣ (II дѣйств. III сц.) говоритъ: La soeur vous touche ici beaucoup *moins* que le frère (Сестра заботитъ тебя въ этомъ случаѣ гораздо менѣе, чѣмъ братъ).—[3]) Кого же любитъ онъ: тебя или меня?—[4]) О, конечно, государыня, если онъ любитъ, то твои глаза породили это пламя.—[5]) По крайней мѣрѣ желай того! (Brit; III, VIII).—[6]) Ф. Дельтуръ.—[7]) Онъ рѣже ходитъ на охоту, не покидаетъ дворца.—[8]) Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣлъ, я болѣе не люблю охоты; и если иногда хожу на охоту, то только для того, чтобы думать о тебѣ!

Сравните эту пошлость съ той же мыслію, выраженной у Расина въ слѣдующихъ музыкальныхъ стихахъ:

Maintenant je me cherche, et je ne me trouve plus.
Mon arc, mes javelots, mon char, tout m'importune;
Je ne me souviens plus des leçons de Neptune;
Mes seuls gémissemens font retentir les bois,
Et mes coursiers oisifs ont oublié ma voix [1]).

Федра Прадона выражаетъ безчувственному Ипполиту гармонически слѣдующія милыя мысли:

Tout aime cependant, et l'amour est si doux!
La nature en naissant, le fait naître avec nous.
Un Scythe, un barbare aime: et le seul Hippolyte
Est plus fier mille fois qu'un barbare et qu'un Scythe [2]).

И позже, когда ей объявляютъ о возвращеніи Тезея, она говоритъ поэтически:

Le retour de Thesée et m'étonne et m'accable;
Je suis dans un état affreux, épouvantable [3]).

Таковы вездѣ стиль и мысли Прадона. Такова пьеса, которую могущественная шайка людей литературнаго и придворнаго круга противопоставила одному изъ лучшихъ произведеній Расина.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬЯМЪ ДЕШАНЕЛЯ.

I.

Разсказъ о гибели Ипполита изъ трагедіи Еврипида «Ипполитъ» [4]).

Вѣстникъ.

Близь берега, въ который ударяетъ валъ,
Мы, плача, чистили скребницами коней.
Къ намъ вѣстникъ приходилъ сказать, что Ипполитъ
Не будетъ больше въ здѣшней жить странѣ, что онъ
На бѣдствія изгнанья обреченъ тобой.
И къ намъ, на берегу, онъ самъ тутъ подошелъ
Со скорбной вѣстью той же. Вслѣдъ ему толпой
Несмѣтной вѣрные шли сверстники его.
Онъ наконецъ, рыданья заглушивъ, сказалъ:
„Къ чему тужить? Отцовской волѣ должно покориться.
Коней объѣзженныхъ впрягите въ колесницу
Вы, слуги! Городъ этотъ мнѣ теперь чужой».

---

1) . . . . . . Ищу я самъ себя.
И не могу найти; и лука, и копья,
И колесницы видъ наводитъ только скуку,
И позабылъ ужъ я Нептунову науку.
Лишь вопли слышатся мои въ глуши лѣсной,
И кони праздные забыли голосъ мой (Актъ II, сц. 2).

2) Однако все испытываетъ любовь, и любовь такъ сладка. Природа, рождаясь, порождаетъ ее вмѣстѣ съ нами. Скиѳъ, варваръ—и тотъ любитъ, одинъ лишь Ипполитъ въ тысячу разъ суровѣе варвара и скиѳа. 3) Возвращеніе Тезея и изумляетъ и сокрушаетъ меня; я въ положеніи страшномъ, ужасномъ.
4) Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. Ѳ. Шнейдера. Вып. I. Ипполитъ, трагедія. М. 1869. Стр. 75—78.

Конечно, тотчасъ торопиться каждый сталъ,
Скорѣй, чѣмъ слово молвишь, запрягли коней
И ихъ поставили предъ нашимъ господиномъ.
Онъ вожжи быстро въ руки взялъ съ перилъ задка,
Уставивъ ноги въ углубленьяхъ колесницы дна [1])
И—первымъ дѣломъ—руки поднялъ и воззвалъ:
„О Зевсъ! пусть живъ не буду, коль преступенъ я,
И пусть отецъ пойметъ, какъ насъ позоритъ онъ,
При жизни нашей иль когда уже умремъ“!
Затѣмъ, бодецъ [2]) взявъ въ руки, припустилъ коней.
И, колесницу обступивъ, бокъ о бокъ съ ней
За господиномъ вслѣдъ мы, слуги, двинулись
Прямой дорогою въ Аргосъ и Эпидавръ.
Когда жъ въ пустынный край готовились вступить
(За рубежемъ владѣній нашихъ берегъ есть—
Вдоль Саргоническаго моря онъ лежитъ),
Оттуда, словно Зевса громъ подземный, къ намъ
Глухой донесся шумъ, внимавшихъ въ трепетъ приводя.
И прямо къ небу подняли и головы
И уши кони. Насъ объялъ великій страхъ:
Откуда шумъ идетъ? На брегъ рокочущій
Взглянувъ, мы дивную увидѣли волну:
Подъ небо подпирая, съ глазъ моихъ она
На берега Скирона скрыла видъ
И заслонила Истмъ, Асклепія скалу;
Затѣмъ, вздымаясь, брызжа пѣною обильной
Вокругъ себя, гонима съ моря дуновеньемъ,
Идетъ на берегъ, гдѣ стояла четверня,
И всей ударившись громадой водяной,
Быка—чудовище ужасное—извергла.
Его наполнившися ревомъ, вся земля
Ужасно застонала; и глядѣть страшнѣй,
Чѣмъ глазъ способенъ выдержать, казалось всѣмъ.
И тотчасъ на коней напалъ ужасный страхъ.
Нашъ господинъ, издавна съ нравами коней
Освоившійся, быстро вожжи въ руки взявъ,
Сталъ, какъ морякъ весло, тянуть коней
За повода, всѣмъ тѣломъ свѣсившись назадъ.
Они же, закусивши удила, чрезъ огнь
Прошедшія, несутся съ силой, надъ собой
Не слыша кормчаго руки, ни повода,
Ни колесницы. Если жъ онъ, держа кормило,
Ихъ бѣгъ старался къ мѣсту ровному направить,
Быкъ впереди являлся, чтобъ вернуть назадъ
Коней, въ безумный повергая страхъ;
Когда же въ бѣшенствѣ къ скаламъ они неслись,
Безмолвно шелъ вблизи, за колесницей вслѣдъ.
Такъ дѣло шло, пока, ударивъ о скалу
Круги колесъ, повергъ на землю, опрокинувъ.
Смѣшалось все: вверхъ прыгали колесъ
Осей чеки и ступицы. А онъ, несчастный,
Запутавшись въ вожжахъ, затянутый узломъ
Неразрѣшеннымъ, увлекаемъ былъ,
О скалы ударяясь головой своей,
Въ куски рвя мясо, страшный испуская крикъ:

---

1) Ἀρβύλαι—на днѣ колесницы дѣлались, на подобіе сандалій, углубленія, въ которыя возницы ставили свои ноги.—2) Такъ переводитъ Гнѣдичъ κέντρον (остроконечная палка, которой погоняли лошадей).

„Постойте, въ ясляхъ кормъ вкушавшіе моихъ,
Не сокрушите! Тяжело отца проклятье!
Кто здѣсь невинному захочетъ жизнь спасти"?
Желавшихъ было много насъ, но не могли
Догнать. Изъ путъ возжей ременныхъ онъ
Освободясь, ужъ самъ не знаю какъ,
Упалъ, еще дыша: не долго жить ему.
А кони скрылись гдѣ-то въ мѣстности гористой,
И быкъ чудовищный за ними скрылся вслѣдъ.
О царь, хотя я рабъ чертога твоего,
Но никогда не въ силахъ буду я повѣрить
Лишь одному тому, что твой порoченъ сынъ.
Хотя бъ повѣсилось все женщинъ поколѣнье,
Хотя бъ на Идѣ сосны исписали всѣ [1]),
Я въ благородствѣ убѣжденъ его вполнѣ.

II.

Разсказъ о гибели Ипполита изъ трагедіи Сенеки «Ипполитъ»:

Вѣстникъ.

Какъ только изгнанникъ покинулъ городъ тревожной поступью, направляя скорый бѣгъ поспѣшными шагами,—быстро подводитъ подъ высокое ярмо звонконогихъ, и привязываетъ морды ихъ, украшенныя подтянутыми удилами. Потомъ, много бесѣдуя съ самимъ собою, страшась за родину, неоднократно взываетъ онъ къ Отцу (Юпитеру) и, опустивъ возжи, сильно потрясаетъ бичемъ. Какъ вдругъ обширное море загремѣло въ глубинѣ и возросло до звѣздъ. На морѣ не дулъ ни малѣйшій вѣтеръ; нигдѣ не шумѣло спокойное небо, и собственная буря гонитъ спокойное море. Не такъ сильно Австеръ волнуетъ Сицилійскій проливъ, и не такъ свирѣпо вздымается Іонійскій заливъ, когда царствуетъ сѣверозападный вѣтръ и скалы дрожатъ вмѣстѣ съ волнами и бѣлая пѣна поражаетъ вершину Левкотскую: поднимается огромная волна на подобіе обширнаго вала, и стремится къ землѣ вздутое чудомъ море. Не такова зараза, показывающаяся на судахъ и грозящая берегамъ. Волна медленно катится впередъ: не знаю, что́ несетъ тяжелая волна въ своихъ отягченныхъ нѣдрахъ, какая земля обнаруживаетъ небесамъ новую главу? Не рождается ли новый Цикладскій островъ? Скрылись (отъ взоровъ) утесы, жилище эпидаврскаго бога, и скалы Скирона, извѣстныя злодѣйствомъ, и земля, заключенная двумя заливами. Пока въ оцѣпенѣніи мы стараемся разсмотрѣть это—все море вдругъ застонало. Утесы со всѣхъ сторонъ кипятъ; орошается водою самая вершина и, когда вода отхлынула, съ нея стекаютъ попеременно то пѣна, то потоки воды. Подобно тому, какъ движется по волнамъ океана огромный китъ, выбрасывая изъ пасти своей воду: такъ поднялся валъ потрясенныхъ водъ; онъ распался и несетъ берегу гибель, превосходящую опасеніе. Море устремляется на сушу и слѣдуетъ за своимъ чудовищемъ. Трепетъ потрясаетъ насъ.

Тезей.

Каковъ былъ видъ огромнаго тѣла?

Вѣстникъ.

Огромный быкъ, вздымающій лазоревую шею, поднялъ высокую гриву и зеленѣющій лобъ; стоятъ мохнатыя уши; цвѣтъ глазъ непрестанно мѣняется: то онъ таковъ, какъ у вожака дикаго стада, то таковъ, какъ у рожденнаго въ волнахъ; глаза то извергаютъ пламя, то отливаютъ лазурью. Широкія ноздри свистятъ при алчныхъ вздохахъ. Тучная шея поднимаетъ вздувшіеся мускулы.

---

[1]) Намекъ на сосновыя дощечки для письма, на которыхъ Федра написала свой извѣтъ. Ида—гора на о. Критѣ, изобиловавшая соснами.

Сплошнымъ мохомъ зеленѣютъ грудь и подгрудокъ; длинный бокъ окрапленъ краснѣющимся пурпуромъ. Далѣе за спиною станъ получаетъ видъ чудовища, и огромное чешуйчатое животное влачитъ безконечный хвостъ. Таковъ въ крайнемъ морѣ пилоносъ, поглощающій или сокрушающій суда. Содрогнулась земля; оглушенный скотъ бѣжитъ въ разбродъ по полямъ, и пастырь забылъ слѣдовать за своими телятами; убѣгаетъ изъ дикой лощины всякій охотникъ, содрогается, блѣдный отъ леденящаго ужаса. Въ ужасѣ передъ солнцемъ Ипполитъ сдерживаетъ коней тугими удилами и понукаетъ оробѣвшихъ знакомымъ голосомъ. Чрезъ разсѣвшіяся горы ведетъ къ Аргосу дорога, примыкающая къ сосѣднимъ пространствамъ ближняго моря. Здѣсь ярится то чудовище и готовитъ гнѣвъ свой. Лишь только набралось оно мужества и, напередъ испытывая себя, достаточно измѣрило силы своего гнѣва, какъ устремляется поспѣшнымъ бѣгомъ, едва касаясь въ быстрыхъ движеніяхъ поверхности земли, и, свирѣпое, остановилось передъ трепещущими конями. Сынъ же твой, выпрямившись грозно съ неустрашимымъ видомъ, не мѣняясь въ лицѣ, гремитъ великое слово: „Этотъ пустой страхъ не сокрушаетъ моего мужества; мнѣ врождено отъ отца побѣждать быковъ“. Кони, не повинуясь болѣе удиламъ, понесли колесницу и ужъ не по дорогѣ, а куда влекъ бѣшеныхъ заставляющій трепетать ужасъ. Здѣсь направляютъ они путь свой и несутся по утесамъ. Подобно тому, какъ кормчій охраняетъ судно отъ вздувшагося моря, (заботясь о томъ), чтобы судно не накренилось, и искусно обманываетъ волны: такъ сынъ твой управляетъ стремящеюся колесницей—то притягиваетъ морды коней, стянутыя тѣсными удилами, то унимаетъ ихъ, (ударяя) по спинамъ крученымъ бичемъ. Спутникъ то неотступно слѣдуетъ и ползетъ на равномъ разстояніи, то напротивъ, несется навстрѣчу, наводя своей массой ужасъ. Не стало возможности (конямъ) продолжать путь: навстрѣчу имъ забѣжалъ страшный морской рогоносецъ, ужасая своимъ взоромъ. Тогда звонконогіе, смятенные духомъ и трепещущіе, не слушаютъ (болѣе) приказаній, бьются, стараясь вырваться изъ ярма и, поднявшись на дыбы, сбрасываютъ ношу, обременяющую ихъ колесницу. Разбитый, стремглавъ падая ницъ, онъ запуталъ свое тѣло крѣпкимъ ремнемъ, и чѣмъ болѣе бьется онъ, тѣмъ сильнѣе затягиваетъ быстро образующіеся узлы. Почуяли животныя, чтó случилось, и никѣмъ не управляемыя, несутся, куда увлекаетъ ихъ страхъ. Такъ, почуявши незнакомаго сѣдока, негодуя на день, выбросила въ воздухъ Фаэтона, довѣрившагося обманчивому солнцу, колесница невѣрно стремящеюся осью. На далекое пространство обагряетъ сынъ твой кровью берега, и избитая голова скачетъ по утесамъ. Терновые кусты отрываютъ его волосы, и грубый камень терзаетъ прекрасное лицо. Быстрые кони увлекаютъ его члены, обреченные смерти, и погибаетъ злополучная красота отъ множества ранъ. Наконецъ стволъ, зацѣпивъ обожженнымъ сучкомъ, прямымъ сукомъ захватываетъ его подъ пахъ—и колесница постепенно останавливается вслѣдъ за тѣмъ, какъ былъ пронзенъ ея хозяинъ... Жёсткіе терны острыми ежевичными кустами и стволъ унесли часть тѣла. Блуждаютъ по полямъ толпы печальныхъ слугъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ растерзанный Ипполитъ кровавымъ слѣдомъ означаетъ длинный путь. Печальныя собаки бѣгутъ по слѣдамъ членовъ своего господина. Усердный трудъ скорбящихъ слугъ его еще не могъ вполнѣ собрать части тѣла. Это ли красота образа? Онъ, недавно славный соучастникъ отцовской власти и надежный наслѣдникъ, блеснулъ подобно небеснымъ свѣтиламъ. Тамъ и сямъ собираютъ его для послѣдняго костра и сносятъ для погребенія.

III.

Разсказъ о смерти Ипполита изъ трагедіи Роберта Гарнье 1573 г.

Какъ только вышелъ онъ, скорбя, изъ вратъ градскихъ
И въ колесницу самъ запрягъ коней своихъ,
Вступилъ онъ на нее, и правою рукою
Свистящій бичъ поднявъ, взялъ возжи онъ другою.

Звонко-копытные шли ровно бѣгуны
Вдоль края самаго соленой глубины.
Пыль клубомъ поднялась, и на оси качаясь,
Стрѣлою онъ летѣлъ, отъ града удаляясь.
Три раза на него онъ бросилъ гнѣвно взоръ,
Его распутству, лжи пославъ нѣмой укоръ,
И небомъ, и землей, и моремъ тутъ онъ клялся,
Что неповиненъ въ злѣ, въ которомъ обвинялся.
Тебя онъ называлъ, моля святыхъ боговъ,
Чтобъ обнаруженъ былъ неправды злобный ковъ,
Чтобъ истина тебѣ когда-нибудь открылась
И надъ виновными чтобъ кара разразилась...
Какъ вдругъ вздувается морской равнины гладь,
Хоть вѣтра было намъ нисколько не слыхать.
И море сонное, волной не морщась бурной,
Горою поднялось до высоты лазурной,
Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ выше становясь.
О, никогда Борей, на Сѣверъ ополчась,
Ни Сѣверъ, давъ отпоръ, столь моря не вздымали,
Какъ берегъ въ ярости, они бъ ни колебали,
Какъ ни вопила бы Левката и, бѣлы,
Какъ ни гремѣли бы подъ пѣною скалы.
Но это бремя водъ судовъ не устрашаетъ
И землю лишь собой оно отягощаетъ;
Скачками къ берегу огромными катитъ,
И берегъ въ ужасѣ отъ приступа дрожитъ.
Смутилися и мы, ждемъ смерти неминучей
Предъ влажной яростью той водянистой тучи,—
И вдругъ предстала намъ какая-то скала,
Которая къ звѣздамъ вершину вознесла:
На шеѣ—голова чудовища такого,
Что ужасъ въ насъ одинъ въ ложь обращаетъ слово.
Большими взмахами плыветъ оно на насъ,
И каждая волна отъ взмаховъ тѣхъ дробясь,
Вскипѣвши, къ небесамъ высокимъ возлетаетъ
И словно молнія обратно ниспадаетъ:
Подъ нимъ широкимъ рвомъ раскрыла зѣвъ вода,
Вокругъ же поднялась сплошная волнъ гряда.
Пѣнясь, она реветъ, за чудищемъ несется
Которое, вскочивъ, на брегѣ остается.

Тезей.

Какимъ же изъ себя чудовище глядитъ?

Вѣстникъ.

Ужаснаго быка оно имѣло видъ.
Лазурный цвѣтъ его; но вплоть до глазъ вся шея
Густыми космами покрыта, зеленѣя.
Торчали уши вверхъ подъ парою роговъ,
Пестрѣвшихъ красками возможныхъ всѣхъ цвѣтовъ.
Блистаетъ взоръ его, и тяжело онъ дышитъ,
И изъ ноздрей огонь, какъ изъ печей двухъ, пышетъ;
А чрево толстое все мхомъ опушено;
На каждомъ изъ боковъ багряное пятно.
Когда чудовище вверхъ шею поднимало,
Двойной рядъ острыхъ иглъ спина намъ открывала;
А сзади у него былъ виденъ хвостъ большой,
Покрытый до низу костистой чешуей.
Сотрясся берегъ весь, и скалы задрожали,
Огни Юпитера которыхъ не пугали.

Бѣжали въ ужасѣ стада, покинувъ лугъ,
И въ горы, поблѣднѣвъ, спѣшитъ уйти пастухъ;
Охотникъ въ страхѣ лукъ и сѣти покидаетъ
И въ глубинѣ лѣсной укрыться поспѣшаетъ;
Медвѣдь или кабанъ его не устрашитъ—
Въ немъ всякій страхъ другой чудовищемъ убитъ.
Лишь Ипполитъ одинъ собою самъ владѣетъ;
Не блѣденъ ликъ его, утроба не хладѣетъ.
Онъ рекъ, поднявъ чело, увѣренность храня:
„Послѣдую отца примѣру нынѣ я:
„Безстрашно онъ разилъ быковъ всегда съ успѣхомъ!"
На сей разъ никакимъ другимъ герой доспѣхомъ
Не могъ располагать: копье свое беретъ
И хочетъ двинуться онъ на врага впередъ:
Но кони пятятся, воротятъ колесницу
Упрямые назадъ, не слушая возницу,
Знать ловкости его и силы не хотятъ
И, тяжело дыша, пускаются назадъ.
Быкъ яростный тогда за ними вслѣдъ несется,
Какъ вихрь, которымъ все крушенью предается,
Когда колосья всѣ повалитъ въ полѣ онъ,
Другъ съ другомъ ихъ смѣшавъ и сбивъ со всѣхъ сторонъ.
Быкъ мчится вслѣдъ—и вотъ онъ ихъ опережаетъ,
Въ лощинѣ между скалъ на нихъ вдругъ выступаетъ;
Гремитъ онъ чешуей, и свой поднявши взоръ,
Огромные глаза направилъ онъ въ упоръ;
Сверкаетъ ими онъ, ужасно ихъ вращая,
Великую грозу для жертвы возвѣщая.
Какъ лѣтомъ небо, вдругъ принявши мрачный видъ,
Сверкая и гремя, бѣдою всѣмъ грозитъ,
И видитъ съ ужасомъ тутъ виноградарь бѣдный,
Что лозамъ не уйти отъ гибели безслѣдной;
Какъ змѣи бѣлыя, градъ мчится съ облаковъ,
Чтобъ Вакха поражать и сверху и съ боковъ;
Молотитъ; землю всю плодами устилаетъ,
Къ которымъ зависть громъ нещадную питаетъ:
Такъ и чудовище готовило на насъ
И гнѣва своего и желчи весь запасъ.
Оно яритъ себя; хвостомъ по ребрамъ хлещетъ,
Какъ юный быкъ, когда онъ на телицу мещетъ
Взоръ полный ревности, лишь на его глазахъ
Съ соперникомъ она появится въ лугахъ.
Онъ въ ярости своей ужасный ревъ заводитъ;
Но прежде, нежели къ сопернику подходитъ,
Пытаетъ силу онъ и, съ вѣтромъ въ бой вступивъ,
Взрываетъ онъ песокъ иль, въ пень рога всадивъ,
Себя же самого сшибаетъ съ ногъ нежданно.
Тутъ храбрый Ипполитъ, который безвозбранно
Возжами, криками умѣлъ коней смирять,—
Какъ опытный пловецъ, что можетъ направлять
И противъ вѣтра путь, на качку не взирая,—
Теряется совсѣмъ; какъ быть ему—не зная.
Нѣтъ болѣ криковъ тѣхъ, удилъ, узды, возжей,
Которые могли бъ смирить его коней.
Ихъ ужасъ охватилъ—и какъ онъ ни старался,
Усиліямъ его ихъ страхъ не поддавался.
Взвилися на дыбы, и изо ртовъ у нихъ
Сбѣгаетъ съ пѣной кровь изъ-подъ возжей тугихъ.
Храпятъ; и нерва нѣтъ, ни мускула, ни жилы,
Что не были бы въ нихъ натянуты сверхъ силы.

Пока старался онъ остановить коней
Они же пятились обратно все сильнѣй,
Быкъ тутъ какъ тутъ—и вотъ, въ какомъ-то изступленьѣ
Забыли всякое они повиновенье:
Воротятъ въ сторону, кидаются къ скаламъ,
Все чуя близкій бѣгъ врага по ихъ слѣдамъ:
Ихъ Ипполитъ сдержать надежды не теряетъ,
Но силы онъ свои напрасно напрягаетъ;
Онъ голову свою къ груди уже нагнулъ,
Чтó было мочи въ немъ онъ возжи натянулъ,
Ихъ крѣпко ухвативъ обѣими руками;
Обильный льется потъ съ лица его ручьями:
Напрасно! кони бѣгъ удвоили лишь свой—
И выброшенъ онъ былъ: и вотъ въ бѣдѣ такой,
Упавши, за ремень онъ длинный зацѣпился:
Затянутъ петлею, на немъ онъ потащился,
И кони по скаламъ въ кустахъ его влачатъ;
Когтями острыми кусты его язвятъ;
Стучитъ по камнямъ онъ кровавой головою,
И члены алый слѣдъ роняютъ за собою.
(Случайно по корѣ пустившійся слизнякъ
Студенистый свой слѣдъ протягиваетъ такъ).
Ужъ вскрытъ его животъ сучкомъ, торчавшимъ спицей,
И тянутся кишки за страшной колесницей.
Прекрасная душа покинула его,
Чтобъ горькаго конца повѣдать своего
Разсказъ въ странѣ тѣней за мрачною рѣкою.
Покрылся вѣчною ночною темнотою
Блистающій зрачокъ его небесныхъ глазъ.
Сначала страхъ вдали удерживалъ всѣхъ насъ;
Бѣжимъ теперь туда, куда велъ слѣдъ багровый—
И застаемъ ужъ смерть принять его готовой.
Не выдержалъ ремень и лопнулъ наконецъ,
Свободу давъ ему принять всѣхъ мукъ конецъ,
Которыя еще въ дыханьѣ видны были.
Его собаки, вкругъ собравшись, жалко выли,
О мукахъ сѣтуя владыки своего.
На землю бросившись, мы, спутники его,
Терзали лица всѣ, и камнемъ наши груди
Сдавила тутъ печаль. Вопили громко люди.
Всякъ блѣденъ, съ ужасомъ къ нему тутъ подступалъ:
Окоченѣвшіе кто ноги цѣловалъ,
Кто руки, перси кто, слезами обливая;
Послѣднее прости шептали, проклиная
И колесницу мы, и звѣря, и коней,
И злобную судьбу—причину скорби всей.
Потомъ на жерди мы покойника взложили
И на плечахъ сюда доставить поспѣшили.

IV.

Эпизодъ изъ романа епископа Геліодора: Эѳіопики, или любовь Теогена и Харикл̣еи о Деменетѣ.

..."Въ день великаго торжества, насываемаго Панаѳенеями, когда Аѳиняне возятъ по землѣ корабль въ процессіи въ честь Минервы, я былъ въ порѣ ранней юности и пѣлъ гимнъ, который имѣютъ обыкновеніе пѣть въ этотъ день въ честь богини, выступая первымъ въ процессіи, какъ того требуетъ обычай; потомъ возвратился домой въ той же одеждѣ, въ которой участвовалъ въ торжествѣ и

съ тѣмъ же цвѣточнымъ вѣнкомъ на головѣ. Лишь только она увидѣла меня въ этомъ нарядѣ, какъ обезумѣла и не скрывала болѣе своей любви, но обнаруживая свою гнусную похоть, подбѣжала ко мнѣ и крѣпко меня обняла, говоря: „О новый Ипполитъ! о мой Тезей!" Какъ вы думаете, что стало со мной тогда, если и теперь я краснѣю отъ стыда только при одномъ разсказѣ объ этомъ?"

Когда насталъ вечеръ, отецъ мой отправился ужинать въ городскую ратушу и на общемъ собраніи, и на пиру общественномъ онъ долженъ былъ провести тамъ ту ночь. Потому пришла она ночью и старалась добиться отъ меня гнуснаго поступка. Но видя, что я всячески ей сопротивляюсь и отвергаю всѣ ея ласки, мольбы, угрозы и обѣщанія, какія могла только она мнѣ сдѣлать, оставила меня, горько вздыхая изъ глубины сердца. О, если бы она только одну эту ночь строила свои козни! но во первыхъ, она на слѣдующій день вовсе не покидала постели, и когда мой отецъ утромъ возвратился домой и спросилъ ее, почему она еще въ постели, она прикинулась больною и на первый разъ ничего другого не сказала ему. Но такъ какъ мой отецъ настоятельно спрашивалъ ее о томъ, кто причиною ея болѣзни, то она отвѣчала: „Этотъ мальчикъ", твой сынъ и мой, котораго часто я любила болѣе, нежели тебя,—боги въ томъ свидѣтели—услыхавъ, не знаю отъ кого и какъ, что я беременна (чего я не хотѣла тебѣ открывать, пока сама въ томъ не увѣрилась) улучилъ случай, когда тебя не было дома и когда я бранила его, какъ обыкновенно дѣлаютъ внушенія молодымъ людямъ,... вдругъ вскочилъ ко мнѣ на животъ и ушибъ меня, какъ видишь"...

Отецъ мой тотчасъ же, какъ только услыхалъ это обвиненіе, не говоря мнѣ ни слова и не спрашивая меня, не давъ мнѣ ни времени, ни срока для защиты, вѣря крѣпко, что та, которую онъ считалъ любящею меня, никогда ложно меня не обвинитъ,—немедленно отыскалъ меня въ той комнатѣ нашего дома, гдѣ я находился ничего не подозрѣвая, и началъ сильно бить кулаками; потомъ позвалъ своихъ слугъ и низко оскорбилъ меня ударами ременной плети, а я не могъ даже угадать по крайней мѣрѣ, за что меня такъ позорно истерзали. Когда онъ удовлетворилъ себя этимъ истязаніемъ, „О боги! отецъ мой"! воскликнулъ я, „если не было благоразумнѣе сказать мнѣ напередъ, то хоть теперь долженъ же ты сказать мнѣ, какой поводъ имѣлъ для нанесенія ударовъ?"—„Простакъ!" отвѣчалъ отецъ, нѣсколько смягчившись, „онъ хочетъ, чтобы я сказалъ ему тѣ гнусности, которыя онъ совершилъ!" Сказавъ это, онъ оставляетъ меня и возвращается къ Деменетѣ.

---

3. Заключеніе.

Сюжетъ Федры такъ хорошъ, что имъ пользовались много разъ во всѣхъ литературахъ, не только подъ тѣмъ же заглавіемъ, но и подъ другими. Такъ, то же драматическое событіе или почти то же находимъ въ піесахъ съ именами новаго времени въ театрѣ Шиллера и Альфіери. Вмѣсто Тезея, Федры и Ипполита, поэты нѣмецкій и итальянскій вывели на сцену Филиппа II, Елизавету и Донъ-Карлоса. У того и другого Филиппъ II, хотя и христіанинъ, является еще болѣе гнѣвнымъ, нежели Тезей, и велитъ убить Карлоса по одному только подозрѣнію,—доказательство, что страсти человѣка остаются всегда почти тѣ же, каковы бы ни были средства, которыми пытаются укротить ихъ.

Пора и кончить. Заключаю разборъ мой немногими словами. Великая красота шедёвра Расина заключается въ правдивомъ изображеніи страсти самой преступной и смѣлой борьбы, которую ведетъ съ нею несчастная женщина, роковымъ образомъ охваченная

ею. Для зрителей съ умомъ возвышеннымъ страсть привлекательна лишь постольку, поскольку ей противятся воля и угрызенія совѣсти. Иначе это уже не драматическая поэзія и не романическое произведеніе: это естествознаніе или патологія. Страсть безъ сопротивленія не представляетъ интереса даже для всякаго, кто не лишенъ вкуса. Ибо каковы бы ни были увлеченія моды, которая налагаетъ свою руку на все и въ литературѣ и въ другихъ областяхъ, — чувство избранныхъ въ концѣ концовъ побѣдитъ ихъ. Федра, эта жертва страсти, какъ бы преступна ни была она, ихъ трогаетъ потому, что сама чувствуетъ къ себѣ и къ своей страсти отвращеніе, потому что скорѣе готова умереть, нежели признаться въ ней даже Энонѣ, столь ей преданной; а тѣмъ болѣе не можетъ предаться этой страсти всецѣло. Постепенный и незамѣтный путь, которымъ дошла она, вопреки своей волѣ, до признанія самому Ипполиту въ своемъ чувствѣ — представляетъ потрясающее зрѣлище и даетъ право зрителю на сочувствіе къ героинѣ піесы. Вотъ борьба, которая плѣняетъ насъ, которая вызываетъ нашесостраданіе даже къ этой преступной женщинѣ; вотъ чему сдалась строгость Николя и Арно: трагедія была ими оправдана.

Да; пока будетъ существовать человѣчество, до тѣхъ поръ всегда будутъ потрясать души поочередныя побѣды страсти и совѣсти, беззавѣтная борьба, борьба кровавая, происходящая въ истерзанномъ сердцѣ между внутреннимъ рокомъ, замѣнившимъ роковую силу древней Судьбы или боговъ, — нравственной свободою, какъ бы слаба она ни была, тѣмъ болѣе достойной участія, что она борется при всей своей слабости.

СУДЬБА «ФЕДРЫ» НА ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНѢ И ВЪ КРИТИКѢ,

Поля Менара.

„Цѣлыхъ двухъ лѣтъ едва было достаточно Расину“ писалъ Вольтеръ [1]), „для того, чтобы написать Федру“. Этотъ примѣръ совершеннаго произведенія, тщательно обдуманнаго и вызрѣвшаго, часто приводился для подтвержденія правила Горація: Saepe stylum vertas. Но на какой авторитетъ опирался Вольтеръ? Быть можетъ, единственно на авторитетъ Прадона, который ранѣе его говорилъ объ этихъ двухъ годахъ, употребленныхъ поэтомъ для „отдѣлки и отшлифовки“ піесы, и который хотѣлъ противопоставить собственную легкость такой робкой медлительности [2]). Все, чтó можно извлечь изъ несомнѣннаго свидѣтельства, заключается въ томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы 1676 г. Расинъ уже работалъ надъ своимъ новымъ произведеніемъ и что молва уже высказывала о немъ лестныя надежды. Бэль писалъ изъ Седана 4 октября 1676 г. къ Минутоли, тогдашнему профессору литературы въ Женевѣ: „Г. де Расинъ занятъ трагедіей Ипполитъ, отъ которой ожидаютъ большого успѣха“ [3]).

Въ первый день 1677 года на французской сценѣ явилась превосходная трагедія, въ которой Расинъ вторично вступалъ въ соперничество съ Еврипидомъ. Происходило ли это представленіе въ залѣ Отеля де-Бургонь, или въ Версалѣ при дворѣ? Въ пользу послѣдняго мнѣнія служитъ единственно сообщеніе де Броссетта. Въ одной изъ его рукописей читаемъ [4]): „Первое представленіе Федры происходило въ Версалѣ въ присутствіи короля и г-жи де Монтеспанъ. Ла-Шаммеле не хотѣла ни подъ какимъ видомъ произнести стиховъ:

Спокойствіе души хранить я не умѣю,
Какъ могутъ многія, скрывая свой позоръ,
И смѣло всѣмъ въ глаза бросать безстыжій взоръ.

---

[1]) Предисловіе къ Маріамнѣ. Соч. Вольтера, т. II.—[2]) См. конецъ Предисловія къ „Федрѣ и Ипполиту.“ — [3]) Различныя сочиненія Бэля (1731), т. IV, 567.—[4]) На стр. 497 рукописи, принадлежащей г. Фейлье де Коншъ.

Но г. Расинъ ни за что не хотѣлъ согласиться опустить ихъ. Многіе замѣтили ихъ во время представленія". Нельзя въ этомъ разсказѣ Броссетта видѣть только разсѣянность, потому что онъ опирается въ немъ на воспоминаніе очень исключительнаго обстоятельства. Съ другой стороны, мы должны признаться, что авторитетъ этого разсказчика анекдотовъ не очень надеженъ; и его разсказецъ о намёкѣ, котораго испугались, можетъ показаться своевольно приложеннымъ къ случаю. Онъ самъ разсказалъ дѣло иначе въ своихъ комментаріяхъ на VII посланіе Буало: „Это посланіе было написано по поводу трагедіи Федра и Ипполитъ, которую Расинъ поставилъ въ первый разъ въ первый день 1677 года на театрѣ Отеля де-Бургонь". Въ рукописи Броссетта, находящейся въ Національной библіотекѣ, онъ даетъ почти то же указаніе, но въ выраженіяхъ болѣе двусмысленныхъ. Анекдотъ, который онъ разсказалъ о несогласіи Расина и ла-Шаммеле къ тому же весьма различенъ съ тѣмъ, который мы привели выше по другой рукописи. „Трагедія Расина", пишетъ онъ здѣсь, „была представлена въ первый разъ въ пятницу, въ первый день 1677 г. актерами Отеля де-Бургонь. На слѣдующее воскресенье королевскіе актеры противопоставили ему Федру Прадона. Г. Депрео посовѣтовалъ г. Расину не давать свою трагедію одновременно съ Прадоновой и оставить ее до другого времени, чтобы не вступать въ соперничество съ Прадономъ. Но Шаммеле, уже выучившая свою роль и желавшая заработать денегъ, заставила г. Расина дать піесу". Первыя строки этого сообщенія почти дословно воспроизводятъ извѣщеніе Меркурія 1677 года: „Въ пятницу, въ первый день новаго года, актеры Отеля де-Бургонь дали первое представленіе Федры Расина, а въ воскресенье актеры королевскіе противопоставили ей Федру Прадона". Конечно, эти слова Меркурія могутъ показаться, также какъ и послѣдняя выдержка изъ Броссетта, не рѣшающими окончательно вопроса о томъ, гдѣ происходило это представленіе 1-го января, данное актерами Отеля—въ-Версалѣ или въ Парижѣ; но если оно было бы въ Версалѣ, то не сказалъ ли бы о немъ де-Визе опредѣленно? И Газета не объявила ли бы о немъ? А она ничего не сообщаетъ о Федрѣ, отсюда ясно, на чьей сторонѣ правдоподобіе.

Передъ королемъ ли и г-жою де-Монтеспанъ или въ залѣ Отеля де-Бургонь, но по сообщенію Бресетта первой исполнительницей роли Федры была Шаммеле. Воспоминаніе о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ ею, сохранено самыми давними свидѣтельствами. Изъ всѣхъ ея ролей эта роль наименована Лафонтеномъ прежде всѣхъ другихъ въ прелестныхъ стихахъ, восхваляющихъ эту артистку въ началѣ сказки Бельфегоръ. Аббатъ дю-Бо за-

[1]) Изъ Газеты видно, что король съ 9 ноября 1676 г. по 28 февраля 1677 г., т. е. до дня его отправленія въ Фландрскую армію, оставался въ Сенъ-Жерменѣ. Присутствіе его 1 января 1677 г. въ С.-Жерменѣ отмѣчено особенно въ этой газетѣ. Конечно, это не можетъ служить безусловнымъ опроверженіемъ анекдота, сообщеннаго Броссеттомъ, который могъ по ошибкѣ назвать Версаль вмѣсто С.-Жермена.

мѣчаетъ, что „Расинъ обучилъ ее произношенію роли Федры, стихъ за стихомъ" [1]).

Сохранилось также извѣстіе о томъ, кто впервые создалъ роль Арисіи въ той же піесѣ. Въ сонетѣ, направленномъ противъ Федры, о которомъ будетъ рѣчь ниже несомнѣнно описана маленькая, толстая блондинка д'Еннебо въ стихѣ:

Толста Арисія, красна и бѣлобрыса.

Броссеттъ въ примѣчаніи къ послѣднему стиху VII посланія Буало, а послѣ него Сенъ-Маркъ въ предувѣдомленіи къ тому же посланію назвали вмѣсто д'Еннебо д-цу де-Эллье, умершую въ 1670 г.; братья Парфе указали ошибку комментаторовъ Буало [2]).

Относительно прочихъ ролей въ Федрѣ, т. е. ролей Тезея, Ипполита, Эноны и Терамена, мы можемъ предложить лишь догадки, слѣдуя г. Эме-Мартену, который приписываетъ созданіе ихъ актерамъ: г. Шаммеле, Борну, д-цѣ Боваль и Герену. Роль Тезея точно могла быть поручена г. Шаммеле, игравшему королей. „Полагаютъ", пишетъ Жоффруа въ своемъ Разборѣ Федры [3]), что Барону была поручена роль Ипполита". Это дѣйствительно правдоподобно; но Жоффруа передаетъ лишь мнѣніе, которое не опирается ни на какое свидѣтельство. Относительно Эноны примемъ свидѣтельство Эме-Мартена; но не можемъ согласиться съ его указаніемъ на исполнителя Терамена. Геренъ — о чемъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже — составилъ себѣ славу произношеніемъ знаменитаго разсказа Терамена; но въ 1677 г., когда онъ вступилъ въ бракъ съ вдовою Мольера, онъ не былъ въ труппѣ Отеля де-Бургонь; онъ могъ играть въ Федрѣ Расина не прежде соединенія обоихъ театровъ. Вѣроятность, которой единственно руководствовался г. Эме-Мартенъ, составляя этотъ списокъ исполнителей, должна была бы навести его на имя Готероша.

Кто бы первоначально ни игралъ эту роль, въ которой только одна г-жа Шаммеле оставила въ то время неизгладимую о себѣ память, живой интересъ исторіи первыхъ представленій Федры заключается не въ этомъ. Особенно возбуждаетъ насъ любопытство узнать подробности; насъ огорчаетъ и возмущаетъ въ этой исторіи интрига, та возмутительная несправедливость, которая уязвила душу великаго поэта. Покидая театръ, Расинъ, повидимому, не поддался только огорченію отъ этой несправедливости; сердце его было поражено другою стрѣлою, болѣе сильною, летѣвшею свыше, которая, поражая, въ то же время имѣетъ силу исцѣлять. Тѣмъ не менѣе ударъ, нанесенный враждебною шайкой, несомнѣнно произвелъ свое дѣйствіе. Всегда сохранится расположеніе вѣрить тому, что Прадонъ и его покровители, поражая пугливое честолюбіе, чувствительное къ несправедливости, заставили выпасть изъ рукъ поэта

---

[1]) Критическія размышленія. 3 часть, секція XVIII. — [2]) Исторія французскаго театра, т. XII, стр. 4, прим. *a*. — [3]) Jugement sur Phèdre. См. Сочиненія Расина (1808), т. IV, стр. 614.

перо, которое еще не устало производить творенія высокаго совершенства, и сломили его, повидимому, въ то время, когда авторъ Федры не столько желалъ удалиться отъ свѣтскаго театра, сколько внести въ него новый духъ и примирить съ нимъ (употребляю его собственное выраженіе) строгихъ христіанъ, чрезъ посредство которыхъ онъ болѣе всего желалъ бы успокоить сомнѣнія своей совѣсти. Итакъ литературная распря по поводу двухъ Федръ стала знаменитою и была столько разъ разсказана вовсе не потому, что разсказы о подобныхъ распряхъ обыкновенно забавны. Конечно, эта борьба, подобно всѣмъ столкновеніямъ такого рода, могла имѣть свою комическую сторону, потому что одинъ изъ двухъ главныхъ борцовъ играетъ въ ней роль очень смѣшную; но она получила интересъ въ высшей степени серьезный своими печальными послѣдствіями, вслѣдствіе той глубокой раны, которая была нанесена рукою недостойною генію и однимъ ударомъ — самому трагическому искусству.

Заговоръ былъ составленъ въ отелѣ герцогини Бульонской. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ салоновъ Парижа, привыкшихъ давать тонъ, созидать и разрушать репутаціи. Тамъ царила племянница Мазарина, одна изъ гордыхъ и остроумныхъ Манчини, герцогиня Бульонская. Она любила литературу, любила поэтовъ. Она собирала вокругъ себя цѣлый дворъ принцевъ, знатныхъ лицъ и избранныхъ умовъ; въ числѣ послѣднихъ были Лафонтенъ, Мольеръ и порою маститый Корнель. Она находила удовольствіе и сама въ сочиненіи стиховъ, но въ особенности желала быть судьей литературныхъ извѣстностей. „Она имѣла познанія", пишетъ Сенъ-Симонъ [1]), „хорошо говорила, охотно спорила и порою любила поставить въ тупикъ", т. е. что она была не прочь уязвить своихъ противниковъ. Лафонтенъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, ей самой напоминалъ этотъ воинственный духъ:

Софоклы наши всѣ и славный нашъ Мольеръ
Однихъ вопросовъ въ васъ поднять умѣютъ сколько!
О чемъ не спорите вы только?

Смѣлая, повелительная, опасная для тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе ей не понравиться, она обладала страстію и властію въ той степени, какая нужна для того, чтобы съ успѣхомъ стать во главѣ заговора. Заимствуя у Сенъ-Симона еще одно изъ его энергическихъ выраженій, слѣдуетъ сказать, что она была „трибуналомъ, съ которымъ слѣдовало считаться" [1]). Этотъ трибуналъ былъ далеко не всегда справедливъ: его указы часто диктовались шайкою Бойе, Сегрэ, Бенсерадовъ, которые внушали ему всѣ свои враждебныя предубѣжденія противъ Расина. Братъ герцогини Бульонской, Филиппъ Манчини, герцогъ Неверскій [2]) былъ такимъ же остроумцемъ,

[1]) Мемуары, т. XI, стр. 110.—[2]) Что же такое былъ на самомъ дѣлѣ герцогъ Неверскій? Филиппъ-Жюльенъ-Мазарини-Манчини родился въ Римѣ въ 1641 г. Кардиналъ Мазарини въ 1660 г. купилъ у герцога Мантуанскаго гер-

какъ и она. Легкіе стихи, которые онъ слагалъ съ развязною небрежностію большого барина, вызывали общія похвалы. Г-жа де-Гриньянъ находила въ нихъ оригинальный и отмѣнный вкусъ, который ее очаровывалъ [1]). Почти то же высказывала г-жа де-Севинье: „Все, что исходитъ отъ него, носитъ особенный характеръ и такой особенный и хорошій, что другіе кажутся невыносимы“ [2]): сужденіе, конечно высказанное изъ любезности, чтобы сдѣлать пріятное Эммануелю де-Куланжъ, который наслаждался за веселыми пирами обществомъ герцога Неверскаго въ его дворцѣ Манчини въ Римѣ, и который, будучи обольщнъ такой пріятной близостью, захотѣлъ въ своихъ Мемуарахъ [3]) выдать этого посредственнаго остряка за „одного изъ лучшихъ поэтовъ своего вѣка“. Эти похвалы, которыя легко доставались на долю знатнаго человѣка, а можетъ быть и преданія, слышанныя въ обществѣ Тампля и въ домѣ Вандомовъ, кажется, отчасти повліяли на Вольтера, который въ своемъ спискѣ писателей вѣка Людовика XIV далъ мѣсто не безъ нѣсколькихъ похвалъ—герцогу Неверскому. Быть можетъ, въ другое время этому поэту-любителю понравился бы Расинъ: по крайней мѣрѣ можно это предполагать, судя по тому, что въ 1670 году онъ избралъ трагедію Беренику для торжества своего бракосочетанія съ дѣвицей де-Тіанжъ. Какъ бы то ни было, онъ вступилъ послѣ того въ литературную партію, которая составляла противный лагерь. Броссеттъ вѣрилъ, что герцогъ Неверскій участвовалъ съ Демаре де-Сенъ-Сорленъ въ составленіи памфлета противъ Буало, изданнаго въ 1675 г. подъ заглавіемъ: Защита героической поэмы [4]). Если къ этому прибавить, что въ томъ же 1675 г. герцогъ Неверскій уже интриговалъ противъ Расина и покровительствовалъ Ифигеніи Леклерка, то это будетъ только предположеніе, но довольно правдоподобное, потому что позже онъ написалъ этому недостойному сопернику нашего поэта, „маленькому академику Леклерку“, по словамъ г-жи де-Севинье [5]), посланіе, полное похвалъ. Къ именамъ герцогини Бульонской и ея брата мы можемъ прибавить имена молодыхъ принцевъ Вандомскихъ: Броссеттъ указываетъ ихъ въ числѣ главныхъ вождей интриги, направленной противъ Федры [6]).

Таковы были могущественные враги, встрѣченные Расиномъ на своемъ пути: они считали себя въ силахъ задушить совершенное произведеніе; и хотя это было попыткою неисполнимою, но по крайней мѣрѣ должно признать, что они могли задержать его торже-

---

цогство Неверское, а по смерти своей оставилъ его племяннику своему, юношѣ 21 года. Вотъ происхожденіе этого герцога. Онъ въ томъ же году былъ пожалованъ орденомъ за то, что имѣлъ честь нести край мантіи Его Величества въ день коронованія. Таковъ былъ человѣкъ, который вслѣдствіе этихъ двухъ случайностей могъ бы совершенно безопасно дать ходъ своей угрозѣ и приказать избить палкой публично Расина и Буало, если бы пожелалъ того (Дешанель, 135—136).—1) Письмо къ Куланжу, 17 дек. 1690 (т. IX, стр. 606).—2) Id. 10 апрѣля 1691 (X, 12).—3) Мемуары Куланжа, стр. 224.—4) Сочиненія Буало, т. I, стр. 437.—5) Письмо къ Куланжу, 10 апр. 1691 (т. X, 11).—6) Рукопись Національной библіотеки, стр. 235.

ство и, опираясь на свое вліяніе и на средства, которыми располагали, причинить хотя и не полное пораженіе, но несправедливость генію, какъ бы неудачно ни выбрали своего бойца. Этого жалкаго бойца, говорятъ, указала г-жа Дезульеръ, одна изъ музъ ихъ круга, муза довольно пошлая, дарованія и сердце которой были лишены всякой возвышенности, и имя которой Вольтеръ могъ бы, несмотря на кой-какіе ея стихи объ овцахъ, исключить изъ числа поименованныхъ въ его Храмѣ вкуса, особенно послѣ того, какъ онъ тамъ сказалъ:

Нѣтъ въ стѣнахъ такого храма
Шайки интригановъ шумныхъ,
Остряковъ неостроумныхъ,
Что въ Парижѣ средь салоновъ
Славятъ Скюдери, Прадоновъ,
И хулятъ изъ низкихъ цѣлей
И Расиновъ и Корнелей [1]).

Г-жа Дезульеръ стояла во главѣ литературной клики и приняла въ нее Прадона, который ей льстилъ, совѣтуясь съ нею по поводу своихъ произведеній. Ранѣе 1677 г. двѣ трагедіи юнаго автора, Пирамъ и Тисбе, игранная въ 1674 году, и Тамерланъ, напечатанный въ 1676 г., показали размѣръ его таланта. Уже въ Предисловіи къ Тамерлану онъ хотѣлъ заявить себя опаснымъ соперникомъ Расина. Г-жа Дезульеръ, представившая его въ салоны герцоговъ Неверскаго и Бульонскаго, подала тамъ надежду, что въ немъ найдутъ они поэта, въ которомъ нуждались для того, чтобы противопоставить Федру той, которой ожидали. Глупое тщеславіе ни въ чемъ не сомнѣвается. Прадонъ, принятый въ заговоръ, поспѣшилъ предложить интриганамъ свои услуги. Ему оставалось не болѣе трехъ мѣсяцевъ, чтобы быть готовымъ одновременно съ Расиномъ. Но краткость срока не имѣла значенія: этихъ нѣсколькихъ недѣль ему было достаточно, какъ онъ самъ позаботился сообщить намъ [2]). Достовѣрно не извѣстно, приложили ли къ этому его труду свою руку г-жа Дезульеръ, герцогиня Бульонская и герцогъ Неверскій, о чемъ высказывались предположенія [3]). Но одушевляло ли сотрудниковъ самолюбіе, или они были движимы чувствомъ ненависти—ревность ихъ не пренебрегла ничѣмъ для обезпеченія себѣ успѣха въ борьбѣ, ими предпринятой. Разсказываютъ, что герцогиня Бульонская удержала за собою ложи перваго яруса на шесть первыхъ представленій обѣихъ піесъ, и что эта честная продѣлка ей стоила 15,000 ливровъ [4]). Изъ сообщенныхъ выше словъ Броссетта видно, что піеса Прадона въ первый разъ была представ-

---

[1]) Соч. Вольтера, т. I, стр. 333 и 334.—[2]) См. указанный выше конецъ его предисловія.—[3]) Враги Расина, соч. Дельтура, стр. 95.—[4]) Мемуары Луи Расина (1747), стр. 104: „Разсказываютъ, что мѣста въ обѣихъ залахъ всѣ были куплены герцогиней Бульонской. См. Племянницы Мазарина, Амедея Рене (1856), стр. 386, и Враги Расина, стр. 331 и 332. Но одно только сообщеніе Луи Расина правдоподобно.

влена въ воскресенье 3 января. Эта дата установлена спискомъ ла-Гранжа. Трагедія Расина явилась двумя днями ранѣе. Итакъ Прадонъ допустилъ соперника опередить себя его піесой. Онъ долженъ былъ однако утѣшаться мыслію, что стоило только выступить на ристалище одновременно, чтобы надежды на успѣхъ въ состязаніи были уравнены. Итакъ *должно полагать*, что онъ не допустилъ бы опередить себя, если бы не встрѣтилось какого-нибудь препятствія. Его задержало, безъ сомнѣнія, затрудненіе найти артистку для главной роли. Въ предисловіи къ своей трагедіи и въ Новыхъ замѣткахъ онъ упрекаетъ своихъ противниковъ за то, что они помѣшали лучшимъ актрисамъ Генего принять на себя эту роль. Авторъ Разсужденія о трагедіяхъ: Федра и Ипполитъ (его приписываютъ Сюблиньи) такъ выражается по этому предмету [1]): „Не стану говорить вамъ..., справедливо ли, что г. Расинъ имѣлъ ловкость и возможность лишить Прадона главныхъ силъ его труппы; я скорѣе склоненъ вѣрить, какъ въ томъ нѣкоторые старались насъ убѣдить, что страхъ не сравняться съ артисткой неподражаемой (какою была г-жа ла-Шаммеле) заставилъ отказаться отъ первой роли въ этой піесѣ артистку, которая конечно ее исполнила бы хорошо, а другой артисткѣ по излишней осторожности самолюбіе не дозволило взяться за то, отъ чего отказалась первая“. Братья Парфе полагаютъ, что первая изъ обѣихъ актрисъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, была д-ца де Бри, а вторая—д-ца Мольеръ; и что вслѣдствіе ихъ отказа, бремя роли приняла на себя д-ца дю-Пенъ. Несмотря на жалобы Прадона, ясно, что Расинъ былъ не при чемъ въ этомъ отвращеніи артистокъ отъ жалкаго произведенія и въ нежеланіи быть униженными двойнымъ успѣхомъ, который былъ обезпеченъ г-жѣ ла-Шаммеле и ея несравненнымъ талантомъ и счастливой возможностью воплотить такое совершенное произведеніе, какъ Расиново. Прадонъ высказалъ еще и другую жалобу. Въ своихъ Новыхъ замѣткахъ онъ выражаетъ благодарность за „благость и справедливость короля, разрѣшившаго играть его трагедію одновременно съ Расиновой“, и даетъ понять, что Расинъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы это разрѣшеніе не было даровано, подобно тому, какъ онъ поступкомъ безпримѣрнымъ воспрепятствовалъ исполнить другую Ифигенію одновременно съ своею. Совершенно ли неосновательна эта жалоба? Осмѣлился ли бы Прадонъ вносить въ свою ссору имя короля, если бы дѣйствительно не потребовалось приказа Людовика XIV для представленія Федры на театрѣ Генего? Фактъ этотъ вновь подтвержденъ стихотворнымъ посланіемъ Прадона къ супругѣ Дофина, которое помѣщено передъ его Регуломъ:

Хоть Федру задушить хотѣли до рожденья,
Но волей короля добилась представленья.

Было бы очень жаль убѣдиться, что въ этой войнѣ противъ Расина кое въ чемъ право было на сторонѣ Прадона. Было бы очень

---

1) Recueil de Dissertations (publié par Granet), t. II, p. 355.

дурно лишить его свободы представить свою піесу, и король сдѣлалъ хорошо, что не пожелалъ задушить его лучшее произведеніе. Во всякомъ случаѣ, если это только не черезъ-чуръ услужливые друзья Расина попытались на насиліе, а онъ самъ, что́ не доказано, принималъ въ томъ какое-либо участіе, нельзя ни отказать ему въ извиненіи, ни терять изъ виду, что онъ очутился передъ лицомъ не честнаго соперничества, но интриги, поддерживаемой авторитетомъ очень могущественнаго дома и средствами самыми низкими. Очень странно, что Прадонъ могъ чваниться тѣмъ, что самъ собою внушалъ столько страху и что, осмѣливаясь произносить слово „шайка“, отъ котораго должны были бы краснѣть только его сторонники, онъ считалъ себя въ правѣ, пародируя Буало, засвидѣтельствовать грозное дѣйствіе своего произведенія слѣдующей фанфаронадой:

Трепещетъ шайка ихъ и блѣдностью покрылась,
Какъ Федра новая подъ носомъ ихъ явилась [1]).

Второму Ипполиту недоставало роста, чтобъ заставить поблѣднѣть кого-нибудь; но если Расину не былъ опасенъ Прадонъ, то Бульоны и Неверы были гораздо опаснѣе; и если допустить, что онъ попытался вызвать кое-какія препятствія, то безъ сомнѣнія—лишь сѣтямъ этихъ вліятельныхъ интригановъ. Прадонъ утверждаетъ, будто хотѣли помѣшать не только представленію, но и напечатанію его піесы: „Читатель мой“, пишетъ онъ, „не удержится отъ смѣха, узнавъ, что эти господа хотятъ авторовъ лишить свободы писать для театра, актеровъ—играть ихъ, издателей — ихъ печатать, и даже публику судить о нихъ“ [2]). Тѣмъ не менѣе трагедія его игралась, была напечатана, была и судима—и нельзя сказать, чтобы это послужило къ славѣ автора. Правда, было мгновеніе (и нельзя указать въ литературѣ ничего болѣе позорнаго), когда борьба казалась сомнительною. Валенкуръ пишетъ [3]), что видѣлъ тогда Расина, совершенно отчаявшагося, и утверждаетъ, что „Прадонъ торжествовалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней“, и что „піеса Расина едва-едва не пала“. Но когда оказалось, что деньги герцогини Бульонской не могутъ болѣе лишить свободы общественное мнѣніе,—каждое изъ обоихъ произведеній заняло вскорѣ подобающее ему мѣсто. Произведеніе Расина возбуждало все бо́льшее удивленіе и со славою заняло мѣсто на сценѣ навсегда тамъ, гдѣ только будетъ существовать французскій театръ. Піесу же Прадона играли съ 3 января до конца того же мѣсяца, во всѣ тѣ дни недѣли, когда происходили спектакли. Сначала сборы были довольно большіе. По регистру ла-Гранжа, которому мы обязаны этими указаніями, часть королевскаго семейства присутствовала на десятомъ представленіи, которое происходило въ воскресенье 24 января. Піеса шла еще шесть разъ въ февралѣ и пять разъ въ маѣ. Прадонъ, сообщая въ своихъ Новыхъ

---

1) Предисловіе къ Федрѣ и Ипполиту.—2) Idem.—3) Исторія Французской Академіи (1743), II, 351.

замѣткахъ, что „публика отдавала ему полную справедливость въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и не скучала его трагедіей въ продолженіе столь долгаго времени“, мѣритъ себя надлежащею мѣркою. По истеченіи этихъ неполныхъ трехъ мѣсяцевъ паденіе его Федры было окончательное. Онъ однако пріобрѣлъ себѣ мимолетную знаменитость, и Свѣтскій Меркурій (Mercure galant) справедливо замѣтилъ въ концѣ этого славнаго похода: „Думаю, что тайна подобныхъ успѣховъ состоитъ въ умѣніи заставить много говорить о себѣ, если даже будутъ говорить только дурное [1])“. Чтó справедливо относительно клеветы, то бываетъ часто справедливымъ, и относительно незаслуженныхъ похвалъ: отъ нихъ все же кое-что остается. Трагедія Прадона долго слыла не имѣющею другихъ недостатковъ, кромѣ варварскаго стиля; Лагарпъ [2]), который вообще вооружается противъ этой невѣроятной снисходительности къ плану Прадона, передаетъ слѣдующій отзывъ, приписываемый, какъ онъ пишетъ, Расину: „Все различіе между Прадономъ и мною состоитъ въ томъ, что я умѣю писать“. Расинъ не могъ сказать этого; только враги его дѣлали видъ, что не признаютъ за Расиномъ никакого преимущества, кромѣ прекрасныхъ стиховъ; и очень странно читать у Вольтера послѣдній отголосокъ такого парадокса. Въ предисловіи къ своей Маріамнѣ онъ далъ такую оцѣнку обѣимъ Федрамъ: „Отчего происходитъ такое невыразимо громадное разстояніе между этими двумя произведеніями? Ходъ дѣйствія въ обѣихъ почти одинъ и тотъ же;... лица обѣихъ піесъ, находясь въ одинакихъ положеніяхъ, говорятъ почти одно и то же; но вотъ тутъ-то и различіе великаго человѣка отъ плохого поэта“. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго. Не однимъ только стилемъ, но и композиціей, и веденіемъ дѣйствія и характерами одна изъ піесъ настолько же достойна удивленія, насколько другая нелѣпа. По такому странному приговору критики, произнесенному въ разгарѣ XVIII вѣка однимъ изъ самыхъ горячихъ почитателей Расина, легко себѣ представить тѣ прекрасныя рѣчи, которыя должны были раздаваться на первыхъ порахъ вокругъ нашего поэта! Вотъ каковы были слишкомъ продолжительныя предразсудки, которые удалось интригѣ посѣять. Мы сочли нужнымъ указать, что дѣло ея было не совсѣмъ безплодно, и что среди торжества, которое могло бы показаться намъ легкимъ, великій поэтъ имѣлъ достаточное основаніе для огорченія и отчаянія.

Въ борьбѣ, оспаривавшей наибольшее право на славу Расина, продѣлка съ сонетами не была для него обстоятельствомъ маловажнымъ и была ему тяжела. Эта битва кровавыми эпиграммами началась и пришла къ развязкѣ въ первый мѣсяцъ представленій Федры, какъ то подтверждается датою письма Бюсси къ о. Брюляру отъ 30 января 1677 г. Пусть этотъ современный свидѣтель, очень мало расположенный къ Расину, разскажетъ о ней сначала посвоему:

---

[1]) Меркурій, апрѣль 1677, стр. 70, письмо отъ 1 мая.—[2]) Курсъ литературы, II ч., кн. 1-я, приложеніе къ VII отдѣлу.

„Расинъ и Прадонъ сочинили оба комедіи, озаглавленныя: «Федра и Ипполитъ»; и у каждаго есть своя шайка. Герцогъ Неверскій, который держитъ сторону Прадона, сочинилъ на дняхъ такой сонетъ противъ комедіи Расина:

На креслѣ золотомъ, блѣдна, трепещетъ Федра и т. д.

Расинъ, уязвленный насмѣшкой, говорятъ, написалъ съ своимъ другомъ Депрео въ отвѣтъ слѣдующій сонетъ:

Въ дворцѣ златомъ Дамонъ, и блѣденъ и ревнивъ и т. д.

Никогда не являлось ничего болѣе дерзкаго, чѣмъ этотъ сонетъ; два писателя высказываютъ упрекъ слугѣ короля въ томъ, что онъ ни придворный, ни воинъ, ни христіанинъ, что сестра его, герцогиня Мазарини—шатунья и что онъ слюбился съ ней, хотя онъ итальянецъ И хотя всѣ эти поношенія заключаютъ въ себѣ правду, они должны были навлечь тысячи ударовъ плети такимъ людямъ; между тѣмъ дѣло было улажено [1]“. Нѣтъ нужды приводить эти сонеты дословно; ихъ можно легко всюду найти [2]), равно какъ и третій сонетъ, о которомъ будемъ говорить; мы избавляемъ отъ нихъ нашихъ читателей; достаточно ознакомить лишь съ нѣкоторыми чертами ихъ. Первый сонетъ, какъ говорятъ, не былъ произведеніемъ одного герцога Неверскаго; онъ былъ составленъ за ужиномъ сообщниками интриги у г-жи Дезульеръ въ тотъ самый вечеръ, когда въ первый разъ шла Федра Расина. Хозяйка дома и другіе друзья Прадона соединили свое вдохновеніе съ вдохновеніемъ герцога. Эти стихи, соль которыхъ довольно слаба, были тотчасъ же пущены въ обращеніе. „На слѣдующій же день“, сообщаетъ Нисеронъ [3]), аббатъ Таллеманъ старшій принесъ списокъ этого сонета г-жѣ Дезульеръ, которая приняла его, ничѣмъ не подавъ вида, что участвовала въ его составленіи, и первая всѣмъ его показывала, какъ новость, полученную отъ Таллемана“.

Расину и Депрео, какъ сообщаетъ Бюсси, приписывали второй сонетъ съ тѣми же риѳмами, пародировавшій первый. Въ немъ были черты болѣе удачные, нежели въ сонетѣ друзей Прадона, и въ тоже время болѣе смѣлыя и язвительныя. Всецѣло направленный противъ герцога Неверскаго, какъ будто онъ былъ единственнымъ и несомнѣннымъ авторомъ эпиграммы, онъ содержитъ въ себѣ тотъ стихъ, который Бюсси привелъ въ своемъ письмѣ:

Нѣтъ, не придворный онъ, не воинъ, не католикъ.

Смыслъ перваго терцета, начинавшагося стихами:

Сестры-юлы, скорѣй брюнетки, чѣмъ блондинки,
Поклонникъ нашъ Дамонъ, хоть итальянецъ онъ.

---

[1]) Переписка Рожера де-Рабютена, т. III, стр. 205—208.—[2]) Любопытные могутъ найти ихъ въ письмѣ Бюсси, изъ котораго мы только что привели выдержку въ примѣчаніяхъ Броссетта къ VII посланію Буало, въ пѣсенникѣ Морепа, въ Исторіи французскаго театра бр. Парфе, т. XII, стр. 5—7, и др. —[3]) Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la république des lettres, t. XVIII, p. 24.

былъ слишкомъ прозраченъ. Процессъ, начатый герцогомъ Мазариномъ въ 1668 г. противъ герцогини—супруги своей - Гортензіи Манчини, и обнаружившій ухаживаніе герцога Неверскаго и его соучастіе въ побѣгѣ сестры, настолько получилъ позорную огласку, что приведенные нами стихи не нуждались въ поясненіяхъ. Легко себѣ представить гнѣвъ герцога Неверскаго. Какъ и Бюсси, какъ и почти всѣ, онъ приписалъ этотъ смѣлый отпоръ Расину и Буало. Они же „отрекались отъ этого", пишетъ Броссеттъ[1]); послѣ они увѣряли, что сонетъ написалъ шевалье де-Нантуллье въ сотрудничествѣ съ графомъ де-Фіескомъ, маркизомъ д'Еффіа, г. де-Гилльерагомъ и г. де-Маникампомъ. На самомъ дѣлѣ они написали сонетъ сообща". Удивлялись такому множеству сотрудниковъ для сочиненія нѣсколькихъ риѳмъ. Но въ подобныхъ случаяхъ каждый кидаетъ свой стихъ; и первый сонетъ былъ составленъ тѣмъ же способомъ. Оскорбленный герцогъ счелъ за лучшее считать своими противниками поэтовъ, не имѣвшихъ ни знатнаго имени, ни шпаги: онъ призналъ дѣйствительными виновниками Расина и Буало и заявилъ, что на нихъ сорветъ гнѣвъ свой, соотвѣтственно своему сану и ихъ низкому положенію. Онъ выразилъ въ стихахъ свою угрозу и обратилъ ее въ сонетъ — третій изъ вызванныхъ этой распрей. Повидимому, это не показывало рѣшенія очень твердаго. Болѣе склонный прибѣгнуть къ насилію, онъ былъ бы конечно, не прочь, какъ разсказывали, вмѣсто сонета, „избить врага палкою". Вотъ какимъ бахвальствомъ онъ считалъ нужнымъ сначала привести въ трепетъ своихъ враговъ:

Расинъ и Депрео, печальны и блѣдны,
Прося о милости, не думаютъ виниться...
Дамонъ рѣшилъ казнить немедля ихъ вины,
За честь возлюбленной сестры чтобъ расплатиться.
Плуты-сатирики! достанется же вамъ!...
Въ театрѣ будутъ вамъ даны публично палки!

Во всякомъ случаѣ, хотя онъ протрубилъ сигналъ къ атакѣ, но ему не пришлось трубить побѣды. Въ домѣ Конде не очень-то любили этихъ Мазариновъ и оказывали большое благоволеніе къ обоимъ поэтамъ, которые подверглись столь недостойнымъ угрозамъ. Валенкуръ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ д'Оливе, сообщаетъ, что въ то время, когда Расинъ и Буало, по его словамъ, легко поддавшіеся страху, боялись быть убитыми, они получили слѣдующее письмо отъ герцога Генриха-Юлія, сына великаго Конде: „Если сонетъ написанъ не вами, то пріѣзжайте въ отель Конде, гдѣ принцъ сумѣетъ оградить васъ отъ этихъ угрозъ, такъ какъ вы невинны. Если же сонетъ написанъ вами, все-таки пріѣзжайте въ отель Конде, и принцъ также приметъ васъ подъ свое покровительство, потому что сонетъ очень забавенъ и полонъ остроумія". Герцогъ Неверскій, найдя достаточно охотныхъ слушателей, былъ настолько благоразуменъ, что оставилъ мысль объ исполненіи насилія. Повидимому, онъ

---

1) Комм. къ посл. VII Буало, I, 243.

задумалъ только распространить слухъ о томъ, что его грубое мщеніе исполнено. Говорятъ, что онъ заказалъ сатирическому стихотворцу Санлеку четвертый сонетъ, изъ котораго Прибавленіе Морери сохранило намъ четыре первые стиха:

Въ углу нашъ Буало и блѣденъ и дрожитъ:
Вчера порядкомъ онъ помятъ, хоть и молчитъ.
Вотъ до бѣды какой безбожный гнѣвъ доводитъ:
Злорѣчіе всегда отмщеніе находитъ [1]).

Въ вознагражденіе за эти клеветническіе стихи, если вѣрить Сенъ-Марку [2]), герцогъ Неверскій доставилъ Санлеку виѳлеемское епископство. Но не одинъ Санлекъ распространялъ басню объ оскорбленіи Буало. Аббатъ Таллеманъ позволилъ себѣ говорить о немъ въ собраніи Академіи и „прочиталъ письмо", пишетъ Броссеттъ [3]), „въ которомъ она увѣдомлялась, что наканунѣ, за отелемъ Конде, съ г. Депрео было поступлено очень худо". Самъ Буало упрочилъ воспоминаніе объ этой гнусной лжи въ 60 стихѣ своего VI-го посланія:

Убиты, говорятъ, ужъ вы позавчера.

Примѣчаніе Броссетта къ этому стиху сообщаетъ, что „Прадонъ за обѣдомъ у г. Пелло, перваго президента въ Руанѣ, разсказывалъ, что г. Депрео отколотили палкою". Въ негодованіи на это дерзкое и, разумѣется, лживое хвастовство, великій Конде, сначала побудившій сына своего объявить себя покровителемъ обоихъ поэтовъ, наконецъ вступился въ дѣло лично. По сообщенію Броссетта, онъ велѣлъ сказать герцогу Неверскому, „что онъ отмститъ за дерзости, которыя еще осмѣлятся сдѣлать обоимъ лицамъ, имъ любимымъ, какъ за нанесенныя ему самому". Это было si forte virum quem,— и интрига умолкла. Но Буало и Расинъ сохранили зло на герцога Неверскаго, и позже нашли случай показать, что помнятъ о немъ. Броссеттъ увѣряетъ, что въ первой редакціи VII посланія стихи 17

---

1) Сизеронъ-Риваль (Récréations littéraires, стр. 73) передаетъ иначе этотъ сонетъ, приводя его цѣликомъ. Но приводимые имъ искаженные стихи, повидимому, скорѣе принадлежатъ позднѣйшему времени, когда личности и событія этой поры уже стали менѣе неизвѣстны; тамъ читаемъ:

Воспоминаніе Ирисы бѣлокурой...
Поклонника ея глубоко поразивъ, и т. д.

Герцогиня Мазарини, какъ говорится въ сонетѣ друзей Расина, была „скорѣй брюнетка, чѣмъ блондинка". Если подъ ея „поклонникомъ" подразумѣвался герцогъ Неверскій, то непонятно, какъ Санлекъ могъ сдѣлать безтактность, подтвердивъ обвиненіе, дерзость котораго именно хотѣли наказать. На поляхъ этихъ стиховъ было написано имя шевалье де-Рогана, будто онъ билъ Буало. Но если справедливо, что шевалье де Роганъ былъ однимъ изъ любовниковъ герцогини де-Мазарини, то въ 1677 г. уже о немъ не было и рѣчи. Всѣмъ извѣстно, что онъ казненъ въ 1674 г.

2) Предувѣдомленіе къ посланію VII-му Буало, и примѣчаніе 5-е Предувѣдомленія къ посланію I-му.—Вознагражденіе, которое предполагаетъ Сенъ-Маркъ, было бы слишкомъ позднимъ. Санлекъ былъ назначенъ виѳлеемскимъ епископомъ много лѣтъ позже: около 1695 г.—3) Прим. къ 90 стиху посланія VII-го.

и 18 читались иначе, нежели теперь, и что Буало, дѣлая намекъ очень прозрачный, въ нихъ упоминалъ

Невѣжество и спесь столь знатныхъ дураковъ.

Расину не безъ вѣроятности приписываютъ сонетъ на Гензерика г-жи Дезульеръ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи:

...О сочинитель знатный!
Ты скрылся, выпустивъ твореніе свое.

Не столь прямымъ оскорбленіемъ гонителямъ великаго поэта, но отвѣтомъ самымъ благороднымъ и подавляющимъ, было краснорѣчивое VII-е посланіе Буало къ Расину, о которомъ упоминалось выше. Оно ихъ заклеймило неизгладимымъ позоромъ передъ потомствомъ; оно должно было доставить сердцу Расина большое утѣшеніе, хотя не могло воспрепятствовать тому, чтобы лучшая изъ его свѣтскихъ трагедій отвратила его навсегда отъ театра.

Каково бы ни было отчаяніе Расина, причиненное ему интригою противъ Федры, повидимому самъ онъ чувствовалъ превосходство этой трагедіи передъ всѣми, написанными ранѣе, и даже думалъ, что въ своихъ библейскихъ трагедіяхъ онъ не сравнялся съ нею. По крайней мѣрѣ Броссеттъ утверждаетъ это, и такое же сужденіе приписываетъ Буало: „Я спрашивалъ г. Расина", говоритъ Депрео, „какую изъ своихъ трагедій ставитъ онъ выше всѣхъ. Онъ отвѣчалъ: Я за Федру, а принцъ де-Конти за Гоѳолію. Депрео также Федру ставилъ на первое мѣсто, а Андромаху на второе [1])". Вольтеръ видимо колебался дать Федрѣ это предпочтеніе; кажется, онъ предпочиталъ ей Ифигенію, какъ болѣе совершенную въ цѣломъ, будучи пораженъ нѣкоторыми недостатками Федры: „Роль Тезея очень слаба, Ипполитъ—слишкомъ французъ, Арисія слишкомъ не трагична, Тераменъ слишкомъ заслуживаетъ упрека за проповѣданіе правилъ любви своему воспитаннику" [2]). Тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что „роль Федры отъ начала до конца представляетъ созданіе, трогательнѣе и выработаннѣе котораго никогда ничего не было написано" [3]). Онъ высказывалъ также, что эта роль—„лучше всѣхъ, когда-либо игранныхъ на театрѣ на какомъ бы то ни было языкѣ" [4]). Онъ называлъ ее „шедёвромъ человѣческаго духа" [5]). Правда, прибавляя, что эта трагедія есть „вѣчный образецъ, но неподражаемый для всякаго намѣревающагося писать стихи", Вольтеръ даетъ поводъ думать, не былъ ли онъ слишкомъ расположенъ восхищаться въ ней болѣе всего ея великолѣпными стихами, и красота выраженія не заставила ли его забыть, что среди совершеннѣйшихъ произведеній Расина нѣтъ ни одного другого, гдѣ изображеніе страсти было бы такъ энергично, такъ глубоко, производило бы такое же необыкновенное впечатлѣніе.

Когда Федра еще не появлялась, а въ публикѣ уже начинали

---

1) Рукопись, принадл. г. Фелледе Коншъ, стр. 496.—2) Философскій словарь: „Драматическое искусство", (т. XXVII, стр. 84).—3) Idem.—4) Фил. слов. Дополненія, (т. XXVI, 285).—5) Замѣтки къ Пульхеріи (т. XXXVI, 420).

заниматься этимъ подражаніемъ Еврипидову Ипполиту, Бэль слышалъ сужденія о новой піесѣ, которую, какъ было сказано выше, называли этимъ именемъ Ипполита. Но Еврипидъ имѣлъ важное основаніе назвать свою трагедію именемъ лица, на которомъ сосредоточиваетъ интересъ и которому принадлежитъ важнѣйшая роль въ его піесѣ. Расинъ совершенно измѣнилъ точку зрѣнія. Его произведеніе было задумано совсѣмъ иначе, нежели Еврипидово. Онъ хорошо понималъ, что долженъ былъ назвать ее другимъ именемъ, и принялъ, какъ и Прадонъ въ своемъ подражаніи, заглавіе: Федра и Ипполитъ. Но этого было недостаточно. Начиная со второго изданія, т.-е. съ изданія 1687 года, его трагедія не носила другого заглавія, какъ „Федра"; только такое заглавіе вполнѣ отвѣчало тому, какъ онъ обработалъ сюжетъ. Сверхъ того было замѣчено [1]), что одинъ изъ двухъ Ипполитовъ Еврипида въ довольно древнія времена былъ повидимому извѣстенъ подъ заглавіемъ: Федра, которое грамматикъ Присціанъ приписывалъ и Ипполиту Сенеки. Этотъ вопросъ о заглавіи піесы былъ бы безразличенъ, если бы онъ не возбуждалъ другого вопроса, гораздо болѣе интереснаго. Если писали: „Федра Сенеки", „Федра Еврипида", какъ говорятъ: „Федра Расина", то не въ правѣ ли мы изъ этого заключить, что нашъ поэтъ не первый взглянулъ на избранный имъ сюжетъ иначе, нежели смотрѣлъ на него авторъ Ипполита увѣнчаннаго? И въ самомъ дѣлѣ, въ трагедіи Сенеки лицо цѣломудреннаго аѳинскаго героя блекнетъ сравнительно съ личностію его страстной возлюбленной. Съ другой стороны, удивляясь тому, что въ піесѣ римскаго декламатора оказываются трагическія красоты высшаго рода, многіе критики предполагали, что Сенека взялъ себѣ за образецъ Покрытаго Ипполита Еврипида. Нѣкоторыя указанія, данныя г. Патеномъ въ его Этюдахъ греческихъ трагиковъ [1]), дали критикамъ поводъ думать, что угрызеніе совѣсти и признаніе Федры, пришедшей, при вѣсти о гибели того, чью невинность они запятнали, повиниться передъ супругомъ и взять назадъ свою клевету, въ особенности же столь смѣлая сцена, гдѣ она сама открываетъ свою любовь Тезееву сыну, уже находились въ первомъ Ипполитѣ Еврипида, и что Сенека только заимствовалъ эти трагическія обстоятельства, которыми въ свою очередь воспользовался Расинъ. Не знаемъ, подозрѣвалъ ли нашъ поэтъ, изъ какого источника Сенека почерпнулъ ихъ, но онъ почувствовалъ всю красоту нѣкоторыхъ сценъ латинской трагедіи;

---

1) См. Этюды о греческихъ трагикахъ г. Патена (Etudes sur les tragiques grecs, in 8⁰. Paris, 1842), т. II, стр. 331, и примѣч. 4 на этой стр.— Мы отвергли бы свидѣтельство Лукіана (πρὸς τὸν ἀπαίδευτον, гл. XXVIII), потому что оно не имѣетъ этого смысла, который ему приписывала. Лукіанъ цитируетъ мѣсто изъ роли Федры, но не приписываетъ заглавіе Федры той греческой піесѣ, гдѣ дѣйствуетъ это лицо. — 1) См. т. II, стр. 332 и 333. — Въ его Этюдахъ также сказано, что приключеніе Тезея въ Аидѣ, и слухъ о его смерти, быть можетъ, заимствованы изъ перваго Ипполита. Другіе полагаютъ, что скорѣе это взято изъ Федры Софокла.

въ особенности онъ хорошо понялъ—и то было счастливымъ внушеніемъ его вкуса, его генія,—что не рѣшаясь на попытку предложить намъ во всей цѣломудренной чистотѣ эту личность античнаго Ипполита, удивительную, но для французскихъ зрителей слишкомъ греческую, онъ долженъ былъ въ своемъ подражаніи отдать предпочтеніе всему тому, чтó являетъ въ полномъ свѣтѣ личность Федры и выдвигаетъ ее на первый планъ; онъ далъ роли этой личности размѣры, о которыхъ не было и мысли ни у Еврипида, ни даже у Сенеки; онъ даже измѣнилъ ея физіономію и наложилъ на нее печать характера совершенно другого, которая обратила ее въ созданіе слишкомъ новое, но на сей разъ не возбуждая въ насъ чувства анахронизма и въ то же время не возбуждая упрека въ искаженіи древности, которая однакоже никогда не могла бы создать ничего подобнаго: такъ умѣлъ онъ необыкновенно искусно слить въ этой роли Федры съ чувствами и идеями античными наши собственныя чувства, наши собственныя идеи, и облечь ихъ языкомъ, который производитъ иллюзію относительно того, какому времени принадлежитъ онъ! Существуетъ анекдотъ по поводу перваго замысла трагедіи Федры, которымъ думали объяснить принятый Расиномъ планъ, придавая при этомъ слишкомъ много значенія обстоятельству случайному. Анекдотъ этотъ разсказанъ аббатомъ Сенъ-Пьерромъ [1]), который, по его свидѣтельству, онъ слышалъ отъ самой г-жи де ла-Файеттъ. Г-жа де ла-Файеттъ однажды присутствовала при разговорѣ, въ которомъ „Расинъ утверждалъ, что хорошій поэтъ могъ бы заставить извинить величайшія преступленія, и даже возбудить къ преступнику сочувствіе. Онъ прибавилъ, что нужно было бы только болѣе таланта, болѣе тонкости и мѣткости ума для того, чтобы ослабить настолько отвращеніе, возбуждаемое преступленіями Медеи или Федры, чтобъ онѣ стали болѣе симпатичны для зрителей и даже внушали имъ состраданіе къ своимъ несчастіямъ. Такъ какъ собесѣдники отрицали возможность этого, и даже хотѣли обратить въ смѣхъ такое необыкновенное мнѣніе, то досада, которую онъ почувствовалъ при этомъ, побудила его рѣшиться написать трагедію Федру, въ которой онъ такъ хорошо умѣлъ возбудить жалость къ ея несчастію, что зритель чувствуетъ болѣе состраданія къ преступной мачехѣ, нежели къ добродѣтельному Ипполиту". Вполнѣ повѣрить тому, что Расинъ такъ хорошо изобразилъ добродѣтельное страданіе Федры только съ тѣмъ, чтобы отвѣтить на вызовъ и выиграть закладъ,—не значило ли бы страннымъ образомъ унизить одинъ изъ величайшихъ поэтическихъ замысловъ его генія? Не подвергая сомнѣнію достовѣрность воспоминаній г-жи де ла-Файеттъ, слѣдовало бы узнать,—въ моментъ, когда она слышала, какъ онъ развивалъ свою теорію, конечно въ извѣстной мѣрѣ справедливую, не занималъ ли уже воображеніе Расина сюжетъ Федры, такой, какимъ онъ его обработалъ,—и не побу-

---

[1]) См. Драматическіе анекдоты (Anecdotes dramatiques) аббата де-ла-Портъ. (Т. II, стр. 57 и 58).

дило ли его вызвать собесѣдниковъ на этотъ споръ тайное сознаніе того впечатлѣнія, какое должно было произвести твореніе, тогда имъ обдумываемое—скорѣе чѣмъ предполагать, что онъ почерпнулъ идеи своей трагедіи изъ этого спора. Слѣдовало бы, сверхъ того, знать точно тѣ выраженія, въ которыхъ онъ говорилъ тогда. Выраженія, которыя выбралъ Сенъ-Пьерръ на свой ладъ, предполагали бы поэтику, нравственность которой заслуживала бы тяжкаго упрека и которая, далеко не согласуясь съ намѣреніемъ Расина, желавшаго въ своей трагедіи представить „одну только мысль о преступленіи... столь же ужасною, какъ само преступленіе“ [1]), и заставить благочестивыхъ друзей своихъ произнести болѣе благосклонный приговоръ о театрѣ,—вполнѣ подтвердила бы слова Ж. Ж. Руссо, что въ большинствѣ нашихъ піесъ преступленія, особенно отталкивающія, являются „дозволенными или простительными съ точки зрѣнія какихъ-то удобныхъ предположеній, и что трудно не извинить Федру, виновную въ кровосмѣшеніи и въ пролитіи невинной крови [2])“. Нѣтъ, Расинъ не злоупотреблялъ своимъ талантомъ, не украшалъ вымыслами искусства отвратительныхъ чудовищъ; если онъ изобразилъ Федру достойною не оправданія, но состраданія,—то развѣ не прекрасна его мысль вложить въ совѣсть самой преступницы самое строгое осужденіе страсти, ее увлекающей?

Не одно только отвращеніе отъ этой страсти было камнемъ преткновенія, котораго можно было опасаться для трагедіи, основанной на событіи, столь согласномъ съ античными религіозными идеями Греціи. Сила рока должна была остаться въ немъ существенною пружиною. „Чему научаемся мы въ Федрѣ“, сказалъ еще Руссо, „если не тому, что воля человѣка не свободна, и что небо караетъ его за преступленія, которыя заставляетъ его совершать“? Слѣдовало бы говорить объ этомъ справедливѣе: что̀ въ сюжетѣ Федры представляло опасность, то у Расина послужило средствомъ величайшей красоты его произведенія. Древняя сила рока, исправленная вѣрованіями, дорогими нашему поэту, получила у него смыслъ, который не оскорблялъ эти вѣрованія: смыслъ роковой силы грѣха. „Тутъ чувствуется“, какъ было удачно сказано [4]), „ученіе о благодати“. Часто приводились слова Шатобріана о личности Федры: „Это отверженная грѣшница, при жизни подпавшая карѣ Божіей“ [5]). Нельзя видѣть въ этихъ словахъ Шатобріана смѣлое открытіе, мелкую выдумку критики нашего времени. Друзья и недруги Расина прежде всего признали, что въ возрожденное произведеніе Еврипида проникло вѣяніе Поръ-Рояля. „Мнѣ достовѣрно извѣстно“, говоритъ Вольтеръ [6]), „что Федру обвиняли въ янсенизмѣ. Какъ? — говорили враги автора—развѣ дозволительно проповѣдывать христіанамъ такія дьявольскія мысли:

Ты любишь; намъ судьба не станетъ покоряться;
Рокъ присудилъ тебѣ красой очароваться... [7])

---

[1]) Предисловіе къ Федрѣ.—[2]) Письмо къ д'Аламберу.—[3]) Ibid. [4]) Поръ-Рояль С.-Бёва, т. V, стр. 485.—[5]) Геній христіанства. Кн. III второй части. Гл. III.—[6]) Письмо къ маркизу Альбергати Капацелли. Томъ LIX Сочиненія Вольтера (стр. 144).—[7]) См. дѣйствіе IV, сцену 6.

Не очевиденъ ли въ авторѣ праведникъ, который лишенъ благодати? Слыхалъ я эти разсужденія въ моемъ дѣтствѣ много разъ". Насколько были раздражены противники Поръ-Рояля, отъ которыхъ Вольтеръ собралъ эти жалобы, настолько было благопріятно впечатлѣніе, вынесенное Арно отъ чтенія піесы. Эти оба противорѣчивыя сужденія подтверждаютъ другъ друга. Правда, должно предполагать, что Арно не выдергивалъ слова Эноны съ цѣлію найти въ нихъ выраженіе своихъ вѣрованій, слова, на которыя Федра (какъ то справедливо замѣтилъ Луи Расинъ) возражаетъ съ отвращеніемъ: но его поразили многія мѣста трагедіи; и когда Буало, принесшій ему Федру, черезъ нѣсколько дней пришелъ къ нему, чтобы узнать его мнѣніе, тотъ отвѣчалъ: „Въ характерѣ Федры нѣтъ ничего, заслуживающаго упрека, потому что въ этомъ характерѣ поэтъ даетъ намъ великій урокъ, что когда въ наказаніе за наши предшествующіе грѣхи Господь предостявляетъ насъ самимъ себѣ и испорченности нашего сердца, — то нѣтъ тѣхъ крайностей, въ которыя мы не впали бы, даже чувствуя къ нимъ отвращеніе" [1]). Буало, зная идею Расина во всей ея полнотѣ, конечно не преминулъ направить великаго учителя на надлежащій путь, предлагая его вниманію Федру. Благодаря дружескому старанію Буало, чтеніе этой трагедіи привело къ примиренію Арно съ Расиномъ, и чрезъ него къ совершенному примиренію нашего поэта съ Поръ-Рояломъ. Мы говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [2]); подробности же объ этомъ достопамятномъ прощеніи можно найти въ Мемуарахъ Луи Расина. Критикъ Жоффруа, мало сочувствовавшій Поръ-Роялю, умалилъ сужденіе Арно до размѣровъ ничтожной ссоры съ іезуитами: „Іезуиты", говоритъ онъ, „порицали мораль Федры. Въ одномъ изъ своихъ публичныхъ заявленій они осудили ее; этого было достаточно, чтобы янсенистъ Арно одобрилъ эту мораль" [3]). Въ этомъ неоспоримо только одобреніе Арно, согласно съ свидѣтельствомъ Луи Расина и Валенкура: „Арно ставилъ высоко трагедію Федру и призналъ, что подобныя зрѣлища не противорѣчатъ добрымъ нравамъ". Но что касается публичныхъ заявленій іезуитовъ,—не впалъ ли Жоффруа въ ошибку относительно даты? Луи Расинъ въ своемъ Сравненіи Ипполита Еврипида съ французской трагедіей на тотъ же сюжетъ говорилъ о читанной 9 іюля 1740 въ Парижѣ въ коллегіи преподобныхъ отцовъ рѣчи, которой программа заключала слѣдующія слова по поводу Федры:... „чтеніе ея отнюдь не должно быть дозволяемо". Если только въ это время, повидимому, іезуиты осмѣливались быть столь ригористичны по поводу театральной піесы, то только ихъ самихъ можно подозрѣвать въ желаніи противорѣчить Арно. Тотъ же Жоффруа, нѣсколькими страницами выше, стараясь представить Арно въ смѣшномъ видѣ самъ далъ о расположеніи строгаго учителя къ трагедіи Расина объясненіе, менѣе шаткое и, хотя очень недоброжелательное по формѣ, но бо-

---

[1]) Мемуары Луи Расина (1747), стр. 142.—[2]) Соч. Расина, изд. 1808 г., т. IV, стр. 629.

лѣе близкое къ мнѣнію, о которомъ свидѣтельствуетъ Луи Расинъ: „По случайности, герой Поръ-Рояля нашелъ въ этой трагедіи роковую догму янсенизма: онъ видѣлъ въ Федрѣ лишь женщину, вовлекшуюся въ преступленіе вслѣдствіе того, что лишена была благодати. Ослѣпленный духомъ партіи, онъ выразилъ о литературномъ и театральномъ произведеніи богословское сужденіе, способное доставить случай для остроумныхъ насмѣшекъ іезуиту, если бы онъ имѣлъ геній Паскаля [1])". Между тѣмъ согласиться съ этимъ нельзя. Если бы это одобреніе касалось только совершенно случайнаго намека на богословскія распри, охотно усмотрѣнныя въ Федрѣ воображеніемъ человѣка партіи, охваченнаго излюбленной мыслью, мы не стали бы много настаивать на фактѣ, довольно любопытномъ, но во всякомъ случаѣ имѣющемъ для исторіи этой трагедіи интересъ весьма второстепенный. Но это вовсе не пригрезилось Арно, и Расинъ не случайно наложилъ на свою послѣднюю свѣтскую піесу печать идей Поръ-Рояля, которыя Арно сумѣлъ такъ вѣрно въ ней учуять. Этотъ разительный характеръ трагедіи, гдѣ изображена страсть красками, которыя не могла доставить поэту только одна древность, интересна не только съ богословской точки зрѣнія, какъ то хочетъ внушить Жоффруа, но прежде всего замѣчательна съ точки зрѣнія литературной. Когда Расинъ писалъ Федру, въ его душѣ оживали первыя впечатлѣнія, полученныя въ школахъ его учителей. Въ эту пору открывается новая фаза его поэтическаго таланта, и мы замѣчаемъ въ немъ новый источникъ вдохновенія; позднѣе авторъ Эсѳири и Гоѳоліи будетъ непосредственнѣе и обильнѣе почерпать изъ этого источника, но уже и въ Федрѣ чувствуется поэтъ-христіанинъ по сильному свѣту, который бросилъ онъ въ глубину души, предавшейся стыду и угрызеніямъ совѣсти. Въ этой трагедіи заключается прелесть особенная, безпримѣрная во всемъ театрѣ Расина; эта прелесть—въ томъ, что отъ Федры вѣетъ чѣмъ-то строгимъ, въ томъ ужасѣ религіозномъ и цѣломудренномъ, который примѣшивается къ упоенію любви самому необузданному. Шатобріанъ сказалъ, что христіанство умножаетъ грозы совѣсти вокругъ порока [2]). Эти грозы христіанской совѣсти, которыя освѣщаютъ въ Федрѣ сокровеннѣйшія глубины страстнаго сердца и возжигаютъ еще ярче передъ нами его внутренній огонь, удивительно подняли эту роль; въ силу ихъ она получаетъ верховное значеніе въ піесѣ, и подняла произведеніе новаго поэта на ту высоту, гдѣ она не можетъ страшиться сравненія съ Еврипидомъ, превосходство котораго въ другихъ отношеніяхъ часто высказывалось критикою и, по нашему мнѣнію, установлено неотразимо.

Многіе изъ нашихъ читателей, быть можетъ, избавили бы насъ отъ необходимости напоминать о томъ, что критика столько разъ уже взвѣшивала на холодныхъ вѣсахъ своихъ эти обѣ безсмертныя трагедіи и обсуждала съ большею или меньшею проницательностію

---

[1]) Соч. Расина, изд. 1808, т. IV, стр. 621.—[2]) Геній христіанства, кн. III второй части, гл. 1.

красоты и недостатки піесы Расина. Но другіе читатели поставили бы намъ въ упрекъ умолчаніе, вслѣдствіе котораго исторія Расинова театра была бы не полною.

Критика, современная поэту, даже самая ничтожная, имѣетъ здѣсь особенное право на наше вниманіе; она служитъ памятникомъ тѣхъ суровыхъ испытаній, которымъ подвергался великій человѣкъ. Прадонъ первый вздумалъ явиться судьею трагедіи, которой осмѣлился противопоставить собственную. Въ своихъ Новыхъ замѣткахъ, очень грубо сказавъ по поводу 76 и сл. стиховъ VII посланія Буало: „вотъ большое счастіе для нашего вѣка—видѣть женщину, которая гоняется за сыномъ своего мужа и готова совершить кровосмѣшеніе на глазахъ всего театра, какъ Діогенъ искалъ человѣка среди уличной толпы",—онъ сообщаетъ, что самъ сочинилъ во время появленія обѣихъ піесъ, критику въ стихахъ на піесу Расина, „потому что разнесся слухъ, что Расинъ написалъ такую критику на его піесу". Судя по тому, что̀ онъ прибавляетъ далѣе, должно полагать, что эта критика была напечатана. То была комедія въ одномъ дѣйствіи подъ заглавіемъ: Судъ Аполлона о Федрѣ древнихъ. „Я читалъ ее", прибавляетъ онъ, „лицамъ высокопоставленнымъ" (весьма вѣроятно, онъ здѣсь разумѣетъ герцогиню Бульонскую и герцога Неверскаго); „она ихъ очень позабавила, и при исполненіи на сценѣ, можетъ быть, показала бы, что самыя лучшія и самыя серьезныя мѣста трагедіи порою способны оказаться весьма комичными. Это нисколько не умаляетъ достоинства Федры г. Расина, которую я ставлю высоко. Эта маленькая пародія была готова появиться на театрѣ Генего, но представленіе ея было отмѣнено изъ особыхъ соображеній; однако я ее скоро выпущу въ свѣтъ въ собраніи моихъ сочиненій, чтобы позабавить публику". Есть основаніе предполагать, что она не была напечатана. Потеря отъ того не велика; легко себѣ представить, какова должна была быть пародія, приправленная солью Прадона.

Не велика была бы потеря, если бы не дошло до насъ и Разсужденіе о трагедіяхъ: Федра и Ипполитъ, приписываемое Сюблиньи. Оно было напечатано въ 1677 г. [1]). Судя по тому, что здѣсь въ началѣ [2]) сказано, „что интриги обоихъ соперниковъ производятъ съ недавняго времени въ Парижѣ шумъ", а въ концѣ [3]), что „во всякомъ случаѣ для Прадона много и того, что онъ могъ, по крайней мѣрѣ среди толпы, выдержать нѣкоторое время сравненіе съ г. Расиномъ",—ясно, что это разсужденіе было написано, когда піеса Прадона уже начинала склоняться къ паденію. Принадлежность этого разсужденія Сюблиньи весьма вѣроятна. Въ разборѣ трагедіи Расина, который онъ дѣлаетъ въ немъ сцена за сценой, педантическія замѣчанія о стилѣ, безвкусныя остроты, которыя аббатъ Гране по странному снисхожденію называетъ чер-

---

[1]) Оно помѣщено во II т. Сборника разсужденій аббата Гране, стр. 351—414, гдѣ приписана Сюблиньи.—[2]) Стр. 353.—[3]) Стр. 413.

тами очень живыми и пріятными[1]), тривіальность выраженій, нескончаемая пародія—все это напоминаетъ—такъ что ошибиться въ этомъ невозможно—манеру автора Глупой ссоры[2]).

Ранѣе придирокъ частныхъ, разсужденіе осуждаетъ весь сюжетъ трагедіи: такое преступленіе, какъ преступленіе Федры, „возбуждающее очень дурныя мысли, не должно было бы являться на нашей сценѣ[3])... Я видѣлъ дамъ, самыхъ безчувственныхъ, которыя выслушивали многія слова, уснащающія эту піесу, не иначе, какъ съ тѣмъ отвращеніемъ, которое способны внушать лишь самыя распущенныя выраженія, заставляющія краснѣть скромнаго человѣка; и я счелъ бы г. Расина очень опаснымъ, если бы онъ сдѣлалъ эту отвратительную преступницу столь привлекательною и вызывающею состраданіе, какъ того ему хотѣлось, ибо нѣтъ такого порока, котораго бы онъ не умѣлъ прикрасить и сдѣлать привлекательнымъ послѣ такого успѣха“[4]). Способъ, которымъ Расинъ живописуетъ характеры дѣйствующихъ лицъ, не удачнѣе самаго выбора сюжета: „Г. Расинъ сдѣлалъ своего Тезея слишкомъ легковѣрнымъ и неосторожнымъ[5])... Федра—характеръ бѣшеный; г. Расинъ ей сообщилъ слишкомъ много страсти, слишкомъ много ярости и безстыдства[6])“. Сюблиньи пощадилъ лишь одну Арисію; это одна изъ странностей его оцѣнки: „Что̀ до Арисіи—я долженъ признать, что это эпизодическое лицо изображено счастливо и проведено въ піесѣ г. Расиномъ довольно хорошо“[7]). Чтобы окончить наше ознакомленіе съ этой основательной критикой, напомнимъ, какъ она оцѣниваетъ удивительную 3-ю сцену I дѣйствія: „Этотъ утомительный разговоръ Федры съ Энoной заимствованъ всецѣло слово въ слово у Еврипида, но оттого онъ не менѣе прекрасенъ, и я одобрилъ бы этотъ переводъ такъ же, какъ и собственное изобрѣтеніе автора, если бы онъ не былъ скученъ[8])“. Полюбившій Ипполитъ, давшій критику случай не оскорблять при его строгости по крайней мѣрѣ здраваго смысла, могъ только внушить лишь слѣдующія жалкія разсужденія: „Не думаю, чтобы вы одобрили г. Расина за то, что онъ запятналъ невинность Ипполита, который пользовался столько вѣковъ уваженіемъ отъ столькихъ авторовъ, и сдѣлалъ его вслѣдствіе этой преступной слабости способнымъ на столь неблагодарное сопротивленіе отцу, ему самому столь опасное... Вѣдь это значитъ выдавать... Іосифа за Авессалома[9])“.

Цѣнители Расина въ то время были до того неспособны предотвратить его отъ недостатковъ, въ которые вовлекалъ его вкусъ времени, что они обвиняли его въ непокорности требованіямъ этого вкуса. Сюблиньи упрекаетъ его въ томъ, что онъ порою не соблюдаетъ свѣтскихъ обычаевъ двора, за излишнюю память о которыхъ мы теперь упрекаемъ автора Федры. Во 2-й сценѣ I дѣйствія Энона говоритъ Ипполиту, что царица, терзаемая печалью, приказала

---

[1]) Предисловіе Сборника разсужденій, стр. CXXIII.—[2]) См. стр. IX „Гоөоліи“ (русскій переводъ Л. Поливанова) въ біографическомъ очеркѣ.—[3]) Стр. 357.—[4]) Стр. 359 и 360.—[5]) Стр. 363.—[6]) Стр. 365.—[7]) Стр. 366.—[8]) Стр. 370.—[9]) Стр. 392.

удалить всѣхъ. „Это нарушеніе вѣжливости", отзывается критика: „это нарушеніе приличія; это незнаніе придворныхъ обычаевъ, которые не дозволяютъ передавать царскому сыну подобныя приказанія, касающіяся всѣхъ, это — нарушеніе здраваго смысла, который требуетъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ лицо, получившее приказаніе, относящееся ко всѣмъ, не обращалось съ нимъ къ принцу крови, не сдѣлавъ почтительнаго исключенія" [1]). Вотъ образчикъ совѣтовъ, по истинѣ любопытныхъ, которые суждено было выслушивать Расину отъ современной ему критики.

Въ одномъ только случаѣ, предвосхищая сужденіе (правда спорное) судей болѣе просвѣщенныхъ, Сюблиньи высказалъ мнѣніе, которое, если бы не было преувеличено и такъ грубо выражено, могло бы считаться противъ обыкновенія менѣе нелѣпымъ и любопытнымъ для того времени. Это мнѣніе касается длиннаго разсказа Терамена. Когда приходятъ къ Тезею съ разсказомъ о смерти Ипполита, „чрезвычайно длиннымъ и напыщеннымъ, правдоподобно ли, сообщая отцу о смерти его сына, услаждаться описаніемъ прекрасныхъ коней, убившихъ его, завивать гривы ихъ до послѣдняго волоска, изображать каждое движеніе ихъ поступи, заставлять ихъ отъ печали опускать голову и уши, подобно клячамъ, описывать ихъ сбрую до волнующихся возжей... Мнѣ кажется, что сама природа не допускаетъ, чтобы отецъ, узнавшій о смерти сына, столько имъ любимаго и въ невинности котораго онъ начинаетъ убѣждаться, выслушивалъ бы всѣ эти праздныя описанія съ такимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ" [2]). Не трудно видѣть, что если обвиненія на этотъ разъ заслуживаютъ разсмотрѣнія, то выраженіе ихъ сильно обезображено плоскимъ шутовствомъ и нѣсколькими нелѣпыми замѣчаніями, изъ числа которыхъ не слѣдуетъ забывать слѣдующаго: „Я не знаю..., найдете ли вы хорошимъ, если скажутъ, что принцъ кормилъ лошадей собственными руками, и допустите ли въ этомъ разсказѣ такую басню:

... Трезубецъ тутъ священный
Былъ виденъ въ схваткѣ той: какая-то рука
Колола лошадямъ ихъ потные бока.

Что до меня, то я не могу выносить того, что г. Расинъ произвелъ бога въ погонщики быковъ съ его остроконечной палкой, а принца—въ конюхи [3])".

Въ заключеніе этой діатрибы, критикъ прикинулся безпристрастнымъ. Онъ соглашался, что, несмотря на все, трагедія Федра „не перестаетъ быть прекрасной". Менѣе дружелюбный къ Прадону, нежели враждебный къ Расину, если онъ еще и платитъ слишкомъ большую дань недостойному сопернику великаго поэта, то все же онъ далекъ отъ полнаго его одобренія. Его піеса, говоритъ онъ, „лишена той знаменательной интриги, поддержанной тѣми высокими мыслями, не написана въ томъ высокомъ тонѣ, котораго требуетъ величіе трагическаго котурна; она лучше завязана, нежели

[1]) Стр. 370.—[2]) Стр. 400—402.—[3]) Стр. 403.

трагедія Расина; она болѣе возбуждаетъ вниманіе и нѣсколько болѣе любопытство; но событія въ ней не высокаго изобрѣтенія... Есть ошибочныя сужденія, которыхъ простить нельзя" [1]. Онъ понялъ очень хорошо, что „Федра г. Прадона, не будучи женою Тезея, уже не та кровосмѣсительница Федра... Онъ разрушилъ сюжетъ, желая ослабить преступленіе... и этотъ авторъ, боясь нарушить правила скромности и приличія, произвелъ насиліе надъ правилами тетеатра и здраваго смысла [2]". Далѣе онъ признаетъ, что во всемъ этомъ произведеніи Прадона нѣтъ и сорока сносныхъ стиховъ [3]). Такая полусправедливость относительно автора Федры театра Генего недостаточна. Того ли требовалось для того, чтобы заслужить расположеніе, съ которымъ Сенъ-Маркъ, въ своемъ изданіи Сочиненій Буало [4]), говоритъ объ этомъ разсужденіи, по его мнѣнію «заключающемъ... очень основательныя размышленія".

Де-Визе, помѣстившій въ Mercure galant 1677 года два письма о Федрѣ, уклонился произнести рѣшительное сужденіе объ этой піесѣ. Онъ удовольствовался внушеніемъ, что сюжетъ ея неудаченъ, и что было бы лучше „избавить французскихъ зрителей отъ такого отталкивающаго сюжета". Впрочемъ онъ признавалъ, какъ и Сюблиньи, что выбравъ его, слѣдовало бы принять и его существенныя условія, и Прадонъ былъ неправъ, не исполнивъ этого; исключить образъ кровосмѣсительной любви значило не воспользоваться этимъ сюжетомъ. Ограничиваясь этимъ замѣчаніемъ, де-Визе заявилъ, что „отказывается отъ сравненія обѣихъ трагедій, столь различныхъ по сюжету", и по крайней мѣрѣ хвалилъ прекрасные стихи Расина.

Мы также можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о мнѣніяхъ современниковъ по нѣкоторымъ чертамъ, которыя сохранились въ воспоминаніяхъ о бесѣдахъ того времени. Броссеттъ сообщаетъ [5]), что многіе, будучи принуждены признать, что стихи Расина построены лучше Прадоновыхъ, утѣшали себя тѣмъ, что Прадонъ, по ихъ мнѣнію, соблюлъ бóльшую правильность въ веденіи своей трагедіи. Буало по этому поводу разсказалъ ему анекдотъ, который хорошо его характеризуетъ. Однажды онъ ужиналъ у г-жи де-Бргліо. Тамъ „г. де-Бомонъ" [6]), разсказываетъ Броссеттъ, „послѣ продолжительнаго спора по поводу сравненія обѣихъ трагедій, наконецъ сталъ доказывать, что правила лучше соблюдены г. Прадономъ, нежели г. Расиномъ. „А! вы говорите только о правилахъ", сказалъ ему г. Депрео: „такъ я вамъ покажу помощію самыхъ правилъ, какъ вы ошибаетесь. Перипетія (переломъ) и узнаніе въ трагедіи должны совпадать,—а это-то мы и находимъ въ Федрѣ Расина; въ трагедіи же Прадона этого нѣтъ". Г. Бомонъ прервалъ г. Депрео вопросомъ о томъ, чтó такое перипетія и узнаніе. „Ай-

[1]) Стр. 405. — [2]) Стр. 361.—[3]) Стр. 412.—[4]) Предувѣдомленіе посланія VII (т. II, стр. 113).—[5]) Рукопись Націон. библіотеки, стр. 241.—[6]) Броссеттъ говорилъ: „нѣкто по имени г. де-Бомонъ". Это очевидно былъ Гарле-де-Бомонъ, впослѣдствіи первый президентъ. Онъ былъ зять г-жи де-Брогліо. Смѣлая насмѣшка Буало была направлена противъ страшнаго насмѣшника.

ай!“ отвѣчалъ ему Депрео: „вы хотите говорить о правилахъ, а не понимаете даже терминовъ ихъ. Научитесь отказываться отъ споровъ о томъ, чему вы не научились“. Эта насмѣшка была, конечно, лучшимъ отвѣтомъ на не выдерживающія критики придирки педантизма, отдѣлывавшагося одними словами.

Расину былъ извѣстенъ другой упрекъ его трагедіи, болѣе чувствительный, нежели обвиненіе въ мнимомъ нарушеніи правилъ. Этотъ упрекъ былъ сдѣланъ поклонникомъ его Федры, человѣкомъ, мнѣніе котораго имѣло особенную цѣну въ глазахъ нашего поэта. „Зачѣмъ“, говорилъ Арно, по свидѣтельству Валенкура и Луи Расина, „зачѣмъ Расинъ заставилъ своего Ипполита влюбиться?“ Очень вѣроятно, что Арно, въ глазахъ котораго роль Федры заключала въ себѣ великое нравственное поученіе, не находя нечего подобнаго въ любви Ипполита и Арисіи, порицалъ только съ точки зрѣнія строгой морали изображеніе нѣжнаго чувства, безъ котораго добродѣтель Ипполита могла бы быть однимъ изъ прекрасныхъ образцовъ. Но хотя бы онъ судилъ только какъ моралистъ, но тѣмъ не менѣе нашелъ нужнымъ написать самую строгую критику, основательную оцѣнку трагедіи Расина; а поэтъ, чувствовавшій всю силу упрека, не сумѣлъ возразить иначе, какъ ссылаясь на возможность вызвать противъ себя грубыя насмѣшки, если бы остался болѣе вѣрнымъ чистой красотѣ греческаго образа: „Но что сказали бы наши франты?“ [1]).

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Расина, но когда Буало еще былъ живъ и могъ защитить его, мы встрѣчаемъ критику, вновь направленную противъ Федры. Гударъ-де-ла-Моттъ, въ своей Рѣчи о поэзіи вообще и объ одѣ въ частности, напечатанной въ 1707 г., имѣлъ случай коснуться этой трагедіи, правда въ одномъ только отношеніи и только по поводу одного стиха:

Его принесшій валъ въ испугѣ въ море скрылся...

но при всей своей сжатости его нападеніе отличалось широкимъ взглядомъ: оно направляло вниманіе на цѣлый разрядъ поэтическихъ красотъ Расинова стиля; въ особенности легко было распространить его на весь разсказъ о смерти Ипполита; это достаточно указалъ самъ ла-Моттъ. Впрочемъ онъ выразился умѣренно; и его возраженіе, конечно, заслуживало разсмотрѣнія: „Этотъ стихъ“, замѣтилъ онъ, „лишенъ чувствъ мѣры въ устахъ Терамена. Странно видѣть человѣка, удрученнаго скорбію, столь изысканнымъ въ своихъ выраженіяхъ и столь внимательнымъ къ собственному описанію“. Нѣсколько строкъ выше, начавъ разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія болѣе общей, онъ замѣтилъ, что „даже трагическіе поэты, впадающіе порою въ надутость, должны постоянно остерегаться невоздержности въ выраженіяхъ. Такъ какъ они выводятъ рѣчи не поэтовъ, но людей обыкновенныхъ, то должны выражать лишь чувства, соотвѣтствующія выводимымъ лицамъ и для того избирать обо-

---

[1]) Менаръ однакоже подвергаетъ сомнѣнію достовѣрность этихъ словъ (*Перев.*).

роты и выраженія, которыя естественно высказываются страстями. Расинъ почти никогда не выходилъ изъ этихъ предѣловъ, развѣ только въ нѣсколькихъ описаніяхъ, гдѣ замѣчается изысканность поэта, какъ напр. въ разсказѣ о смерти Ипполита, гдѣ скорѣе слышится рѣчь автора, нежели дѣйствующаго лица, которое онъ заставляетъ говорить". Буало чувствовалъ опасность этой критики, которая могла бы повести далеко, до созданія новой поэтики, и посвятилъ опроверженію своего собрата по академіи 11-е изъ своихъ критическихъ размышленій о нѣкоторыхъ мѣстахъ Лонгина. Вотъ наиболѣе основательное мѣсто его въ защиту Расина: „Могъ ли онъ избрать для своей смѣлой метафоры случай болѣе знаменательный и болѣе возвышенный, чѣмъ ужасное появленіе этого чудовища, и къ тому же въ рѣчи лица, находящагося въ возбужденіи, какимъ поэтъ представилъ несчастнаго воспитателя Ипполитова?.. Къ тому же не замѣтно ли также, что всякій разъ, при исполненіи Федры, далеко не находя страннымъ стихъ:

Его принесшій валъ въ испугѣ въ море скрылся,

публика привѣтствуетъ его рукоплесканіями?" Одиннадцатое Размышленіе Буало было написано въ 1710 г.; печати-же оно явилось только послѣ его смерти, въ изданіи 1713 г. Ла-Моттъ отвѣтилъ на него во II томѣ 4-го изданія своихъ Одъ 1714 года. Онъ настаивалъ на своемъ осужденіи, возражая вѣжливо и прилично опроверженію противника, которому смерть придала авторитетъ, достойный еще бо́льшаго уваженія. Въ этомъ возраженіи нѣтъ ничего новаго; въ немъ лишь слѣдуетъ отмѣтить, что ла-Моттъ опирается на одобреніе, которое онъ получилъ „въ засѣданіи Академіи, гдѣ всѣ присутствовавшіе академики утвердили его въ этомъ мнѣніи". Въ особенности онъ долженъ былъ получить подтвержденіе отъ одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ собратьевъ, сужденіе котораго имѣетъ совсѣмъ другой вѣсъ, нежели его собственное,— отъ Фенелона, который въ 1714 году, по поводу этого вопроса, тогда поднятаго вновь, высказался въ своемъ Письмѣ къ г. Дасье о занятіяхъ Академіи. Поклонникъ греческой простоты, въ особенности Софокловой, Фенелонъ былъ склоненъ къ большой строгости относительно нашихъ трагедій; онъ упрекаетъ ихъ за надутость, за языкъ напыщенный и натянутый, порицая за это Корнеля еще болѣе, нежели Расина. Стихи, не нравившіеся ла-Мотту, не нравились и ему. Онъ указывалъ, что „Софоклъ очень далекъ отъ этой изысканности столь неумѣстной и столь неправдоподобной".—„Нѣтъ ничего болѣе неестественнаго", писалъ онъ, „какъ разсказъ о смерти Ипполита въ концѣ трагедіи Федра, заключающей въ себѣ великія красоты. Тераменъ, пришедшій сообщить Тезею о роковой смерти его сына, долженъ былъ бы сказать не болѣе двухъ словъ, и не имѣть силы произнести даже ихъ вполнѣ внятно: „Ипполитъ умеръ. Чудовище, высланное изъ глубины моря гнѣвомъ боговъ, поразило его. Я видѣлъ это". Можетъ ли человѣкъ, пораженный, растерянный, задыхающійся, развлекаться пышнымъ и цвѣтистымъ

описаніемъ наружности дракона“ [1])? Это нападеніе было не единственнымъ изъ воздвигнутыхъ Фенелономъ противъ Расина въ Письмѣ къ г. Дасье. Недостатокъ этой трагедіи, болѣе несомнѣнный, не ускользнулъ отъ строгаго его вкуса. „Г. Расинъ“, пишетъ онъ, ... „далъ двойственное зрѣлище, присоединивъ къ яростной Федрѣ Ипполита, воздыхающаго вопреки своему характеру. Федру слѣдовало бы оставить одну въ ея ярости; дѣйствіе было бы единое, краткое, живое и быстрое.... Мода времени заставляла всюду вносить любовь; воображали, что невозможно избѣжать скуки въ теченіе двухъ часовъ безъ помощи какой-нибудь любовной интриги [2])“.

Полемика по поводу разсказа Терамена еще была далека отъ конца. Ла-Гарпъ мало преувеличивая, могъ сказать, что цѣлые томы были написаны за и противъ этого разсказа. Луи Расинъ, въ своемъ Сравненіи Ипполита Еврипида съ трагедіей Расина, читанномъ въ Академіи надписей и изящной литературы, 3 декабря 1728 г, [3]), попытался опровергнуть критику Фенелона, противопоставляя ей соображеніе, что Терамень, „пораженный всѣми обстоятельствами столь ужаснаго событія.... разсказываетъ о нихъ съ такимъ возбужденіемъ, какъ если бы они еще совершались предъ его глазами“, и что къ тому же онъ „говоритъ съ отцомъ, котораго считаетъ еще разгнѣваннымъ и коснѣющимъ въ своемъ заблужденіи; что Терамень долженъ стараться растрогать его печальнымъ разсказомъ“. Защиту Расина приняли на себя также д'Оливе въ 1738 г. [4]), а въ слѣдующемъ году Дефонтенъ [5]), но при этомъ оба были мало согласны между собою. Дефонтенъ насмѣхался надъ аббатомъ д'Оливе, который для того, чтобы оправдать знаменитый стихъ, осужденный Ла-Моттомъ, къ удивленію, ссылается на то, что во времена Гомера, истиннаго создателя поэтическаго языка Грековъ, „странами, гдѣ процвѣтали науки, были Египетъ и Финикія, и что ихъ физика признавала міровую душу, разлитую во всемъ существующемъ“. Дефонтенъ представлялъ оправданіе болѣе простое, которое напоминаетъ высказанное Луи Расиномъ: „Всѣ обращаютъ вниманіе только на скорбь Терамена“, писалъ онъ: „но надо принять въ соображеніе тотъ ужасъ, которымъ онъ еще охваченъ, и ту обязанность, которая лежитъ на немъ—представить достовѣрною въ глазахъ отца смерть его сына“. Впрочемъ д'Оливе предложилъ нѣкоторые доводы лучше тѣхъ, которые осмѣивалъ Дефонтенъ. Принимая во вниманіе, быть можетъ не безъ основанія, ту поэтическую область, куда переноситъ насъ піеса Расина (на что обращали слишкомъ мало вниманія), онъ удивлялся, что испуганная волна могла оскорблять вкусъ въ сценѣ, въ которой идетъ дѣло о чудовищѣ, посланномъ Нептуномъ, и въ трагедіи, героиня которой—внука Солнца“. Вольтеръ, оставляя безъ вниманія осужденіе нѣкоторыхъ подробностей

[1]) Соч. Фенелона (изд. Лебеля), т. XXI, стр. 214 и 215.—[2]) Ibidem, стр. 212 и 213.—[3]) Мемуары Академіи надписей и изящной литературы. Томъ VIII, стр. 300—314.—[4]) Грамматическія замѣтки.—[5]) Отомщенный Расинъ, или разсмотрѣніе грамматическихъ замѣчаній г. Аббата д'Оливе (Авиньонъ, 1739. 12⁰), стр. 89—121.

разсказа, однакоже не хотѣлъ согласиться съ тѣмъ, что его слѣдовало бы сжать въ краткія слова: „Ипполитъ умеръ; я видѣлъ это; все кончено“ [1])—только въ три предложенія... ...Тераменъ такъ именно и говоритъ; только еще въ болѣе краткихъ словахъ: „Ипполита нѣтъ болѣе“. Отецъ издаетъ восклицаніе. Тераменъ вновь приходитъ въ себя только для того, чтобы сказать: „Я видѣлъ смерть лучшаго изъ смертныхъ“... — и онъ прибавляетъ слѣдующій стихъ, столь необходимый, столь трогательный и столь горькій для Тезея:

И—смѣю прибавить еще—невиннѣйшаго всѣхъ.

Градація вполнѣ соблюдена: оттѣнки выступаютъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Растроганный отецъ спрашиваетъ: „Какое божество похитило моего сына, чья неожиданная стрѣла поразила его?..“ И онъ не имѣетъ смѣлости продолжать; онъ остается нѣмъ въ своемъ горѣ: онъ ожидаетъ рокового разсказа. Публика ожидаетъ того же съ нимъ вмѣстѣ. Тераменъ обязанъ отвѣчать. Его спросили о подробностяхъ—онъ долженъ разсказать ихъ. Найдется ли зритель, который не желалъ бы ихъ выслушать, не испытать сладкія муки, слушая разсказъ объ обстоятельствахъ смерти Ипполита?“ Кто согласился бы „вычеркнуть изъ него хотя бы четыре стиха? Это не праздное описаніе бури, безполезное для піесы; это не амплификація, дурно сочиненная: это рѣчь самая чистая и самая трогательная; словомъ—это Расинъ [2])“. Въ свою очередь выступилъ и ла-Гарпъ, не удаляясь, по своему обычаю, отъ мнѣнія Вольтерова; онъ признаетъ, что въ разсказѣ Терамена есть нѣкоторая роскошь стиля, но, по его мнѣнію, излишнихъ стиховъ въ немъ семь или восемь; въ числѣ ихъ онъ считалъ и тотъ стихъ, на который напалъ ла-Моттъ и который защищалъ Буало [3]). Но ла-Гарпъ находитъ только педантизмъ въ нѣкоторыхъ изъ безконечныхъ діатрибъ по поводу этого стиха, въ особенности у комментатора Буало—Сенъ-Марка. Мармонтель, напротивъ, призналъ въ своихъ Основаніяхъ литературы [4]) стихи Тераменова разсказа „прекрасными, но неумѣстными“.

Хотя мы обыкновенно останавливались лишь на исторіи критики болѣе общей, но не хотѣли совершенно умолчать здѣсь объ этомъ знаменитомъ спорѣ, въ которомъ со стороны критиковъ разсказа, такъ долго восхищавшаго публику, проявились извѣстные признаки переворота въ литературныхъ вкусахъ. Но поле битвы, открытое Федрою критикѣ, не заключалось только въ узкихъ предѣлахъ этого спора объ описательномъ отрывкѣ; избиралось поприще и болѣе широкое, и піеса въ цѣломъ была, какъ и всѣ великія произведенія, во всѣ времена подвергаема многимъ обсужденіямъ. Брюмуа, въ I томѣ своего Театра Грековъ, вышедшемъ въ 1730 г., предложилъ Размышленія объ Ипполитѣ Еврипида и о Фед-

---

[1]) Приводимъ это мѣсто изъ защиты Вольтера вполнѣ (*Перев.*). — [2]) Философскій словарь. „Амплификація“. Т. XXVI, стр. 293.—[3]) Соч. Расина, изд. 1807, т. IV, стр. 299.—[4]) Eléments de littérature, подъ словомъ: Разсказъ.

рѣ Расина, присоединивъ къ нимъ Размышленія объ Ипполитѣ Сенеки. Онъ не преминулъ выставить, не безъ преувеличенія, все то, чѣмъ Расинъ обязанъ былъ обоимъ древнимъ трагикамъ, признавая собственностію Расина почти только одинъ эпизодъ Арисіи. „Но", говоритъ онъ, „всѣ эти заимствованія не умаляютъ нисколько его славу; и если онъ далеко превзошелъ Сенеку, а мѣстами и Еврипида, пользуясь ихъ мыслями, то это прекрасное искусство выбирать предметъ подражанія можетъ лишь послужить.... къ выгодѣ греческаго поэта, безъ ущерба французскому". Очевидно, у него, не взирая на нѣкоторый видъ безпристрастія, лежало сердце ближе къ Еврипиду, нежели къ Расину, что не помѣшало ему однако, рискуя поразить однимъ ударомъ и образецъ и его подражаніе,—выдвинуть противъ сюжета Федры ходячія возраженія людей его круга. „Этотъ сюжетъ", по его словамъ, „вращается около пункта, нѣсколько щекотливаго, который очень многимъ просвѣщеннымъ людямъ казался основаніемъ вполнѣ ошибочнымъ и даже въ своихъ послѣдствіяхъ опаснымъ для нравовъ". Луи Расинъ, въ своемъ Сравненіи отдалъ справедливость великимъ красотамъ греческаго поэта, давая однакоже замѣтить предпочтеніе трагедіи своего отца, отъ чего было бы неестественно ему воздерживаться. Его стѣсняло возраженіе Арно противъ любви Ипполита. Онъ уступилъ кое-что такому уважаемому авторитету и сознался, что ему „тяжело было видѣть у ногъ милой этого человѣка, столь славнаго своей холодностью къ женщинамъ и строгими правилами, которые внушилъ ему Питтей". Тѣмъ не менѣе Еврипидовъ Ипполитъ казался ему слишкомъ дикимъ, добродѣтель же французскаго Ипполита — болѣе скромною и привлекательною. Онъ справедливо настаивалъ на томъ, что характеръ Федры выше характера, представленнаго въ трагедіи греческой. Вольтеръ, который, какъ мы уже видѣли, былъ достаточно строгимъ судьей многихъ недостатковъ французской піесы, не отзывался объ Еврипидѣ съ такимъ же уваженіемъ, какое сохранилъ къ нему Луи Расинъ. Мнѣнія Вольтера о греческой литературѣ были одного рода съ мнѣніями Перро. Въ своемъ третьемъ письмѣ объ Эдипѣ, правда, написанномъ въ 1719 г. (когда ему было только 25 лѣтъ), онъ не побоялся высказаться такъ о греческомъ Ипполитѣ, всецѣло предпочитая Еврипида Софоклу: „Не взирая на прекрасную сцену, списанную Расиномъ (3-ю сцену I акта Федры), прельщенному читателю не слѣдуетъ воображать, что піеса Еврипида произведеніе хорошее"; эта сцена „есть единственное прекрасное мѣсто трагедіи, и имѣющее смыслъ"; и онъ сравниваетъ греческую трагедію съ Сирано-де-Бержеракомъ, у котораго пользовался своимъ добромъ Мольеръ [1]). Ла-Гарпъ, въ своемъ Лицеѣ [2]), взялъ на себя трудъ развить эту странную причуду учителя, какъ будто она была сужденіемъ серьезнымъ, и пришелъ къ рѣшенію, что Расинъ, который позаимствовался у Еврипида лишь немногимъ,

[1]) Соч. Вольтера, т. II, стр. 31.—[2]) Часть I, кн. 1-я, гл. V, отд. IV.

„возмѣстилъ величайшія недостатки величайшими красотами"; наконецъ, „что слѣдовало бы простить греческому поэту его произведеніе уже за одно то, что мы ему обязаны произведеніемъ Расина". По счастію для ла-Гарпа онъ могъ, начиная разборъ трагедіи Расина [1]), говорить о ней съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и здравымъ смысломъ, нежели онъ исполнилъ это относительно ея образца. Однакоже можно упрекнуть его за то, что онъ съ излишкомъ защищалъ трагедію Расина противъ критикъ самыхъ умѣренныхъ, „осмѣливаясь", какъ онъ выразился, писать апологію эпизода любви Арисіи.

Менѣе благопріятны для нашего поэта, хотя заключаютъ въ себѣ много здравыхъ соображеній, Замѣчанія объ Ипполитѣ Еврипида и о Федрѣ Расина, которыя читалъ аббатъ Баттё въ Академіи надписей 9 февраля 1776 года [2]). Если Баттё, совершенно въ противоположность Вольтеру и ла-Гарпу, черезъ-чуръ склоняется на сторону Еврипида, во всякомъ случаѣ его сужденіе достаточно свободно отъ предубѣжденій и заключаетъ нѣкоторыя оригинальныя размышленія. Онъ очень выдвигаетъ существенное различіе сюжетовъ у обоихъ поэтовъ, и съ знаніемъ дѣла говоритъ о томъ. „Виновная Федра", пишетъ онъ, „и добродѣтельный Ипполитъ, оба несчастные, поставлены у Еврипида лучше, нежели у Расина: ибо какъ нельзя болѣе естественно и въ порядкѣ вещей, при состязаніи несчастной добродѣтели съ несчастнымъ преступленіемъ, преобладающій интересъ вызывать скорѣе къ добродѣтели, не заслужившей несчастія, нежели къ преступленію, его заслужившему. Естественный предметъ состраданія—говоритъ Аристотель—злополучіе незаслуженное: откуда слѣдуетъ, что весьма возможно признать выборъ сюжета у Еврипида лучшимъ относительно дѣйствія піесы на зрителя, подчиняя Федру Ипполиту... Въ піесѣ Расина героиня—Федра; и дабы сообщить этой роли болѣе привлекательности и сдѣлать ее болѣе трогательною, Ипполитъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ отодвинуть на второй планъ. Еврипиду было извѣстно, что герои, къ которымъ желаютъ вызвать состраданіе, должны быть хороши стороною нравственною; было это извѣстно и Расину, потому что онъ вездѣ представляетъ любовь Федры дѣйствіемъ гнѣва Венеры, дабы сдѣлать ее менѣе гнусной; но Еврипиду оставалось просто слѣдовать своему плану безъ всякаго усилія; Расину же потребовалось много искусства для того, чтобы слѣдовать своему плану... Не будучи въ состояніи умалить несчастіе Ипполита, онъ долженъ былъ уменьшить его добродѣтель; безъ этого онъ помрачилъ бы Федру и лишилъ бы ее сочувствія зрителей". Все это тонко выведено изъ теоріи очень убѣдительной. Однакоже справедливо ли, что Еврипидъ, строго говоря, лучше соблюлъ интересъ трагедіи, и что Расинъ, напротивъ, соблюлъ его лишь въ отношеніи къ слабостямъ нашего вкуса? Правила, начертанныя ученою эстетикою, имѣютъ свою цѣну; но не умѣлъ ли Расинъ, благодаря высшему дару, переступать границы, полагаемыя теоріею искусства? Баттё, въ своихъ Замѣчаніяхъ

[1]) Лицей, II ч., кн. 1, гл. 3, отд. 7.—[2]) Мемуары Ак. надп., т. XLII, стр. 452—472.

слишкомъ часто показываетъ невѣдѣніе тѣхъ великихъ взмаховъ генія, въ которыхъ онъ хочетъ видѣть только умѣлость, ловкость, тонкость въ употребленіи средствъ: это все слова, которыя онъ такъ охотно и часто повторяетъ, примѣняя ихъ къ Расину. Мы оспорили бы и справедливость его замѣчанія, „что роль Федры Еврипидовой отличается строгой благопристойностью, которой не достаетъ Федрѣ французской". Болѣе поразительна слѣдующая критика послѣдняго акта Расиновой трагедіи: Тезей сосредоточиваетъ въ этомъ актѣ почти весь интересъ на себѣ. „Федра, послѣ сцены ревности, не приковываетъ къ себѣ болѣе интереса; судьба сына рѣшена; остается одинъ Тезей, *или* по крайней мѣрѣ преобладаетъ на сценѣ. Этого перенесенія интереса съ одного лица на другое нѣтъ въ греческой піесѣ. Ипполитъ, приковавшій къ себѣ взоры съ первой же сцены, возбуждаетъ преобладающій интересъ безпрерывно до послѣдняго своего вздоха".

Жоффруа, въ своемъ изданіи Сочиненій Расина 1808 г., повидимому, отдалъ еще болѣе рѣшительно предпочтеніе Еврипиду, нежели Баттё, особенно если принять во вниманіе подробности его критики. Общее его сужденіе выражено довольно двусмысленно, но смыслъ его въ сущности несомнѣненъ: „Замыселъ греческаго поэта", говоритъ онъ, „разсматриваемый самъ по-себѣ, мнѣ кажется болѣе сильнымъ, болѣе трагическимъ, болѣе способнымъ плѣнять во всѣ времена и во всѣхъ странахъ; но развитіе страсти Федры, которая была бы въ глазахъ грековъ порокомъ, такъ плѣнительно для французовъ, такъ соотвѣтствуетъ духу и вкусу нашей націи..., что невозможно освободиться отъ тайнаго предпочтенія піесы Расина: это рѣшеніе скорѣе сердца, нежели ума"[1]. Сверхъ того Жоффруа не внесъ въ вопросъ такой же тонкости взгляда, какую замѣчаемъ у Баттё; онъ даже повидимому не расположенъ къ справедливости и скорѣе возбужденъ противъ поэта, котораго сочиненія издаетъ и комментируетъ съ нѣкотораго рода недоброжелательствомъ; онъ къ удивленію становится на сторону тѣхъ, которые, подобно Прадону, Сюблиньи и іезуитамъ въ ихъ мнѣніи 1740 г., признали трагедію Расина противной доброй нравственности.

Намъ остается въ заключеніе упомянуть о критикѣ, пріобрѣтшей знаменитость, явившейся за годъ до критики Жоффруа. Она была трудомъ человѣка, который всегда вносилъ въ свои оцѣнки о трагическомъ искусствѣ проницательность, но котораго высокій умъ, когда дѣло касалось нашихъ поэтовъ, ослѣплялся галло-ненавидѣніемъ слишкомъ патріотическимъ. Въ самомъ Парижѣ А. В. Шлегель обнародовалъ свое Сравненіе Федры Расина съ Федрою Еврипида[2], написанное имъ по-французски. Хотя въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ былъ строгъ къ Еврипиду,—въ этомъ трактатѣ онъ отдалъ ему полную справедливость, и никто лучше его не

---

[1]) Сужденіе о Федрѣ и писателяхъ, обработавшихъ тотъ же сюжетъ, въ Соч. Расина, т. IV, стр. 585. — [2]) Одинъ томъ in 8°. (Paris, chez Tourneisen fils, 1807).

выдвинулъ красоту характера Ипполита въ греческой піесѣ. Отчего же съ тою же справедливостію и съ такимъ же краснорѣчивымъ восхищеніемъ не говорилъ онъ о характерѣ Федры Расиновой? Повидимому, онъ даже не понялъ его, подъ давленіемъ предубѣжденій; онъ отыскиваетъ въ немъ множество противорѣчій, не принявъ во вниманіе того, что если Федра противорѣчитъ себѣ:

Противорѣчія полны ея желанья!

то именно потому, что изображеніе ея страсти исполнено удивительной правды. Слѣдовало бы ожидать въ этихъ нападкахъ чего-нибудь болѣе новаго: онъ повторилъ многія сдѣланныя ранѣе и не имѣющія цѣны. Напримѣръ, онъ не погнушался, вслѣдъ за другими, высказать строгое осужденіе, полное лицемѣрнаго цѣломудрія и очень плохо мотивированное. По поводу сцены объясненія Федры въ любви своей онъ говоритъ: „Если поэзія есть искусство прикрашивать порокъ, то я соглашусь, что эта сцена достойна большихъ похвалъ, потому что большинство читателей подъ благопристойною и изящною формою стиховъ не узнаютъ того, что безъ этой одежды въ высшей степени оскорбило бы ихъ“ [1]). Такъ же мало основательны почти всѣ остальныя придирки. Когда ему было особенно нужно доказать, что французскій поэтъ не могъ знать греческіе нравы, то онъ вообразилъ, что нашелъ тому доказательство въ слѣдующемъ стихѣ 6-й сцены IV акта, по его мнѣнію неприличномъ:

...какъ вдвоемъ въ лѣсной тѣни,
Скрывались ото всѣхъ?...

„Развѣ Расинъ...“, говоритъ онъ, „не зналъ, насколько уединенно жили гречанки, что онѣ никогда не покидали своихъ покоевъ, не закрывъ лица и безъ провожатыхъ?“ [2]). Всѣ эти осужденія, столь озабоченныя мѣстнымъ колоритомъ, сами не грѣшать ли смѣшеніемъ различныхъ эпохъ изображаемаго быта? Вѣкъ Еврипида, совершенно такъ же какъ нашъ XVII-й, допускалъ не мало анахронизмовъ въ отношеніи быта временъ героическихъ; и однимъ-то изъ этихъ анахронизмовъ вооружается Шлегель для того, чтобы упрекнуть имъ Расина! Если дворъ Тезея не очень-то походитъ на дворъ Людовика XIV, то не могъ походить и на аѳинскій домъ V вѣка. Мы не представляемъ себѣ героинь этой эпохи, Пасифай, и Аріаднъ, всегда запертыми въ гинекеѣ; конечно, случались у нихъ кое-какія похожденія въ рощахъ и среди скалъ. Для чего же высказывать такое удивленіе, что „добродѣтельная Арисія назначаетъ свиданіе въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ человѣческаго жилища“? [3]). На сей разъ—какова иронія!—самъ Шлегель нашелъ Расина недостаточно строгимъ въ соблюденіи приличія и этикета. Въ концѣ своего Сравненія критикъ, конечно съ цѣлію болѣе выдвинуть искаженіе трагическихъ красотъ античной піесы вслѣдствіе любовной интриги, которую допустилъ поэтъ, не обладавшій достаточный силой, не безъ ироніи предлагаетъ новую развязку, которая

---

1) Стр. 23.—2) Стр. 30. —3) Idem.

обратила бы Федру въ трагикомедію: „Не было никакой необходимости въ смерти Ипполита. Федра могла убить себя, увѣренная въ томъ, что проклятіе Тезея приведетъ Ипполита къ гибели; Тезей могъ бы убѣдиться въ невинности сына и взять назадъ свои мольбы къ Нептуну. Ипполитъ могъ бы вновь явиться на сцену... Арисія могла бы соединиться съ своимъ другомъ, и получилось бы зрѣлище вознагражденной добродѣтельной любви, тогда какъ любовь преступная была бы наказана. Если главная красота піесы заключается въ роли Федры, въ чемъ всѣ согласны, то это не могло бы нисколько повредить ей“ [1]). Шлегель возставалъ болѣе противъ Франціи, нежели противъ Расина, котораго объявлялъ „трагическимъ поэтомъ, наиболѣе уважаемымъ во всемъ французскомъ театрѣ, поэтомъ, быть можетъ, самымъ совершеннымъ“ [2]). Въ сущности атака, которую его нѣмецкій патріотизмъ направлялъ въ частности на нашу великую литературную эпоху, была произведена противъ нашей націи: „Съ одной стороны“, писалъ онъ, „зная, что Еврипидъ былъ любимымъ поэтомъ своихъ современниковъ, съ другой стороны допуская, какъ то, разумѣется, мы обязаны сдѣлать, что Расинъ былъ писателемъ самымъ искуснымъ и опытнымъ въ дѣлѣ французскаго театра и что въ своемъ просвѣщенномъ умѣ онъ соединялъ черты самыя выдающіяся и утонченныя вѣка Людовика XIV-го, мы необходимо должны въ нашу параллель между оригиналомъ и спискомъ включить косвенную сравнительную оцѣнку вѣка Еврипидова съ вѣкомъ Расина“ [3]). Нѣсколько ниже съ намѣреніемъ произноситъ онъ осужденіе вкусу XVII вѣка, сильно преувеличивая торжество Прадона: „Если, читая Федру Прадона, припомнишь, какой удивительный успѣхъ имѣла въ свое время эта піеса, плоская до смѣшного, и о предпочтеніи ея Федрѣ Расина, слишкомъ долго державшемся для того, чтобъ быть плодомъ интриги, станетъ несомнѣннымъ, что Расину повредило въ глазахъ современниковъ не что другое, какъ излишнее сохраненіе античной простоты и смѣлости. Прадонъ, сумѣвшій свести къ будуарной интригѣ этотъ сюжетъ, сила и своеобразность котораго не допускаютъ утонченности и манерности, получилъ въ свою пользу мнѣніе большинства въ этомъ вѣкѣ, столь превознесенномъ за чистоту вкуса и величіе идей“ [4]). Семнадцатый вѣкъ и Расинъ получили мстителя, котораго трудно было бы ожидать здѣсь встрѣтить въ качествѣ судьи литературной распри. Самъ великій король не могъ бы оказать лучшаго и болѣе властнаго покровительства своимъ поэтамъ и славѣ своего царствованія, нежели то сдѣлало императорское правительство 1811 г. Г-жа де-Сталь разсказываетъ, въ своихъ Десяти годахъ изгнанія [5]), что въ этомъ году Леманскій префектъ (тогда баронъ Капелль, смѣнившій г. де-Баранта) предписалъ Шлегелю, другу ея, которому она ввѣрила воспитаніе своихъ сыновей, выѣхать изъ Женевы и даже изъ Коппета. „Я спрашивала“, пишетъ г-жа де-Сталь, „что́ же такого сдѣлалъ Шлегель противъ Франціи; префектъ мнѣ ука-

---

1) Стр. 106 и 107.—2) Стр. 9.—3) Стр. 8.—4) Стр. 40 и 41.—5) Часть II, гл. 2.

залъ на его литературныя мнѣнія, и между прочимъ на его брошюру, въ которой, сравнивая Федру Еврипида съ Расиновой, онъ отдалъ предпочтеніе первой". Она прибавляетъ, что въ сущности Шлегеля преслѣдовали только потому, что онъ былъ ея другомъ; это очень могло быть такъ, потому что литературный грѣхъ нѣмецкаго критика былъ уже грѣхъ старый, совершенный за 4 года. Тѣмъ не менѣе этотъ фактъ высшаго вмѣшательства въ защиту Федры Расина изъ политическихъ соображеній заслуживаетъ своего мѣста въ исторіи этой трагедіи. Для того, чтобы почитатели Расина сохраняли менѣе злопамятства къ Шлегелю, не худо упомянуть, что въ своемъ Курсѣ драматической литературы онъ если не исключилъ совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ очень смягчилъ несправедливый приговоръ, произнесенный надъ Федрою. Вотъ какими словами онъ выразился здѣсь: „Каково бы ни было относительное значеніе Еврипида, Сенеки и Расина, не менѣе справедливо, что французская Федра составила эпоху своимъ стилемъ, истинно трагическимъ, и что она представляетъ сильный контрастъ со всѣми современными авторами. Если сравнить се съ Федрою Прадона, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древности, гдѣ все напоминаетъ живопись уборныхъ комнатъ временъ Людовика XIV-го, тѣмъ болѣе должно удивляться поэту, который, проникнутый чувствомъ великихъ античныхъ красотъ, сумѣлъ воспроизвести ихъ съ блескомъ и не нарушилъ простоты ихъ. Если правда, что Расинъ сказалъ, что единственная разница между Прадономъ и имъ состояла въ томъ, что онъ умѣлъ писать,—онъ этимъ нанесъ самому себѣ вопіющую несправедливость" [1]).

Нельзя было не замѣтить во всѣхъ сужденіяхъ о Федрѣ, что параллель съ ея греческимъ образцомъ имѣла большой вѣсъ. Эта параллель вполнѣ законна въ критикѣ, но не слѣдуетъ злоупотреблять ею. Можно избѣжать не одной ошибки, если разсматривать отдѣльно съ особой точки зрѣнія каждое изъ этихъ двухъ превосходныхъ памятниковъ. Совершеннѣйшее древнее произведеніе является *освѣщеннымъ прозрачнымъ свѣтомъ, яснымъ, подобнымъ тому*, который освѣщалъ такъ хорошо прекрасные мраморы греческой скульптуры во всей чистотѣ ихъ линій; совершеннѣйшее произведеніе поэта новаго времени горитъ пламенемъ; перспективы его имѣютъ чудныя глубины. Не будемъ же жалѣть, что вмѣсто повторенія на другомъ языкѣ созданія Еврипида, Расинъ создалъ для насъ новый предметъ восхищенія.

Очень естественно, что гораздо менѣе дѣлалось сближеній между нашей Федрой и латинскимъ Ипполитомъ, которымъ однакоже Расинъ былъ вдохновленъ не мало. Брюмуа имѣлъ нѣкоторое основаніе выразить удивленіе, что нашъ поэтъ въ своемъ предисловіи не призналъ всего того, чѣмъ онъ обязанъ Сенекѣ. Но если можно было замѣтить, какъ то и было сдѣлано, счастливыя заим-

---

1) Курсъ драматической литературы (Cours de littérature dramatique), томъ II, стр. 204 и 205.

ствованія, которыя Расинъ въ нѣкоторыхъ лучшихъ сценахъ своихъ умѣлъ усвоить, выбирая ихъ среди обильной декламаціи и напыщенной реторики, то все же не было никакой возможности подумать о дѣйствительномъ сравненіи между однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній и школьнымъ упражненіемъ, гдѣ встрѣчаются только мѣстами блестящіе, превосходные отрывки, что могло бы показаться удивительнымъ, если бы не было очень вѣроятнымъ, какъ уже сказано выше, что они похищены изъ греческой трагедіи, нынѣ утраченной.

Послѣ Еврипида и Сенеки слѣдуетъ ли упоминать еще о какихъ-нибудь другихъ авторахъ, которые имѣли честь изрѣдка внушить Расину какую-нибудь черту, отдѣльную мысль или выраженіе? До него на сценѣ давались многія трагедіи съ именемъ Ипполита, и по всему видно, что онъ заглянулъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Враги Расина, если вѣрить братьямъ Парфе [1]), разсказывали изъ-подъ-тишка, что большою помощію служили ему піесы Гарнье и Ротру". Не легко было имъ подкрѣпить свое показаніе точными цитатами въ томъ, что касается перваго изъ этихъ поэтовъ. Гарнье сочинилъ своего Ипполита, напечатаннаго въ 1573 г. [2]). Хотя не вездѣ, но часто онъ переводитъ Сенеку; весьма естественно, что въ этомъ подражаніи латинской трагедіи не разъ встрѣчается онъ съ Расиномъ; но Расинъ, которому было легко обращаться прямо къ тому же самому источнику, откуда черпалъ и Гарнье, могъ бы воспользоваться у него развѣ только нѣсколькими выраженіями, счастливо переданными на нашъ языкъ, но изъ такихъ выраженій не было ни одного, которое стоило бы заимствованія изъ Ипполита XVI вѣка, стиль котораго долженъ былъ казаться Расину необыкновенно варварскимъ. Старый французскій писатель часто превосходилъ безвкусіе Сенеки. У него болѣе, чѣмъ въ его латинскомъ образцѣ, тѣхъ выраженій, которыхъ грубая смѣлость поднимаетъ всѣ покровы съ неблагопристойности самой постыдной и съ кровосмѣшенія, и которыхъ по крайней мѣрѣ ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ „прикрашеніи порока". Нашъ поэтъ подвергъ заимствованія, общія у него съ Гарнье, передѣлкѣ совершенно противоположнаго свойства.

Есть еще Ипполитъ ла-Пинельера въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ, напечатанный въ 1635 г. [3]) и пользовавшійся извѣстностью. Во главѣ этой пьесы помѣщены стихи Бенсерада и самого великаго Корнеля, преувеличенно восхваляющіе ее; она мало заслуживаетъ этихъ похвалъ. Гдѣ-то приходилось намъ читать, что Расинъ очевидно подражалъ этому Ипполиту, ходу и завязкѣ котораго онъ будто бы слѣдовалъ и многіе стихи котораго усвоилъ, въ особенности въ разсказѣ о смерти Ипполита. Намъ кажется это весьма невѣрнымъ. Если Федра Расина порою имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ піе-

---

1) Histoire du Théatre françois, m. III, стр. 365.—2) Hippolyte, tragédie de Robert Garnier. Paris, de l'imprimerie de Robert Estienne MDLXXIII, in-8°.—3) Hippolyte, tragédie par de la Pinelière, Angevin, à Paris, chez Antoine de Sommaville, MDCXXXV, in-8°.

8*

сѣ Пинельера, какъ и къ піесѣ Гарнье, то единственно потому, что ла-Пинельеръ также часто подражалъ Сенекѣ, приспособляясь въ то же время къ модѣ своего времени, какъ самъ заявляетъ объ этомъ въ своемъ Посланіи къ г. де-Ботрю: „Этотъ юный государь, добродѣтельнѣйшій во всей Греціи, отправляется представиться къ вамъ въ обстановкѣ à la française, которую я ему далъ... Я позволилъ себѣ прибавить къ изобрѣтеніямъ Сенеки кое-какія собственныя". Но ихъ Расинъ у него не заимствовалъ.

Очень вѣроятно, что Расинъ не погнушался вспомнить кой-какія мѣста другого Ипполита, изданнаго въ 1647 г. Это былъ трудъ Габріеля Жильбера, тагдашняго секретаря герцогини де-Роганъ, впослѣдствіи секретаря королевы Христины. Эта піеса носила заглавіе: Ипполитъ, или безчувственный юноша[1]). Въ примѣчаніяхъ къ Федрѣ мы указываемъ кое-какія заимствованія мелочныхъ подробностей, которыя не всѣ равно достовѣрны и которыхъ значеніе не должно преувеличивать. Версификація Жильбера слаба; замыселъ піесы еще слабѣе и могъ послужить нѣкоторымъ пособіемъ лишь Прадону, если здѣсь позаимствовался онъ странною мыслію очистить сюжетъ предположеніемъ, что Федра еще не супруга Тезея. Но самое нелѣпое въ піесѣ Жильбера—то нѣжное чувство, которое внушила Федра безчувственному юношѣ, хотя авторъ предупредилъ насъ, „что его герой поразилъ взоры прекраснѣйшихъ дамъ своего вѣка и вовсе не чувствовалъ того зла, которое нанесъ имъ". Сближенія, которыя можно сдѣлать между нѣкоторыми изъ стиховъ этой піесы съ Расиновыми, не могутъ имѣть важнаго значенія и могутъ служить лишь предметомъ любопытства.

Очень не задолго до появленія Федры Расина, въ Лиллѣ была представлена трагедія Ипполитъ, авторомъ которой былъ Бидаръ[1]). Одно мѣсто изъ Тераменова разсказа, а именно, гдѣ Терамень передаетъ послѣднія слова юнаго героя, и сцена, гдѣ Федра сознается въ своемъ преступленіи и отравляется, могли бы дать мысль, что и эта піеса была извѣстна Расину. Но очень сомнительно, чтобы любовь Ипполита къ Ціанѣ, принцессѣ Наксоса, внушила ему какую-нибудь мысль для эпизода съ Арисіей, задуманнаго и исполненнаго совсѣмъ иначе. Бидаръ принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, которымъ не хотѣлось, чтобы Федра и Тезей были связаны узами брака. Въ общемъ, онъ такъ же холоденъ и такъ же плосокъ, какъ Прадонъ.

Могъ ли кто-нибудь оказаться столь отважнымъ, чтобъ коснуться сюжета Ипполита, трагическая красота котораго привлекала столькихъ поэтовъ, коснуться вновь послѣ Расина? Мишель де-Кюбьеръ,

[1]) A Paris chez Augustin Courbé, MDCXXXXVII, in-8°, съ посланіемъ къ герцогинѣ де-Сюлли.—Печатаніе окончено 16 окт. 1646 г.—[1]) Hippolyte, tragédie par M. Bidar, représentée à Lille par les comédiens de Son Altesse Sérénissime Monseigneur le Prince, à Lille, de l'imprimerie de Balthazar le Francq, MDCLXXV, in-12°.—Привилегія отъ 25 янв. 1675 г.

извѣстный подъ именемъ Дора-Кюбьера, позволилъ себѣ эту самонадѣянную смѣлость. Предпріятіе было достойно того, кто позже передѣлалъ съ тѣмъ же успѣхомъ Art poétique Буало. Отвратительная піеса де-Кюбьера: Ипполитъ, трагедія въ 3 дѣйствіяхъ, была представлена на небольшомъ театрѣ дю-Марэ [1]) 9-го вентоза XI года (27 февраля 1803 г.). Въ стихотворномъ ея посвященіи Кюбьеръ поносилъ Расина. То былъ новый Прадонъ, возродившійся въ XIX вѣкѣ.—Два года спустя Шиллеръ, который по крайней мѣрѣ безъ страха оказаться смѣшнымъ, могъ позволить себѣ состязаніе съ совершеннымъ произведеніемъ генія, написалъ Федру; но то былъ переводъ Федры французской. дань уваженія, которую Германія отдала Расину и которая заранѣе опровергала страстную критику Шлегеля. Этотъ переводъ, по словамъ Ренье въ его Жизни Шиллера [2]), былъ исполненъ „въ 26 дней—отъ 17 декабря 1804 по 14 января 1805 г. Онъ былъ поставленъ на сцену (въ Веймарѣ) въ день празднованія годовщины царствующей герцогини, 30 января". Гёте и Шиллеръ въ это время были расположены отдать справедливость нашему театру. Крайности, свидѣтелями которыхъ они были въ собственномъ своемъ театрѣ, примирили ихъ немного съ нашимъ вкусомъ; они полагали, что наши лучшія трагедіи могли быть предложены, какъ полезный образецъ. Въ этомъ отношеніи Шиллеръ не могъ сдѣлать лучшаго выбора, остановившись на Федрѣ.

Онъ сумѣлъ заставить рукоплескать списку въ началѣ нашего вѣка, на сценѣ иноземной: на нашей же сценѣ оригиналъ былъ во всѣ времена одной изъ піесъ, наиболѣе вызывавшихъ восхищеніе, одною изъ тѣхъ, которыя наиболѣе сохранили силу своего дѣйствія на зрителей. Намъ остается дать очеркъ исторіи ея сценическаго исполненія.

Когда въ 1680 году труппы Отеля де-Бургонь и Отеля де-Генего соединились, то ознаменовали это торжество представленіемъ Федры 25 августа, какъ о томъ свидѣтельствуетъ регистръ ла-Гранжа. Не разъ было замѣчено, что французскіе актеры часто выбирали эту трагедію для большихъ торжествъ, составлявшихъ эпоху въ жизни театра. Такъ въ понедѣльникъ 18 апрѣля 1689 г., когда, покинувъ Отель де-Генего, они явились на новой сценѣ улицы des Fossées-Saint-Germain-des-Prés, снова была сыграна Федра [3]). То же повторилось, когда они перенесли свой театръ съ этой улицы Fossées въ Тюйлери 23 апрѣля 1770 г. [4]). Излишне говорить, что со вступленіемъ г-жи Шаммеле [5]) въ труппу Генего, не задолго до соединенія обоихъ театровъ, въ спискѣ ла-Гранжа до того времени, гдѣ этотъ списокъ оканчивается, отмѣчено большое число представленій Федры, и въ Парижѣ, и при дворѣ—то въ Вер-

---

[1]) Этотъ театръ, построенный въ 1791 г. въ улицѣ Culture-Sainte-Catherine, закрылся въ 1807 г. Въ немъ играли пріѣзжіе провинціальные актеры, для ознакомленія съ собою Парижанъ.—[2]) Стр. 158.—[3]) Исторія фр. театра, т. XIII, стр. 127.—[4]) Историческая галерея актеровъ (Galerie historique des acteurs) Лемазюрье, т. I, стр. 16.—[5]) Champmeslé.

салѣ, то въ Фонтенебло, въ Шамборѣ и Марли. Отъ того времени, когда Шаммеле не переставала блистать въ роли Федры, сохранилась память о большомъ успѣхѣ Герена въ роли Терамена. Брюмуа разсказываетъ о слезахъ, которые онъ вызывалъ большимъ разсказомъ, который служилъ предметомъ столькихъ критикъ. „Зрители“, сообщаетъ онъ, „часто мало внимательные къ остальнымъ частямъ трагедіи, столько разъ исполнявшейся, говорили: „Посмотримъ слезы старика Герена“ [1]). Одна подробность объ его игрѣ, которая повидимому должна была мало способствовать этому трогательному дѣйствію на зрителей и которую, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ ставить въ примѣръ нынѣшнимъ актерамъ, описана у Лемазюрье такъ: „Трагическіе актеры надѣвали тогда алонжевые парики съ тремя локонами. И вотъ всякій разъ, когда Геренъ доходилъ до стиха:

Я видѣлъ, видѣлъ я,
Какъ сына твоего....

онъ не забывалъ откинуть за плечо одинъ изъ этихъ локоновъ [2])“. Геренъ, доживщій до очень преклонныхъ лѣтъ, долго оставался на сценѣ, и могъ еще извлекать слезы у зрителей въ первые года XVIII вѣка.

Но сдѣлавъ исключеніе для старика Герена, мы можемъ оставить въ сторонѣ Тераменовъ и даже величавыхъ Тезеевъ (напр. Бризара и Сенъ-При), Ипполитовъ (можно бы упомянуть Сенъ-Фаля, котораго находили благороднымъ и трогательнымъ) и Арисій: относительно этого послѣдняго лица будетъ достаточно упомянуть о м-ль Госсенъ, которая на своихъ дебютахъ 1731 года играла съ восхитительной граціей,—потому что эти нѣжныя и скромныя героини, которыхъ ни одинъ поэтъ не умѣлъ изображать такъ, какъ Расинъ, не казались незначительными всякій разъ, когда находилась артистка, умѣвшая достойно изобразить ихъ непорочную чувствительность. Во всякомъ случаѣ вполнѣ понятно, что въ трагедіи, гдѣ роль Федры господствуетъ надъ всѣми остальными, слѣдуетъ говорить почти единственно объ этой роли.

Артистка, впервые исполнявшая ее послѣ Шаммеле съ талантомъ, достойнымъ воспоминанія, была Адріенна Лекуврёръ. Она начала являться въ этой роли со времени своего дебюта въ 1717 году. Ни въ какой другой роли не имѣла она болѣе блестящаго успѣха. Охватила ли ея удивительная игра такъ умы, что сильное впечатлѣніе, ею произведенное, породило легенду—или слѣдуетъ вѣрить, что есть доля правды въ томъ, чтó разсказывалось въ собраніяхъ драматическихъ анекдотовъ, написанныхъ въ XVIII вѣкѣ о томъ ужасномъ мщеніи, которое навлекла на себя артистка нѣсколькими стихами Федры, произнесенными со всей горячностію личной страсти? Это тѣ самые стихи, которые, по словамъ Броссетта, внушали Шаммеле опасеніе, какъ бы г-жа де-Монтеспанъ не примѣнила ихъ къ себѣ. [3]). М-ль Лекуврёръ, какъ разсказываютъ, обратила эти стихи жестомъ и

---

1) Театръ Грековъ (Théâtre des Grecs), т. I, стр. 397.—2) Галерея актеровъ (Galerie des acteurs), т. I, стр 277.—3) См. выше стр. 83 (*Пер.*)

взоромъ, съ величавымъ презрѣніемъ, къ могущественной соперницѣ, которая оспаривала у нея сердце маршала Саксонскаго; публика поняла и подкрѣпила оскорбленіе своими рукоплесканіями[1]). Прибавляютъ, что нѣсколько дней спустя, герцогиня Булльонская (имя роковое въ въ исторіи Федры) отравила оскорбительницу. Если это печальное событіе, которымъ въ наше время воспользовался театръ[2]), не вымыселъ, изобрѣтенный потрясеннымъ воображеніемъ,—то это представленіе Федры не имѣло себѣ равнаго по своему трагическому дѣйствію.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Адріенны Лекуврёръ, Федра воскресла во всей своей славѣ въ лицѣ м-ль Дюмениль. Въ первый же годъ своего появленія на французской сценѣ, она сыграла пять разъ великую роль, которая такъ соотвѣтствовала ея патетическому таланту; послѣ успѣха ея въ Фонтенебло 7 октября этого года она была принята въ театръ Французской Комедіи. По свидѣтельству современниковъ, она превосходила себя въ этой роли такъ же, какъ и м-ль Лекуврёръ; и все же она встрѣтила достойную соперницу въ м-ль Клеронъ, которая, будучи еще очень молодою, осмѣлилась состязаться съ артисткой, заслужившей такую справедливую славу. Повидимому въ этомъ состязаніи обѣихъ артистокъ побѣда осталась нерѣшенной. „Мы видѣли", пишутъ издатели Сочиненій Расина 1807 г.[3]), какъ попемѣнно эту роль исполняли двѣ величайшія артистки Французской Комедіи: м-ль Дюмениль и м-ль Клеронъ, которыя обѣ играли ее удивительно, хотя очень различно. Въ мартѣ 1743 м-ль Клеронъ дебютировала во Французскомъ театрѣ въ комедіи; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она пожелала появиться въ трагедіи и попросила поручить ей роль Федры. Ей предлагали другія роли, напр. роль Арисіи, и смѣялись ея смѣлости, которой отказывали дать полную свободу. „Гнѣвъ (разсказываетъ она сама[3]) пожиралъ меня, но гордость поддержала. Я отвѣтила съ спокойствіемъ и величіемъ, на какія только была способна: „Господа, или вы желаете меня, или не желаете; я имѣю право выбирать сама. Я буду играть Федру, или не буду играть ничего". Всѣ умолкли; мое предложеніе приняли, и я дебютировала въ Федрѣ". Это было 19 сентября 1743 г. Юная дебютантка была болѣе миловидна, нежели красива, и была мала ростомъ. Никогда, даже и позже, она не имѣла увлекательной силы, высокаго вдохновенія и пламени г-жи Дюмениль, но ея искусство сразу достигло совершенства. Съ перваго представленія успѣхъ, котораго никто не ожидалъ, оправдалъ ея увѣренность. Она позаботилась дать намъ нѣкоторое понятіе о разумномъ

---

1) Спокойствіе души хранить я не умѣю,
Какъ могутъ многія, скрывая свой позоръ,
И смѣло всѣмъ въ глаза бросать безстыжій взоръ (Ш., 3 сц.).

2) Въ комедіи Легуве: Адріенна Лекуврёръ (Adrienne Lecouvreur, comédie-drame en 5 actes, en prose), представленной 14 апр. 1849 г.—Въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ де-Каландрини, м-ль Аиссе разсказываетъ о смерти Андріенны Лекуврёръ съ подробностями, извѣстными ей очевидно отъ д'Аржанталя. Но анекдота о сценѣ съ Федрою нѣтъ въ ея разсказѣ.—3) Приложенія издателей къ Федрѣ, т. IV, стр. 375 и 376.

изученіи главныхъ своихъ ролей. Вотъ какъ она разсказываетъ о роли Федры (стиль ея—не образцовый, но ея замѣчанія, полныя прозорливости, могутъ представить интересъ; они даютъ понятіе о характерѣ ея толкованія ролей): „Расинъ отмѣтилъ отъ одного акта до другого постепенное возрастаніе, которое должна пройти страсть Федры. Слѣдуйте точно за авторомъ по его пути; старайтесь итти въ уровень съ нимъ; остерегайтесь притязанія его превзойти... Я предписала себѣ, во всемъ, что́ касается угрызеній совѣсти, произношеніе простое, тонъ благородный и мягкій, обильныя слезы, выраженіе лица глубоко скорбное, и во всемъ, что́ касается любви,—родъ опьяненія, бреда, которое можетъ испытывать сомнамбула, сохраняющая въ объятіяхъ сна воспоминаніе страсти, которая пожираетъ ее на яву... Въ сценѣ II дѣйствія съ Ипполитомъ я произносила первые стихи голосомъ низкимъ, трепетнымъ и не осмѣливаясь поднять глазъ... Вторая реплика сопровождалась другого рода волненіемъ: слова мои прерывались сердцебіеніемъ, но не страхомъ. Въ третьей—взоръ пламенный и въ то же мгновеніе укрощенный, показывалъ борьбу, которая подымалась въ моей душѣ. Въ четвертой репликѣ эта борьба была еще болѣе замѣтна, но страсть увлекала меня. Въ пятой—она уже властвовала безраздѣльно, и въ пылу увлеченія я сохраняла только обычное благородство и приличіе. Изступленіе во II дѣйствіи причинено порывомъ бунтующихъ чувствъ; въ IV-мъ—отчаяніемъ и ужасомъ. Вложите въ I-й актъ все, что́ взоръ, звукъ голоса, движенія могутъ имѣть обольстительнаго, мягкаго, ласкающаго, и сохраняйте сильные взрывы для остального“ [1]). Г-жа Клеронъ, взыскательный судья своего успѣха, сообщаетъ намъ, что ни одна изъ ея попытокъ произнести ту часть тирады, которая оканчиваетъ сцену объясненія любви Федры къ Ипполиту [2]), не удовлетворила ея. „Я должна сознаться“, говоритъ она, „что влагая въ рѣчь и въ дѣйствіе все, что́ только могла, я оставалась очень далекой отъ автора и моей идеи“ [3]). Ея замѣчанія о роли Федры довольно пространны; мы могли привести лишь наиболѣе важныя. Ею высказано многое и другое, что́ не менѣе свидѣтельствуетъ объ умѣ дѣйствительно критическомъ, благодаря которому она умѣла раскрывать себѣ поэтическія красоты, которыя ей приходилось передавать своею игрою. Если она и не обладала страстностію г-жи Дюмениль, то вполнѣ понятно, какъ съ такимъ вдумчивымъ талантомъ, съ умомъ столь проницательнымъ, она достигла совершенства другого рода, заставлявшаго колебаться знатоковъ въ томъ, которой изъ двухъ артистокъ отдать первенство.

Уступая такимъ артисткамъ, какъ Клеронъ и Дюмениль, м-ль Рокуръ заслужила свою долю славы въ роли Федры; но успѣхи, которыхъ она достигла въ этой роли, были часто оспариваемы, между

---

1) Воспоминанія Ипполита Клерона, стр. 190, 120—122.

2) Сама бы повела тебя я за собою:
Отъ гибели спаслась я вмѣстѣ бы съ тобою—
Иль вмѣстѣ бы съ тобой сгубила я себя!

3) Восп. Ипп. Клерона, стр. 123.

прочимъ однажды съ грубостію, въ высшей степени оскорбительной. Это было въ 1778 г. Ла-Гарпъ въ своей Литературной переепискѣ [1]) разсказываетъ, что публика примѣнила къ этой артисткѣ знаменитый стихъ ея роли, который и ранѣе служилъ для убійственныхъ намековъ, а именно:

А я? Природой всей отверженная тварь!

Но эти грубыя нападенія, которыя порождались ссорами между актрисами или обстоятельствами частной жизни, не имѣютъ ничего общаго съ вопросами искусства. М-ль Рокуръ, которая во все время своего сценическаго поприща настойчиво держалась роли, гдѣ она раскрывала замѣчательныя достоинства своего таланта, заслужила особенно въ этой роли порицаніе, которое было однако довольно суровымъ: ей не доставало для Федры чувствительности; она передавала только ярость, изступленіе страсти. Старинное обыкновеніе избирать Федру для торжественныхъ дней Французской Комедіи сохранился. Когда м-ль Рокуръ 29 нивоза V года (20 января 1797 г.) заняла старинную залу Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, впослѣдствіи залу Одеона, первая піеса, сыгранная тамъ, была Федра, въ которой г-жа Рокуръ явилась въ своей любимой роли. Въ 1800 г. она снова избрала ее для своего вторичнаго вступленія на сцену. Жоффруа, давая отчетъ объ этомъ представленіи [2]), дѣлаетъ артисткѣ упрекъ за то, что у нея нѣтъ вовсе слезъ, и что, повидимому, она во все продолженіе піесы помнитъ лишь одинъ стихъ:

Всецѣло отдана во власть богини страстной (Венеры).

Совсѣмъ иное представляла м-ль Дюшенуа. Она именно обладала дарами, въ которыхъ было отказано м-ль Рокуръ. Дюшенуа дебютировала въ Федрѣ въ 1802 году; въ ней же она прощалась со сценою; а черезъ нѣсколько лѣтъ, помнится намъ, мы видѣли ее еще разъ въ этой трагедіи, на сценѣ, которую она уже давно покинула: но мы уже не могли судить объ ея игрѣ, нѣкогда приводившей въ такой восторгъ, потому что артистка тогда уже была только тѣнью прежней Дюшенуа. Но возвратимся къ ея дебютамъ; они составили событіе на театрѣ. Это было именно тогда, когда публика также сильно занималась картиною: Федра, обвиняющая Ипполита передъ Тезеемъ, которую Пьеръ Геренъ выставилъ въ Луврѣ въ этомъ самомъ 1802 году, вдохновившись трагедіей Расина и, какъ говорили, даже игрою актеровъ театра Республики. Итакъ Федра была въ модѣ вдвойнѣ, и многіе находили удовольствіе хвалить въ прозѣ и въ стихахъ и живописца и новую трагическую актрису. Вотъ отзывы Жоффруа о послѣдней: „Ея органъ мягокъ, звученъ и трогателенъ; она обладаетъ.... выразительностію, чувствительностію, жаромъ... Она трогаетъ средствомъ очень простымъ, хотя рѣдкимъ: она трогается сама; она заставляетъ плакать потому, что плачетъ сама...

[1]) Томъ III, стр. 2. (изд. IX года).—[2]) Cours de littérature dramatique, t. VI, p. 200. Фельетонъ 19 жерминаля VIII г. (11 апр. 1800).

Въ сценѣ объясненія ея лицо, дотолѣ скорбное и угнетенное, мгновенно оживляется; кажется, что оно озаряется лучами желанія и надежды; среди безпокойства и страха сверкаетъ нѣчто въ родѣ радости; поочередно смѣлая и робкая, нѣжная и яростная, наивная и страстная, она представляетъ самый правдивый и трогательный образъ любви несчастной и преступной. Не меньшее дѣйствіе произвела она въ сценѣ ревности... Я былъ охваченъ умиленіемъ, совсѣмъ для меня новымъ... Итакъ мое мнѣніе о Дюшенуа тождественно съ мнѣніемъ Людовика XV о ле-Кэнѣ: она заставила меня плакать, меня, который не плачетъ никогда [1]). Такой успѣхъ, заслуженный съ самаго начала, только возрасталъ по мѣрѣ того, какъ м-ль Дюшенуа овладѣвала своей ролью. Конечно, это не значитъ, чтобы она не имѣла хулителей или, по крайней мѣрѣ, строгихъ судей. Эти, признавая, что она трогательна, упрекали ее въ недостаткѣ энергіи; говорили, что она играетъ Федру такъ, какъ играла бы Аріадну; они склонялись къ предпочтенію ей м-ль Жоржъ, которая соперничала съ нею въ этой роли въ 1803 году. Съ другой стороны ея поклонники примѣняли къ ней слѣдующій стихъ изъ трагедіи, въ которой она такъ отличалась:

Давно уже она соперницъ не боится [2]).

Многіе изъ тѣхъ, кто ее видѣлъ въ ту пору, когда она возбуждала этотъ энтузіазмъ, могли еще, вспоминая прошлое, правда начинавшее уже изглаживаться изъ памяти, сравнивать ее съ м-ль Рашель. Мы не имѣемъ права на это сравненіе, къ которому не присоединимъ впечатлѣнія личнаго. Мы склонны думать, что оно—дѣло праздное, потому что пониманіе роли обѣими артистками повидимому было совершеннно различное. Сверхъ того, въ трагическомъ искусствѣ, отъ котораго остается лишь неопредѣленное воспоминаніе, неспособное закрѣпиться памятью, благоразумнѣе всего отказаться отъ параллели между двумя талантами, раздѣленными пространствомъ времени на цѣлое поколѣніе. Каждая эпоха имѣетъ свой вкусъ, которому слѣдующая эпоха—не судья, если предметъ сужденія ему знакомъ лишь изъ неопредѣленныхъ преданій; тщетно обсуждали бы, быть можетъ, и мы теперь декламацію м-ль Дюшенуа и ла-Шаммеле. Оставимъ впечатлѣніямъ нашихъ предшественниковъ надлежащее мѣсто въ исторіи французской сцены, и въ свою очередь разскажемъ собственныя впечатлѣнія, которыя мы получили, видя блескъ новой Федры. Въ первой сценѣ, гдѣ появлялась г-жа Рашель, невозможно себѣ представить правды, болѣе ужасающей и болѣе прекрасной, какъ эта умирающая женщина, пожираемая пламенемъ страсти. Все изступленіе чувства и сердца находило выраженіе удивительное въ сценѣ объясненія; сцена же ревности была передаваема, быть можетъ, съ наибольшимъ совершенствомъ. Въ осо-

---

1) Cours de litt. dram. Томъ VI, стр. 265—268. Фельетонъ 17 мессидора X года (7 іюля 1802).—2) Дѣйствіе I, сц. 1.

бенности нельзя позабыть, съ какой энергіей и скорбнымъ волненіемъ въ стихѣ:

> О пощади меня! Твою семью съ избыткомъ
> Богъ мститель покаралъ...[1])

произносила она слово: пощади. Болѣе всего поразило насъ во всей піесѣ то, что обѣ стороны роли были выражены артисткою равно рельефно. Порывы любви, которой пламя возжигала въ ней сама Венера, и трогательныя религіозныя угрызенія выражались ею съ равною силою. Разсказывали, что въ началѣ любили въ особенности находить въ исполненіи г-жи Рашель Федру-христіанку; но что позднѣе, когда заграничныя поѣздки пріучили ее влагать въ игру болѣе силы и нѣкотораго преувеличенія, въ свою очередь выступила въ ея игрѣ Федра язычница. Не знаемъ этого, но несомнѣнно, что въ ея игрѣ была пора совершенства, когда обѣ стороны явились именно такими, каковы онѣ въ произведеніи поэта. Еще одна замѣчательная черта таланта Рашели проявилась въ этой прекрасной роли: она умѣла въ ней достигнуть полнаго впечатлѣнія реальности самой правдивой, и въ то же время оттого нисколько не утрачивался поэтическій цвѣтъ, и она нисколько ни понижала героическаго и миѳологическаго величія. Манера игры была широкая, и въ то же время каждая мысль, каждое слово, каждая мелкая черта выступали ярко. Можетъ быть, она одновременно достигла высокаго вдохновенія г-жи Дюмениль и глубокаго изученія г-жи Клеронъ. Рашель играла роль Федры въ первый разъ въ субботу 21 января 1843 года; ей при этомъ приходилось бороться съ воспоминаніями, оставленными г-жой Дюшенуа, и съ успѣхами ея современницы м-ль Максимъ, артистки полной огня, имя которой справедливость требуетъ упомянуть здѣсь. Разсказываютъ, что въ этотъ вечеръ Рашель потеряла всякую вѣру въ себя; ея игра показалась слишкомъ изученной, слишкомъ разсчитанной; этому искусству, которое не было достаточно скрыто, могли быть предпочтены слезы Дюшенуа. Но что до того? Если въ это первое представленіе артистка далеко не достигла того идеала, къ которому она еще только стремилась, но который предносился ей, все же мы думаемъ, что она достигла его въ теченіе своего артистическаго поприща.

Воспоминанія, оставленныя этой удивительной Федрой, сдѣлали эту роль очень трудной для исполненія послѣ нея. Но эта роль настолько безсмертна, что ни одна изъ ея истолковательницъ не можетъ унести ее съ собою въ могилу. Г-жа Сара Бернаръ, выступившая въ ней въ 1875 г., въ свою очередь проявила въ ней прелесть таланта очень патетическаго.

---

[1]) Pardonne. Dieu cruel a perdu ta famille (Д. IV., сц. 6).

«ФЕДРА» РАСИНА

(изъ VII-й бесѣды въ Одеонѣ 1891 года),

ФЕРДИНАНДА БРЮНЕТЬЕРА.

Если признать, что изъ чисто ораторской, какою была трагедія до Расина, она стала подъ его перомъ поэтическою, то для уясненія этого нельзя найти примѣра лучше Федры. Бросимъ бѣглый взглядъ на то, чтó можно было бы назвать внѣшними и какъ бы физическими свойствами его стиля: изящество и благородство оборотовъ, новыя и смѣлыя слова, которыя обращаютъ стиль Расина въ „непрерывное созиданіе" и которыхъ смѣлость однакоже не замѣчается, или открывается только тогда, когда въ нихъ вдумаешься:

Ciel! comme il m'écoutoit! Par combien de détours
L'insensible a longtemps éludé mes discours!
Comme, il ne respiroit qu' une retraite prompte!..[1])

или еще:

Phèdre en vain s' honoroit des soupirs de Théseé:
Pour moi, je suis plus fière, et fuis la gloire aisée
D'arracher un hommage à mille autres offert,
Et d'entrer dans un coeur de toutes parts ouvert[2]).

Не буду останавливаться также на гармоніи стиховъ Расина, самыхъ пѣвучихъ, какіе только, вѣроятно, возможны на нашемъ языкѣ и о которыхъ недостаточно сказать, что они ласкаютъ слухъ

---

1) Какъ слушалъ онъ меня! Какъ ловко избѣжать
Умѣлъ рѣчей моихъ! Безчувственный, скорѣе
Лишь жаждалъ прочь уйти!.. (Д. III, сц. I).

2) Хвалилась Федра тѣмъ, что ей плѣненъ Тезей:
Во сколько жъ разъ могу гордиться я сильнѣй?
Великая ли честь добиться поклоненья
Того, кто такъ готовъ всегда на увлеченье,
Чье сердце тысячамъ другихъ отворено,
И овладѣть душой, доступной всѣмъ равно? (Д. II, сц. I).

См. Etude sur le style de Racine Поля Менара (Соч. Рас., т. VIII). Это тотъ родъ красотъ, которыя осмѣивались лѣтъ 80, 40 тому назадъ въ угоду В. Гюго. Но къ счастію, съ тѣхъ поръ мы стали болѣе разсудительны, и я не считаю нужнымъ доказывать здѣсь, что эта смѣлость языка, которая служитъ всегда принципомъ возрожденія и обновленія языковъ, составляетъ въ то же время начало или исходную точку языка поэтическаго.

своею музыкою; слѣдуетъ сказать, что музыка ихъ есть само наслажденіе:

Ariane, ma soeur, de quel amour blessée,
Vous mourûtes aux bords où vous fûtes laissée [1])!

Да. Вмѣстѣ съ душою здѣсь удовлетворяются и чувства; или вѣрнѣе: наша душа и чувства, сердце и тѣло наше — мы всецѣло потрясаемся созвучіемъ съ чувствами поэта и его героини.

Я буду говорить о качествахъ болѣе внутреннихъ и болѣе сокровенныхъ: сначала о чистотѣ, необыкновенной точности языка, благодаря которымъ этотъ стиль, какъ бы ненамѣренно, рисуетъ передъ нами дѣйствующее лицо, даже его позу и малѣйшіе его жесты. Вспомните прекрасные стихи Сида, въ которыхъ столько правды и которые такъ много говорятъ человѣческому сердцу:

Chimène.

Rodrigue, qui l'eût cru...

Rodrigue.

Chimène, qui l'eût dit...

Chimène.

Que notre heur fût si proche, et si tôt se perdit?

Rodrigue.

Et que si près du port, contre toute apparence,
Un orage si prompt brisât notre espérance! [2])

Эти стихи прекрасны; они гармоничны, и конечно, ничто не можетъ быть трогательнѣе и въ то же время печальнѣе этого меланхолическаго возвращенія къ прошлому... Но во время этого обмѣна горькихъ сѣтованій, какое опредѣленное положеніе принимали Родриго и Химена? какіе жесты дѣлали они? какую группу или картину представляли?—этого мы не знаемъ: поэтъ предоставляетъ намъ самимъ угадывать это; это не указано, не заключено въ его стихахъ, не облечено ими. Посмотрите, напротивъ, появленіе Федры:

---

1) Любовью ты, сестра, уязвлена была
И одинокою на брегѣ умерла (Д. I, сц. 3).

2) Химена.

Родриго! кто повѣрилъ бы...

Донъ-Родриго.

Химена!

Кто бъ могъ сказать...

Химена.

Что счастья намъ не вѣдать!

Донъ-Родриго.

И что, почти у пристани желанной,
Настигнуть насъ и буря, и крушенье!
(Д. III, сц. 4. Перев. В. С. Лихачева).

N'allons point plus avant.
(Она останавливается).
Demeurons, chère Oenone;[1])
(Она слегка сжимаетъ руку Эноны, останавливая ее).
Je ne me soutiens plus: ma force m'abandonne;[2])
(Она падаетъ на руки къ Энонѣ).
Mes yeux sont éblouis du jour que je revoi;[3])
(Она проводитъ рукою по глазамъ).
Et mes genoux tremblants se dérobent sous moi.[4])
(Она опускается на ложе).
....
Que ces vains ornements, que ces voiles me pèsent![5])
(Дѣлаетъ жестъ, отталкивая уборы).
Quelle importune main, en formant tous ces noeuds,
A pris soin sur mon front d'assembler mes cheveux?[6])
(Она касается волосъ, какъ бы усиливаясь от-
кинуть ихъ со лба своего).
Tout m' afflige, et me nuit, et conspire à me nuire[7]).
(Ея руки вновь опускаются).

Вы видите, М. Г. и М. Г-ни, что здѣсь цѣлый рядъ послѣдовательно смѣняющихся положеній, „позъ“ или живыхъ картинъ. Жестъ какъ бы внесенъ въ самый выборъ словъ; пластика роли, если можно такъ выразиться, въ самомъ дѣлѣ, вложена въ стихи; а это воспроизведеніе формы, это представленіе образа помощію звуковъ — есть уже поэзія.

Не желаете ли теперь увидѣть краски — удовлетвореніе зрѣнія послѣ удовлетворенія слуха, живопись наряду съ скульптурою? Для этого стóитъ только сопоставить слѣдующія двѣ картины:

Je lui bâtis un temple, et pris soin de l'orner;
De victimes moi-même à toute heure entourée,
Je cherchois dans leurs flancs ma raison égarée.
. . . .
En vain sur les autels ma main brûloit l'encens...[8])

и эту сцену, тревожную и печальную:

Aux portes de Trézène, et parmi ces tombeaux,
Des princes de ma race antiques sépultures,
Est un temple sacré formidable au parjures...[9])

---

1) Энона милая, постой здѣсь...—2) Я слабѣю,
3) И дальше двинуться ужъ силы не имѣю.
4) Глаза мнѣ рѣжетъ свѣтъ... 5) И гнутся и дрожатъ
Колѣна слабыя. .
.. ..
5) Гнететъ меня уборъ и это покрывало...
6) Кто та несносная, кому на мысли вспало
Всѣ волосы мои на лбу связать узломъ!
7) Терзаетъ здѣсь меня и мучитъ все кругомъ! (Д. I, сц. 3).
8) Я храмъ воздвигла ей; украсила его
И, жертвы принося, разсудка своего,
Утраченнаго мной, въ утробахъ ихъ искала:
Мученіямъ любви ничто не помогало.
Напрасно ѳиміамъ я жгла на алтаряхъ... (Д. I, сц. 3).
9) Гдѣ близь Трезенскихъ вратъ гробницы осѣняютъ
Останки родичей моихъ—издревле тамъ
Богамъ воздвигнутый стоитъ священный храмъ:
Клятвопреступникамъ бѣдой онъ угрожаетъ... (Д. V, сц. I).

Первая сцена еще согрѣта дымомъ ѳиміамовъ и испареній кровавыхъ жертвъ; другая—холодная и какъ бы мертвая. Не рисуются ли передъ вами эти сцены? Не видѣвъ никогда ихъ, не представляемъ ли мы ихъ себѣ какъ что-то давно знакомое? Не врѣзываются ли онѣ неизгладимо въ памяти нашего зрѣнія?

Но вотъ нѣчто, еще болѣе важное: то обаятельное искусство (не нахожу другого слова), съ которымъ Расинъ создаетъ для каждой изъ своихъ трагедій особенную атмосферу и какъ бы распространяетъ вокругъ своихъ дѣйствующихъ лицъ духъ ихъ времени и ихъ страны. Такъ въ Федрѣ, лишь только Ипполитъ произноситъ знаменитые стихи:

. . . . Tout a changé de face,
Depuis que sur ces bords les Dieux ont envoyé
La fille de Minos et de Pasiphaé...[1]).

мы уже охвачены неопредѣленнымъ чувствомъ ужаса, который словно распростерся вокругъ насъ. Мы чувствуемъ, что слѣпцами вступаемъ въ царство Рока. И чтобы усилить иллюзію, выступаютъ одно за другимъ, силою какого-то произвольнаго зарожденія, всѣ миѳологическія воспоминанія; они окружаютъ насъ, овладѣваютъ нами и простираютъ надъ нашимъ воображеніемъ, сохраняющимъ арійскую свою природу, чары своей былой власти:

J'ai demandé Thésée aux peuples de ces bords,
Où l'on voit l'Achéron se perdre chez les morts [2]).
. . . .
Noble et brillant auteur d'une triste famille,
Toi, dont ma mère osoit se vanter d'être fille...
Soleil, je te viens voir pour la dernière fois! [3]).
. . . .
Et les os dispercés du géant d'Epidaure,
Et la Crète fumant du sang du Minotaure [4]).
. . . .
O haine de Vénus! O fatale colère!
Dans quels égarements l'amour jeta ma mère [5])!

Чтó сказать вамъ о тѣхъ просвѣтахъ, которые открываются нашимъ взорамъ, такъ сказать за предѣлами драмы, на далекіе горизонты аттическаго пейзажа или греческой жизни:

---

[1]) Все измѣнило видъ. Умчалось счастье прочь
Съ тѣхъ поръ, какъ прибыла сюда Миноса дочь. (Д. I, сц. 1).

[2]) Тезея я искалъ у дальнихъ береговъ,
Гдѣ льется Ахеронъ къ предѣламъ мертвецовъ. (Д. I, сц. 1).

[3]) О солнце свѣтлое, виновникъ скорбныхъ дней
Несчастнѣйшей семьи и матери моей,
Кого имѣть отцомъ за честь она считала!....
О солнце, вижу я тебя въ послѣдній разъ! (Д. I, сц. 3).

[4]) Критъ жаркой обагрилъ онъ кровью Минотавра
И кости разметалъ гиганта Эпидавра.... (Д. I, сц. 1).

[5]) Венера гнѣвная!.. Ты властію своей
Повергла мать мою въ водоворотъ страстей! (Д. I, сц. 3).

Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière! 1)

или:

Dans le fond des forêts votre image me suit 2).

. . . .

Mon arc, mes javelots, mon char, tout m'importune....
Mes seuls gémissements font retentir les bois,
Et mes coursiers oisifs ont oublié ma voix 3).

Но если бы я далъ себѣ волю, то мнѣ пришлось бы прочесть вамъ всю трагедію до ея представленія; и можетъ быть, мною уже сказано достаточно, чтобы показать вамъ, что должно разумѣть подъ „преобразованіемъ дѣйствительности", когда говорятъ о поэтическомъ характерѣ трагедіи Расина. Поэтична она конечно не въ томъ смыслѣ, какъ элегія Ламартина... У Расина слова вызываютъ не только мысли или чувства, но ощущенія и образы; они воскрешаютъ формы, краски, пейзажи, цѣлые міры: въ Баязетѣ—міръ сераля, въ Федрѣ—всю миѳологію, и весь Израиль—въ Гоѳоліи.

Такимъ образомъ Расинъ сдѣлалъ трагедію не только поэтической, но сверхъ того и психологической. Въ драматическомъ произведеніи или въ романѣ мы называемъ психологіей анатомію сердца, знаніе его движеній, знаніе чувствъ и первоначальныхъ, первичныхъ ощущеній, частію безсознательныхъ, которыхъ внѣшнимъ проявленіемъ бываютъ наши поступки. Это, сверхъ того, откровеніе, уясняющее намъ самимъ анализомъ болѣе тонкимъ и болѣе острымъ, нежели нашъ собственный, неизвѣстныя основанія нашихъ поступковъ. Наконецъ, М. Г., это есть искусство, помощію котораго извлекаютъ все это изъ глубины безсознательнаго, чтобы намъ показать всю нашу нищету, нашу слабость и всю нашу испорченность. Я не думаю, чтобы психологія Расина гдѣ-нибудь достигла такой глубины, какъ въ Федрѣ, и освѣтила бы свѣтомъ болѣе зловѣщимъ, но зато сверкающимъ какъ молнія, патологію любви въ душѣ значительно высокой—и я долженъ привести вамъ по крайней мѣрѣ одинъ примѣръ для подтвержденія этого.

Итакъ если бы я сказалъ, что въ душѣ такого рода ревность выражается сначала взрывомъ гордости, въ которомъ вся сила ироніи соединяется съ силою гнѣва; что это столкновеніе чувствъ тот-

5) Зачѣмъ я не въ лѣсу, подъ тѣнію вѣтвей?
О, если бы теперь, за облаками пыли
Вновь колесницы бѣгъ глаза мои слѣдили! (Д. I, сц. 3).
6) ... И въ глубинѣ лѣсной
Преслѣдуетъ меня прекрасный образъ твой. (Д. II, сц. 3).
... И лука и копья
И колесницы видъ наводитъ только скуку...
. . . .
Лишь вопли слышатся мои въ глуши лѣсной,
И кони праздные забыли голосъ мой (Ibid).

Замѣтьте, какъ этотъ (552-й) стихъ остроумно подготовляетъ къ разсказу Терамена. Чтобы дать себѣ отчетъ въ средствахъ, которыми поэтъ умѣетъ обрисовать всю обстановку, въ которой происходитъ дѣйствіе, ср. Британника, Баязета и Гоѳолію. Не отрицаю, что пòрою это не свободно отъ искусственности, о чемъ будетъ сказано ниже.

часъ же производитъ страданіе, обостряемое воспоминаніемъ и усиливаемое сравненіемъ съ прежними страданіями; что тогда испытываютъ удивленіе, вспоминая прошлое, и почти негодуютъ на себя за то, что были такъ слѣпы, потому что вѣдь видались же они, вели бесѣды, эти влюбленные, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ оказался нашимъ предателемъ; что при этомъ предположеніи видѣніе становится опредѣленнѣе; что прежде, нежели всецѣло предаться ярости, которая возбуждается этимъ предположеніемъ, стараются сдержать себя, задумываются о томъ, какое право имѣли эти влюбленные причинить намъ такія страданія, и о томъ, какое сами мы имѣемъ право ставить имъ въ вину то, какъ воспользовались они своей свободою; что ихъ почти извиняютъ и обвиняютъ самихъ себя, но что вдругъ, при мысли или скорѣе при картинѣ ихъ возможнаго близкаго счастія, отказываются отъ борьбы съ собою, что „перестаютъ быть справедливыми", и что въ глубинѣ этой-то галлюцинаціи и зарождаются преступныя рѣшенія—если бы я сказалъ все это, М. Г., развѣ я не *вступилъ бы въ область психологіи, психологіи самой* точной и даже нѣсколько педантической? А между тѣмъ я вѣдь только переложилъ бы въ дурную прозу восхитительные стихи Федры:

...Hippolyte aime, et je n'en puis douter.
Ce farouche ennemi qu'on ne pouvoit dompter,
. . . .
Soumis, apprivoisé, reconnoît un vainqueur,
Aricie a trouvé le chemin de son coeur.
....Ah! douleur non encore éprouvée!
A quel nouveau tourment je me suis réservée... 1).

Нужно ли послѣ этого распространяться о силѣ и вѣрности изображенія страсти въ Федрѣ; еще разъ говорить вамъ, въ чемъ заключается особенность ея красотъ, и вѣчная правда, соединеніе ужаса и состраданія, которые возбуждаетъ она въ зрителѣ, а также страха и любопытства? Конечно, не нужно, — и я ограничиваюсь лишь попутнымъ указаніемъ на это. Но самое это указаніе влечетъ за собою два другія: одно—на то, какъ современники Расина оцѣнили его геній, а другое—на его удаленіе съ драматическаго поприща и его обращеніе къ янсенизму.

Одинъ изъ нашихъ старыхъ учителей любилъ повторять—и кажется, написалъ гдѣ-то — что его не столько изумляла въ XVII вѣкѣ неровная, но высокая красота трагедій Корнеля и выдержанное совершенство трагедій Расина, сколько то, что нашлись зрители,

---

1) Да! Любитъ Ипполитъ—и несомнѣнно то!
Врагъ лютый этотъ мой, ничѣмъ неукротимый...
.........ручнымъ вдругъ сталъ, смирился
И, власть врага признавъ, предъ нею преклонился:
Арисія пути къ душѣ его нашла!
. . . .
......*Мученья всѣ, что я перенесла...*
. . . .
Лишь тѣнь ничтожная той муки, что зажглась
Теперь въ душѣ моей... (Д. IV, сц. 6).

которые могли наслаждаться и восторгаться ими. Но дѣло въ томъ, что Расинъ не достаточно вглядѣлся въ этихъ цѣнителей.... Наконецъ, надо сказать, что собственно Расинъ не пожалъ почти ни одного успѣха, который не былъ бы къ его огорченію у него оспоренъ, и что знаменитое преслѣдованіе Сида — ничто въ сравненіи съ интригой противъ Федры. Вамъ извѣстна эта исторія: Герцогиня Булльонская, явная покровительница Прадона, оплативъ всѣ мѣста въ театральной залѣ Отеля де-Бургонь на шесть представленій, оставила ее пустою, трагедія Расина была сыграна передъ пустыми скамьями, а трагедія Прадона, въ которой, изъ уваженія къ приличіямъ, Федра—только невѣста Тезея, была превознесена до небесъ всѣмъ высшимъ обществомъ... Но донынѣ не достаточно выяснена причина этой интриги, основаніе недовольства или раздраженія всѣхъ этихъ знатныхъ господъ и красавицъ противъ поэта, который тѣмъ не менѣе всѣми признается за живописца всякаго изящества этого свѣтскаго круга... Ибо, что́ до меня, то я всегда думалъ, что въ этомъ преслѣдованіи скрывалось нѣчто болѣе глубокое, менѣе мимолетное, чѣмъ капризъ герцогини, возставшей на поэта; не позволите ли вы мнѣ, М. Г. и М. Г-ни, по этому случаю привести вамъ выдержку изъ сказаннаго мною въ другомъ мѣстѣ:

Далекій отъ того, чтобы быть живописцемъ придворныхъ нравовъ или подражателемъ свѣтскихъ приличій, какимъ намъ упорно изображаютъ его..., Расинъ зашелъ въ изображеніи того, что́ есть въ страстяхъ самаго трагическаго и кроваваго, такъ далеко, что не только озадачилъ, но, можно сказать, возмутилъ аристократическую изнѣженность своего вѣка. Эти „блестящіе господа Штейнкирхена, сражавшіеся въ расшитыхъ кафтанахъ, храбрые до сумасшествія, кроткіе, какъ молодыя дѣвушки, красивыя куклы королевской гвардіи, салона и двора“, эти знатныя дамы, болѣе кокетливыя, нежели нѣжныя, менѣе способныя любить, нежели вести любовныя интриги—служившія украшеніемъ и пышнымъ декорумомъ Версаля и Марли, и всѣ эти поэты или люди литературнаго круга, съ дѣтства воспитанные на языкѣ будуаровъ,—эти остатки отелей Рамбулье и герцога Неверскаго,—приходили въ удивленіе и негодованіе, когда вдругъ въ Андромахѣ или Баязетѣ видѣли изображеніе страсти, порывающей оковы съ такою силою любви, доходящей до преступленія, и наконецъ всей этой крови, выступающей посреди цвѣтовъ. Нѣтъ, не такъ понимали они любовь! не такъ любили они своихъ возлюбленныхъ, и—слава богамъ—не такъ были они любимы ими! Но—какъ очень хорошо было сказано гдѣ-то—„они искали, находили и любили въ нихъ тонкія выраженія оскорбленной скромности, мелкія черты скромной гордости, тайныя признанія, намеки и увертки, осторожность, всевозможные оттѣнки кокетства“. И этого всего они не встрѣчали въ трагедіяхъ Расина: въ этихъ трагедіяхъ за „тонкое выраженіе оскорбленной скромности“ Герміоны Пирръ заплатилъ жизнію, а Орестъ—разсудкомъ; „намеки“ и „о количности“ Роксаны привели въ концѣ концовъ къ смертному приговору надъ Баязетомъ и его Аталидой,—„кокетство“ Федры къ

казни Ипполита и вѣчнымъ терзаніямъ совѣсти Тезея. Слишкомъ тяжело было все это для нервовъ принцессъ Версаля и для дворянъ королевской гвардіи. Имъ казалось, что поэтъ, если можно такъ выразиться, раздуваетъ трагедію любви. И въ этихъ взрывахъ страсти, которые оканчивались смертію и убійствами, ни тѣ, ни другія не находили того умѣреннаго чувства, которое они называли любовью и которое было лишь волокитствомъ [1]).

Нужно ли прибавлять, что самъ Расинъ, М. Г. и М. Г-ни, потратилъ не менѣе десяти лѣтъ на то, чтобы увидѣть и понять это? Геній не былъ бы геніемъ, если бы не заключалъ въ себѣ извѣстной доли безсознательнаго. Увлеченный естественнымъ стремленіемъ своего вдохновенія, Расинъ въ теченіе десяти лѣтъ не сознавалъ самъ всего значенія своего искусства, и прежде всего—всей его силы и правды; онъ считалъ себя менѣе глубокимъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, и потому „менѣе виновнымъ". Это ясно изъ того, что какъ только Расину это стало очевиднымъ, онъ, отдавшись всецѣло вѣрованіямъ своего дѣтства, какъ извѣстно, на 39-мъ году жизни, въ возрастѣ полнаго расцвѣта и зрѣлости таланта, устранился отъ всякой борьбы, удалился отъ театра, и почти отъ свѣта.

Вполнѣ понятно, что послѣ стольких огорченій, послѣ интриги противъ *Федры*, Расинъ почувствовалъ усталость, утомленіе, и люди опротивѣли ему. Вполнѣ понятно, если хотите, и то, что Расинъ считалъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ королевскаго исторіографа подвергать себя свисткамъ партера... Но это все причины мелкія... Истинная, дѣйствительная, всесильная причина заключается въ томъ, что неуспѣхъ *Федры* пробудилъ дремавшія въ его сердцѣ чувства христіанина. Онъ ушелъ внутрь себя, и ужаснулся себя самого. Онъ ужаснулся при мысли о своей молодости, въ особенности передъ своими произведеніями и, будучи строже друга своего Буало, строже самого Арно, онъ осудилъ ихъ безвозвратно. Но содрогнулся онъ и за другихъ, когда огласка одного ужаснаго дѣла ясно показала его разстроенному воображенію весь размѣръ, всю глубину, весь ужасъ зла, котораго, какъ казалось ему, онъ былъ виновникомъ или, по крайней мѣрѣ, соучастникомъ.

Помнители ли вы, М. Г., эту темную исторію? Въ 1676 году на Гревской площади казнили маркизу де-Бренвиллье, составившую себѣ печальную извѣстность, довольно знатную даму, дочь гражданскаго судьи Дрё, г-жу д'Обре, уличенную въ отравленіи отца, двухъ братьевъ и сестры. Вамъ извѣстно это „знаменитое уголовное дѣло", и вы можете найти въ *Письмахъ г-жи Севинье* еще живое впечатлѣніе отъ этого процесса. Всюду видѣли только отравителей. Въ 1677 году, въ исповѣдальнѣ іезуитской церкви улицы Сентъ-Антуанъ, была найдена записка безъ подписи, въ которой заявлялось о намѣреніи отравить короля и дофина: ужасъ удвоился, удвоились и розыски. Наконецъ въ 1678 г.—обратимъ особенное вниманіе на

---

1) Слова, отмѣченныя Брюнетьера кавычками, принадлежатъ Тэну въ его *Nouveaux essais de critique et d'histoire*.

всѣ эти даты — исповѣдникъ церкви Notre-Dame заявилъ г-ну де-ла-Рени, лейтенанту полиціи, что онъ былъ испуганъ количествомъ женщинъ, приходившихъ каяться на духу въ отравленіи мужей; опасность росла, опасность увеличивалась, нужно было дѣйствовать... былъ учрежденъ особый судъ: Chambre ardante и Chambre des poisons. По числу обвиненныхъ—изъ которыхъ нѣкоторые носили самыя громкія имена Франціи, какъ напр.: маршалъ Люксембургскій, герцогиня Бульонская,—по роду преступленій, особенно же по способу разоблаченія этихъ преступленій, значеніе которыхъ увеличивалось общественными толками—это достопамятное дѣло было однимъ изъ такихъ, которыя бросаютъ самый мрачный свѣтъ на лучшую пору царствованія Людовика XIV-го и налагаютъ самое ужасное пятно на наиболѣе блестящій періодъ нашей исторіи.

Представьте же себѣ, М. Г. и М. Г-ни, волненіе Расина, когда разразился этотъ процессъ 1). Какъ! такія преступленія совершались на самомъ дѣлѣ! Эти преступленія, которыя представлялись его взорамъ, такъ сказать, лишь въ ореолѣ исторіи, на далекомъ разстояніи по мѣсту и времени, дѣйствительно совершались! Въ Парижѣ, на глазахъ всего Парижа, въ Парижѣ Людовика XIV, на улицѣ Верделе или Мишель-ле-Контъ, Орестъ умерщвлялъ Пирра, Роксана продавалась какой-то „колдуньѣ“, чтобы обезпечить себѣ любовь Баязета или смерть Аталиды; „знаменитая Локуста“ не была вымысломъ Тацита, и каждый день какая-нибудь Федра отравляла какого-нибудь Ипполита! А онъ, Расинъ, въ продолженіе десяти лѣтъ трудился надъ тѣмъ, чтобы облекать и украшать чарами своихъ стиховъ всѣ эти мерзости: убійства и развратъ! прелюбодѣяніе и кровосмѣшеніе! Изступленіе чувства, безуміе человѣкоубійства—вотъ чему старался онъ въ продолженіе десяти лѣтъ вызывать рукоплесканія! Иногда

---

1) Я не хотѣлъ говорить этого съ подмостокъ театра по очень понятнымъ причинамъ, но здѣсь прибавлю, что самъ Расинъ чуть было не былъ привлеченъ къ этому дѣлу. Въ одномъ допросѣ ла-Вуазена 21 ноября 1679 года онъ былъ обвиненъ въ *отравленіи* дю-Паркъ (Равессонъ, А р х и в ъ Б а с т и л і и, т. VI, стр. 51). Г. Равессонъ по этому поводу дѣлаетъ пространное примѣчаніе, чтобы доказать правдоподобіе этого обвиненія. Это свидѣтельствуетъ, что г. Рависсонъ не вчитался въ документъ, имъ самимъ напечатанный, изъ котораго явствуетъ, что это обвиненіе было лишь возмутительнымъ мщеніемъ Расину одной женщины за то, что онъ, повидимому, потребовалъ отъ м-ль дю-Паркъ, съ которою былъ въ связи, порвать отношенія съ этой женщиной. Но что еще болѣе важно и можетъ возбудить недоумѣніе, это—письмо Лювуа къ г. Безону отъ 11 января 1680 г., оканчивающееся слѣдующими словами: „При семъ прилагается королевскій указъ, нужный для того, чтобы арестовать г-жу Ларше; у к а з ъ ж е о б ъ а р е с т ѣ Р а с и н а в а м ъ б у д е т ъ п р и с л а н ъ, к а к ъ т о л ь к о в ы т о г о п о т р е б у е т е“. Если здѣсь упоминается нашъ Расинъ, то конечно мы не сочтемъ его поэтому болѣе виновнымъ, несмотря на инсинуаціи г. Равессона, который прибавляетъ еще другое примѣчаніе: „но ла-Вуазенъ не возбудилъ обвиненія, приказъ объ арестѣ заготовленъ не былъ“. Хотя все это осталось безъ всякихъ послѣдствій, но Расинъ все же узналъ о томъ кое-что. Онъ ужаснулся тѣмъ болѣе, что если король или Лювуа говорили съ нимъ объ этомъ, то лишь обинякамя. Удивительно ли, что съ этого дня онъ отказался навсегда отъ актрисъ, отъ театра и, какъ сказано выше, почти отъ свѣта? Дважды такъ не рискуютъ; проживши сто лѣтъ, не забываютъ такихъ случаевъ (*Брюн.*).

новая Герміона или новый Неронъ выходили изъ Отеля де-Бургонь съ рѣшеніемъ совершить преступленіе, котораго прославленіе только что видѣли на сценѣ, и—о ужасъ!—онъ это называлъ своей славою! О позоръ! о горе! о терзаніе [1])! И съ той минуты, какъ такой вопросъ возставалъ передъ совѣстью такого человѣка, неужели же хотите вы, М. Г. и М. Г-ни, чтобы онъ отвѣтилъ на него иначе, какъ разлукою съ театромъ? Самая правда его искусства обращалась противъ него. То, чтó дѣлало его изображенія преступными—была печать ихъ реализма. Вотъ почему въ первомъ порывѣ своего рвенія онъ легко бы могъ стать монахомъ, и только благодаря здравому смыслу и мудрости его духовника онъ окончательно уединился, вступивъ въ „христіанскій бракъ".

---

1) Бракосочетаніе Расина состоялось 1 іюня 1677 г.—и можетъ показаться, что я нѣсколько смѣшиваю факты. Я съ намѣреніемъ разсказалъ о грозившей Расину опасности быть впутаннымъ въ уголовное дѣло, чтó обнаружилось черезъ два года послѣ его брака. Дѣло идетъ о томъ, чтобы объяснить, по какой причинѣ Расинъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи удалиться. Интрига противъ Федры и другія причины, которыми это обыкновенно объясняютъ, могли бы годиться для объясненія развѣ только вспышки, подобной Корнелевой послѣ неуспѣха его Пертарита: нужны были болѣе важныя причины, чтобы объяснить почти двадцатипятилѣтнее молчаніе Расина (1677—1699)—и я попытался указать ихъ *(Брюн.)*.

РАШЕЛЬ ВЪ «ФЕДРѢ»,

СТАТЬЯ

Дж. Льюиса [1]).

Тѣ, которые никогда не видѣли Эдмунда Кина, могутъ составить себѣ о немъ очень вѣрное понятіе, если только они видѣли Рашель. Въ средѣ актрисъ она была тѣмъ же, чѣмъ онъ среди актеровъ. Если онъ былъ львомъ, то она была тигрицей. Область ея игры была, какъ и у Кина, очень ограничена — но зато въ этихъ границахъ она была превосходна. Гнѣвъ, торжество, ярость, сладострастіе и безпощадное злорадство она умѣла олицетворять съ силою, противъ которой нельзя было бороться...

Пока она была молода, не было ничего совершеннѣе ея дикціи — она была мелодична и искусно сообразовалась съ теченіемъ мысли. Ея звучный, гибкій, чарующій и полный достоинства голосъ чистотою соперничалъ съ музыкальнымъ инструментомъ. Ея изящное, нервное существо все трепетало отъ волненія. Ея лицо, которое было бы обыкновенно, не будь оно воодушевлено геніемъ, было способно къ высшей мимикѣ. Движенія ея были такъ плавны и граціозны, что только видѣть ее было бы рѣдкимъ наслажденіемъ. Ея игра показала, что идеальныя трагедіи Расина — которыя невѣжественные Англичане называютъ „холодными", исполнены страстности и драматическихъ эффектовъ....

Лучшая изъ ея ролей была роль Федры. Я не видѣлъ ничего совершеннѣе этого образа души, терзаемой борьбою между сжигающею ее страстью и сознаніемъ долга. Невозможно забыть невыразимой горечи въ ея взглядѣ и голосѣ, когда она сознала преступность своихъ желаній, и въ то же время чувствовала, что они такъ овладѣли ею, что для нея нѣтъ спасенія, нѣтъ исхода! А фигура ея, когда она входила? Вы чувствовали, что она сгарала внутреннимъ огнемъ, что она стояла на краю могилы, блѣдная, съ воспаленными глазами, немощная — ужасное воплощенное привидѣніе. Медленное, произнесенное съ глубокою грустію обращеніе къ солнцу, особенно же конецъ его:

Soleil, je te viens voir pour la dernière fois!
(О солнце! вижу я тебя въ послѣдній разъ!)

---

[1]) Изъ 3-й главы книги Льюиса: „Актеры и сценическое искусство" (русск. перев. Ф. И. Павлова подъ ред. В. А. Яковлева. Варшава. 1876).

производило впечатлѣніе, которое до сихъ поръ не забылось нами.

Вся вступительная сцена, за однимъ только исключеніемъ, была невыразимо увлекательна и глубоко правдива. Эта сцена, какъ идеальное изображеніе непритворнаго чувства, принадлежала къ высшимъ созданіямъ искусства. Исполненныя раскаянія слова:

> Grâces au ciel, mes mains ne sont point criminelles.
> Plût aux Dieux que mon coeur fût innocent comme elles!
> (Рука моя ни въ чемъ преступномъ неповинна:
> О, если бъ я могла и сердцемъ быть невинна!)

были полны трагизма. И какъ прекрасно было выражено словно не дававшее ей покоя отвращеніе, когда она мгновенно, но сильно вздрагивая между каждой фразой, сознавалась въ своемъ преступленіи:

> ....Услышишь ты неслыханный позоръ:
> Люблю я..... эта страсть мнѣ роковой укоръ...
> Мнѣ имя то одно внушаетъ страхъ великій [1].—

при этомъ все существо ея вздрагивало...

> Любимъ мной....
> Энона. Кто же, кто?
> Федра. Сынъ Амазонки дикой,
> Котораго всегда я такъ сама гнала.
> Энона. О небо! Ипполитъ!
> Федра. Его ты назвала [2].

Единственное мѣсто этой сцены, о которомъ я упомянулъ, какъ объ исключеніи—ложный тонъ, которымъ она передавала мысль поэта въ прекрасномъ восклицаніи, заимствованномъ у Еврипида:

> Его ты назвала.

Она произносила эти слова съ тономъ горькаго упрека, что́, какъ мнѣ кажется, психологически не согласно ни съ характеромъ, ни съ положеніемъ дѣйствующаго лица. Федра таила любовь свою; любовь эта—ужасное преступленіе; она не можетъ произнести имени Ипполита безъ отвращенія къ своему преступленію; она не подъ вліяніемъ горя, а повинуясь софизмамъ своей страсти, старается въ негодованіи свалить на Энону вину, потому что она назвала того, кого называть не слѣдовало.

Во второмъ актѣ, гдѣ Федра признается Ипполиту въ любви, Рашель играла превосходно. Она искусно старалась показать, что ея страсть — страсть несчастная, жгучая и неодолимая, но равно ненавистная и ей, и ему. Она была прекрасна, отдаваясь завлекавшему ее все далѣе безумію; движенія ея были порывисты и страстны; мысли какъ бы въ безпорядкѣ толпились въ ея головѣ, и она не рѣшалась остановиться, чтобы обсудить ихъ; удивительное разно-

---

1) ....Tu vas ouïr le comble des horreurs...
J'aime... A ce nom fatal, je tremble, je frissonne...

2) J'aime... Oenone. Qui?—Phèdre. Tu connois ce fils de l'Amazone,
Ce prince si longtemps par moi-même opprimé?...
Oenone. Hippolyte! Grands Dieux!—Phèdre. C'est toi qui l'as nommé.

образіе и область ея мимики дѣлали то, что ея игра производила на насъ такое же потрясающее впечатлѣніе, какъ игра Кина въ третьемъ актѣ „Отелло“.—Въ IV актѣ разражалась буря гнѣва, ревности и отчаянія; онъ весь былъ залитъ потоками вдохновенія. Какъ Кинъ, она умѣла сосредоточить на одной фразѣ цѣлый міръ глубокихъ ощущеній; даже Кинъ не могъ бы произнести лучше ея ужасное восклицаніе:

Misérable! et je vis! И я, презрѣнная, живу еще? (Д: IV, сц. 6.)

Г-жа РАШЕЛЬ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЦЕНѢ ВЪ РОЛИ ФЕДРЫ [1]).

Г-жа де-Севинье, посылая своей дочери трагедію Расина „Баязетъ“, въ которой роль Роксаны играла извѣстная въ то время актриса Шанмеле, писала между прочимъ: „Если бы я могла послать тебѣ Шанмеле, трагедія понравилась бы тебѣ гораздо болѣе; безъ нея она теряетъ половину цѣны“. Какую же цѣну получаютъ творенія французскаго драматурга въ игрѣ г-жи Рашель, знаменитѣйшей актрисы нашего времени? Обладая въ высшей степени внутреннею силою художественнаго творчества, при удивительномъ усовершенствованіи внѣшнихъ сценическихъ пріемовъ, она сообщаетъ твореніямъ французскаго писателя величайшія достоинства, о которыхъ, можетъ быть, не помышлялъ и самъ писатель. Кто видѣлъ г-жу Рашель, тотъ конечно пойметъ, что невозможно передать всѣхъ артистическихъ сокровищъ, какими она владѣетъ. Мы видѣли ее въ трагедіи Расина Федра и тоже признаемся, что не въ состояніи описать вдохновеннаго исполненія этой роли, исполненія, которое во внѣшнихъ своихъ формахъ доведено до изящества и блеска, какого мы никогда не видали. Мы однакожъ попытаемся сдѣлать, что можемъ.

Не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь о содержаніи пьесы. Кому еще въ школѣ не были извѣстны творенія краснорѣчиваго франц. писателя? Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, теперь впрочемъ получившій общій интересъ—вопросъ, въ какой степени творенія французской трагической музы, нѣсколько уже устарѣвшей для нашего поколѣнія, могутъ интересовать современную русскую публику? Какихъ плодовъ можетъ ожидать отъ нихъ наша драматургія? Быть можетъ, мы впослѣдствіи и обратимся къ этому вопросу: но теперь, подъ обаяніемъ могущественнаго впечатлѣнія, мы бы хотѣли высказать, какого высокаго развитія достигло сценическое искусство въ игрѣ знаменитой артистки нашего времени.

Характеръ Федры есть олицетвореніе преступной страсти, страдающей отъ сознанія своей преступности. Федра любитъ Ипполита,

---

[1]) Литературный отдѣлъ Московскихъ Вѣдомостей 1853 года, ноября 19 дня, № 139-й.

сына своего супруга Тезея отъ перваго его брака. Все трагическое роли состоитъ въ томъ ужасѣ, съ какимъ Федра сознаетъ свою преступную и непобѣдимую любовь. Въ этомъ трагическомъ положеніи, подавленная страшною внутреннею борьбой, Федра является передъ зрителемъ. Первый выходъ г-жи Рашель поразилъ зрителей и заставилъ почувствовать присутствіе въ ней истинно геніальной силы. Она утомлена, измучена. Лицо ея блѣдно и сурово: на немъ слѣды мрачнаго отчаянія; глаза ея красны и сухи; видно, что родникъ слезъ уже изсякъ.

Mes yeux sont éblouis du jour que je revoi,
Et mes genoux tremblants se dérobent sous moi.

(Глаза мнѣ рѣжетъ свѣтъ... И гнутся и дрожатъ
Колѣна слабыя.....)

говоритъ она, и самый голосъ ея мраченъ; слышатся какія-то мужественные, глухіе тоны; они выходятъ изъ груди, какъ изъ могилы. Федра ужасается самыхъ словъ, которыя невольно вырываются изъ ея устъ. Она рѣшилась умереть и унести съ собою тайну преступной страсти: но уступая просьбамъ своей кормилицы, она ввѣряетъ ей роковую тайну. Этотъ ужасъ при разсказѣ выраженъ былъ артисткою неподражаемо. Какъ страшно слышались въ безмолствовавшемъ театрѣ эти слова:

J'ai conçu pour mon crime une juste terreur;
J'ai pris la vie en haine, et ma flamme en horreur.

......И опостылѣлъ вновь
(Мнѣ ясный солнца свѣтъ. Преступная любовь
Внушать мнѣ начала къ себѣ лишь омерзенье.)

Но признаніе въ этой несчастной страсти самому Ипполиту сыграно было еще поразительнѣе. Распространился слухъ о смерти Тезея. У Федры является лучъ надежды: любовь ея представляется менѣе преступной. Страстная, трепещущая Федра высказываетъ свою любовь Ипполиту и на неожиданно изумленномъ лицѣ его читаетъ приговоръ нераздѣленнаго чувства. Эта сцена была разыграна г-жей Рашель увлекательно. Сколько нѣжности, страсти и отчаянія! Какая прелестная умоляющая поза въ началѣ—и какая бурная, страшная игра потомъ!—Когда Федра узнаетъ, что у нея есть соперница—сцена тоже неподражаемая. Изъ бѣдной страдающей, преступной женщины, Федра вдругъ становится страшною, безпощадною мстительницею: она вся измѣняется. Какою дикою красотою блещетъ ея лицо! Глаза ея, которые сдѣлались больше и круглѣе, горятъ. Это львица! Зритель пораженъ и плѣненъ этимъ ужаснымъ образомъ свирѣпой мести. Ему кажется, она растерзаетъ соперницу, сожжетъ этими огнями, летящими изъ ея глазъ, изъ ея устъ. Она хочетъ мстить, но неотразимый образъ собственной преступности встаетъ передъ ней во всемъ мрачномъ величіи. Возможно ли передать весь ужасъ, съ которымъ была сыграна вся эта сцена? Публика была подъ невыразимымъ обаяніемъ, когда слышала эти стихи:

Chaque mot sur mon front fait dresser mes cheveux.
Mes crimes désormais ont comblé la mesure.

Je respire à la fois l'inceste et l'imposture.
Mes homicides mains, promptes à me venger,
Dans le sang innocent brûlent de se plonger и т. д.

(О! дыбомъ волосы на головѣ встаютъ
Отъ слова каждаго! Безмѣрное растлѣнье!
Я отдалась вся лжи, грѣху кровосмѣшенья;
Преступныя свои я руки, чтобъ отмстить,
Въ кровь неповинную сгараю погрузить!) (IV,6).

Какой ужасъ разлитъ не только на лицѣ ея, но и на всей фигурѣ, какое отчаяніе въ этихъ жестахъ, которыми она хочетъ укрыться и отъ солнца, свѣтящаго на нее, и отъ ада, гдѣ тѣнь Миноса содрогнется, когда услышитъ отъ дочери признаніе въ преступленіяхъ, неизвѣстныхъ самому аду! Вообще вся эта сцена, оканчивающаяся проклятіемъ кормилицѣ, потворствовавшей преступленію, при всѣхъ совершенствахъ сценической красоты, есть верхъ трагическаго ужаса.

Вотъ блѣдный остовъ игры геніальной актрисы. Но передать эту бездну одушевленія чувства, страсти, эту священную бурю вдохновенія, передать эти волканическіе порывы сильной великой души, которые то повергали зрителей въ гробовое молчаніе, то вызывали оглушительные взрывы рукоплесканій и криковъ, передать весь этотъ огонь геніальнаго творчества невозможно! Кто видѣлъ эту властительницу чувствъ человѣческихъ, тотъ навсегда унесъ трагическій образъ несчастной Миносовой дочери. Перейдемъ ко внѣшнимъ достоинствамъ игры г-жи Рашель.

Надобно признаться, что мы никогда не видали сценическаго лица, которое бы такъ богато было одарено природой, какъ г-жа Рашель: высокій стройный ростъ и прекрасное, выразительное лицо, типъ восточной красоты, черные огненные глаза, роскошные черные волосы, падающіе безпорядочными локонами на мраморную шею... Лицо ея необыкновенно подвижно и выразительно. Мы были свидѣтелями, съ какой быстротою отпечатлѣвались на немъ бурныя чувства страдающей Федры. Эта выразительность лица при замѣчательной красотѣ его, конечно, должна сильно очаровывать зрителей. Чудный голосъ ея поразилъ насъ съ первыхъ же звуковъ. Сильный, мужественный, въ низкихъ нотахъ почти мужской, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ гибокъ, такъ измѣнчивъ, что въ немъ отливается свободно все безконечное разнообразіе чувствъ человѣческихъ. Когда мы услышали первые стихи въ устахъ Федры, то протяжный, даже нѣсколько пѣвучій тонъ декламаціи насъ удивилъ. Онъ напомнилъ намъ старинную декламацію. Но по мѣрѣ того, какъ драма разгоралась, по мѣрѣ того какъ Федра является то страстною и влюбленною, то мстительною и ужасною,—голосъ мѣняется: онъ то нѣженъ и мелодиченъ, то звученъ, какъ металлъ; стихи получаютъ живое страстное движеніе рѣчи человѣческой, они льются брилліантовымъ потокомъ, летятъ какъ молніи, блещутъ какъ электрическія искры. Тогда только поняли мы, съ какою цѣлью артистка начала свою роль тою нѣсколько манерною декламаціей, о которой мы говорили.

Г-жа Рашель съ тонкимъ художественнымъ тактомъ хотѣла дать образчикъ старинной декламаціи, еще живой въ сценическихъ преданіяхъ. Лицемъ къ лицу поставила она двѣ школы сценической дикціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, показала все превосходство, весь блескъ свой. Вообще нельзя надивиться, до какой обработки доведенъ этотъ голосъ, какое разнообразіе тоновъ, манеръ ея дикціи! Безпрестанно ухо слышитъ такіе тоны, которыхъ никогда не слыхало на сценѣ, гдѣ отсутствіе вдохновенія и чувства большею частію создало извѣстную форменную рѣчь. Этотъ страстный симпатическій голосъ есть богатѣйшее сокровище г-жи Рашель. Это одно изъ тѣхъ магическихъ орудій артистки, которыми она производитъ неотразимое впечатлѣніе на сердце зрителя.

Но если вы обратите вниманіе на пластическую сторону ея игры, на эту ожившую движущуюся скульптуру Греціи, то, конечно, будете не менѣе удивлены роскошью и разнообразіемъ формъ, какія вы тутъ встрѣтите. Посмотрите на эту блѣдную тоскующую царицу, въ золотомъ вѣнцѣ, въ пурпурной мантіи, облокотившись сидящую въ креслахъ. Развѣ это не изящный, классическій снимокъ съ античнаго барельефа? Посмотрите на эту же фигуру съ поднятыми руками, умоляющую, нѣжную: развѣ это не статуя, видѣнная вами когда-то, и теперь ожившая? Дѣйствительно, передъ вами какъ будто ожилъ древній мраморъ, будто получили движенія и жизнь эти изящные образы, завѣщенные древностію. Здѣсь твореніе Расина обязано свободному творчеству актрисы новыми достоинствами. Федра г-жи Рашель болѣе напоминаетъ античную трагическую дочь Миноса, чѣмъ всѣ блестящіе монологи Расина. Кому не извѣстно, что творенія Корнеля и Расина лишены античнаго колорита? Всѣ эти Ахиллы, Оресты, Андромахи болѣе messieurs и mesdames временъ Людовика XIV, чѣмъ греческіе герои. Художественное чувство великой актрисы, конечно, не могло подчиниться этому ложному направленію французской трагедіи. Строго изучая памятники, она усвоила себѣ эту античную пластику, эту стройность и простоту движеній и сообщила Расиновой героинѣ жизнь и краски Греціи. Вотъ блестящее доказательство, какую великую услугу актеръ можетъ оказать даже великому писателю. Этотъ костюмъ, роскошный, изящный, въ которомъ, конечно, участвовалъ тонкій вкусъ французской женщины, прямо напоминаетъ древнюю греческую одежду. Игра же ея безпрестанно напоминаетъ ваяніе. Невозможно актеру съ бо́льшимъ мастерствомъ, съ большимъ тактомъ воспользоваться художествомъ Фидія и Праксителя. Все, что глазъ привыкъ соединять только съ неподвижностію статуи, рисунка, передъ вами оживлено, одушевлено страстію и производитъ очарованіе удивительное.

Въ самыхъ энергическихъ движеніяхъ, въ самыхъ патетическихъ сценахъ, гдѣ, кажется, некогда думать о внѣшности, артистка всегда и во всемъ изящна. У ней не вырвется крикъ, который бы непріятно подѣйствовалъ на ухо; она не сдѣлаетъ движенія, которое бы испортило картину хотя бы въ складкахъ ея платья. Видно, что вся эта художественная внѣшность обратилась въ природу актрисы, такъ что

она не можетъ сдѣлать ни жеста, ни шага не прекраснаго. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на этихъ внѣшнихъ совершенствахъ игры г-жи Рашель. Это великій урокъ нашимъ молодымъ дарованіямъ, которыя въ обаяніи почувствованнаго вдохновенія полагаютъ, что оно само найдетъ для себя языкъ и краски. Это ошибка, несчастная ошибка, которая вредила актерамъ, богато одареннымъ вдохновеніемъ. Конечно, вдохновеніе есть главный и существенный дѣятель въ художественномъ творчествѣ; это внутренній актъ творчества, безъ котораго созданіе никогда не будетъ истинно художественнымъ созданіемъ. Но оно нуждается во внѣшности, въ формахъ; проявляясь и желая дѣйствовать на сердце черезъ внѣшнія чувства человѣка, оно, безъ сомнѣнія, должно покориться законамъ этой внѣшности. Нужно подслушивать въ жизни, какъ говоритъ сердце, какъ дѣйствуетъ страсть, и эти-то матеріалы возводить въ изящныя формы художества. Безъ этого созданіе будетъ лишено жизни, истины. Всѣ великіе актеры покорялись этому закону и посвящали себя на трудное и долговременное изученіе внѣшнихъ проявленій души, иногда, повидимому, ничтожныхъ. Знаменитая Марсъ, видя однажды молодую питомицу Мельпомены, внимательно слушавшую, вскричала: „Я тридцать лѣтъ учусь хорошо слушать, а эта дѣвочка слушаетъ еще лучше меня". Видѣнная нами актриса служитъ поразительнымъ доказательствомъ этой истины. Когда вмѣсто форменныхъ рутинныхъ тоновъ, вы слышите нѣжный стремящійся въ сердце голосъ любви, слышанный вами, можетъ быть, одинъ разъ только въ жизни, во времена счастливой юности; или когда васъ поражаютъ эти глухіе холодные тоны отчаянія, напоминающіе вамъ другіе ужасные тоны надъ трупомъ вамъ близкаго человѣка; то вы почувствуете и убѣдитесь, что великая актриса прислушивалась къ жизни и голосу страстей, въ живомъ страданіи брала формы для выраженія страданій. Ея пластика еще болѣе свидѣтельствуетъ, что можетъ быть, много лѣтъ и трудовъ посвящено было на пріобрѣтеніе этой роскошной картинности, этой античной внѣшности. Въ пьесахъ, взятыхъ изъ современной вседневной жизни, видя свободныя непринужденныя манеры дѣйствующаго лица, можно еще подумать, что вся эта живая внѣшность дешево досталась артисту, богатому дарованіемъ. Но когда актеръ выводитъ передъ вами героя давно отжившаго времени, послѣ котораго остались одни преданія да неподвижные памятники и когда получаютъ передъ вами жизнь, движеніе, страсть лица давно исчезнувшаго поколѣнія, то вы убѣдитесь, что такой артистъ не могъ обойтись безъ долговременныхъ изученій. Та же Рашель, у которой все кажется вамъ такъ живо и естественно,-можетъ быть, долго всматривалась въ эти безмолвные, неподвижные образы древности и допрашивалась у нихъ тайны жизни и движенія. Вообще мы думаемъ, что г-жа Рашель есть необыкновенное явленіе сценическаго міра. Всѣ артистическія достоинства въ ней соединены самымъ гармоническимъ образомъ, и никогда они не проявлялись въ такомъ блескѣ, въ такомъ обиліи. При великихъ внутреннихъ качествахъ, при этихъ внѣшнихъ совершенствахъ ея игры, одаренная отъ природы рѣдкою

наружностію, г-жа Рашель есть безспорно величайшая актриса нашего времени, а можетъ быть—и всѣхъ временъ. Видѣть ее есть высокое эстетическое счастіе. Г-жа Рашель великій образецъ для изученія нашимъ молодымъ дарованіямъ. Если бы возможно было увѣковѣчить, обратить въ осязательную форму эти чудеса декламаціи; если бы возможно было перенести на бумагу весь этотъ летучій рядъ позъ, движеній, жестовъ: то конечно, все это составило бы богатѣйшій кодексъ сценической техники. Я нарочно не спѣшилъ сообщать вамъ свои впечатлѣнія; я хотѣлъ повѣрить ихъ мнѣніями другихъ, и до сихъ поръ я ничего не слыхалъ о знаменитой артисткѣ, кромѣ безграничнаго восторженнаго одобренія.

Н. Д.

ОТЗЫВЪ СУМАРОКОВА О «ФЕДРѢ» РАСИНА [1].

Въ Первомъ Явленіи уже явился Великій и Преславный Стихотворецъ. Второе Явленіе очистило искуснѣйшимъ образомъ Федрѣ Театръ. Въ Третьемъ Явленіи, подражая Еврипиду, превзошелъ онъ Еврипида: Сіи четыре стиха:

Noble et brillant auteur d'une triste famille,
Toi, dont ma mère osoit se vanter d'être fille,
Qui-peut être rougis du trouble où tu me vois,
Soleil, je te viens voir pour la dernière fois [2])

(О, солнце свѣтлое, виновникъ скорбныхъ дней Несчастнѣйшей семьи и матери моей, Кого имѣть отцемъ за честь она считала, Должно ты покраснѣть, лишь только увидало, Какой тревогою душа моя зажглась. О солнце! вижу я тебя въ послѣдней разъ!).

достойны самихъ Музъ; но и все сіе Явленіе Музъ достойно. Сіи три стиха:

Dieux! que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière [3])?

(Зачѣмъ я не въ лѣсу, подъ тѣнію вѣтвей? О, если бы теперь за облаками пыли Вновь колесницы бѣгъ глаза мои слѣдили!)

таковы жъ хороши. Но помнится мнѣ, что они почти переведены изъ Еврипида. Слова Еноны: Cet Hyppolite... и потомъ Федры: Ah, Dieux!—Еноны: Ce reproche vous touche:—и заключеніе Федры:

Malheureuse, quel nom est sorti de ta bouche?—

(. . . . тотъ Ипполитъ...—О боги! — Царица, мой упрекъ причиною тревоги?—Несчастная! кого дерзнула ты назвать!)

скончалися громогласнымъ плескомъ: а во мнѣ отъ восхищенія вся взволновалась кровь. Сіи прекрасные два стиха:

Grâces au ciel, mes mains ne sont point criminelles.
Plût aux Dieux que mon coeur fût innocent comme elles!

---

1) Въ Мнѣніи во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ, гдѣ поэтъ нашъ представляетъ себя во снѣ присутствующимъ на парижскихъ представленіяхъ нѣкоторыхъ трагедій „такъ живо, какъ на яву". Новиковъ въ IV части изданія полнаго собранія сочиненій Сумарокова (1787) замѣчаетъ, что это Мнѣніе „кажется, писано покойнымъ сочинителемъ г. Волтеру".

2) См. ст. 189 и сл. I д. перевода.—3) См. ст. 198—201 перевода.

(Рука моя ни въ чемъ преступномъ не повинна: О, если бъ я могла и сердцемъ быть невинна!)—

помнится мнѣ также изъ Еврипида; но въ Ифигеніи и въ сей Трагедіи больше третіей части переведено изъ Еврипида. И ежели бы Расинъ не имѣлъ сего въ нихъ предводителя; такъ бы былъ онъ еще славнѣе, а особливо Федрою. Стихи:

Quel fruit espères-tu de tant de violence?
Tu fremiras d'horreur si je romps le silence—

(Чтó хочешь получить насиліемъ своимъ? Я ужасну тебя признаніемъ моимъ!)
прекрасны: а я больше отмѣчать не буду, которыя стихи взяты изъ Еврипида; ибо я слушаю Трагедію, а не Диссертацію пишу. Въ протчемъ сіе Явленіе почти все переведено, хотя и весьма украшено: полезны таковые переводы! Объявленіе Федры, что она любитъ Ипполита, всякую похвалу превосходитъ; плѣнило, восхитило, поразило мое чувствіе, исторгнуло изъ очей моихъ слезы, и воздвигло троекратный плескъ, когда вымолвила Федра: C'est toi qui l'as nommé (Его ты назвала)...
Четыре слѣдующіе стиха Еноны:

Juste ciel! Tout mon sang dans mes veines se glace.
O désespoir! O crime! O deplorable race!
Voyage infortuné! Rivage malheureux,
Falloit-il approcher de tes bords dangereux?

(Святыя небеса! Вся кровь во мнѣ застыла. О ужасъ! о позоръ! Проклятіе покрыло Весь родъ несчастный вашъ. О, берегъ роковой! О горе! для чего на берегъ тотъ съ тобой, Царица, мы сошли!)

превосходны и равны симъ: Noble et brillant (О солнце свѣтлое и проч.). Едино сіе Явленіе, соплело бы вѣчныя Расину лавры, ежели бы онъ и ничего болѣе не писалъ. Перьвое Дѣйствіе началося къ безсмертной Расиновой славѣ. Арисія, хотя и еписодическая особа, но мнѣ не противна, и Расинъ не попортилъ ею своей Драмы, но еще украсилъ. Перьвое Явленіе Втораго Дѣйствія хорошо. Второе крайне прекрасно. Открытіе любви Ипполитовой несравненно, въ разсужденіи прекраснаго Стихотворенія. Сіи стихи достойны Расина:

Moi qui contre l'amour fièrement révolté,
Aux fers de ses captifs ai longtemps insulté;
. . . .
Et mes coursiers oisifs ont oublié ma voix [1]).

Въ Третіемъ Явленіи, сіи стихи, благороднѣйшую показываютъ нѣжность:

Partez, Prince, et suivez vos généreux desseins.
. . . .
N'est pas de vos présents le plus cher à mes yeux [2]).

---

[1]) Сумароковъ выписываетъ здѣсь 22 стиха Ипполитовой тирады. Переводъ ихъ см. въ стихахъ 189—212 II дѣйствія.—[2]) 5 стиховъ. Переводъ ихъ въ 234—239 стихахъ III д.

Любимецъ Мельпомены и совмѣстникъ Софокла и Еврипида, отъ начала Трагедіи восхищая сердца, во слѣдующемъ Явленіи, ихъ еще больше восхищаеть, и разумъ, къ вѣчному плеску Парижскаго Партера, или паче къ вѣчному плеску музопочитателей во всемъ родѣ человѣческомъ. Сіи Музами писанныя стихи, несравненны:

Oui, Prince, je languis, je brûle pour Thésée,
Le l'aime, non point tel que l'ont vu les enfers,
Volage adorateur de mille objets divers,
Qui va du dieu des morts déshonorer la couche,
Mais fidèle, mais fier, et même un peu farouche.
Charmant, jeune, traînant tous les coeurs après soi,
Tel qu' on dépeint nos dieux, ou tel que je vous voi.

(Да, государь, душа къ нему моя пылаетъ: Любимъ онъ мной... не тотъ, какимъ сошелъ онъ въ Адъ, Гдѣ, первой красотой всегда увлечься радъ, Онъ ложе осквернить пришелъ тѣней владыки: Но вѣрный, гордый—тотъ, немного видомъ дикій, Прекрасный юноша, волнующій мечты, Подобный божеству... какой стоишь ты здѣсь).

Все сіе Явленіе несравненно. Окончательное Явленіе прекрасно. Перьвое Явленіе Третьяго Дѣйствія хорошо. Монологъ хорошъ: Нѣтъ еще ни чево не только худова, но ниже непревосходнаго и въ Третіемъ и въ Четвертомъ Явленіи. Федра не имѣла времени отвратить Енону отъ намущенія; ибо Тезей и Ипполитъ поспѣшали войти: а особливо смутилася Федра, что Ипполитъ купно съ отцемъ своимъ къ ней идетъ: Превеликое въ Театрѣ искусство Расиново. Явленіе Шестое прекрасно. Третіе Дѣйствіе окончалося съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и предъидущія. Второе Явленіе Четвертаго Дѣйствія тѣмъ же писано перомъ, и достойно Расина. Монологъ такъ же. Федринъ Монологъ такъ же. Шестое Явленіе писано Музами, и выбрати стиховъ отличныхъ нельзя; ибо они всѣ чрезвычайны и несходственны. Какъ скоро окончила Федра свою рѣчь, выговоривъ:

Détestables flatteurs, présent le plus funeste
Que puisse faire aux rois la colère céleste [3])!

(Когда небесный гнѣвъ царей губить желаетъ, То подлыхъ имъ льстецовъ, какъ даръ свой, посылаетъ)—

весь Партеръ восплескалъ три раза. Перьвое Явленіе Пятаго Дѣйствія прекрасно. Третіе таковоже: Сіи стихи достойны великаго Автора:

. . . Et vous en laissez vivre
Un... Votre fils, Seigneur, me défend de poursuivre.
Instruite du respect qu'il veut vous conserver,
Je l'affligerois trop si j'osois achever.
J'imite sa pudeur, et fuis votre présence
Pour n'être pas forcée à rompre silence.

(Одно чудовище ты здѣсь въ живыхъ оставилъ... Не дозволяетъ мнѣ твой сынъ все досказать, Чтобъ уваженія къ тебѣ не нарушать. Жестоко огорчить его я избѣгаю И въ скромности ему послѣдо-

вать желаю. Поэтому теперь оставлю я тебя, чтобъ тайну сохранить могла свободнѣй я.)

Разсказъ Ѳераменовъ достоинъ Расина: жаль только, что не перехваченъ такъ, какъ у Еврипида: а здѣсь того больше требовалося.

La timide Aricie est alors arrivée.
Elle venoit, Seigneur, fuyant votre courroux,
A la face des Dieux l'accepter pour époux etc.

(Арисія шла въ храмъ, о бѣдствіи не зная. Спасаясь, государь, отъ гнѣва твоего, Готовилась она супругой стать его Передъ лицомъ боговъ—и т. д.).

есть подражаніе Овидію въ Пирамѣ и Ѳисвѣ. Жаль того, что Послѣднее Явленіе нѣсколько слабо. Сія Трагедія превосходитъ похвалу: а я только скажу, что доколѣ не исчезнетъ родъ человѣческій, ни кто и ни когда, лутче сей Трагедіи не здѣлаетъ; ибо въ ней Расинъ дошелъ до послѣднія границы искусства человѣческаго.

РУССКІЕ ПЕРЕВОДЫ «ФЕДРЫ».

1) Отрывокъ: Повѣствованіе Терамена Тезею, о смерти Ипполита, переводъ Сумарокова (см. Полн. собр. его соч. 1787).

2) Федра, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Ив. Расина. Перев. В. Ан(астасеви)чъ. Въ Спб. при И. Академіи Н. 1805 года.

3) Федра. Перев. Г. Р. Державина. Въ печати явился лишь отрывокъ: „Разсказъ Терамена") въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова (см. 3-ю кн. 1811 г.). Въ концѣ рукописи полнаго перевода означено: „Кончена августа 27 дня 1809 года. Для этого труда подстрочный переводъ сдѣланъ былъ Державину, не знавшему французскаго языка, старшею племянницею его Елис. Никол. Львовой. Пьеса была играна на домашнемъ его театрѣ [1]).

4) Федра, трагедія въ 5 д. Соч. Г. Расина, переложенная въ Россійскіе стихи въ 1814 году, въ Сочиненіяхъ и переводахъ С(ергѣя) А(лексѣевича) Тучкова (4 части Спб. 1816—1817).

5) Федра, трагедія Расина въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ М. Лобанова. Спб. Въ т. Деп. Нар. Пр. MDCCCXXIII.

6) Федра, въ 5 д. въ стихахъ. Изъ соч. Расина. Перевелъ Окуловъ. Спб, въ Морской Т. 1824 г.

7) Федра, въ 5 д., соч. Расина. Пер. стихами И. Чеславскій. Спб. въ Т. Смирдина. 1827 г.

8) Отрывокъ: Разсказъ Ѳерамена. Переводъ П. Катенина (1828) во 2-й части „Сочиненій и Переводовъ въ стихахъ Павла Катенина. 1832.

9) Федра, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. Ж. Расина. Переводъ М. П. С—го (въ „Артистѣ" 1889 года).

Привожу какъ образчики изъ нихъ (за исключеніемъ № 6 и 7) одинъ и тотъ же отрывокъ для удобнѣйшаго сравненія.

1) Соч. Державина съ объяснит. прим. Грота. Томъ IV, стр. 767.

Разсказъ Терамена Тезею о смерти Ипполита.

(Переводъ Сумарокова).

Лишъ выступили мы ва градъ изъ стѣнъ трезенскихъ,
Печальныя стражи вокругъ ево текли,
И горесть такъ какъ онъ въ молчаніи влекли.
Микенскій путь, ево наполненъ былъ тоскою.
Вождями, правилъ онъ коней своей рукою,
Коней строптивыхъ сихъ, что были иногда,
Взыванію ево послушны завсегда.
Склоненная глава, и очи возмущенны,
Съ плачевной мыслью быть являлись соглашенны.
Тогда ужасный вопль изшелъ на насъ изъ волнъ,
Весь воздухъ возмутилъ, и воздухъ сталъ имъ полнъ:
Земля изъ чреслъ своихъ подобно восклицала,
И гласу глубины стоная отвѣчала.
Злой трепетъ застужалъ въ насъ кровь во злы часы:
Отъ страха, конскихъ гривъ вздымалися власы.
Воздвиглась на хребтѣ текущія долины,
Кипящая гора, изъ водныя средины,
Валъ ближится, біетъ, разитъ ломаясь въ брегъ,
И въ пенѣ на брега чудовище извергъ.
Широкое чело рогами воруженно.
И желтой коркою все тѣло покровенно.
Дичайшій былъ то волъ, прегрозный былъ то змѣй,
Онъ хвостъ віющійся, віяся влекъ землей.
Дрожали берега, ево пречуднымъ ревомъ,
И небо на него гнушаясь зрѣло съ гнѣвомъ.
Земля пугалась имъ, испорченъ воздухъ сталъ,
И валъ, что несъ ево, со страхомъ утекалъ.
Безплодну храбрость всѣ, въ часъ оный оставляли,
И въ храмѣ близкомъ тутъ убѣжища искали.
Лишъ пребылъ Ипполитъ достойный сынъ твой смѣлъ,
Хватаетъ лукъ, здержавъ коней, и ищетъ стрѣлъ.
Стрѣлилъ въ нево, рука не здѣлала обману,
И учинилъ ему въ боку глубоку рану.
Въ свирѣпствѣ, боль, ево безпамятна бросалъ.
Бросаясь онъ, заревѣлъ и предъ конями палъ.
Валяясь, пламенну гортань, имъ разверзаетъ,
Ихъ кровью и огнемъ и дымомъ покрываетъ.
Ихъ трепетъ поразилъ летятъ во оный часъ,
Какъ необузданны, невнятенъ сталъ имъ гласъ.
Кровавы въ ихъ устахъ желѣзо мочатъ пѣны,
И тщетну подаютъ, здержать ихъ, силу члены.
Вѣщаютъ, что еще былъ видимъ нѣкій богъ,
И гналъ коней, чтобъ Князь вдержати ихъ не могъ.
На камни набѣжавъ они низверглись съ страхомъ,
Ось преломилася, великимъ симъ размахомъ,
И колесница вся летела по кускамъ.
Смятенный Ипполитъ падетъ тутъ въ вожди самъ.
Не гнѣвайся! сей видъ, вина мнѣ мукъ сердечныхъ,
Мнѣ будетъ, Государь, источникомъ слезъ вѣчныхъ.
Я зрѣлъ, увы, я зрѣлъ, что онъ отъ тѣхъ коней,
Которыхъ самъ питалъ, влачимъ въ бѣдѣ былъ сей.
Взываетъ ихъ; но гласъ ево ихъ устрашаетъ.
Бѣгутъ. Влаченіе все тѣло изъязвляетъ.
Весь долъ, нашъ скорбный вопль, въ отзывахъ разглашалъ
Впослѣдокъ яростный скокъ конскій утихалъ.

Въ близи старинныхъ сихъ гробовъ остановились,
Гдѣ праотцевъ ево тѣла Царей сокрылись.
Я бѣгъ стеня къ нему, и стража вся туды.
Ево дражайша кровь казала намъ слѣды.
Сталъ камень ею мокръ, иголъными кустами,
Удержанъ кровный знакъ, въ нихъ зримъ былъ со власами.
Прибѣгъ, возвалъ ево, онъ руку подаетъ,
Отворитъ лишъ глаза, опять скрываетъ свѣтъ:
Отъемлетъ, говоритъ, мой, Небо, вѣкъ безвредной;
О другъ мой, не оставь ты Арисіи бѣдной!
Когда родитель мой узнаетъ, что я правъ,
И будетъ сожалѣть ложъ правдой почитавъ;
Смягчить, пролиту кровь, тѣнь жалобы гласящу,
Скажи, чтобъ онъ имѣлъ къ ней мысль уже неистящу,
И возвратилъ бы ей... Симъ словомъ вѣкъ скончалъ.
Я тѣло лишъ ево беззрачно удержалъ,
Плачевный видъ чѣмъ гнѣвъ боговъ явленъ жестоко,
И что ужъ и твое узнать не можетъ око.
Тогда боязненна приходитъ Арисія.
Пришла бѣгущая отъ гнѣва твоево,
Приняти отъ боговъ въ супружество ево.
Приближилася, зритъ траву дымящусь красну,
И зритъ ево, о видъ, видъ лютый, оку страсну!
Обезображенна, лишенна живота.
Не хочетъ, чтобъ ее увѣрила мысль та.
Возлюбленнаго зря уже не узнаваетъ,
И зря ево, еще о Князѣ вопрошаетъ.
Увѣрясь наконецъ, что то предъ нею онъ,
Взоръ мечетъ на Боговъ пуская тяжкій стонъ,
И охладѣвъ, когда почти бездушна стала,
Къ ногамъ любовника, въ безсиліи упала.
Исмена тутъ при ней, Исмена слезы льетъ:
И въ жизнь, ее, стеня, иль паче въ скорбь зоветъ.

Разсказъ Терамена.

(Переводъ Василія Анастасевича, 1805 г.).

Едва Трезенскихъ вратъ мы переходъ скончали,
Онъ въ колесницѣ былъ своей; вокругъ въ печали,
Тѣлохранители безмолвно шли за нимъ:
Онъ правилъ путь въ Мисенъ, являлъ видъ мрачный имъ.
На коней всѣ возжи рука его спустила;
Сихъ гордыхъ бѣгуновъ, которыхъ прежде сила
Во всемъ стремленіи его внимала гласъ,
Я зрѣлъ понурыми и пасмурный ихъ глазъ
Казалось, съ мыслями его соображался,
Изъ глубины морской вдругъ страшный ревъ раздался
Всю тишину прервалъ: за нимъ въ мигъ ускорилъ
Ужасный гулъ изъ нѣдръ земли и повторилъ
Сей ревъ со стонами, которы всѣхъ смутили,
Въ утробахъ нашихъ ледъ не кровь—мы ощутили.
У коней чуткихъ всѣхъ вдругъ гривы поднялись.
Громады на морѣ ревущихъ волнъ слились,
И воздымаяся соорудили гору;
Кряжъ влаги къ берегу пришедъ и треснувъ взору
Являетъ нашему водъ въ пѣнистыхъ буграхъ
Чудовище.—Его видъ звѣрскій ввергъ насъ въ страхъ,

Ужасные рога на лбу широкомъ,—тѣло
Златою чешуей покрыто все блестѣло.
Неукротимой быкъ—свирѣпой ли драконъ,
Вращался, двигался, въ изгибы вился онъ.
Протяжный ревъ его тамъ воздухъ раздираетъ,
И небо съ ужасомъ на тварь сію взираетъ.
Земля колеблется—брегъ заражаетъ смрадъ:
Извергнувъ зыбь его отъ страха шла назадъ.
Бѣжитъ все, и боясь предаться неизбѣжной
Погибели, тамъ всякъ во храмъ стремится смежной.
Лишь храбрый Ипполитъ отца - достойный сынъ,
Стремленье коней вдругъ сдержавъ, возсталъ одинъ,
Беретъ свое копье и твердою рукою
Вонзаетъ въ ребры въ мигъ;—кровь хлынула рѣкою.
Отъ боли, ярости, ужасной сдѣлавъ скокъ,
Предъ коньми вержется чудовище у ногъ.
Реветъ, вращается, зѣвъ пламенный являетъ,
На нихъ огнь, дымъ, и кровь—все вмѣстѣ устремляетъ,
Уноситъ ужасъ ихъ и глухи на сей разъ,
Не чувствуя узды, вождя забыли гласъ.
Вотще ихъ правящій истощеваетъ силы.
Крававой пѣною багрѣютъ ихъ удилы.
Иные говорятъ въ смятеньи страшномъ семъ,
Богъ нѣкій, въ вихрѣ, ихъ бока терзалъ борцемъ.
Стремглавъ межъ скалъ женетъ ихъ страхъ неукротимый.
Трещитъ, крутится ось. Твой сынъ неустрашимый
Зритъ колесницу всю расщепану и самъ,
Запутавшись въ возжахъ руками, вергся тамъ.
Прости, Царь, скорбь мою; сей видъ жестоковѣчный
Пребудетъ слезъ моихъ источникъ безконечный;
Я зрѣлъ, я самъ то зрѣлъ, какъ злополучный былъ
Твой коньми сынъ влекомъ, которыхъ онъ вскормилъ.
Зоветъ ихъ—крикъ его страшитъ ихъ только болѣ;
Мчатъ. Тѣло вдругъ его—одна лишь рана. Въ полѣ
Раздался горестный вопль слѣдовавшихъ всѣхъ.
Коснѣетъ наконецъ сей быстрый коней бѣгъ.
Остановилися близъ тѣхъ гробовъ священныхъ,
Гдѣ царскій прахъ лежитъ отцевъ его почтенныхъ.
Бѣгу предъ стражею въ отчаяніи самъ.
Зрю кровь его вездѣ—иду по симъ слѣдамъ.
Ахъ! камни по пути сей кровію багрѣютъ
По тернію—власовъ его отрывки вѣютъ.
Подшедъ зову.—Рукой мнѣ знакъ хотѣлъ онъ дать,
Открылъ полмертвый взоръ и въ мигъ закрылъ опять.
„Мнѣ небо, рекъ, сію послало смертну муку,
„Подай Арисіи по мнѣ скорбящей руку,
„Любезный другъ!—Когда день придетъ наконецъ,
„Что воздохнетъ о мнѣ невинномъ мой отецъ,
„Коль обнаружится предъ нимъ ложь недостойна,
„Скажи, чтобъ кровь и тѣнь моя была спокойна,
„Да милость узницѣ являетъ онъ своей,
„Скажи да возвратитъ"... съ симъ словомъ витязь сей
Въ объятіяхъ моихъ въ послѣдній разъ вздыхаетъ,
Обезображенный въ крови лишь застываетъ.
Въ нихъ трупъ, надъ коимъ гнѣвъ Боговъ торжествовалъ,
И въ коемъ сына бы взоръ отчій не позналъ.

3. Разсказъ Терамена.

(въ переводѣ Г. Р. Державина, 1809 г.) [1].

Едва мы за собой оставили Трезенъ,
На колесницѣ онъ, бывъ стражей окруженный,
Стопами тихими уныло провожденный,
Задумчиво сидя, къ Меценѣ путь склонялъ
И пущенныхъ изъ рукъ возжей не напрягалъ.
Прекрасные кони, бывъ прежде горделивы,
По голосу его и кротки и ретивы,
Шли, преклоня главы, и тускомъ ихъ очей
Казались сходны съ нимъ печалію своей.
Тутъ вдругъ ужасный шумъ сквозь моря влагу бурну
Возсталъ и возмутилъ всю тишину лазурну;
Стонъ, гулами изъ нѣдръ подземныхъ отразясь,
Вкругъ глухо отвѣчалъ на волнъ ревущихъ гласъ.
Проникъ намъ мразъ сердца, застыла кровь симъ дивомъ,
У смѣтливыхъ коней возстали гривы дыбомъ.
Изъ черныхъ безднъ тогда средь блѣдна лона волнъ
Поднявшися, возсталъ огромный водный холмъ;
Предъ нимъ бѣгущій валъ скача, плеща, стремился,
И въ пѣнистыхъ клубахъ въ немъ чудный звѣрь явился:
Широкое чело, рогастое, грозитъ,
Какъ мѣдна чешуя, блестя, на немъ горитъ;
Подводный былъ тотъ волъ, или драконъ ужасный;
Крутя, горбя хребетъ и ошибъ вьющій страшный
Завылъ,—и со бреговъ вдругъ отгласился вой;
Померкли небеса, его зря подъ собой,
Земля содрогнулась, весь воздухъ заразился;
Принесшій валъ его вспять съ ревомъ откатился;
Бѣжало въ страхѣ все, не смѣя противъ стать,
И всякъ искалъ себя въ ближайшемъ храмѣ спасть;
Но только Ипполитъ, достойный сынъ героя,
Коней остановя, какъ бы среди покоя,
Беретъ свое копье, къ чудовищу летитъ
И въ чревѣ язву имъ широкую творитъ;
Страшилище, съ копья вспрянувъ, остервенѣло;
Но падши подъ коней, трепещущи ревѣло,
Каталось по песку зѣвъ рдяный разверзавъ,
Рыгало кровь и дымъ и, пламенемъ дыхавъ,
Коней страшило, жгло.—Тутъ кони обуяли
И въ первый разъ еще внимать его престали;
Не слушаютъ, летятъ, сталь въ зубы закуся,
Кровь съ пѣной съ броздъ ліютъ, чрезъ все его неся;
И даже, говорятъ, что въ страшномъ семъ разскакѣ
Богъ нѣкій ихъ чрева бодалъ во пыльномъ мракѣ;
Съ размаху вринулась упряжка между скалъ.
Ось хряснула, сломясь,—и твой безстрашный палъ
Со колесницы сынъ, ее зря раздробленной;
Помчался вслѣдъ коней, возжами заплетенный.
Прости мнѣ, государь, мой плачъ!—Сей страшный видъ
По гробъ мой жалости слезъ токи источитъ!
Самъ видѣлъ, государь,—иначе бъ не повѣрилъ:
Твой влекся сынъ коньми, которыхъ онъ лелѣялъ;

[1]) Въ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова (кн. III, 1811) напечатанъ былъ лишь этотъ отрывокъ.

Хотѣлъ остановить; но гласомъ ихъ пужалъ,
Поколь, самъ кровью весь обливщись, трупомъ сталъ.
Стенаньми нашими окрестность оглашалась;
Но ярость конская отнюдь не уменьшалась.
Остановилися ужъ сами близъ гробницъ,
Гдѣ древнихъ прахъ царей почіетъ и царицъ.
Бѣгу туда, воплю, - и стража вся за мною;
Истекша кровь струей вела насъ за собою;
Покрыты камни ей, обвитъ власами терянъ,
По коему онъ былъ порывисто влеченъ.
Пришедъ, его зову. Онъ, длань простря мнѣ блѣдну,
Открылъ полмертвый взоръ и ниспустилъ духъ въ бездну,
Сказавъ: „Безвинно рокъ мои отъемлетъ дни...
„Арисію по мнѣ, любезный другъ, храни;
„И выдетъ мой отецъ когда изъ заблужденья,
„Къ сыновней злой судьбѣ окажетъ сожалѣнье,
„Проси, печальну тѣнь спокоилъ чтобъ *мою*,
„Ко плѣнницѣ явилъ щедроту бы свою
„И ей бы возвратилъ"... При сихъ словахъ мгновенно
Оставилъ намъ герой лишь тѣло обагренно,—
Печальнѣйшій предметъ свирѣпости боговъ,—
Кого бы не позналъ и самый взоръ отцовъ.

---

4. Разсказъ Терамена.

(въ переводѣ С. А. Тучкова, 1814 г.).

Едва оставили Трезенскіе мы стѣны,
Онъ въ колесницѣ былъ, и стражи огорченны
Послѣдуя за нимъ, тѣсня печалью грудь,
Какъ онъ задумчиво текли въ Мисенскій путь.
Онъ руку опустилъ, и въ мысляхъ нерадивыхъ
Неправилъ болѣе коней своихъ строптивыхъ.
Кони—которыхъ могъ смирять его лишь гласъ,
Повѣся головы, шли скучно въ оный часъ;
Казалось и они дѣлили скорьби злыя!..
Внезапно вопль воссталъ изъ глубины морскія,
Нарушилъ *тишину* и воздуха покой,
Изъ недръ земныхъ изшелъ ужасный стонъ и вой,
А вздохи тяжкія какъ бурный духъ шумели!
Отъ страха лютаго мы всѣ оцѣпенели!..
Подъялась дыбомъ шерсть и гривы у коней!—
Межъ тѣмъ *возвысилась* гора среди зыбей,
Реветъ!—зближается! о берегъ ударяетъ
Дробится съ грохотомъ, и въ пѣнѣ извергаетъ
Чудовище!—что волнъ свирѣпость принесла!—
Являютъ страхъ рога широкаго чела,
Покрыто тѣло, *все блестящей* чешуею,
Волъ ярый и драконъ казался онъ собою;
Въ изгибахъ многихъ хвостъ клубилъ и извивалъ,
Протяжный ревъ брега собою колебалъ!—
Съ негодованьемъ зримъ былъ въ гнѣвѣ небесами,
Наполнилъ воздухъ смрадъ.—Земля тряслась *подъ нами*
А валъ, что несъ его сострахомъ отступилъ!...
Бѣгутъ всѣ прочь лишась и храбрости и силъ,
Бѣгутъ въ *ближайшій* храмъ свое спасенье строя!
Одинъ лишь Ипполитъ, достойный сынъ героя,
Остановилъ коней, пріемлетъ копіе,

Стремится и разитъ чудовище сіе!
Летящее копье межъ ребръ его пронзило.
Отъ боли въ бѣшенствѣ, чудовище вскочило!
Рыкая, прядая, поверглось предъ коней,
Віясь, зіяетъ имъ гортанію своей
И дымъ со пламянемъ на нихъ стремитъ рѣкою!-
Тогда незапный страхъ объемлетъ ихъ собою!..
Пустились!—ни бразды, ни гласъ имъ непретитъ.
Въ усиліяхъ своихъ слабѣетъ Гипполитъ.
Грызомы удѣла, въ кровавой зрятся пѣнѣ..
Вѣщаютъ: видили въ ужасной сей премѣнѣ,
Что нѣкій богъ еще коней сихъ погонялъ!
Стремитъ ихъ страхъ, стремитъ въ среду гранитныхъ скалъ
Крушится съ трескомъ ось.—И Гипполитъ въ напасти
Зритъ колесницу всю разбившуюсь на части!—
Держался.—Но падетъ запутанный въ вождяхъ!.. и т. д.

---

5. Разсказъ Терамена.

(переводъ М. Лобанова, 1823 г.).

Едва мы, Государь, оставили Трезены,
Онъ въ колесницѣ былъ. Печальныхъ воевъ строй
Сопутствовалъ ему съ глубокой тишиной;
Ослабивши бразды надъ конскими хребтами,
Онъ въ думѣ слѣдовалъ Микенскими путями;
Ретивые кони, что прежде по полямъ
Какъ вихрь носилися, послушные браздамъ,
Понуривъ головы, потупивъ взоръ угрюмый,
Казались сходными съ его печальной думой.
Вдругъ страшный ревъ и стонъ изъ глубины морской
Раздался въ воздухѣ, какъ отзывъ громовой;
И изъ утробъ земныхъ глухія завыванья
Отвѣтствуютъ на ревъ и грозныя стенанья.
Оцѣпенѣли мы; хладъ разлился въ сердцахъ;
На чуткихъ коняхъ вдругъ подъемлетъ гривы страхъ.
Внезапно, на хребтѣ текучія равнины,
Встаетъ кипящій холмъ изъ зыблемой пучины;
Примчался грозный валъ, ударился о брегъ,
И съ пѣной страшное чудовище извергъ.
Рогами грозное, съ огромною главою,
Покрыто, какъ броней, златистой чешуею;
Неукротимый волъ, неистовый драконъ,
Вращая ошибомъ, крутился прядалъ онъ.
Отъ рева грознаго поморіе дрожало,
И небо съ ужасомъ на чудо бездны взирало;
Земля содрогнулась, тлѣтворенъ воздухъ сталъ,
Его извергшій валъ со страхомъ отбѣжалъ:
Все кроется, спѣшитъ средь общаго смятенья
Въ ближайшій храмъ искать покрова и спасенья.
Одинъ лишь Ипполитъ, рожденіе твое,
Остановилъ коней, схвативъ свое копье,
Пустилъ въ чудовище; и мѣткою рукою
Глубоко въ бокъ вонзилъ; кровь хлынула рѣкою.
Отъ боли вспрянулъ вверхъ; ярясь, разсвирѣпѣвъ,
Предъ коней грянулся, поднявъ ужасный ревъ,
Вращается, и пасть горящу разверзаетъ,
Ихъ кровью и огнемъ и дымомъ покрываетъ.

Вдругъ кони ринулись, несутся; и въ сей разъ
Ничтожны имъ бразды и чуждъ знакомый гласъ.
Напрасно силится возница утомленной;
Дымятся удила кровавою ихъ пѣной.
Гласятъ, что въ ужасахъ и неустройствѣ семъ
По бедрамъ нѣкій богъ разилъ ихъ копіемъ.
Рванулись на скалы; оцѣпенѣлъ возница;
Ось съ скрыпомъ хряснула. Съ утеса колесница
Сорвавшись, рухнула, разсыпалася въ прахъ
И сынъ твой палъ стремглавъ, запутанный въ браздахъ.
Прости мнѣ скорбь мою. О Царь, сей видъ ужасный
Мнѣ будетъ горькихъ слезъ источникъ ежечасный,
Я зрѣлъ, увы, я зрѣлъ, какъ твой несчастный сынъ
Конями былъ влачимъ межъ камней и стремнинъ.
Зоветъ, не узнаютъ, дичатся кони рьяны;
О ужасъ! Ипполитъ, твой сынъ—лишь кровь и раны.
Мы воплемъ горестнымъ весь оглашаемъ брегъ.
Зримъ, укрощается неистовый ихъ бѣгъ:
Ихъ ярость у гробницъ тѣхъ древнихъ утихаетъ,
Гдѣ праотцевъ твоихъ прахъ мирно почиваетъ.
Бѣгу со стражею, рыдая, по слѣдамъ.
Священна кровь его путь указуетъ намъ;
Скалы обрызганы; на тернахъ обагренныхъ
Обрывки вѣются власъ окровавленныхъ.
Прибѣгъ, зову его; онъ руку протянулъ,
Открылъ полмертвый взоръ и вновь его сомкнулъ.
„Невинный, онъ сказалъ, схожу тѣней въ обитель
„Ахъ! будь Арасіи заступникъ и хранитель.
„О другъ мой, если Царь всю истину прозритъ
„И нѣкогда въ слезахъ о сынѣ возскорбитъ:
„Чтобъ тѣнь мою смирить, стенящую, уныла,
„Скажи, да призритъ онъ Арисію мнѣ милу;
„Да возвратитъ!.. Умолкъ твой сынъ при сихъ словахъ;
Безвидный, страшный трупъ держался на рукахъ.
Страдалецъ юноша, судьбины жертва властной,
Кого ты не позналъ и самъ отецъ несчастной!

---

6. Разсказъ Ѳерамена.

(въ переводѣ П. Катенина, 1828 г.).

Едва минули мы Трезенскія врата,
Самъ въ колесницѣ онъ и въ равной съ нимъ печали
Сопутники его всѣ шествуя молчали;
Къ Микенамъ медленно путь правили они;
Послабленныхъ вожжей не чувствуя, кони
Столь прежде пылкіе, по голосу возницы
Ристанія въ поляхъ летавшіе какъ птицы,
Теперь главы склонивъ и взоръ потупя въ долъ,
Какъ бы дѣлили съ нимъ душевныхъ бремя золъ.
Ужасный крикъ, со дна несущійся морскаго,
Раздался вдругъ среди безмолвія земнаго;
И вслѣдъ изъ нѣдръ земли гласъ трепетный изникъ,
И стономъ отвѣчалъ на страшный моря крикъ.
Въ сердцахъ застыла кровь, съ испуга всѣ чуть живы,
И дыбомъ поднялись на чуткихъ коняхъ гривы.
Межъ тѣмъ, ключами бья кипущаго сребра,
Съ равнины влажныя вздымается гора;

Вода все близится, разшиблась, и предъ нами
На брегъ чудовище извергнула волнами.
Рогами острыми грозитъ его чело;
Все тѣло чешуей златистой обросло;
Быкъ необузданный и змѣй быстротекущій,
Хребетъ и гибкій хвостъ въ крутыя кольца вьющій;
Протяжный рыкъ его колеблетъ брегъ морской.
Отвратенъ небесамъ сей бездны извергъ злой;
И землю онъ сквернитъ, и воздухъ заражаетъ,
Валъ, выбросивъ его, испуганъ отступаетъ.
Всѣ прочь бѣгутъ, и стать не смѣя въ тщетный бой,
Во близьлежащій храмъ спасаются толпой.
Единый Ипполитъ, героя сынъ достойной,
Сдержалъ коней рукой отъ мужества спокойной,
На звѣря ихъ погналъ, пустилъ въ него копьемъ,
И въ чрево глубоко поранилъ остріемъ.
Звѣрь скачетъ, мучимый и болію и гнѣвомъ;
Упавъ къ погамъ коней, ихъ оглушаетъ ревомъ;
Катается, дыша въ нихъ пламенемъ густымъ
Изъ пасти вержущей и огнь и кровь и дымъ.
Съ боязни понесли, и глухи по неволѣ,
Ни гласа ни возжей уже не слышатъ болѣ.
Онъ силится сдержать, усилья всѣ тщета;
Кровавой пѣною ихъ залились уста;
И нѣкій богъ, гласятъ, для вящаго имъ страха,
Хлесталъ ихъ по бедрамъ чернѣющимъ отъ праха.
Чрезъ рвы и чрезъ скалы слѣпой ихъ ужасъ мчитъ;
Ось треснувъ ломится; безстрашный Ипполитъ
Зритъ: колесница вся врозпь сыплется кусками,
И самъ на землю палъ, запутанный возжами.
Прости что плачу, царь: отъ зрѣлища сего
Вѣкъ слезъ не изсушу до гроба моего.
Я видѣлъ, какъ твой сынъ, въ мученьяхъ несравненныхъ
Разтерзанъ отъ коней рукой его вскормленныхъ.
Взывалъ онъ къ нимъ; они сильнѣй еще неслись:
На тѣлѣ столько язвъ, что всѣ въ одну слились.
Нашъ вопль болѣзненный равнину оглашаетъ.
Пылъ яростный коней впослѣдокъ утихаетъ:
Остановились при древнихъ тѣхъ гробахъ
Гдѣ предковъ царственныхъ почіетъ хладный прахъ.
Всѣ спутники за мной бѣгутъ туда рыдая,
И слѣдомъ насъ ведетъ героя кровь честная;
По камнямъ кровь течетъ, вдоль терновыхъ кустовъ
Виситъ кровавая корысть его власовъ.
Прибѣгъ я, и зову; одолѣвая муку,
Разкрывъ полмертвый взоръ, и мнѣ простерши руку:
„Безвинно", онъ сказалъ, „мои пресѣклись дни.
„Печальную по мнѣ Арисію храни,
„О другъ! когда жъ отецъ узнаетъ съ сожалѣньемъ,
„Что сынъ его погибъ коварнымъ лжесплетеньемъ,
„Да успокоюсь я въ обители тѣней,
„Моли, чтобъ милостивъ былъ къ плѣнницѣ своей,
„Чтобъ ей...". Со словомъ симъ дыханье излетѣло,
И безобразное предъ мной осталось тѣло,
На коемъ гнѣвъ боговъ означенъ до того
Что не узнать отцу въ немъ сына своего.

5. Разсказъ Терамена.

(въ переводѣ М. С—го, 1889 г.).

Мы только вышли изъ воротъ Трезены,
А онъ ужъ былъ на колесницѣ; вкругъ
Стоялъ рядъ грустныхъ воиновъ, хранившихъ
Такое же молчанье, какъ и онъ;
Задумчиво онъ слѣдовалъ дорогой
Въ Микены; слабо онъ держалъ поводья;
Въ былое время дивныхъ скакуновъ
Видали рьяными, они бывали
Лишь только голосу его послушны,
Теперь у нихъ и взоръ потухъ, и къ низу
Спустили головы, какъ будто съ нимъ
Печальныя дѣлили размышленья.
Вдругъ страшный крикъ, раздавшійся внезапно
Изъ волнъ морскихъ, поколебалъ весь воздухъ,
На этотъ грозный кличъ изъ нѣдръ земли
Отвѣтствовалъ стенящій, дикій голосъ.
Застыла кровь у насъ, и кони чутко
Приподняли всю шерсть; а въ это время
Хребетъ равнины водной закипѣлъ
Ключемъ и всталъ горой. Волна идетъ,
Дробится, брызжетъ намъ въ глаза и въ пѣнѣ
Ужасное чудовище явилось:
На лбу широкомъ грозные рога,
Все тѣло желтоватой чешуею
Покрыто,—видомъ иль свирѣпый быкъ,
Иль яростный драконъ, его хребетъ
Весь въ складкахъ черепашьихъ извивался,
И ревъ протяжный берегъ потрясалъ.
На дикое чудовище взираетъ
Со страхомъ небо, вся земля трепещетъ.
А воздухъ наполняется заразой!
Все прочь бѣжитъ; отвагою ненужной
Никто себя вооружить не хочетъ,
И всѣ стремятся въ близъ лежащій храмъ,
Ища себѣ пріюта. Ипполитъ,
Достойный сынъ героя, остается
Одинъ; коней сдержалъ, хватаетъ копья,
Бросаетъ въ гада, — и рукой надежной
Наноситъ бокъ въ ему большую рану,
Подпрыгнувъ вверхъ отъ бѣшенства и боли,
Съ рычаніемъ чудовище валится
Къ ногамъ коней, крутится, раскрываетъ
Палящій зевъ и обдаетъ ихъ кровью,
Огнемъ и дымомъ. Кони испугались,
Ни голоса не слышатъ, ни поводьевъ,
Напрасно всадникъ всѣ свои усилья
Сбираетъ ихъ сдержать, кровавой пѣной
Они лишь только краситъ удила;
И даже видѣли, что будто въ этомъ
Смятеньи страшномъ богъ какой-то ихъ
Кололъ въ бока жезломъ остроконечнымъ.
Отъ страха бросились они на скалы,
Ось треснула, сломалась... Колесница
Разбита въ дребезги подъ Ипполитомъ,
Онъ падаетъ, запутавшись въ возжахъ...

ИЗЪ ПОВѢСТВОВАНІЯ ПЛУТАРХА О ТЕЗЕѢ.

(„Сравнительныя жизнеописанія") [1].

Со стороны отца Тезей—потомокъ Эрехтея... по женской линіи—Пелопа Пелопъ сдѣлался сильнѣйшимъ изъ пелопоннесскихъ царей, благодаря своему богатству и своимъ дѣтямъ. Онъ выдалъ многихъ изъ своихъ дочерей за самыхъ уважаемыхъ гражданъ; изъ сыновей же многихъ поставилъ царями въ различныхъ городахъ. Одинъ изъ нихъ дѣдъ Тезея, Питтей, основалъ небольшой городъ Трезену... Какого мнѣнія были о Питтеѣ, видно изъ Еврипида, который называетъ Ипполита „питомцемъ благочестиваго Питтея".

Питтей побудилъ Эгея сочетаться съ Этрой... Эгей оставилъ свой мечъ и сандаліи, скрывъ ихъ подъ большимъ камнемъ, имѣвшимъ внутри пустоту... открылъ это одной своей женѣ; приказалъ ей, чтобы она, когда родившійся у него сынъ достигнетъ совершеннолѣтія и будетъ въ состояніи приподнять камень и взять то, чтó положено подъ нимъ, послала его съ этимъ къ отцу, но такъ, чтобы объ этомъ никто не зналъ, съ сохраненіемъ глубочайшей тайны: онъ сильно боялся Паллантидовъ, своихъ враговъ, пятидесяти сыновей Палланта, относившихся къ нему съ презрѣніемъ за его бездѣтность,—и уѣхалъ.

У Этры родился сынъ, который немедленно получилъ имя Тезея, быть можетъ, какъ говорятъ, потому, что для него были „положены" (Θέσις значитъ „положеніе" и „усыновленіе") подъ камнемъ знаки его происхожденія, или же потому, что Эгей впослѣдствіи „усыновилъ" его въ Аѳинахъ. Онъ воспитывался у Питтея; наставникомъ и воспитателемъ его былъ Коннидъ, которому Аѳиняне донынѣ еще приносятъ въ жертву барана за день до праздника въ честь Тезея. Они помнятъ о немъ и чтутъ его несравненно съ бóльшимъ правомъ, нежели Силаніона или Парразія, рисовавшихъ портреты Тезея и дѣлавшихъ его бюсты.

Въ то время существовалъ еще обычай—тѣмъ изъ мальчиковъ, которые достигали совершеннолѣтія, отправляться въ Дельфы и посвящать свои волосы богу. Тезей пошелъ въ Дельфы... Онъ остригъ волосы только спереди по примѣру гомеровскихъ Абантовъ (дикій народъ на Евбеѣ). Подобнаго рода стрижка называется въ честь его „тезеевой". Обычай стричь волосы такимъ именно образомъ ввели Абанты, но заимствовали его не отъ Арабовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и слѣдовали въ данномъ случаѣ не Мизійцамъ: они были воинственнымъ народомъ, сражавшимся лицомъ къ лицу, умѣвшимъ превосходно драться съ врагомъ въ рукопашную... стриглись для того, чтобы не давать непріятелю возможности схватывать ихъ за волосы...

Этра долго скрывала отъ Тезея его настоящее происхожденіе. Питтей распустилъ слухъ, будто она родила его отъ Посейдона (у Римлянъ Нептуна). Посейдонъ пользуется у Трезенцевъ особеннымъ почитаніемъ. Этотъ богъ считается покровителемъ ихъ города; они посвящаютъ ему начатки плодовъ. На ихъ монетахъ находится изображеніе трезубца.

Мальчикомъ Тезей отличался тѣлесною силою, храбростью и умомъ, соединеннымъ съ сообразительностію; поэтому Этра подвела его однажды къ камню, разсказала ему объ его истинномъ происхожденіи и велѣла взять отцовскіе зна-

---

[1] Изъ перевода съ греч. В. Алексѣева.

ки и ѣхать моремъ въ Аѳины. Онъ приподнялъ камень и легко сдвинулъ его съ мѣста, но плыть моремъ отказался, хотя дорога была безопасна и хотя его просили объ этомъ дѣдъ и мать: итти въ Аѳины сухимъ путемъ было опасно, такъ какъ не было ни одного спокойнаго мѣста, гдѣ не грозило бы опасности со стороны разбойниковъ и убійцъ... Питтей, описывая Тезею каждаго изъ разбойниковъ и разсказывая, какъ онъ поступаетъ съ иностранцами, убѣждалъ его ѣхать моремъ. Но Тезея, вѣроятно, давно воспламеняла слава подвиговъ Геракла. Онъ благоговѣлъ передъ нимъ и съ жадностію слушалъ разсказы о немъ... Тезей, завидуя подвигамъ Геракла, видѣлъ его дѣянія даже ночью, во снѣ; но и днемъ въ немъ говорила ревность и возбуждала его душу на такіе же подвиги. Ихъ связывало и родство по крови: Этра была дочерью Питтея, Алкмена Лизидики; Лизидика же и Питтей были братомъ и сестрою, дѣтьми Гипподаміи и Пелопа. Юношѣ казалось поэтому постыднымъ и позорнымъ, что Гераклъ ходилъ, отыскивая повсюду злодѣевъ, очищая отъ нихъ землю и море, между тѣмъ какъ онъ бѣжитъ отъ представляющагося ему случая показать свою доблесть; думая ѣхать моремъ, онъ позорилъ бы того, кого другіе считали его отцомъ; онъ принесъ бы своему настоящему отцу знаки своего происхожденія— сандаліи и мечъ — не обагренными кровью и не доказалъ бы вскорѣ своими подвигами и дѣлами благородства своего происхожденія. Съ такими мыслями, съ такими планами онъ пустился въ путь, давъ себѣ слово не обижать никого и наказывать только нападающихъ.

Прежде всего онъ встрѣтилъ въ области Эпидавра (гавань въ Арголидѣ при Саронійскомъ заливѣ) Перифета, которому оружіемъ служила дубина, вслѣдствіе чего его называли „дубиноносцемъ"... онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу и убилъ его. Дубина такъ понравилась ему, что онъ взялъ ее себѣ вмѣсто оружія...

На Истмѣ онъ убилъ „сгибателя сосенъ" Синида... У Синида была громаднаго роста красавица-дочь, Перигуна... Отъ Тезея она родила Меланиппа. Впослѣдствіи Тезей выдалъ ее замужъ за Дейонея...

Кромміонскій кабанъ (Кромміонъ—городъ въ Мегаридѣ), иначе Фэя, былъ опаснымъ и злымъ звѣремъ, съ которымъ было трудно справиться. Тезей напалъ на него и убилъ мимоходомъ... Онъ считалъ, что честный человѣкъ долженъ защищаться только отъ нападеній негодяевъ, на звѣрей же нападать первымъ и вести съ ними борьбу не на животъ, а на смерть...

На границѣ Мегариды онъ умертвилъ Скирона, сбросивъ его со скалы. По общераспространенному преданію, онъ грабилъ прохожихъ; но нѣкоторые говорятъ, что онъ нагло протягивалъ свои ноги и приказывалъ чужеземцамъ мыть ихъ; затѣмъ въ то время, какъ они мыли ихъ, толкалъ ихъ ногою и сбрасывалъ въ море. Мегарскіе же историки... говорятъ, что Скиронъ не былъ ни разбойникомъ, ни злодѣемъ; напротивъ, уничтожалъ разбойниковъ и былъ родственникомъ и другомъ честныхъ и справедливыхъ людей.

Въ Элевзинѣ Тезей убилъ Аркадца Керкіона; немного далѣе онъ встрѣтилъ въ Гермѣ Дамаста-Вытягивателя, заставивъ его самого сравняться длиною съ его кроватью, какъ онъ дѣлалъ это съ другими... [2]).

Идя далѣе, онъ пришелъ въ Кефиссу, гдѣ его встрѣтили потомки Фитала (Элевзинскаго героя), первые люди, принявшіе его радушно. Онъ просилъ ихъ очистить его отъ убійствъ, и они исполнили всѣ требуемые закономъ очистительные обряды, принесли умилостивительную жертву и угостили его у себя въ домѣ обѣдомъ, между тѣмъ какъ до нихъ никто во всю дорогу не оказалъ ему радушнаго пріема.

8 числа Кронія мѣсяца (первый мѣсяцъ года, съ 15 іюля по 15 августа у насъ) онъ пришелъ, говорятъ, къ мѣсту назначенія. Войдя въ городъ, онъ нашелъ, что среди гражданъ царствуютъ раздоры и несогласія. Лично Эгей испытывалъ у себя дома однѣ непріятности. Дѣло въ томъ, что бѣжавшая изъ Коринѳа Медея обѣщала Эгею вылѣчить его своими снадобьями отъ бездѣтности и жила съ нимъ. Зная заранѣе о предстоящемъ приходѣ Тезея, она убѣдила ничего не подозрѣвавшаго стараго Эгея, боявшагося всего изъ-за возмущенія, от-

---

[2]) Дамастъ (или Прокрустъ) клалъ гостей на кровать. Кому кровать была длинна, тѣмъ обрубалъ онъ ноги, а которымъ—коротка, вытягивалъ ихъ.

равить гостя за столомъ. Сѣвъ завтракать, Тезей не счелъ нужнымъ объявить первый, кто онъ: онъ хотѣлъ предоставить узнать его отцу. Когда ему подали мясо, онъ вынулъ ножъ, чтобы разрѣзать его и показалъ отцу. Едва Эгей узналъ его, какъ бросилъ кубокъ съ ядомъ, предложилъ сыну нѣсколько вопросовъ, обнялъ его, созвалъ народное собраніе и представилъ гражданамъ, восторженно принявшимъ его за его геройство. Говорятъ, мѣсто, гдѣ вылился ядъ изъ брошеннаго кубка, находится теперь въ храмѣ Аполлона Дельфинія (отъ слова „дельфинъ", такъ какъ Аполлонъ считался научившимъ людей мореплаванію) и обнесено рѣшеткою. Здѣсь стоялъ дворецъ Эгея...

Сыновья Палланта надѣялись сначала, что, по смерти бездѣтнаго Эгея, престолъ перейдетъ къ нимъ. Но когда наслѣдникомъ объявленъ былъ Тезей, они сочли себя оскорбленными — такъ какъ мало того, что самъ Эгей былъ пріемнымъ сыномъ Пандіона и не имѣлъ ничего общаго съ потомствомъ Эрехтея, наслѣдникомъ сдѣлался Тезей, также пришлецъ и иноземецъ,—и взялись за оружіе. ...Съ ними былъ гагнузецъ глашатай Леосъ Онъ открылъ Тезею замыслы сыновей Палланта. Тотъ неожиданно напалъ на засѣвшихъ въ засаду и истребилъ ихъ всѣхъ... Другіе, бывшіе съ Паллантомъ, разбѣжались...

Чтобы не сидѣть безъ дѣла и въ то же время снискать любовь народа, Тезей отправился противъ мараѳонскаго быка, причинявшаго въ то время не мало вреда жителямъ Четырехградія (четырехъ городовъ). Онъ одолѣлъ его, провелъ живьемъ по городу на глазахъ всѣхъ и, наконецъ, принесъ въ жертву Аполлону-Дельфинію...

Вскорѣ съ Крита въ третій разъ пріѣхали послы. Мстя за смерть Андрогея, какъ думали измѣннически убитаго въ Аттикѣ, Миносъ объявилъ ей войну и наносилъ населенію большой вредъ. Наслали на страну бѣдствіе и боги,—насталъ голодъ; свирѣпствовали повальныя болѣзни. Оракулъ объявилъ Аѳинянамъ, чтобы они дали Миносу удовлетвореніе и заключили съ нимъ миръ... вслѣдствіе чего они отправили къ нему посла и заключили миръ съ условіемъ посылать каждые девять лѣтъ въ дань семь мальчиковъ и столько же дѣвушекъ—съ чѣмъ согласно большинство историковъ. Если вѣрить въ высшей степени трогательному преданію, то дѣтей, по прибытіи ихъ на Критъ, съѣдалъ въ лабиринтѣ Минотавръ, или же они бродили тамъ и, не находя выхода, погибали. Еврипидъ говоритъ, что Минотавръ былъ... „на половину быкъ, на половину—человѣкъ". Филохоръ говоритъ, что Критяне не согласны съ этимъ преданіемъ. По ихъ словамъ, „лабиринтъ былъ тюрьмою, въ которой страшнаго было только то, что заключенные не могли убѣжать изъ нея".

Когда настало время въ третій разъ платить дань, когда отцы семействъ, имѣвшіе сыновей, должны были кидать жребій,—ненависть гражданъ противъ Эгея вспыхнула снова. Они плакали и негодовали, что одинъ онъ, виновный во всемъ, остается безнаказаннымъ и, назначивъ своимъ наслѣдникомъ незаконнаго сына, иноземца, заставляетъ ихъ сиротѣть, лишаться своихъ законныхъ сыновей. Тяжело было слушать это Тезею. Онъ рѣшилъ, что ему нельзя оставаться безучастнымъ; напротивъ, онъ долженъ дѣлить горе своихъ согражданъ. Онъ явился и сказалъ, что готовъ ѣхать,не вынимая жребія. Всѣ были удивлены его благородною рѣшимостію и полюбили его за преданность народу. Эгей просилъ и умолялъ его не ѣхать, но видя, что онъ непреклоненъ и не желаетъ отказываться своего отъ рѣшенія, велѣлъ метать жребій другимъ дѣтямъ...

До сихъ поръ для дѣтей не было никакой надежды на спасеніе; поэтому Аѳиняне посылали корабль съ черными парусами въ знакъ ожидаемаго несчастія; но теперь Тезей успѣлъ ободрить отца, внушилъ ему надежду, что онъ убьетъ Минотавра, и царь велѣлъ дать кормчему бѣлый парусъ, приказавъ ему поднять на возвратномъ пути бѣлый парусъ, если Тезей останется живъ, въ случаѣ же несчастія — плыть съ чернымъ...

Когда метаніе жребія кончилось, Тезей вывелъ изъ пританія всѣхъ, кому достался жребій, вошелъ съ ними въ храмъ Аполлона-Дельфинія и посвятилъ за нихъ Аполлону просительную вѣтвь... Послѣ молитвы онъ взошелъ... на корабль...

Лишь только онъ пріѣхалъ на Критъ, въ него влюбилась... Аріадна, дала ему нить и научила его, какъ ему выбраться изъ извилистаго лабиринта, послѣ чего онъ убилъ Минотавра и отплылъ съ Аріадной и молодыми людьми...

На Критѣ въ числѣ зрителей игръ обычай позволяетъ находиться и женщинамъ. Потому на нихъ присутствовала и Аріадна, которая была очарована наружностью Тезея и пришла въ восторгъ, когда онъ оказался сильнѣе всѣхъ. Миносъ обрадовался больше всего тому, что побѣжденъ былъ въ борьбѣ и поднятъ на смѣхъ Тавръ; поэтому онъ отдалъ Тезею молодыхъ людей и освободилъ его городъ отъ дани...

...Объ Аріаднѣ существуютъ множество... преданій. Одни говорятъ, что дѣвушка, брошенная Тезеемъ, повѣсилась; другіе, что матросы высадили ее на Наксосѣ, гдѣ она вышла замужъ... потому, что Тезей измѣнилъ ей, полюбивъ другую. „Страстной любовью пылалъ онъ къ дочери Панопея — Эглѣ.... Впрочемъ Аматунтецъ Пэонъ приводитъ сказаніе, ничего общаго не имѣющее съ другими. Когда Тезей, говоритъ онъ, былъ занесенъ бурею къ берегамъ Кипра, онъ высадилъ на берегъ беременную, дурно себя чувствовавшую вслѣдствіе качки Аріадну и оставилъ ее одну на берегу, самъ же снова выѣхалъ въ море на помощь кораблю. Тамошнія женщины ласково встрѣтили Аріадну, утѣшали ее въ унылом одиночествѣ, приносили ей мнимыя письма отъ Тезея, помогали ей, ухаживали за ней и, когда она умерла, не разрѣшившись отъ бремени, похоронили ее...

На возвратномъ пути изъ Крита Тезей присталъ къ Делосу. Принесши богу жертву и посвятивъ ему статую Афродиты, полученную имъ отъ Аріадны, онъ устроилъ вмѣстѣ съ молодыми людьми танецъ...

Подъѣзжая къ Аттикѣ, онъ забылъ на радостяхъ, забылъ и его кормчій также, перемѣнить паруса, чтобы дать знать Эгею объ ихъ спасеніи. Въ отчаяніи царь бросился со скалы и погибъ.

Пріѣхавъ, самъ Тезей занялся въ Фалерѣ приготовленіями къ жертвѣ, которую онъ, при своемъ отъѣздѣ, далъ обѣтъ принести богамъ, въ городъ же отправилъ глашатая объявить о своемъ спасеніи...

Похоронивъ отца, Тезей... вступилъ въ городъ послѣ своего спасенія.

Послѣ смерти Эгея онъ задумалъ великое, прекрасное дѣло и соединилъ аттическія общины въ одинъ городъ... Онъ уничтожилъ отдѣльные пританіи, Совѣты и власти, построилъ одинъ пританій, общій для всѣхъ, и зданіе Совѣта, на мѣстѣ нынѣшняго стараго города, назвалъ городъ А ѳ и н а м и и учредилъ общій жертвенный праздникъ—П а н а ѳ е н е и...

Сложивъ съ себя, по условію, царскую власть, онъ рѣшилъ придать государству устройство, совѣтуясь съ оракуломъ... Крикъ: „сюда, всѣ народы!“ приписываютъ Тезею, желавшему учредить всеобщую республику...

Онъ первый учредилъ гимнастическія игры по примѣру Геракла. Какъ Гераклъ учредилъ олимпійскія игры въ честь Зевса—такъ Тезей велѣлъ праздновать истмійскія—въ честь Посейдона... Нѣкоторые утверждаютъ, что Тезей учредилъ истмійскія игры въ память С к и р о н а, желая очиститься въ убійствѣ своего родственника: Скиронъ былъ сыномъ Канета и дочери Питтея...

Затѣмъ, какъ разсказываетъ Филохоръ и нѣкоторые другіе, Тезей уѣхалъ въ Евксинское море—въ походъ на Амазонокъ, вмѣстѣ съ Геракломъ, и получилъ въ награду за храбрость А н т і о п у. Но большинство... говорятъ, что Тезей уѣхалъ позже Геракла, на своемъ собственномъ кораблѣ, и взялъ Амазонку въ плѣнъ... Біонъ (VI в.) разсказываетъ, что онъ взялъ ее обманомъ и увезъ. Дѣло въ томъ, что Амазонки въ дѣйствительности любятъ мужчинъ и не думали бѣжать, когда Тезей бросилъ якорь въ виду берега; напротивъ прислали ему подарки. Онъ пригласилъ принесшую ихъ взойти на корабль и, когда она взошла, снялся съ якоря...

Тезей женился на Ф е д р ѣ послѣ смерти Антіопы, имѣвъ отъ Антіопы сына И п п о л и т а или, по Пиндару, Демофонта. Относительно несчастной судьбы его второй жены и сына, въ виду полнаго сходства разсказовъ о ней историковъ и трагиковъ, слѣдуетъ вѣрить принятымъ всѣми ими преданіямъ.

Разсказываютъ и о другихъ любовныхъ похожденіяхъ Тезея; но тема эта не разработывалась на сценѣ... Но болѣе всего порицаютъ Тезея за похищеніе Е л е н ы, вслѣдствіе чего Аттика испытала бѣдствія войны, самъ же онъ принужденъ былъ бѣжать и потерялъ жизнь. Объ этомъ рѣчь впереди.

Другомъ П и р и т о я Тезей сдѣлался, говорятъ, слѣдующимъ образомъ. Разсказы о его силѣ и замѣчательной храбрости знали всѣ. Пиритой захотѣлъ испы-

тать ихъ, убѣдиться въ нихъ опытомъ. Онъ угналъ изъ Мараѳона быковъ Тезея и, узнавъ, что онъ гонится за нимъ вооруженный, не убѣжалъ, но повернулъ ему на встрѣчу. Взглянувъ другъ на друга, они были очарованы красотою другъ друга, пришли въ восторгъ отъ своей смѣлости и не начали боя. Пиритой первый протянулъ руку и просилъ Тезея быть его судьей относительно кражи имъ его быковъ, обѣщая уплатить штрафъ, какой онъ положитъ. Тезей простилъ его и предложилъ ему быть его другомъ и союзникомъ. Свою дружбу они скрѣпили клятвою. Когда затѣмъ Пиритой сталъ готовиться къ свадьбѣ съ Деидаміей, онъ пригласилъ Тезея пріѣхать къ нему...

Оба друга пріѣхали въ Спарту, похитили дѣвушку (Елену), когда она плясала въ храмѣ Артемиды-Ортіи, и бѣжали. Посланные преслѣдовать ихъ не гнались за ними дальше Тегеи. Очутившись въ безопасности и придя въ Пелопоннесъ, по хитители условились, что тотъ, кому по жребію достанется Елена, долженъ помочь товарищу добыть жену. Когда, по условію, они бросили жребій, и онъ достался Тезею, онъ взялъ дѣвушку, которой еще было рано выходить замужъ, отвезъ ее въ Афидны (близь Беотійской границы), оставилъ при ней свою мать и поручилъ ее своему другу Афидну, приказавъ беречь ее и не показывать никому; самъ же, желая отплатить Пиритою услугой за услугу, уѣхалъ съ нимъ въ Эпиръ за дочерью царя молосскаго, Эдонея, который назвалъ свою жену Персефоной, дочь—Корой, собаку—Керберомъ [1]. Каждый изъ жениховъ обязанъ былъ драться съ собакой. Побѣдитель могъ получить руку дѣвушки. Узнавъ, однако, что Пиритой съ товарищемъ пріѣхали не какъ женихи, а какъ воры, царь тотчасъ же затравилъ Пиритоя своей собакой, а Тезея заключилъ подъ крѣпкую стражу.

Въ это время Менестей, сынъ Петея, внукъ Орнея и правнукъ Эрехтея, началъ, говорятъ, первый льстить народу и заискивать у аѳинской черни. Онъ вооружалъ, возмущалъ атистократовъ, давно озлобленныхъ противъ Тезея, считавшихъ его похитителемъ той царской власти, которую имѣлъ надъ народомъ каждый изъ евпатридовъ, соединившаго всѣ въ одинъ городъ для того, чтобы „всѣхъ ихъ сдѣлать своими подданными и рабами". Чернь онъ возбуждалъ и волновалъ, указывая на то, что она видитъ только тѣнь свободы, въ дѣйствительности же лишена отечества и права совершать религіозные обряды и, вмѣсто того, чтобы повиноваться многимъ добрымъ и законнымъ царямъ, избрала своимъ владыкой пришлеца и иноземца. Его мятежнымъ замысламъ много помогло нападеніе сыновей Тиндарея. Говорятъ даже, что они явились исключительно по его просьбѣ. Сперва они никого не трогали и только требовали выдачи сестры, но когда граждане отвѣчали, что ея нѣтъ у нихъ и что они не знаютъ, гдѣ она находится, они начали войну...

Подступивъ къ Афиднамъ, Тиндариды одержали побѣду и взяли городъ... Взятіе Афиднъ привело въ ужасъ населеніе столицы. Менестей убѣдилъ народъ впустить Тиндаридовъ въ городъ и оказать имъ дружескій пріемъ, такъ какъ они ведутъ войну единственно съ Тезеемъ, который первый оскорбилъ ихъ, другимъ же дѣлаютъ добро и спасаютъ ихъ. Тиндариды оправдали его отзывъ о нихъ: изъ своихъ завоеваній они себѣ не оставили ничего, хотя все принадлежало имъ, и просили только посвятить ихъ въ мистеріи, такъ какъ они имѣли съ городомъ общаго не менѣе, чѣмъ Гераклъ. Просьба ихъ была исполнена: Афиднъ усыновилъ ихъ, какъ Пелей Геракла...

Плѣнная мать Тезеева, Этра, была, говорятъ, уведена въ Спарту, откуда, вмѣстѣ съ Еленой, отправилась подъ Трою...

Принимая у себя въ домѣ Геракла, Эдоней вспомнилъ случайно, въ разговорѣ, о Тезеѣ и Пиритоѣ, — о томъ, съ какимъ намѣреніемъ они пришли къ

---

[1]) Интересный примѣръ реальнаго толкованія Плутархомъ древняго миѳа... Послѣднюю, Пиритой задумалъ похитить изъ Тартара Персефону. Вмѣстѣ съ Тезеемъ онъ спустился въ подземное царство, дошелъ до воротъ Аида и сѣлъ со своимъ товарищемъ отдохнуть на камнѣ. Желая подняться, они съ ужасомъ увидѣли, что приросли къ мѣсту. Когда Гераклъ впослѣдствіи сходилъ въ царство мертвыхъ, онъ по волѣ боговъ освободилъ Тезея; но когда протянулъ руку, чтобы оторвать отъ камня Пиритоя, ударилъ громъ, и нечестивецъ остался въ царствѣ тѣней, терзаемый мстительными Эринніями (*А. В.*).

нему и какъ онъ наказалъ ихъ, догадавшись объ ихъ планахъ. Гераклу было тяжело слушать, что одинъ изъ нихъ погибъ злою смертію, а другой ждетъ ее себѣ. Онъ считалъ напраснымъ упрекать теперь царя за смерть Пиритоя, но сталъ просить, въ знакъ личнаго ему одолженія, объ освобожденіи Тезея. Эдоней согласился, и освобожденный Тезей вернулся въ Аѳины, гдѣ у него были еще сторонники...

Онъ по прежнему хотѣлъ стоять во главѣ государства, быть при кормилѣ правленія, но встрѣтилъ ропотъ и недовольство. Тѣхъ, кого онъ оставилъ своими врагами, онъ нашелъ не только людьми ненавидящими, но и не боящимися его. Въ черни онъ замѣтилъ сильную перемѣну къ худшему: она ждала ухаживаній, вмѣсто того, чтобы молча исполнять приказанія. Онъ въ первый разъ принужденъ былъ употребить силу; но демагоги одержали надъ нимъ верхъ; противная партія побѣдила его. Наконецъ онъ сложилъ власть, отправилъ свое семейство въ Евбею... самъ же, изрекши въ Гаргеттѣ проклятіе Аѳинянамъ, отплылъ на Скиръ, разсчитывая на свою дружбу съ его населеніемъ; кромѣ того, у него находились на островѣ наслѣдственныя помѣстья. Скирскимъ царемъ былъ тогда Ликомедъ. Тезей явился къ нему и просилъ его вернуть ему его землю, намѣреваясь поселиться тамъ. Другіе разсказываютъ, что онъ просилъ у царя помощи противъ Аѳинянъ. Ликомедъ — боялся ли онъ его громкаго имени, или желалъ угодить Менестею, трудно сказать,— взошелъ съ нимъ на высокое мѣсто острова, какъ бы затѣмъ, чтобы показать ему его землю, столкнулъ его со скалы и убилъ. Нѣкоторые говорятъ, впрочемъ, что Тезей самъ поскользнулся и упалъ, прогуливаясь по привычкѣ, послѣ обѣда. Тогда на его смерть никто не обратил вниманія: аѳинскій престолъ занималъ Менестей, и сыновья Тезея отправились, вмѣстѣ съ другими, въ походъ подъ Трою въ качествѣ простыхъ гражданъ, а когда Менестей былъ убитъ тамъ, вернулись и утвердились на престолѣ; но потомъ Аѳиняне установили Тезею почести, какъ герою, по многимъ причинамъ: между прочимъ, многіе, сражавшіеся съ Персами при Мараѳонѣ, видѣли носившійся предъ ними призракъ Тезея, съ оружіемъ, ведшаго ихъ на враговъ.

Послѣ окончанія Персидскихъ войнъ... пиѳія дала аѳинянамъ оракулъ—взять кости Тезея, съ почетомъ перенести ихъ и хранить въ городѣ. Взять ихъ и найти гробницу было трудно, по необщительности и грубости жителей острова—Долоновъ.

Когда однако Кимонъ взялъ островъ... то пожелалъ, чтобы высокая честь найти могилу героя выпала ему. И вотъ, разсказываютъ, орелъ сталъ однажды рыть клювомъ какой-то холмъ и рвать когтями землю. Кимонъ, по внушенію свыше, приказалъ рыть землю. Нашли гробъ съ исполинскимъ остовомъ, возлѣ котораго лежало копье и мечъ. Когда Кимонъ привезъ ихъ на своихъ тріерахъ, обрадованные Аѳиняне устроили имъ пышную, торжественную встрѣчу съ жертвоприношеніями, какъ будто самъ герой возвратился въ ихъ столицу. Прахъ его покоится въ центрѣ города, возлѣ нынѣшней гимназіи, и считается мѣстомъ убѣжища для рабовъ и всѣхъ несчастныхъ и боящихся сильныхъ,—какъ и самъ Тезей былъ защитникомъ и помощникомъ другихъ и ласково выслушивалъ просьбы угнетенныхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ РАСИНА.

Вотъ еще трагедія, сюжетъ которой заимствованъ у Еврипида. Хотя я въ веденіи дѣйствія послѣдовалъ пути нѣсколько иному, нежели этотъ авторъ, но я не отказался обогатить свою піесу всѣмъ, что мнѣ казалось наиболѣе блистательнымъ въ его піесѣ. Если бы я былъ ему обязанъ только однимъ замысломъ характера Федры, то и тогда могъ бы сказать, что обязанъ ему, быть можетъ, разумнѣйшимъ изъ моихъ произведеній, назначенныхъ для театра. Меня не удивляетъ, что этотъ характеръ имѣлъ столь счастливый успѣхъ во время Еврипида и что то же повторилось и въ нашемъ вѣкѣ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ качества, которыхъ Аристотель требуетъ отъ героя трагедіи и которыя способны возбуждать состраданіе и страхъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, Федра ни совершенно преступна, ни совершенно невинна. Она вовлечена (своей) судьбою и гнѣвомъ боговъ въ противозаконную страсть, передъ которой сама первая ужасается. Она старается изо всѣхъ силъ побороть ее. Она готова скорѣе умереть, нежели кому-нибудь въ ней открыться; Когда же она принуждена открыть ее, то говоритъ о ней съ смущеніемъ, которое ясно показываетъ, что ея преступленіе есть скорѣе наказаніе боговъ, нежели дѣйствіе ея воли.

Я даже старался представить Федру нѣсколько менѣе отталкивающею, чѣмъ она является въ трагедіяхъ древнихъ, гдѣ она рѣшается сама обвинить Ипполита. Мнѣ казалось, что клевета заключаетъ въ себѣ нѣчто слишкомъ низкое и слишкомъ гнусное, чтобы могла быть вложена въ уста царицы, которая къ тому же такъ возвышенна и такъ добродѣтельна. Мнѣ казалось, что такой низости скорѣе можно ожидать отъ кормилицы, которая могла имѣть наклонности болѣе рабскія [1]) и которая тѣмъ не

---

[1]) Поэтика Аристотеля. Глава XIII. — См. извлеченіе изъ нея въ 2-й книгѣ III-го тома моей „Русской Хрестоматіи“ *(Перев.)*

[1]) Шлегель (Сравненіе Федры Расина съ Федрою Еврипида) ярко выдвигаетъ это мѣсто предисловія: „Не останавливаюсь на этомъ пріемѣ

менѣе рѣшается на это ложное обвиненіе только для того, чтобы спасти жизнь и честь своей госпожи. Федра содѣйствуетъ клеветѣ только потому, что находится въ возбужденномъ состояніи, которое лишаетъ ее самообладанія, и вскорѣ послѣ того она приходитъ съ намѣреніемъ засвидѣтельствовать невинность Ипполита и открыть истину.

Ипполитъ у Еврипида и Сенеки обвиняется въ дѣйствительномъ насиліи надъ мачехой: Vim corpus tulit. Здѣсь же онъ обвиняется только въ одномъ намѣреніи. Я хотѣлъ избавить Тезея отъ позора, который сдѣлалъ бы его менѣе симпатичнымъ для зрителей.

Чтó касается личности Ипполита, то я замѣтилъ у древнихъ упреки Еврипиду въ томъ, что онъ представилъ его философомъ, свободнымъ отъ всякаго недостатка: вслѣдствіе чего смерть юнаго царевича вызывала гораздо болѣе негодованія, нежели сожалѣнія [1]). Я счелъ нужнымъ надѣлить его какою-нибудь слабостію, которая сдѣлала бы его нѣсколько виновнымъ передъ отцомъ, одна-

---

царедворца все низменное, чтó можетъ потребоваться въ трагедіи, сваливать на личности низшаго сословія; не забылъ ли Расинъ столь общеизвѣстную истину изъ области права и морали, что каждый отвѣчаетъ за то, чтó заставилъ сдѣлать другого?“ Быть можетъ, злоупотребляя выраженіемъ Расина, можно пожалуй въ нашъ демократическій вѣкъ находить, что Расинъ выразился здѣсь о низкомъ положеніи довольно презрительно; но прочитавшему всю эту часть предисловія, въ особенности же самую піесу, ясно, что онъ менѣе пощадилъ въ Федрѣ ея высокій санъ, нежели ея благородныя и добродѣтельныя чувства, умилительные слѣды которыхъ онъ желалъ сохранить въ этой заблуждающейся душѣ. Въ этомъ-то и состоитъ великая красота этого образа. Само собою разумѣется, что съ точки зрѣнія нравственности, каждый отвѣтственъ за все, чтó не воспрепятствовалъ сдѣлать другимъ; тѣмъ не менѣе, если бы Федра сама приняла рѣшеніе обвинить Ипполита, вмѣсто вырваннаго у нея нерѣшительнаго согласія, она гораздо болѣе возмущала бы зрителя и не могла бы вызвать такого состраданія, какъ теперь *(Менаръ)*.

1) Теорія, на которую опирается упрекъ, сдѣланный Еврипиду, принадлежитъ Аристотелю въ его Поэтикѣ, въ гл. XIII. Но гдѣ могъ Расинъ вычитать у древнихъ это осужденіе характера греческаго Ипполита, которое пришлось такъ кстати для оправданія измѣненія, сдѣланнаго Расиномъ въ этомъ характерѣ? Если онъ у нихъ этого не читалъ, то какое было мнѣніе тѣхъ комментаторовъ, на которыхъ онъ въ этомъ ссылается? Мы не могли отыскать никакого источника, изъ котораго онъ могъ бы почерпнуть это свѣдѣніе. Мы вполнѣ увѣрены, что Расинъ не только не былъ способенъ стараться обмануть своихъ читателей, но даже говорить безосновательно. Шлегель въ своемъ Сравненіи обѣихъ Федръ (стр. 95 и 96), не высказавшись, вѣритъ ли онъ тому, что упомянутые Расиномъ отзывы дѣйствительно принадлежатъ древности, довольствуется тѣмъ, что предлагаетъ опроверженіе ихъ, довольно цѣнное: Ипполитъ, хотя одаренный у Еврипида всѣми нравственными совершенствами, по понятіямъ древнихъ не былъ безупреченъ: онъ презрительно относился къ Венерѣ — въ этомъ вина его *(Менаръ)*.

коже нисколько не лишая его того величія души, которое побуждаетъ его пощадить честь Федры и принять кару, не обвинивъ ея. Слабостію называю ту страсть, которую чувствуетъ онъ, вопреки самому себѣ, къ Арисіи, дочери и сестрѣ смертельныхъ враговъ его отца.

Эта Арисія—лицо, вовсе не выдуманное мною. Виргилій говоритъ, что Ипполитъ женился на ней и имѣлъ отъ нея сына, послѣ того какъ Эскулапъ воскресилъ его[1]). Читалъ я также у нѣкоторыхъ авторовъ[2]), что Ипполитъ женился и увезъ въ Италію молодую Аѳинянку знатнаго рода, которую звали Арисіей и по имени которой названъ одинъ городокъ въ Италіи.

Ссылаюсь на эти авторитеты потому, что старался слѣдовать какъ можно тщательнѣе сказанію. Я даже въ исторіи Тезея слѣдовалъ повѣствованію Плутарха.

У этого историка я узналъ, что поводомъ къ предположенію о схожденіи Тезея въ преисподнюю для похищенія Прозерпины, послужило путешествіе, предпринятое этимъ царемъ въ Эпиръ къ истоку Ахерона, къ царю, у котораго Пиритой намѣревался похитить жену и который, убивъ Пиритоя, захватилъ Тезея въ плѣнъ[3]). Такъ старался я сохранить историческое правдоподобіе, ничего не теряя изъ украшеній сказанія, которое даетъ много содержанія поэзіи. А слухъ о смерти Тезея, основанный на этомъ баснословномъ странствованіи, даетъ Федрѣ поводъ объясниться въ любви своей, что становится одною изъ важнѣйшихъ причинъ ея несчастія и на что она никогда не рѣшилась бы, если бы думала, что мужъ ея живъ.

Впрочемъ я не осмѣливаюсь утверждать, чтобы эта

---

1) Энеида, VII, 761—769.

2) Не прочиталъ ли Расинъ эту исторію аѳинской Арисіи въ переводѣ Изображеній Филострата, изданномъ въ 1615 г., въ 1 т. in-folio въ Парижѣ (въ тип. вдовы Абель Ланжелье), подъ заглавіемъ Les Images ou Tableaux de platte peintures des deux Philostrates... mis en françois par Blaise de Vigenere? Въ Примѣчаніи къ изображенію Ипполита (кн. II, стр. 311) находимъ замѣчаніе по поводу Арисійской рощи, о которой упомянуто у Овидія: „Полагаютъ, что это мѣсто такъ названо по имени Арисіи, прекрасной молодой дѣвушки изъ Аттики, дѣвушки, которую Ипполитъ, полюбивъ, привезъ въ Италію и на которой женился". Прадонъ въ предисловіи къ своей Федрѣ заявляетъ, что заимствовалъ свой эпизодъ объ Арисіи изъ Изображеній Филострата. *(Менаръ)*.

3) См. Плутарха: Жизнь Тезея (гл. XXXI) и Павсанія Аттики (гл. XVII). — Имя царя, у котораго Пиритой намѣревался похитить по Плутарху — дочь; а по Павсанію—жену, было Эдоней (Ἀιδωνεύς, одно изъ именованій Гадеса или Плутона). *(Менаръ)*. — Извлеченіе изъ Плутарха см. выше (стр. 155) *(Перев.)*.

піеса была въ самомъ дѣлѣ лучшею изъ моихъ трагедій. Предоставляю читателямъ и времени рѣшить ея истинную цѣну. Могу только утверждать, что я не написалъ ни одной піесы, гдѣ добродѣтель была бы выставлена съ такою ясностію. Малѣйшіе проступки здѣсь навлекаютъ строгую кару. Даже преступный помыслъ изображается здѣсь такимъ же ужаснымъ, какъ и само преступленіе. Любовныя слабости здѣсь представлены, какъ истинныя слабости; страсти выведены здѣсь лишь для того, чтобы показать нравственное паденіе, до котораго онѣ доводятъ; и порокъ изображенъ здѣсь вездѣ красками, которыя показываютъ гнусность его и вызываютъ ненависть къ нему. Собственно въ этомъ и должна заключаться цѣль, которая обязательна для каждаго кто служитъ публичному дѣлу; то же имѣли въ виду предпочтительно предъ всѣмъ остальнымъ и первые трагическіе поэты. Ихъ театръ былъ школою, гдѣ учили добродѣтели не хуже, чѣмъ въ школахъ философовъ. И Аристотель очень заботился о томъ, чтобы дать правила драматическаго произведенія; и Сократъ, мудрѣйшій изъ философовъ, не пренебрегъ приложить руку къ трагедіямъ Еврипида[1]). Было бы желательно, чтобы произведенія нашего времени были такъ же серьезны и такъ же полны полезныхъ уроковъ, какъ творенія этихъ поэтовъ. Быть можетъ, это послужило бы средствомъ примирить съ трагедіей многихъ лицъ, славныхъ благочестіемъ и своимъ ученіемъ, которыя въ послѣднее время [2]) осуждали ее и которыя, конечно, стали бы судить о ней гораздо благосклоннѣе, если бы авторы столько же заботились о поученіи зрителей, сколько заботятся объ ихъ развлеченіи, и если бы они въ этомъ слѣдовали истинному назначенію трагедіи.

---

1) Діогенъ Лаэрцій въ началѣ главы о Сократѣ (II, 5) передаетъ, подкрѣпляя свое сообщеніе различными свидѣтельствами, что Сократу приписывали помощь поэту *(Менаръ)*.

2) См. передъ трагедіей Аттила, написанной за 10 лѣтъ до Федры, краткій отвѣтъ Корнеля (т. VII изд. Ренье, стр. 105) „на ругательства (какъ выражается онъ), которыя съ нѣкотораго времени являются въ свѣтъ, противъ комедіи". См. также, что говоритъ г. Марти-Лаво въ примѣчаніи (ib., стр. 105) о двухъ Разсужденіяхъ о комедіи Николя и принца Конти, изъ которыхъ 1-е явилось въ 1659 г. и было перепечатано въ Essais de morale (т. III), а 2-е явилось въ 1667 г. *(Менаръ)*.

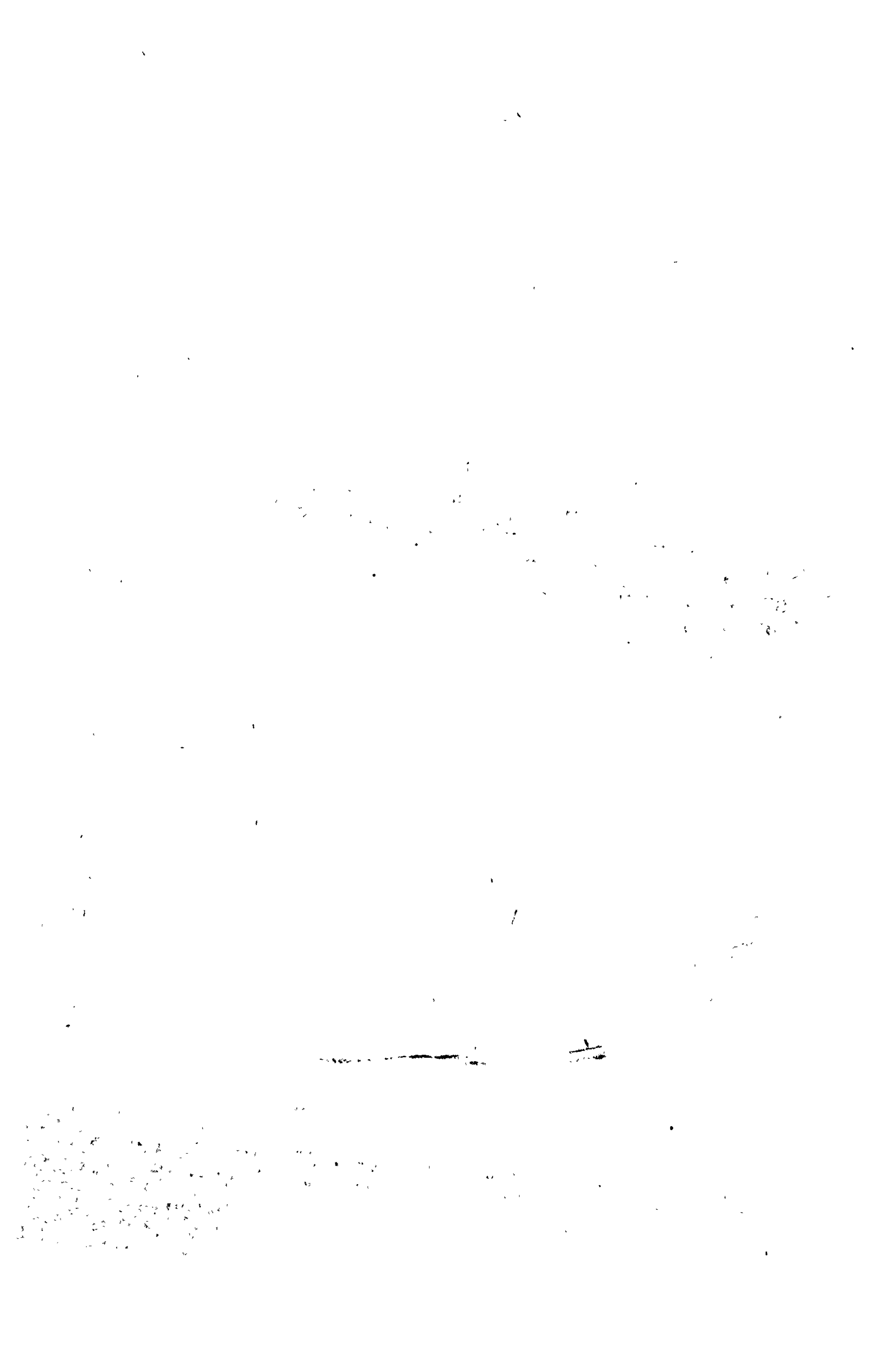
ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Тезей, сынъ Эгея, царь аѳинскій.
Федра, супруга Тезея, дочь Миноса и Пасифаи.
Ипполитъ, сынъ Тезея и Антіопы, царицы Амазонокъ.
Арисія, царевна аѳинской царской крови.
Энона, кормилица и наперсница Федры.
Тераменъ, воспитатель Ипполита.
Исмена, наперсница Арисіи.
Панопа, женщина изъ свиты Федры.
Стражи.

Дѣйствіе происходитъ въ пелопоннезскомъ городѣ Трезенѣ. [1]

---

[1] Въ Арголидѣ. Въ Трезенѣ же происходитъ дѣйствіе въ Еврипидовомъ „Ипполитѣ"; въ „Ипполитѣ" Сенеки оно происходитъ въ Аѳинахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Ипполитъ, Тераменъ.

Ипполитъ.

Любезный Тераменъ, рѣшился я. Прощай.
Покинуть должно мнѣ Трезены милый край.
Въ сомнѣньи тяжкомъ я такъ долго изнываю,
Что праздности своей стыдиться начинаю.
Въ разлукѣ болѣе полугода съ отцомъ,
Извѣстій никакихъ я не имѣлъ о немъ.
Тревожусь я судьбой отца, мнѣ дорогого:
Гдѣ онъ? въ какихъ краяхъ?—нѣтъ слуха никакого.

Тераменъ.

Куда же ты его отправишься искать?
Чтобъ отъ тревогъ тебѣ успокоенье дать,
Уже исплавалъ я, съ стихіей грозной споря,
По обѣ стороны Коринѳа оба моря.
Тезея я искалъ у дальнихъ береговъ,
Гдѣ льется Ахеронъ въ предѣлы мертвецовъ,
Элиду посѣтилъ, проплылъ и близь Тенара
До моря, зрѣвшаго паденіе Икара [1]).
Что жъ новую тебѣ надежду подаетъ?

---

1) Это путешествіе, предпринятое Тераменомъ по приказанію Ипполита для поисковъ Тезея, напоминаетъ странствованіе Телемака съ цѣлію отыскать отца въ *Одиссеѣ*. Расину могло оно вспомниться. Но Тераменъ предпринялъ болѣе далекое плаваніе, нежели Телемакъ. *Оба моря, раздѣленныя Коринѳскимъ перешейкомъ*, должны означать не только моря Криссы и Саронійское, но Іоническое и Эгейское. Тераменъ достигалъ Эпира, гдѣ Ахеронъ теряется въ озерѣ Ахерузіи; затѣмъ посѣщаетъ Элиду на западномъ берегу Пелопоннеза, огибаетъ Тенарскій мысъ на югѣ этого полуострова, а оттуда достигаетъ Икарскаго моря, омывающаго берегъ Малой Азіи.

Въ какой счастливый край она тебя влечетъ
Искать слѣдовъ его? Быть можетъ,—кто же знаетъ?—
Нарочно ото всѣхъ себя теперь скрываетъ
И вѣсти намъ не шлетъ твой государь-отецъ.
И вотъ, межъ тѣмъ какъ мы здѣсь въ трепетѣ сердецъ
Страшимся за него,—доволенъ онъ во власти
Скрываемой отъ насъ сердечной новой страсти.
Герой не станетъ ждать, чтобъ жертва всѣхъ измѣнъ...

Ипполитъ.

Ни слова болѣе, мой добрый Тераменъ...
Не оскорбляй его. Отъ юныхъ заблужденій
Уже отрекся онъ, и низкихъ побужденій
Въ томъ промедленьѣ нѣтъ. Сдержала Федра въ немъ
Сжигавшее его губительнымъ огнемъ
Непостоянство чувствъ, заставивъ ихъ смириться;
Давно уже она соперницъ не боится.
Отыскивать отца—обязанность моя,
И край покинуть тотъ, гдѣ жить не долженъ я.

Тераменъ.

Давно ль ты, государь, питаешь опасенье
Къ странѣ, столь дорогой тебѣ со дня рожденья?
Ты, кажется, ее предпочиталъ всегда
Аѳинамъ и двору: отъ нихъ бѣжалъ сюда.
Какой же страхъ теперь, какое огорченье
Причиной твоего отсюда удаленья?

Ипполитъ.

Все измѣнило видъ; умчалось счастье прочь
Съ тѣхъ поръ, какъ прибыла сюда Миноса дочь.

Тераменъ.

Я понялъ, что̀ тебя страдать здѣсь заставляетъ:
Видъ Федры такъ тебя гнететъ и раздражаетъ.
Лихая мачеха, едва предсталъ ты ей,
Явила власти знакъ немедленно своей
И изгнала тебя. Но нынѣ прекратилась
Въ ней ненависть къ тебѣ, иль много умалилась:
Какое же ты зло боишься потерпѣть
Отъ женщины, совсѣмъ готовой умереть?

Невѣдомый недугъ ея уноситъ силы;
И жизнь и ясный день ей стали ужъ не милы:
Возможны ль умыслы теперь ей на тебя?

Ипполитъ.

Не Федры умысловъ страшусь безсильныхъ я:
Другого Ипполитъ врага здѣсь убѣгаетъ.
Сознаюсь я: меня Арисія смущаетъ—
Послѣдній этотъ плодъ отъ крови роковой,
Которая всегда пылала къ намъ враждой.

Терамѳнъ.

Откуда, государь, въ тебѣ немилость эта?
Дѣлила ли сестра, столь полная привѣта,
Коварства братьевъ злыхъ, Палланта сыновей [2])?
За что же ненависть питать ты долженъ къ ней?

Ипполитъ.

О, если бы ее я только ненавидѣлъ,
То къ бѣгству въ этомъ я причины бы не видѣлъ.

Терамѳнъ.

Позволь мнѣ, государь, причину объяснить.
Ужъ гордымъ Ипполитъ не пересталъ ли быть
И непреклоннѣйшимъ врагомъ любовной власти
И тяжкаго ярма, къ которому пылъ страсти
Тезея голову склонялъ такъ много разъ?
Венерѣ уступить пришелъ, какъ видно, часъ.
Презрѣньемъ къ ней своимъ ты вызвалъ въ ней желанье
Теперь внушить тебѣ Тезея оправданье,
Съ другими смертными людьми тебя сравнять
И ѳиміамъ себѣ заставить воскурять?
Ужъ ты не любишь ли?

Ипполитъ.

Чтó ты сказать рѣшился—
Ты, знающій меня со дня, какъ я родился,

---

[2]) Паллантиды, сыновья Палласа или, какъ его называетъ Расинъ въ другомъ мѣстѣ, Палланта, сына Пандіона и брата Эгеева. Когда они увидали, что Тезей признанъ сыномъ Эгея и наслѣдникомъ Аѳинскаго царства, которого они искали, то составили противъ него заговоръ и устроили ему засаду. Тезей истребилъ ихъ, затѣмъ отправился въ Трезену *для совершенія очищенія* (См. выше Плутарха *Тезей*, гл. XIII, и Павсанія I, 22).

И сердца гордаго взыскательность мою?
Какъ можешь ты желать, чтобъ гордость я свою
Постыднымъ предъ тобой пятналъ разувѣреньемъ?
Та гордость вложена въ меня самимъ рожденьемъ;
Отъ матери [3]) ее всосалъ я съ молокомъ;
Когда же, наконецъ, сталъ созрѣвать умомъ —
То восторгался я въ себѣ ея сознаньемъ.
Ты, мнѣ столь преданный, своимъ повѣствованьемъ
О подвигахъ отца мой духъ воспламенялъ,
Когда разсказывалъ, какъ смертнымъ замѣнялъ
Алкида мой отецъ, свершитель дѣлъ великихъ,
На благо общее крушилъ чудовищъ дикихъ,
Какъ собственной рукой каралъ злодѣевъ онъ,
Убиты имъ Прокрустъ, Керкіонъ и Скиронъ,
Критъ жаркой обагрилъ онъ кровью Минотавра
И кости разметалъ гиганта Эпидавра [4])...
Когда же ты къ дѣламъ отца переходилъ,
Которыми свою онъ славу омрачилъ:
Какъ всюду расточалъ въ любви онъ увѣренья,

---

[3]) Мать его — Амазонка Антіопа — по нѣкоторымъ же — Ипполита. Она стала женою Тезея послѣ первой борьбы его съ Амазонками.

[4]) См. подобное же перечисленіе подвиговъ Тезея у Овидія:

...Te, maxime Theseu,
Mirata est Marathon Cretaei sanguine tauri...
...Tellus Epidauria per te
Clavigeram vidit Vulcani occumbere prolem;
Vidit et immitem Cephesias ora Procrusten;
Cecryonis letum vidit Cerealis Eleusin.
Occidit ille Sinis, magnis male viribus usus,
Qui poterat curvare trabes, et agebat ab alto
Ad terram late sparsuras corpora pinus.
Tutus ad Alcathoen, Lelegeia moenia, limes,
Composito Scirone, patet... (Metamorph. VII, 433—444).

т. е.: ..... Великій Тезей! Мараѳонъ предъ тобою
Благоговѣлъ за побѣду надъ критскимъ быкомъ разъяреннымъ...
......Тобою, въ виду Эпидавра
Былъ уничтоженъ потомокъ Вулкана съ его булавой;
Неукротимый кефизскій Прокрустъ укрощенъ былъ тобою,
А въ Элевзисѣ Церериномъ ты сокрушилъ Керкіона.
Употреблявшій во зло свои силы громадныя Синій
Не устоялъ предъ тобой, хоть сгибалъ своей мощной рукою
Балки въ дугу, безъ усилій накренивалъ сосенъ вершины,
Съ тѣмъ, чтобъ, напавши на мирно идущихъ своею дорогой,
Надвое ихъ разорвать. Ты, герой, усмиривши Скирона,
Ты въ Алкатою, владѣнье Лелеговъ, очистилъ дорогу.
(„Превращ. П. Овидія. Н. М. 1874").

Какъ въ Спартѣ совершилъ Елены похищенье,
Какъ Перибею [5]) онъ заставилъ слезы лить
И воплемъ Саламинъ печальнымъ огласить,
И сколькимъ измѣнилъ другимъ, уже забытымъ
Довѣрчивымъ сердцамъ, его любви открытымъ;
Какъ слала жалобы къ утесамъ горъ нѣмымъ
И Аріадна, тамъ покинутая имъ [6]);
А наконецъ и то, какъ въ часъ благопріятный
Похитилъ Федру онъ,—разсказъ тотъ непріятный
Едва дослушивать я въ силахъ былъ всегда
И сократить его тебя просилъ тогда,
Желая позабыть о слабости несчастной,
Позорящей отца въ той повѣсти прекрасной.
И могъ подумать ты, что мной владѣетъ страсть,
Что можетъ Ипполитъ въ такую низость впасть!
Но тѣмъ постыднѣе мнѣ были бъ воздыханья,
Что нѣтъ мнѣ, какъ отцу, въ заслугахъ оправданья,
Которыхъ славный рядъ сопутствовалъ ему;
Что я чудовищу еще ни одному
Удара не нанесъ; что дѣлъ великихъ слава
На погрѣшенія мнѣ не давала права.
Да если бъ даже я смягчить и гордость могъ,
Арисію избрать мнѣ воспретилъ бы рокъ.
Способенъ былъ ли бъ я увлечься такъ мечтами,
Чтобъ бездну позабыть, простертую межъ нами?
Отецъ враждебенъ ей, и строго приказалъ,
Чтобъ братьямъ бракъ сестры племянниковъ не далъ:
Отъ вреднаго ствола онъ отрасли боится,
И должно имя ихъ съ сестрою схорониться;
Ей подъ опекою Тезея жить должно
До той поры, какъ въ гробъ ей скрыться суждено;
И факелъ брачный ей вовѣкъ не загорится.
Такъ за права ея возможно ль мнѣ вступиться,
Коль въ гнѣвѣ на нее такомъ родитель мой?
Могу ль подать примѣръ я дерзости такой?
Безумной той любви въ томленіи глубокомъ...

---

[5]) Перибея (въ ст. 568 Софоклова *Аякса* названная Эрибеей) вышла за Теламона, саламинскаго царя, отца Аяксова, послѣ того, какъ была покинута Тезеемъ.

[6]) Намекъ на знаменитыя сѣтованія покинутой на о. Наксосѣ Аріадны у Катулла.

ТЕРАМЕНЪ.

Ужъ если, государь, назначёно что рокомъ,
То небо доводовъ не слушаетъ людскихъ.
Тезей, затменія желая глазъ твоихъ,
Ихъ больше прояснилъ; и гнѣвъ его упорный
Могъ только распалить твой пламень непокорный
И больше прелести противницѣ придать.
Зачѣмъ тебѣ любви столь чистой избѣгать?
Коль сладостна она, зачѣмъ ея страшишься?
Иль совѣсти своей укоровъ все боишься?
Иль страшно, слѣдуя Алкидову пути,
Въ блужданіяхъ тебѣ дороги не найти?
Какого гордеца Венера не смиряла?
Да гдѣ жъ ты былъ бы самъ, когда бы сохраняла
Къ ней непокорство мать суровая твоя
И чувству чистому не отдала себя? 7)

---

7) Вольтеръ (т. V, стр. 481, *Разсужденіе о трагедіи*) говоритъ, что эти слова „болѣе приличныя пастуху, нежели воспитателю принца", заимствованы изъ *Pastor fido.* Комментаторы Расина—ранѣе другихъ, кажется, Люно-де-Буажерменъ—замѣтили, что подобный же аргументъ противъ безбрачія находится въ *Ученыхъ женщинахъ* Мольера (д. I, сц. 1, 77—80). Генріетта говоритъ тамъ сестрѣ Армандѣ:

...Vous ne seriez pas ce dont vous vous vantez,
Si ma mère n'eût eu que de ces beaux côtés;
Et bien vous prend, ma soeur, que son noble génie
N'ait pas voqué toujours à la philosophie.

(т. е.: „Ты не была бы тѣмъ, чѣмъ похваляешься, если бы у нашей матери были бы только лучшія свойства; твое счастіе, что ея высокій духъ не всегда занимался только одной философіей").

Ученыя женщины игрались за пять лѣтъ до *Федры*. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть, чтобы Мольеръ, а еще того менѣе *Pastor fido*, далъ Расину первоначальную мысль для этихъ стиховъ. Сходное съ ними мѣсто находится въ *Ипполитѣ* Жильбера: потому гораздо естественнѣе дѣйствительнаго источника искать въ этой піесѣ, если уже хотятъ найти источникъ довода Тераменова. У Жильбера Ахриза, стараясь побѣдить безчувственнаго Ипполита, говоритъ (д. II, сц. 3):

Dites-moi, seriez-vous du nombre des vivants,
Auriez-vous de lauriers la tête couronnée,
Si la belle Antiope eût fuy l'hyménée?
Pouvez-vous l'honorer et ne l'imiter pas?

(т. е.: „Скажи мнѣ, былъ ли бъ ты самъ въ числѣ живущихъ, была ли бы твоя голова увѣнчана лаврами, если бы прекрасная Антіопа избѣгала гименея? Можешь ли ты чтить ее и не подражать ей?").

Въ *Ипполитѣ* Еврипида нѣтъ ничего, что могло бы послужить образцомъ для этихъ стиховъ Жильбера и Расина; но они совсѣмъ во вкусѣ греческаго трагика, и было бы менѣе удивительно встрѣтить ихъ у него, нежели у нашего поэта, котораго упрекали въ томъ, что онъ ими унизилъ тонъ трагедіи.

Къ чему рядъ пышныхъ словъ? Сознайся, что на свѣтѣ
Все измѣняется—и рѣдко ужъ въ дни эти
Вдоль берега, суровъ, съ отвагою въ очахъ
Пускаешь ты коней, взметая легкій прахъ,
Иль, насъ Нептуновымъ искусствомъ восхищая,
Коня смиряешь ты уздою укрощая.
И кликамъ нашимъ лѣсъ ужъ вторить рѣже сталъ;
Отъ тайнаго огня твой ясный взоръ запалъ.
Сомнѣнья больше нѣтъ: ты любишь, ты пылаешь,
Томишься страстью ты—и ты ее скрываешь!
Ужель плѣнила такъ Арисія тебя?

Ипполитъ.

Отыскивать отца теперь поѣду я.

Тераменъ.

Не повидаешься ль ты съ Федрой на прощаньѣ?

Ипполитъ.

Да, неизбѣжно съ ней теперь мое свиданье
И долгъ мой. Можешь ты ее предупредить...
Но что же вновь могло Энону такъ смутить?

СЦЕНА II.

Ипполитъ, Тераменъ, Энона.

Энона.

О, горе, государь! Мнѣ душу скорбь терзаетъ:
Послѣдній, видно, часъ царицѣ наступаетъ.
Напрасно день и ночь забочусь я о ней:
Какой-то злой недугъ тая въ душѣ своей,
Склонясь мнѣ на руки, несчастная слабѣетъ [8];
Разстройство полное ея умомъ владѣетъ;
Постель покинувши, она въ тревогѣ злой
На ясный рвется свѣтъ. При видѣ скорби той
Отсюда удалить должна я всѣхъ покуда.
Она идетъ за мной.

---

8) ... Maesta secretum occulit,
Statuitque secum ferre, quo moritur, malum. (Сен. Hipp., 860,—861).
т. е.: „Печальная, она скрываетъ въ тайнѣ и рѣшила унести съ собой то зло, отъ котораго умираетъ“).

Ипполитъ.

О, если такъ—отсюда
Я удалиться прочь обязанъ поскорѣй,
Мой видъ лишь ненависть всегда внушаетъ ей.

СЦЕНА III.

Федра, Энона.

Федра.

Энона милая, постой здѣсь. Я слабѣю
И дальше двинуться ужъ силы не имѣю [9])...
Глаза мнѣ рѣжетъ свѣтъ... И гнутся и дрожатъ
Колѣна слабыя. (*Садится*).

Энона.

Пусть боги гнѣвъ смирятъ!

Федра.

Гнететъ меня уборъ и это покрывало [10])!
Кто та несчастная, кому на мысли вспало

---

9) Αἴρετέ μου δέμας· ὀρθοῦτε κάρα.
Λέλυμαι μελέων ξύνδεσμα, φίλαι.

(т. е.: „Поднимите меня, поддержите мнѣ голову... Милыя, тѣло мое ослабло...“)

10) Βαρύ μοι κεφαλῆς ἐπίκρανον ἔχειν·
Ἄφελ᾽· ἀμπέτασον βόστρυχον ὤμοις. (*Инп. Евр.* 98—102).

(т. е.: „Покрывало давитъ мнѣ голову. Долой его! Распустите мнѣ волосы по плечамъ“).

Ла-Пенельеръ въ своемъ *Ипполитѣ* (д. III, сц. 1) такъ развилъ это мѣсто Еврипида:

Qu'on ôte de mes yeux tous ces habits royaux.
Serrez ces chaînes d'or; cachez tous ces joyaux.
Que je ne voye plus ces riches broderies,
Ces perles du Levant, toutes ces pierreries!
Non, ne me poudrez plus désormais les cheveux;
Arrachez ces rubans, faites ce que je veux,
Et qu'au gré du zéphyre ils volent sans contrainte.
Mettez-moi ces carquois; que sans honte et sans crainte
Je suive mon chasseur à travers ces forêts.

(т. е.: „Возьмите прочь съ глазъ моихъ всѣ эти царственныя одежды, спрячьте эти золотыя цѣпи, всѣ эти драгоцѣнности. Прочь съ глазъ моихъ эти богатыя вышитыя ткани; этотъ левантскій жемчугъ и драгоцѣнные камни! Нѣтъ, не пудрите мнѣ волосы никогда болѣе; сорвите эти ленты; исполните мою волю; пусть носятся онѣ свободно по вѣтру. Надѣньте на меня этотъ колчанъ; безъ страха и стыда я послѣдую въ лѣса за моимъ охотникомъ“).

Всѣ волосы мои на лбу связать узломъ?
Терзаетъ здѣсь меня и мучитъ все кругомъ!

ЭНОНА.

Противорѣчія полны ея желанья!
Сама уборъ надѣть дала ты приказанье
И, силы прежнія вновь вызвавши въ себѣ,
На свѣтъ просилась ты. Вотъ свѣтитъ онъ тебѣ,
А отъ него теперь ты прятаться готова:
Искала ты его—и проклинаешь снова [11]).

ФЕДРА.

О, солнце свѣтлое, виновникъ скорбныхъ дней
Несчастнѣйшей семьи и матери моей,
Кого имѣть отцомъ за честь она считала [12]),
Должно ты покраснѣть, лишь только увидало
Какой тревогою душа моя зажглась.
О солнце! вижу я тебя въ послѣдній разъ!

ЭНОНА.

Какъ? мысль ужасную ты все не покидаешь?

---

11) Τόδε σοι φέγγος λαμπρόν, ὅδ' αἰθήρ...
Δεῦρο γὰρ ἐλθεῖν πᾶν ἔπος ἦν σοι.
Τάχα δ' ἐς θαλάμους σπεύσεις τὸ πάλιν·
Ταχὺ, γὰρ σφάλλει, κοὐδενὶ χαίρεις,
Οὐδέ σ' ἀρέσκει τὸ παρὸν, τὸ δ' ἀπὸν
Φίλτερον ἡγεῖ. (*Ипп. Евр.* 177—184).

(т. е.: „Вотъ тебѣ и этотъ яркій дневной свѣтъ, вотъ и воздухъ... Ты настаивала, чтобы тебя вынесли сюда; а того и гляди, скоро опять заторопишься въ комнату, то и дѣло являются новыя желанія; тебѣ ничѣмъ не угодишь; что передъ тобою, то не любо тебѣ; тебѣ хочется того, чего нѣтъ“).

Тѣ же черты находимъ у Сенеки:

.... Nil idem dubiae placet.
...Attolli jubet,
Iterumque poni corpus; et solvi comas
Rursusque fingi: semper impatiens sui,
Mutatur habitus... (ст. 365—373).

(т. е.: „Ей, преданной колебанію, не нравится ничто постоянное.... Она приказываетъ приподнять тѣло и снова положить его; распустить волосы и снова привести ихъ въ порядокъ. Постоянно недовольная собой, мѣняетъ свой видъ).

Роберъ Гарнье передалъ это мѣсто такъ:

Rien ne lui sauroit plaire: elle s'assied dolente,
Puis elle se relève, ou se couche inconstante...
Tantôt elle pâlit, et tout soudainement
La couleur lui rehausse....

(т. е.: „Ничто-то ей не нравится: то она сядетъ печальная, то поднимется, или ляжетъ.... То она блѣднѣетъ, то вдругъ краснѣетъ....“).

12) См. ниже вын. 28.

Все видѣть я должна, какъ жизнь ты отвергаешь
И, призывая смерть, себя готовишь къ ней?

ФЕДРА.

Зачѣмъ я не въ лѣсу, подъ тѣнію вѣтвей!
О, если бы теперь за облаками пыли
Вновь колесницы бѣгъ глаза мои слѣдили!

ЭНОНА.

Что?

ФЕДРА.

Ахъ! безумная! Что говорю? гдѣ я?
Куда мечты мои вновь унесли меня?
О! небо разума совсѣмъ меня лишаетъ.
Энона, видишь ты: лицо мое пылаетъ,
Не скрыла я печаль постыдную свою:
Хочу сдержать себя—и снова слезы лью [14]).

---

[13]) Αἶ! αἶ!
Πῶς ἂν δροσερᾶς ἀπὸ κρηνῖδος
Καθαρῶν ὑδάτων πῶμ' ἀρυσαίμαν;
'Υπό τ' αἰγείροις ἔν τε κομήτῃ
Λειμῶνι κλιθεῖς' ἀναπαυσαίμαν;...
Πέμπετέ μ' εἰς ὄρος......
Δέσποιν' ἁλίας Ἄρτεμι Λίμνας
Καὶ γυμνασίων τῶν ἱπποκρότων,
Εἴθε γενοίμαν ἐν σοῖς δαπέδοις
Πώλους Ἐνέτας δαμαλιζομένα. (*Ипп. Евр.* 207—231).

т. е.: „О горе мнѣ! Какъ бы мнѣ испить чистой воды изъ студенаго ручья; какъ бы лечь мнѣ отдохнуть на зеленомъ лугу подъ тѣнью тополей!... Ведите въ горы меня.... О Артемида, богиня приморской Лимны, покровительница ристалищъ, откуда несется топотъ коней! Какъ бы хотѣлось мнѣ выступить на твоемъ ипподромѣ укротительницей венетскихъ коней!")

Овидій подражалъ этому мѣсту въ *Посланіи Федры къ Ипполиту* (ст. 37—46). Два послѣдніе стиха имѣютъ значительное сходство съ Расиновыми:

Saepe juvat versare leves in pulvere currus,
Torquentem frenis ora sequacis equi.

(т. е.: „Часто тѣшитъ себя, катя легкую колесницу по праху, направляя удилами бѣгъ коня").

[14]) Δύστανος ἐγώ, τί ποτ' εἰργασάμαν;
Ποῖ παρεπλάγχθην γνώμας ἀγαθᾶς;
Ἐμάνην, ἔπεσον δαίμονος ἄτᾳ....
Μαῖα, πάλιν μου κρύψον κεφαλάν·
Αἰδούμεθα γὰρ τὰ λελεγμένα μοι.
Κρύπτε· κατ' ὄσσων δάκρυ μοι βαίνει,
Καὶ ἐπ' αἰσχύνην ὄμμα τέτραπται. (*Ипп. Евр.* 239—246).

(т. е.: „Несчастная, что я сдѣлала! До чего довело меня безуміе мое! Я съ ума сошла; разгнѣванный богъ лишилъ меня разсудка! Покрой, мамка, мнѣ голову опять. Я плачу; отъ стыда я не могу смотрѣть прямо").

ЭНОНА.

Стыдиться слѣдуетъ тебѣ того молчанья,
Которымъ можешь ты усилить лишь страданья.
Ужель безжалостно такъ смерти жаждешь ты?
Какою страстію внезапно отняты
Во цвѣтѣ лѣтъ въ тебѣ всѣ жизненныя силы;
Заботы наши всѣ тебѣ уже не милы!
Отравой кто тебя иль чарами извелъ?
Три раза мракъ ночной на небо тѣнь возвелъ,
А ты очей своихъ ни разу не смыкала;
Три раза ночи тѣнь съ него заря сгоняла,
А пищей подкрѣпить себя ты отреклась [15]).
Какому умыслу ты втайнѣ предалась?
Кто право далъ тебѣ на это покушенье?
Богамъ, пославшимъ жизнь,-то злое оскорбленье,

---

[15]) У Еврипида также на слова хора о Федрѣ (ст. 274):

'Ως ἀσθενεῖ τε καὶ κατέξανται δέμας!

(т. е.: „Какой упадокъ силъ, и какъ она исхудала!“)
кормилица отвѣчаетъ (ст. 275):

Πῶς δ' οὔ; τριταίαν γ' οὖσ' ἄσιτος ἡμέραν.

(т. е.: „Еще бы! Она не принимаетъ пищи уже третій день“).

То же высказываетъ хоръ нѣсколько выше въ слѣдующихъ, болѣе украшенныхъ выраженіяхъ:

Τριτάταν δέ νιν κλύω
Τάνδε αμβρωσίου
Στόματος ἁμέραν
Δάματρος ἀκτᾶς δέμας ἁγνὸν ἴσχειν,
Κρυπτῷ γν πένθει θανάτου θέλουσαν
Κέλσαι ποτὶ τέρμα δύστανον. (*Ипп. Евр.* 134—139).

(т. е.: „Третій день она, какъ слышала я, отъ Деметриныхъ даровъ пищи въ ротъ не принимая, тѣло чистымъ соблюдаетъ и въ страданьи затаенномъ скорѣе хочетъ достигнуть грустнаго предѣла“).

У Сенеки сказано гораздо короче:

...Nulla jam Cereris subit
Cura, aut salutis ... (ст. 373 и 374).

(т. е.: „Вовсе не является у ней заботы о пищѣ или здоровьѣ“).

Если могли упрекать Расина за выраженіе слишкомъ поэтическое, то нельзя того же сказать о стихахъ Гарнье:

Elle ne mange point: la viande aperçue,
Devant que d'y goûter, lui offense la vue.
Le sommeil qui nourrit tout ce qui vit au monde,
Ne peut clore ses yeux.

(т. е.: „Она совсѣмъ не ѣстъ: при видѣ мяса, прежде чѣмъ испробовать, она уже чувствуетъ отъ него отвращеніе. Сонъ, питающій все живое въ свѣтѣ, не можетъ сомкнуть ея глазъ.

Измѣна клятвамъ то супружескимъ твоимъ;
Дѣтей ты предаешь, готовя рабство имъ.
Подумай: въ день, когда ихъ мать на вѣкъ оставитъ,
Сынъ иноземки здѣсь права свои заявитъ,—
Надменный врагъ и твой и рода твоего,—
Сынъ амазонки той, которая его
Носила въ чревѣ—онъ... тотъ Ипполитъ...

ФЕДРА.

О боги!

ЭНОНА.

Царица, мой упрекъ причиною тревоги?

ФЕДРА.

Несчастная! кого дерзнула ты назвать!

ЭНОНА.

А! справедливый гнѣвъ къ нему въ тебѣ опять!
Негодованіе пріятно мнѣ такое,
Лишь только назову я имя роковое.
Живи же: и любовь, и долгъ, царица, твой
Повелѣваютъ жить, забывъ о смерти злой.
Живи, не допусти, чтобъ сынъ Скиѳянки дикой [17])

---

16) ΤΡΟΦΟΣ. 'Αλλ' ἴσθι μέντοι (πρὸς τάδ' αὐθαδεστέρα
Γίγνου θαλάσσης), εἰ θανεῖ, προδοῦσα σοὺς
Παῖδας, πατρῴων μὴ μεθέξοντας δόμων,
Μὰ τὴν ἄνασσαν ἱππίαν 'Αμαζόνα,
"Η σοῖς τέκνοισι δεσπότην ἐγείνατο
Νοθόν, φρονοῦντα γνήσι' (οἶσθά νιν καλῶς),
'Ιππολυτον.
ΦΑΙΔΡΑ. Οἴ μοι!
ΤΡΟΦΟΣ. Θιγγάνει σέθεν τόδε;
ΦΑΙΔΡΑ. 'Απώλεσάς με, μαῖα, καὶ σε, πρὸς θεῶν,
Τοῦδ' ἀνδρὸς αὖθις λίσσομαι σιγᾶν πέρι.
ΤΡΟΦΟΣ. 'Ορᾷς; φρονεῖς μὲν εὖ, φρονοῦσα δ', οὐ θέλεις
Παῖδάς τ' ὀνῆσαι καὶ σὸν ἐκσῶσαι βίον. (ст. 304—314).

(т. е.. „Кормилица. Такъ знай же наконецъ—будь глуше моря ты къ словамъ моимъ—что смертію предашь ты дѣтей своихъ, лишивъ ихъ доли въ отцовскомъ наслѣдіи—клянусь наѣздницей, царицей Амазонокъ, которая родила владыку дѣтямъ твоимъ, этого незаконнаго сына, но по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживающаго правъ коренныхъ гражданъ (ты знаешь, о комъ я говорю), этого Ипполита.—Федра. Ахъ!—Кормилица. Какъ? Это тревожитъ тебя?—Федра. Убила ты меня, кормилица. Заклинаю тебя именемъ боговъ, не произноси впередъ этого имени. — Кормилица. Вотъ видишь. Ты разсуждаешь здраво, но разсуждая здраво, не хочешь поберечь себя для пользы дѣтей своихъ").

17) Обыкновенно страною Амазонокъ считалась Малая Азія, по берегамъ р. Термодона, но считали ихъ происшедшими изъ Скиѳіи.

Сковалъ твоихъ дѣтей, какъ станетъ ихъ владыкой—
Кровь благородную Эллады и боговъ.
Не мѣшкай; каждый мигъ тебя убить готовъ.
Скорѣй же соберись со всей твоею силой,
Покуда не угасъ свѣтильникъ жизни хилой,
Покуда снова онъ способенъ возгорѣть.

ФЕДРА.

И такъ ужъ слишкомъ я давала долго тлѣть
Огню преступному...

ЭНОНА.

Ужели угрызенье
На сердцѣ у тебя? Какое преступленье
Причиной можетъ быть душевныхъ этихъ мукъ?
Невинной кровью ты не обагряла рукъ.

ФЕДРА.

Рука моя ни въ чемъ преступномъ неповинна.
О, если бъ я могла и сердцемъ быть невинна! [18])

ЭНОНА.

Такъ страшный замыселъ возникъ какой-нибудь
Въ душѣ твоей, и онъ твою терзаетъ грудь?

ФЕДРА.

Достаточно тебѣ, Энона, я открыла—
И больше не проси: мнѣ бъ слишкомъ тяжко было...
Признанья страшнаго чтобъ избѣжать того,
Умру я...

ЭНОНА.

Что жъ? умри и удержи его;
Безчеловѣчное храни свое молчанье,
Но чтобъ закрыть глаза въ послѣдній мигъ страданья,
Ищи другой руки. Ты гаснешь, но скорѣй,
Чѣмъ ты, сумѣю я сойти въ страну тѣней:
Есть тысячи путей къ загробному порогу [19]).

---

18) ТРОФОΣ. Ἁγνάς μὲν, ὦ παῖ, χεῖρας, αἵματος φέρεις.
ΦΑΙΔΡΑ. Χεῖρες μὲν ἁγναί, φρὴν δ' ἔχει μίασμά τι. (ст. 316, 317).
(с. е.: „Не запятнаны ли кровью твои руки, дитя мое?—Федра. Нѣтъ, руки мои чисты, но нечисты мои помыслы.

19) Noctes atque dies patet atri janua Ditis. (Aen. VI, 127).
(т. е.: „Дни и ночи открыта дверь мрачнаго Плутона“).

О, скорбь найдетъ туда кратчайшую дорогу!
Жестокая! тебѣ я развѣ не вѣрна?
Ты отъ рожденья мнѣ была поручена;
Я для тебя съ дѣтьми и родиной разсталась—
И вотъ за вѣрность мнѣ что́ отъ тебя досталось!

ФЕДРА.

Что́ хочешь получить насиліемъ своимъ?
Я ужасну тебя признаніемъ моимъ.

ЭНОНА.

Какое ужаснуть меня могло бъ признанье
Сильнѣе, чѣмъ твое предсмертное страданье!

ФЕДРА.

Когда узнаешь грѣхъ, гнетущій такъ меня,
Вѣдь все же я умру—умру преступнѣй я!

ЭНОНА.

Безсильныя твои колѣна обнимая,
Молю тебя, скажи: въ чемъ тайна роковая?
Сомнѣнье разрѣши...

ФЕДРА.

Ты хочешь все узнать—
Такъ встань же.

ЭНОНА.

Говори: готова я внимать [21]).

ФЕДРА.

О небо! какъ начну?... Ужель я все открою?

ЭНОНА.

Не оскорбляй меня боязнію такою.

---

20) ФАІΔРА. Τί δρᾷς; βιάζει χειρὸς ἐξηρτημένη.
ΤΡΟΦΟΣ. Καὶ σῶν γε γονάτων οὐ μεθήσομαί ποτε.
ФАІΔРА. Κάκ', ὦ τάλαινα, σοί, τάδ' εἰ πεύσει, κακά.
ΤΡΟΦΟΣ. Μεῖζον γάρ, ἢ σοῦ μὴ τυχεῖν, τί μοι κακόν; (ст. 325—328).
(т. е.: „Что дѣлаешь? Ты прибѣгаешь къ насилію, вцѣпившись въ мою руку.— Кормилица. Не выпущу ни за что и колѣнъ твоихъ. — Федра. На горе, на горе себѣ, несчастная, узнаешь ты тайну. — Кормилица. Можетъ ли быть для меня больше горя, чѣмъ потерять тебя?")

21) ΤΡΟΦΟΣ. Σιγῷμ' ἂν ἤδη· σὸς γὰρ οὑντεῦθεν λόγος (ст. 336).
(т. е.: „Кормилица. Я замолчу теперь. Очередь говорить за тобою").

ФЕДРА.

Венера гнѣвная! Ты властію своей
Повергла мать мою въ водоворотъ страстей!

ЭНОНА.

Не вспоминай того. Пусть вѣчное молчанье
Сокроетъ навсегда о томъ воспоминанье.

ФЕДРА.

Любовью и сестра была уязвлена:
На брегѣ умерла покинутой она! [22])

ЭНОНА.

Царица, что съ тобой? Въ жару тоски смертельной
Волнуетъ все тебя сегодня безпредѣльно,
И противъ кровныхъ всѣхъ ты такъ раздражена!

ФЕДРА.

Венеры злобою страдать обречена,
Я гибну послѣ всѣхъ—и больше всѣхъ несчастной! [23])

ЭНОНА.

Ты любишь?

---

22) Зачаткомъ этого стиха считаютъ слѣдующее мѣсто въ *Ипполитѣ* Робера Гарнье:

Qu'attendé-je, sinon que je soy' massacrée
Comme fut Antiope, ou qu'il me laisse au bord
Où il laissa ma soeur, pour y avoir la mort?

(т. е.: „Чего ждала я? быть убитой, какъ Антіопа, или чтобы онъ покинулъ меня на берегу, гдѣ покинулъ сестру мою, и найти тамъ смерть"?).

23) ФΑΙΔΡΑ. Ὦ τλῆμον, οἷον, μῆτερ, ἠράσθης ἔρον;
ΤΡΟΦΟΣ. Ὃν ἔσχε ταύρου, τέκνον; ἢ τί φῄς τόδε;
ΦΑΙΔΡΑ. Σύ τ', ὦ τάλαιν' ὅμαιμε, Διονύσου δάμαρ.
ΤΡΟΦΟΣ. Τέκνον, τί πάσχεις; Ξυγγόνους κακοῤῥοθεῖς.
ΦΑΙΔΡΑ. Τρίτη δ' ἐγὼ δύστηνος, ὡς ἀπόλλυμαι! (ст. 337—341).

(т. е.: „Федра. Бѣдная мать! (Пасифая). Кого полюбила ты!—Кормилица. Ты хочешь сказать, что она полюбила быка? или что-нибудь другое, дитя мое?—Федра. И ты, сестра несчастная (Аріадна), супруга Діониса!—Кормилица. Что съ тобою, дитя мое? Ты поносишь кровныхъ своихъ.—Федра. Третья несчастная—я какъ должна я погибнуть!")

Л. Расинъ замѣтилъ, что Ж. Расинъ стихомъ:

Je péris la dernière et la plus misérable

передалъ не этотъ стихъ Еврипида, а скорѣе 891-й стихъ Софокловой *Антигоны*:

Ὧν λοισθία 'γὼ καὶ κάκιστα δὴ μακρῷ
Κάτειμι....

Ср. также съ этимъ всѣмъ мѣстомъ трагедіи 55—62 ст. *Посланія Федры къ Ипполиту* Овидія.

ФЕДРА.

Да, люблю; горю любовью страстной!...

ЭНОНА.

Къ кому жъ?

ФЕДРА.

Узнаешь ты неслыханный позоръ:
Люблю я.... Эта страсть мнѣ роковой укоръ....
Мнѣ имя то одно внушаетъ страхъ великій....
Любимъ мной....

ЭНОНА.

Кто же? кто?

ФЕДРА.

Сынъ амазонки дикой,
Котораго сама я такъ всегда гнала!

ЭНОНА.

О небо! Ипполитъ?

ФЕДРА.

Его *ты* назвала [24]).

ЭНОНА.

Святыя небеса! Вся кровь во мнѣ застыла.
О ужасъ, о позоръ! Проклятіе покрыло
Весь родъ несчастный вашъ. О, берегъ роковой!

---

24) ΤΡΟΦΟΣ. Τί φής; ἐρᾷς, ὦ τέκνον, ἀνθρώπων τινός;
ΦΑΙΔΡΑ. Ὅστις, ποθ' οὗτός ἐσθ' ὁ τῆς Ἀμαζόνος....
ΤΡΟΦΟΣ. Ἱππώλυτον αὐδᾷς;
ΦΑΙΔΡΑ. Σοῦ τάδ', οὐκ ἐμοῦ κλύεις (ст. 350—352).

(т. е.: „Кормилица. Что говоришь ты? Ты любишь? кого же?—Федра. Для меня все равно, кто онъ... Сына Амазонки. — Кормилица. Какъ, Ипполита?—Федра. Ты слышишь это отъ себя, не отъ меня. (*Покрываетъ снова лицо и падаетъ на ложе*).

Въ *Ипполитѣ* Жильбера (Д. I, сц. 2-я) Ахриза, подобно Энонѣ, умоляетъ Федру не скрывать болѣе печальной истины. Федра ей отвѣчаетъ:

...Malgré moi ta voix me sollicite.
Je révère le fils d'Antiope.—Achrise. Hippolyte!
Phèdre. Ne m'en accuse point; c'est toi qui l'as *nommé*.

(т. е.: „Голосъ твой склоняетъ меня вопреки моей волѣ... Я люблю сына Антіопы. Ахриза. Ипполита!—Федра. Не обвиняй меня; ты назвала его").

Можетъ быть, какъ это часто и высказывалось, Расинъ заимствовалъ этотъ полустихъ у Жильбера. Между тѣмъ стихъ Жильбера настолько близокъ съ греческому тексту, что возможно предположить совпаденіе его съ Жильберомъ въ переводѣ одного и того же стиха.

О горе! для чего на берегъ тотъ съ тобой
Царица, мы сошли?... 25)

ФЕДРА.

Бѣда ко мнѣ явилась
Гораздо ранѣе... Когда соединилась
Съ царемъ Тезеемъ я, и гименей святой
Закономъ насъ связалъ, душевный мой покой
И счастіе мое мнѣ прочными казались.
Но лишь въ Аѳины мы съ супругомъ показались —
Предсталъ мнѣ гордый врагъ 26). При немъ краснѣла я,
Блѣднѣла, и полна была душа моя
Тревоги трепетной; лишившись рѣчи, зрѣнья,
Горѣла я въ огнѣ 27); въ нѣмомъ оцѣпенѣньѣ

25) Въ слѣдующихъ стихахъ хора Еврипидова *Ипполита* встрѣчаемъ подобное же движеніе, хотя тамъ идетъ рѣчь не объ этомъ переѣздѣ Федры:

Ὦ λευκόπτερε Κρησία
Πορθμίς, ἃ διὰ πόντιον
Κῦμ' ἁλίκτυπον ἅλμας
Ἐπόρευσας ἐμὰν ἄνασσαν ὀλβίων ἀπ' οἴκων,
Κακονυμφοτάταν ὄνασιν. (ст. 749—753).

(т. е.: „Бѣлокрылый критскій корабль, изъ счастливыхъ дворцовъ на несчастную брачную жизнь нашу царицу привезъ ты, пронесшись по волнамъ шумнаго моря").

26) Въ прологѣ Еврипида сама Венера разсказываетъ это:

Ἐλθόντα γάρ νιν Πιτθέως ποτ' ἐκ δόμων,
Σεμνῶν ἐς ὄψιν καὶ τέλη μυστηρίων,
Πανδίονος γῆν, πατρὸς εὐγενὴς δάμαρ
Ἰδοῦσα Φαίδρα καρδίαν κατέσχετο
Ἔρωτι δεινῷ, τοῖς ἐμοῖς βουλεύμασιν (ст. 24—28).

(т. е.: „Когда Ипполитъ прибылъ однажды изъ дома Питтея въ землю Пандіона для присутствованія на праздникѣ мистерій, увидала его благородная супруга его отца— Федра, и по моей волѣ бѣшеная страсть къ нему охватила ея сердце").

27) Луи Расинъ справедливо замѣчаетъ, что это мѣсто „есть подражаніе знаменитой одѣ Сафо". Кажется, Расинъ вдохновился въ особенности двумя стансами перевода этой оды, помѣщеннаго Буало въ гл. VIII *Разсужденія о высокомъ* Лонгина, какъ извѣстно, вышедшаго за три года до *Федры* Расина:

Je sens de veine en veine une subtile flamme
Courir par tout mon corps sitôt que je te voix;
Et dans les doux transports où s'égare mon âme,
Je ne saurois trouver de langue ni de voix.
Un nuage confus se répand sur ma vue;
Je n'entends plus; je tombe en de douces langueurs;
Et pâle, sans haleine, interdite, éperdue,
Un frisson me saisit, je tremble, je me meurs.

(т. е.: „Я чувствую, какъ изъ одной жилы въ другую перебѣгаетъ во всемъ моемъ тѣлѣ язвительное пламя, какъ только вижу я тебя; и въ сладостномъ восторгѣ, охватывающемъ мою душу, я не умѣю найти ни словъ, ни голоса. — Смутное облако застилаетъ мое зрѣніе; я болѣе ничего не слышу; сладкая истома овладѣваетъ мною; блѣдная, задыхаясь, смущенная, растерянная, я чувствую ознобъ, дрожу... умираю").

Стояла передъ нимъ. И вотъ Венеры власть
Узнала я тогда—и гибельную страсть
Въ крови, которая мнѣ причиняла муки [28]).
Въ мольбахъ усердныхъ я къ ней простирала руки;
Я храмъ воздвигла ей; украсила его [29])
И, жертвы принося, разсудка своего,
Утраченнаго мной, въ утробахъ ихъ искала:
Мученіямъ любви ничто не помогало [30])!
Напрасно ѳиміамъ я жгла на алтаряхъ
Съ мольбой къ богинѣ той на трепетныхъ устахъ:
Предъ Ипполитомъ лишь склонялась я душою;
У самыхъ алтарей стоялъ онъ предо мною;
Усердно жертвы я спѣшила воскурять

---

[28]) См. *Ипполита* Сенеки (ст. 113):

Fatale miserae matris agnosco malum.

(т. е.: „Я узнаю роковое зло несчастной матери").

Въ той же тирадѣ у Сенеки (ст. 124—126) Федра объясняетъ причину этой ненависти Венеры:

Stirpem perosa Solis invisi Venus,
Per nos catenas vindicat Martis sui
Suasque...

(т. е.: „Венера, ненавидящая отрасль ненавистнаго Солнца, отмщаетъ на насъ оковы своего Марса и свои").

Пасифая, мать Федры, была дочь Солнца и Криты, или Персеиды по другимъ. Преступную любовь Марса и Венеры открыло и довело до свѣдѣнія Вулкана Солнце.

[29]) Объ этомъ храмѣ см. прологъ Еврипида (ст. 29—33):

Καὶ πρὶν μὲν ἐλθεῖν τήνδε γῆν Τροιζηνίαν,
Πέτραν παρ' αὐτὴν Παλλάδος, κατόψιον
Γῆς τῆσδε ναὸν Κύπριδος ἐγκαθείσατο,
Ἐρῶσ' ἔρωτ' ἔκδημον· Ἱππολύτῳ δ' ἔπι
Τὸ λοιπὸν ὠνόμαζεν ἱδρῦσθαι θεάν.

(т. е.: „Еще до своего прибытія сюда, въ Трезену, она велѣла построить рядомъ на самой скалѣ Паллады (на аѳинскомъ акрополѣ) храмъ въ честь Афродиты, откуда открывался видъ на эту страну; но пылая къ далекому отъ нея предмету страсти, повелѣла назвать храмъ, посвященный богинѣ, именемъ Ипполита"). То же находимъ у Діодора (кн. IV). Схоліастъ Гомера по поводу 320 стиха XI кн. *Одиссеи* замѣчаетъ, что храмъ Афродиты, построенный въ Аѳинахъ Федрою, назывался еще *Hippolyteum*.

[30]) Луи Расинъ сближаетъ съ этими стихами стихи Вергилія (Aen., IV, 63 и сл.), которыя дѣйствительно повидимому вдохновили Расина:

...Pecudumque reclusis
Pectoribus inhians, spirantia consulit exta.
Heu vatum ignarae mentes! Quid vota furentem,
Quid delubra juvant?...

(т. е.: „Смотря въ отверзтую грудь животныхъ, она вопрошаетъ дышащія внутренности. Увы, несвѣдующіе умы пророковъ! Что пользы ей, неистовствующей, отъ обѣтовъ и храмовъ?")

Лишь богу этому, котораго назвать
Не смѣла я себѣ; его я избѣгала.
Но—страшно вымолвить!—его я узнавала
Въ чертахъ его отца. И вотъ противъ себя
Всей силою души вооружилась я:
Преслѣдовать его себя я побудила;
Чтобъ угнетать врага, котораго любила,
Я мачехи лихой личину приняла,
Его изгнанія просить я начала—
И силою своихъ моленій и проклятій
Я вырвала его изъ отческихъ объятій.
Тогда вздохнула я свободнѣй; безъ него
Въ невинности жила; супруга своего
Я волѣ предалась и, скрывъ печаль, я снова
Лелѣяла плоды союза рокового.
Напрасно было все! О, рокъ жестокій мой!
Въ Трезену самъ супругъ привезъ меня съ собой—
И вновь передо мной, любовью уязвленной,
Предсталъ ужасный врагъ, мной тщетно удаленный,—
И рана свѣжая открылась. Ужъ во мнѣ
Не прежній крови пылъ, сокрытый въ глубинѣ:
Всецѣло отдана во власть богини страстной
Затрепетала я теперь въ тоскѣ ужасной
Передъ грѣхомъ своимъ,—и опостылѣлъ вновь
Мнѣ ясный солнца свѣтъ; преступная любовь
Внушать мнѣ начала къ себѣ лишь омерзенье:
Тогда я стала звать кончины приближенье,
Надѣясь сохранить хоть смертью честь свою
И утаить отъ всѣхъ во гробѣ страсть мою.
Но передъ просьбами твоими и слезами
Не устояла я: своими же устами
Тебѣ открыла все. Не каюсь въ этомъ я,
Но только объ одномъ теперь молю тебя:
Послѣдній жизни часъ не огорчай упрекомъ,
И при концѣ моемъ, теперь ужъ недалекомъ,
Послѣдней искры жаръ ты къ жизни не буди:
Пора угаснуть ей въ хладѣющей груди.

СЦЕНА IV.

Федра, Энона, Панопа.

ПАНОПА.

Царица, тяжело быть вѣстницей печали,
Но ты должна узнать, что̀ всѣ уже узнали:
Непобѣдимаго супруга твоего
Не стало болѣе; сразила смерть его.

ЭНОНА.

О! что̀ ты говоришь?

ПАНОПА.

Что въ тягостномъ томленьѣ
Царица тщетно ждетъ Тезея возвращенья.
Сегодня въ гавани приставшія суда
Ту новость привезли печальную сюда.
О гибели отца и Ипполитъ ужъ знаетъ.

ФЕДРА.

О небо!

ПАНОПА.

На̀трое Аѳинянъ раздѣляетъ
Избраніе царя—и вотъ провозглашенъ
Одними тамъ твой сынъ; но позабывъ законъ,
Другіе—голоса за чужеземки сына
Осмѣлились подать; и даже есть причина
Подозрѣвать еще, что умыселъ тамъ есть
На царственный престолъ Арисію возвесть—
Всѣмъ ненавистное Паллантово рожденье[31].
Узнавши о такомъ опасномъ умышленьѣ,
Тебя я извѣстить сочла за долгъ святой.
Готовитъ Ипполитъ корабль къ отъѣзду свой,
И опасаются, что въ вихрѣ этой смуты
Онъ увлечетъ народъ,—игралище минуты.

ЭНОНА.

Иди. На важное извѣстіе твое
Царица обратитъ вниманіе свое.

---

[31]) См. вып. 2.

СЦЕНА V.

ФЕДРА, ЭНОНА.

Энона.

Готова прекратить была я настоянья;
Я жизни не могла внушить тебѣ желанья;
Въ могилу за тобой ужъ думала сойти,
И словъ я не могла достаточно найти,
Чтобы отвлечь тебя отъ мыслей о могилѣ.
Но вѣсти скорбныя твой долгъ перемѣнили:
Теперь судьба твоя совсѣмъ измѣнена:
Коль нѣтъ царя въ живыхъ—ты царствовать должна;
Мужъ умеръ твой: ужель ты сына позабудешь?
Коль ты умрешь—онъ рабъ; онъ царь—коль жить ты будешь.
Въ сиротствѣ будетъ кто опорою ему,
И слезы кто отретъ? О, къ небу самому
Невинный вопль его достигнетъ и возбудитъ
Гнѣвъ предковъ на тебя. Живи жъ: теперь не будетъ
Ничто упреками тебя тревожить вновь:
Обычною твоя становится любовь.
Тезея смерть союзъ расторгнула отнынѣ,
Который для тебя доселѣ былъ святыней
И въ грѣхъ ужаснѣйшій любовь тебѣ вмѣнялъ.
Теперь и Ипполитъ не такъ ужъ страшенъ сталъ;
Съ нимъ видѣться теперь тебѣ не преступленье.
Къ тому жъ къ себѣ твое онъ знаетъ отвращенье
И можетъ мятежа опаснымъ стать главой.
Разубѣди его въ ошибкѣ роковой
И пылъ его смири. Онъ царь теперь Трезены,
Но знаетъ, что Аѳинъ божественныя стѣны
Законъ опредѣлитъ для сына твоего.
Имѣете врага вы оба одного:
Должно съ Арисіей вамъ заодно бороться.

Федра.

Энона, твой совѣтъ принять мнѣ остается.
Ну, что же? Будемъ жить, коль къ жизни есть возвратъ,
Коль чувства матери мнѣ душу оживятъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Арисія, Исмена.

Арисія.

Какъ? проситъ у меня здѣсь Ипполитъ свиданья?
Онъ хочетъ говорить со мною на прощаньѣ?
Ужель то не обманъ, и онъ ко мнѣ придетъ?

Исмена.

Вотъ первый для тебя Тезея смерти плодъ.
Смотри, къ тебѣ сердца теперь всѣ устремятся,
Которыя тебя онъ заставлялъ чуждаться,
И ты владычица теперь судебъ своихъ:
Всю Грецію у ногъ увидимъ мы твоихъ.

Арисія.

Такъ я ужъ не раба? Мой врагъ не существуетъ?

Исмена.

Да, небо милости Арисіи даруетъ:
Съ твоими братьями онъ въ области тѣней.

Арисія.

Извѣстно ли тебѣ, какъ кончилъ дни Тезей?

Исмена.

Невѣроятная молва о той кончинѣ:
Есть слухъ одинъ, что онъ погибъ въ морской пучинѣ,
Умчавши новую любовницу съ собой;
Повсюду жъ ходитъ слухъ о немъ еще другой:

Что съ Перитоемъ онъ вдвоемъ въ Аидъ спускался[32]),
По мрачнымъ берегамъ Коцита тамъ скитался
И въ царство адское тѣней проникъ живой:
Но выйти ужъ не могъ онъ изъ юдоли той,
Откуда смертному нѣтъ больше возвращенья[33]).

Арисія.

Но кто жъ бы изъ живыхъ до смертнаго мгновенья
Въ глубокое сойти жилище мертвыхъ могъ?
Чтó завлекло его въ ужасный тотъ чертогъ?

Исмена.

Лишь ты въ сомнѣніи о гибели Тезея.
Аѳины слезы льютъ, о смерти той жалѣя;
Трезены жителямъ извѣстна всѣмъ она,
И Ипполита власть ужъ ими признана;
Ужъ Федру привела въ смущенье новость эта,
И проситъ у друзей въ дворцѣ она совѣта.

Арисія.

И полагаешь ты, что плѣнъ тяжелый мой
Мнѣ будетъ облегченъ? что Ипполитъ со мной
Сердечнѣе отца способенъ обращаться,
Что для меня теперь оковы облегчатся,
И можетъ жалость онъ почувствовать ко мнѣ?

Исмена.

Я вѣрю этому.

Арисія.

Въ душевной глубинѣ
Нѣтъ чувства у него. Ужель его не знаешь?
На чтó жъ надежду ты, Исмена, возлагаешь?
Въ немъ состраданія ко мнѣ не можетъ быть;
Не можетъ онъ тотъ полъ во мнѣ одной почтить,
Который презирать привыкъ ужъ онъ издавна.
Не видишь развѣ ты, какъ началъ онъ недавно
Встрѣчъ избѣгать со мной?

---

32) Ниже (Д III), Тезей подтверждаетъ это. Расинъ воспользовался здѣсь и преданіями историческими и миѳомъ.

33) См. у Вергилія (Aen., VI, 425): Evaditque celer ripam irremeabilis undae (т. е.: „Быстро вступаетъ на берегъ рѣки, откуда нѣтъ возврата").

Исмена.

Извѣстенъ мнѣ разсказъ
О томъ, какъ хладенъ онъ; но видѣла не разъ
Я гордеца съ тобой, и сильно мнѣ желалось
Провѣрить, чтó молвой о нёмъ передавалось.
Что жъ? Видъ его молвы не подтвердилъ ничѣмъ:
Отъ взгляда одного онъ предъ тобой былъ нѣмъ.
Кáкъ очи отъ тебя отвесть онъ ни старался,
Но полный нѣги взоръ къ тебѣ вновь обращался.
При твердости его открыть любовь—позоръ:
Но чтó хранятъ уста—высказываетъ взоръ.

Арисія.

О, если бъ знала ты, какъ слушаю я страстно
Слова твои, но имъ повѣрить такъ опасно!
Ты знаешь жизнь мою: возможно ль ожидать,
Что сердцу бѣдному, которымъ лишь играть
Привыкъ жестокій рокъ, которому лишь горе
Да слезы присуждалъ въ своемъ онъ приговорѣ,
Терзанія любви безумной суждены?
Пришлось мнѣ избѣжать отъ ужасовъ войны;
Осталась я одна въ живыхъ отъ крови сына
Божественной Земли [34]). Безвременно кончина
Шесть братьевъ [35]) у меня цвѣтущихъ отняла,
И царственной семьи надежду унесла;
Скосило все тогда желѣзо, не жалѣя,
И кровью залилась потомковъ Эрехтея
Земля, упоена насильно кровью той.
Ты знаешь, что вослѣдъ за гибелью ихъ злой
Всей Греціи приказъ предписанъ былъ жестокій:
Воспрещено жалѣть о мнѣ, столь одинокой:
Боятся, чтобъ моя мятежная любовь
Прахъ братьевъ изъ могилъ не воскресила вновь.
Ты знаешь, что во мнѣ глубокое презрѣнье
Встрѣчали эти всѣ уловки подозрѣнья
Насъ побѣдившаго владыки моего;
Ты знаешь также то, что сердца своего

[34]) Паллантъ, или Палласъ, отецъ Арисіи и всѣхъ Паллантидовъ, равно какъ и Эгей, отецъ Тезеевъ, происходилъ отъ Эрехтея, сына Земли. См. объ Эгеѣ, вып. 37.

[35]) Плутархъ въ *Жизни Тезея* (гл. III) доводитъ число Паллантидовъ до 50-ти.

Я никому отдать упорно не хотѣла,
И быть признательной къ Тезею я умѣла
За то, что былъ со мной онъ такъ суровъ всегда.
Но взора не плѣнилъ мнѣ сынъ его тогда;
Теперь же я его всѣмъ сердцемъ полюбила.
Не красотой своей, которой одарила
Природа такъ его, по слабости моей
Онъ восхищалъ меня, не прелестью своей,
Которую онъ самъ въ себѣ такъ презираетъ
И даже, кажется, совсѣмъ не замѣчаетъ:
Я высшіе дары цѣнить привыкла въ немъ—
Достоинства души, въ немъ общія съ отцомъ
Безъ слабостей отца; люблю его я гордость,
Предъ властію любви возвышенную твердость.
Хвалилась Федра тѣмъ, что ей плѣненъ Тезей:
Во сколько жъ разъ могу гордиться я сильнѣй?
Великая ли честь добиться поклоненья
Того, кто такъ готовъ всегда на увлеченье,
Чье сердце тысячамъ другихъ отворено,
И овладѣть душой, доступной всѣмъ равно?
Но непреклоннаго привесть въ повиновенье,
Въ безчувственной душѣ посѣять ядъ мученья,
Нежданно плѣнника въ оковы заключить,
Коль вздумаетъ въ борьбу онъ тщетную вступить
Съ ярмомъ плѣнительнымъ: вотъ то, чего желаю,
По чемъ всѣмъ сердцемъ я въ мученьи изнываю!
Самъ Геркулесъ бросалъ оружіе и щитъ
Предъ силой женскихъ чаръ скорѣй, чѣмъ Ипполитъ.
Побѣда надъ врагомъ, столь часто уступавшимъ,
Могла ли славной быть очамъ, его смирявшимъ?..
Но что́ я говорю въ безуміи своемъ?
Конечно, лишь отпоръ могу я встрѣтить въ немъ!
О, вскорѣ, можетъ быть, Исмена, предъ тобою
Въ слезахъ предстану я, усмирена тоскою
Предъ этой гордостью, чарующей меня!
Ужель полюбитъ онъ? Какимъ же чудомъ я
Могла бъ склонить его?...

ИСМЕНА.

Все можетъ объясниться:
Идетъ къ тебѣ онъ самъ.

СЦЕНА II.

Ипполитъ, Арисія, Исмена.

Ипполитъ.

Предъ тѣмъ, какъ удалиться,
Я долгомъ счелъ открыть, что̀ ждетъ теперь тебя.
Отецъ скончался мой. Предчувствовалъ ужъ я,
Что̀ стать могло его отсутствія причиной:
Столь долго скрытымъ быть онъ могъ одной кончиной;
Пресѣкся славный рядъ его великихъ дѣлъ,
Положенъ, наконецъ, героя днямъ предѣлъ:
Онъ, Геркулеса другъ, преемникъ и союзникъ,
Богами Паркѣ сданъ—и сталъ Аида узникъ.
Пусть пощадитъ твой гнѣвъ достоинства его.
Всѣ эти имена владыки твоего,
Надѣюсь, выслушать безъ горечи ты можешь
И памяти его печальной не встревожишь.
Смягчаетъ горе мнѣ надежда лишь одна,
Что можетъ участь быть твоя облегчена:
Запреты тяжкіе отнынѣ отмѣняю
И строгую съ тебя опеку я слагаю;
Свободна ты теперь располагать собой;
Трезены край, удѣлъ наслѣдный нынѣ мой,
Царемъ своимъ призналъ меня безъ колебанья;
Оставить здѣсь тебя теперь мое желанье
Вполнѣ свободною—свободнѣе, чѣмъ я.

Арисія.

Избытокъ милостей такихъ гнететъ меня:
Великодушно такъ честь оказать несчастью
Не значитъ ли связать еще сильнѣй той властью,
Которой узы ты хотѣлъ съ меня сложить?

Ипполитъ.

Въ сомнѣніи, кому надъ царствомъ власть вручить,
Аѳиняне тебя, меня и Федры сына
Зовутъ, какъ слышалъ я.

Арисія.

Меня?

Ипполитъ.

И есть причина
Отвергнутымъ мнѣ быть:—надменный то законъ:
Не можетъ Грецiя простить, что былъ рожденъ
Отъ чужеземки я[36]). Но если бъ братъ мой только
Соперникомъ мнѣ былъ, то правъ моихъ нисколько
Причудливый законъ не могъ бы потрясти;
Какъ старшiй, могъ бы я его и обойти.
Законнѣй есть узда, которой подчиняю
Свою отвагу я: тебѣ я скипетръ вручаю;
Онъ предкамъ нѣкогда принадлежалъ твоимъ;
Былъ сыномъ онъ Земли въ наслѣдье отданъ имъ.
Усыновленьемъ онъ потомъ отъ Эрехтея
Законно перешелъ во власть царя Эгея [37]).
Аѳинамъ оказалъ услуги мой отецъ:
Вручили съ радостью они ему вѣнецъ,
Твоихъ же братьевъ всѣхъ покинули въ забвеньѣ.
Но вотъ теперь зовутъ тебя принять правленье.
Довольно ужъ стоналъ народъ отъ распрей тамъ;
Довольно родственной лилось по ихъ полямъ
Той крови, что сама на нивахъ тѣхъ родилась:
Моимъ велѣнiямъ Трезена покорилась;
Для сына Федры Критъ убѣжище даетъ,
Но Аттика—твоя. Желая, чтобъ народъ
Въ избранiи тебя одной соединился,
Поѣхать я теперь въ Аѳины самъ рѣшился.

Арисiя.

Всѣмъ этимъ духъ во мнѣ невольно потрясенъ;
Въ смущеньи кажется, что это все лишь сонъ.
Могла ль я ожидать подобнаго рѣшенья?
Какого божества оно тебѣ внушенье?

---

36) Это высказываетъ кормилица у Еврипида, назвавъ Ипполита νόθος (см. выше вын. 16.

37) Луи Расинъ въ своихъ *Замѣткахъ* на *Федру* объ этомъ стихѣ пишетъ: „Паллантиды, по Плутарху (*Жизнь Тезея*, гл. XIII) утверждали, что Эгей былъ подложный сынъ Пандiона II; а Цецесъ (о Ликофронѣ, ст. 494) говоритъ, что Тезей былъ усыновленъ Пандiономъ". Менаръ полагаетъ, что на этомъ свидѣтельствѣ основанъ стихъ Расина, столь странный въ устахъ Ипполита. Изъ этого усыновленiя слѣдуетъ, что Тезей имѣлъ основанiе опасаться потомства сестры Паллантидовъ, потому что, будучи сыномъ Пандiона лишь вслѣдствiе усыновленiя, имѣлъ менѣе правъ на скипетръ, нежели прямые потомки Палланта.

Такъ! не обманута молвою я была!
Но истина молву, какъ вижу, превзошла!
Ты хочешь для меня пожертвовать собою.
Иль мало мнѣ того, что, не гнушаясь мною,
Отъ гнѣва на меня ты сердце охранилъ?

Ипполитъ.

Гнушаться мнѣ тобой?.. Какимъ бы я ни слылъ
Повсюду гордецомъ, но кто же предположитъ,
Что матерью моей чудовище быть можетъ?
Свирѣпымъ надо быть и лютый гнѣвъ таить,
Чтобъ на тебя смотрѣть—и сердца не смягчить.
Какъ могъ я чаръ твоихъ не чувствовать глубоко?

Арисія.

Что́ слышу, государь?

Ипполитъ.

Зашелъ ужъ я далеко,
И страсти разумъ мой ужъ началъ уступать;
Молчанье порвано—такъ буду продолжать.
Сказать я долженъ все; сдержать душа не можетъ
Ужъ больше тайны той, что сердце такъ тревожитъ.
Царя несчастнаго ты видишь предъ собой;
Безумной гордости во мнѣ примѣръ живой:
Надменно я всегда любви сопротивлялся,
Надъ узами ея я долго издѣвался;
Когда крушеніе я жертвъ любви видалъ [38]),
Себя на берегу надежномъ я считалъ:
Теперь же самъ, подпавъ всеобщему уставу,
Узналъ мучительныхъ терзаній я отраву,
Внезапно чуждымъ сталъ я самому себѣ;
Въ одно мгновеніе побѣждена въ борьбѣ
Отвага дерзкая; мой гордый духъ смирился.
Невыносимо я ужъ полгода томился,
Нося въ груди стрѣлу, терзавшую меня;
Съ тобою и съ собой боролся тщетно я;
Отчаянье и стыдъ на сердцѣ я скрываю;

---

38) Это мѣсто напоминаетъ 2-й ст. II кн. Лукреція:
E terra magnum alterius spectare laborem.
(т. е.: „Съ берега смотрѣть на великое бѣдствіе другого“).

Встрѣчаюсь ли съ тобой—тебя я убѣгаю,
Въ разлукѣ—нахожу. И въ глубинѣ лѣсной
Преслѣдуетъ меня прекрасный образъ твой;
Свѣтъ дня и мракъ ночной тебя мнѣ представляетъ:
Напрасно Ипполитъ въ борьбу съ собой вступаетъ:
Онъ преданъ весь тебѣ. Ищу я самъ себя—
И не могу найти. И лука, и копья,
И колесницы видъ наводитъ только скуку,
И позабылъ ужъ я Нептунову науку.
Лишь вопли слышатся мои въ глуши лѣсной,
И кони праздные забыли голосъ мой...
Быть можетъ, исповѣдь моя въ любви столь дикой
Внушитъ тебѣ теперь одинъ лишь стыдъ великій
При мысли, что ея виновницею ты;
Возможно ль грубо такъ высказывать мечты!
И страннымъ узникомъ я долженъ показаться
Для столь прекрасныхъ узъ. Но тѣмъ цѣннѣй являться
Должны дары мои передъ твоимъ судомъ;
Я говорю съ тобой мнѣ чуждымъ языкомъ—
Не отвергай же чувствъ за грубость выраженья:
Ихъ Ипполитъ не зналъ до твоего явленья!

СЦЕНА III.

Ипполитъ, Арисія, Тераменъ, Исмена.

Тераменъ.

Царица, государь, идетъ сюда за мной:
Ты нуженъ ей.

Ипполитъ.

Кто? я?

Тераменъ.

Да, говорить съ тобой
Предъ отправленіемъ твоимъ она желаетъ.
О чемъ—не знаю я.

Ипполитъ.

Чего же ожидаетъ
Царица отъ меня? Чтó ей могу сказать?

Арисія.

Въ свиданіи ты ей не можешь отказать.
Хоть непріязнь ея внѣ всякаго сомнѣнья,
Но къ горести ея почувствуй сожалѣнье.

Ипполитъ ~~(къ Арисіи)~~.

Ты удаляешься? Уѣхать долженъ я
Съ сомнѣніемъ въ душѣ, что оскорбилъ тебя,
Что сердце, мной тебѣ врученное, быть можетъ...

Арисія.

Ступай, мой государь — и небо да поможетъ
Вполнѣ осуществить твой благородный планъ
Упрочить власть мою въ столицѣ Аѳинянъ:
Я всѣ дары твои охотно принимаю,
Но власть блестящую я все же не считаю
За драгоцѣннѣйшій изъ этихъ всѣхъ даровъ

СЦЕНА IV.

Ипполитъ, Терамент.

Ипполитъ.

Чтó скажешь мнѣ, мой другъ? корабль уже готовъ?..
Царица къ намъ идетъ... Должно поторопиться:
Скорѣе прикажи въ путь дальній снарядиться
И знакъ къ отъѣзду дать; потомъ назадъ приди
И отъ бесѣды злой меня освободи.

СЦЕНА V [39]).

Федра, Ипполитъ, Энона.

Федра (*Энонѣ въ глубинѣ сцены*).

Вотъ онъ... О, какъ вся кровь мнѣ къ сердцу подступила!
Рѣшилась говорить — а чтó сказать, забыла.

Энона.

Въ тебѣ спасеніе для сына — не забудь.

---

39). См. выше стр. 54 и сл. — сравненіе съ Сенекой.

Федра (*Ипполиту*).

Какъ слышно, твой отъѣздъ внезапный въ дальній путь
Тебя, мой государь, вновь съ нами разлучаетъ...
Скорбь сердца моего потоки слезъ сливаетъ
Съ твоею скорбію. За сына моего
Пришла я попросить. Отца нѣтъ у него—
И скоро—чувствую—о, скоро день настанетъ,
Когда и матери ужъ у него не станетъ!
Ужъ тысячи враговъ грозятъ его судьбѣ:
Защита вѣрная ему въ одномъ тебѣ.
Но душу тайное мнѣ мучитъ угрызенье:
Боюсь я, что мое съ тобою поведенье
Къ моленіямъ его тебѣ закроетъ слухъ;
Чтобъ мщенье правое, ожесточивъ твой духъ,
Мать ненавистную на немъ не покарало.

Ипполитъ.

Столь низкихъ чувствъ во мнѣ, царица, не бывало.

Федра.

Когда бъ ты ненависть питалъ къ одной лишь мнѣ,
Не сѣтовала бъ я: въ сердечной глубинѣ
Моей ты не читалъ. Ты могъ всегда лишь видѣть
Вражду къ себѣ мою, желаніе обидѣть;
Я гнѣвъ твой на себя сама же навлекла;
Въ Трезенѣ выносить тебя я не могла;
И явно я тебя и тайно порицала,
Хотѣла, чтобы насъ пучина раздѣляла,
И запретила я, чтобъ позабыть вполнѣ,
И называть тебя по имени при мнѣ.
Обиду бо́льшую коль ждетъ и кара строже,
Коль за вражду мою воздашь враждой ты тоже:
То женщина была ль несчастнѣе меня
И менѣе вражды достойная, чѣмъ я!

Ипполитъ.

Ревниво собственныхъ дѣтей оберегая,
Дѣтей жены другой охотно обвиняя,

Конечно, мачеха прощать ихъ не склонна: [40])
Все это знаю я. Всѣмъ участь суждена
Отъ брака новаго печальная бываетъ:
Онъ подозрѣнія на сердцѣ порождаетъ.
Отъ мачехи другой того же ждать я могъ,
И даже большій гнѣвъ, быть можетъ, я бъ навлекъ.

ФЕДРА.

О, государь! клянусь: небесное велѣнье
Въ законѣ общемъ мной явило исключенье:
Иною скорбію терзаюсь я, повѣрь!

Ипполитъ.

Причины нѣтъ еще тревожиться теперь:
Кто знаетъ? Твой супругъ еще живетъ, быть можетъ,
И небо, внемля намъ, вернуть его поможетъ.
Нептунъ его блюдетъ: а охранитель-богъ
Къ моленіямъ отца остаться глухъ не могъ.

ФЕДРА.

О нѣтъ, не посѣтилъ еще никто двукратно
Печальныхъ береговъ: такъ и Тезей обратно
Не будетъ никакимъ ужъ богомъ возвращенъ:
Не отпускаетъ жертвъ корыстный Ахеронъ [41])!..

---

[40]) Альцеста, въ трагедіи Еврипида того же имени, подобно этому, говоритъ (ст. 322 и 323):

'Εχθρά, γάρ ἡ' πιοῦσα μητρυιὰ τέκνοις
Τοῖς πρόσθε (т. е.: „ибо входя (въ домъ), мачеха — врагъ дѣтямъ отъ прежняго брака").

[41]) Федра въ *Ипполитѣ* Сенеки (ст. 219—221) говоритъ кормилицѣ:

Reditusque nullos metuo. Non unquam amplius
Convexa tetigit supera, qui mersus semel
Adiit silentem nocte perpetua domum.

(т. е.: „Не боюсь я никакихъ возвращеній. Никогда болѣе не коснулся высокаго небеснаго свода тотъ, кто, разъ погрузившись, пришелъ въ безмолвный домъ безпрерывной ночью").

Но Расинъ въ этомъ мѣстѣ заимствовалъ прямо изъ сцены объясненія у латинскаго поэта (ст. 623—626):

Ph. Miserere viduae.—*Hipp.* Summus hoc omen Deus
Avertat: aderit sospes actutum parens.
Ph. Regni tenacis dominus et tacitae Stygis
Nullam relictos facit ad Superos viam.

(т. е.: „*Ф.* Пожалѣй вдову.—*И.* Пусть всевышній богъ отвратитъ это зло—и тотчасъ прибудетъ родитель невредимый.—*Ф.* Властитель царства, охраняемаго крѣпко, и безмолвнаго Стикса не провелъ никакой дороги къ покинутымъ жителямъ земли").

Но что̀ я?.. Живъ Тезей! Въ тебѣ онъ оживаетъ;
Мой взоръ въ твоемъ лицѣ его мнѣ представляетъ:
Вотъ онъ передо мной—и съ нимъ я говорю,
И страсть, которою я такъ къ немъ горю.....
Забылась я... прости... сознаться мнѣ въ томъ больно...
Я высказала страсть безумную невольно.

Ипполитъ.

Какъ поразительна любовь твоя къ нему:
И мертвый предстоитъ онъ взору твоему;
Все страстію къ нему душа твоя сгараетъ [42]).

Федра.

Да, государь! душа къ нему моя пылаетъ.
Любимъ онъ мной... не тотъ, какимъ сошелъ онъ въ Адъ,
Гдѣ—новой красотой всегда увлечься радъ—
Онъ ложе осквернить хотѣлъ тѣней владыки:
Но вѣрный, гордый—тотъ, немного видомъ дикій,
Прекрасный юноша, волнующій мечты,
Подобный божеству.... какимъ стоишь здѣсь—ты!
Съ твоей осанкою и взоромъ, звучнымъ словомъ,
И съ краскою стыда въ лицѣ его суровомъ,
Когда онъ критскіе валы переплывалъ
И взоры дочерей Миноса чаровалъ [43]).
Тогда что̀ дѣлалъ ты? Гдѣ Ипполитъ скрывался,
Когда всей Греціи героевъ цвѣтъ собрался?
Зачѣмъ такъ юнъ ты былъ, что не взялъ онъ тогда
Тебя на свой корабль, въ которомъ плылъ сюда?
Тогда бъ чудовище погибло злое Крита
Повержено рукой искусной Ипполита,
И не укрылось бы въ убѣжищѣ своемъ [44]).

---

[42]) *Hipp.* Amore nempe Thesei casto furis (ст. 645).
(т. е.: „Конечно, ты пылаешь къ Тезею святою любовью").

[43]) У Миноса насчитываютъ четырехъ дочерей, но Расинъ, повидимому, имѣетъ въ виду лишь Федру и Аріадну.

[44]) Все это мѣсто есть подражаніе Сенекѣ (ст. 646—662):
Ph. Hippolyte, sic est: Thesei vultus amo
Illos priores, quos tulit quondam puer,
Quum prima puras barba signaret genas,
Monstrique caecam Gnossii vidit domum,
Et longa curva fila collegit via.
Quis tum ille fulsit!...

Чтобы помочь тебѣ въ блужданіи твоемъ,
Тебѣ сестра моя нить чудную бъ вручила....
Нѣтъ, нѣтъ! въ томъ я бъ сама ее предупредила:
Любовь мнѣ эту мысль спѣшила бы внушить;

Tuaeve Phoebes vultus (inerat), aut Phoebi mei,
Tuusve potius... talis, en talis fuit,
Quum placuit hosti......
Est genitor in te totus; et torvae tamen
Pars aliqua matris miscet ex aequo decus.
In ore Graïo Scythicus apparet rigor.
Si cum parente Creticum intrasses fretum,
Tibi fila potius nostra nevisset soror.

(т. е.: „*Ф.* Да, Ипполитъ: люблю я черты Тезеева лица, прежнія черты, которыя онъ имѣлъ нѣкогда, будучи мальчикомъ, когда только что появившаяся борода оттѣняла чистыя щеки, и увидѣлъ онъ темное жилище критскаго чудовища, и по длинной извилистой дорогѣ собралъ нити. Какой блестящій былъ онъ тогда!.... У него было лицо твоей Фебы или моего Феба.... или, скорѣе,—твое: таковъ, вотъ таковъ онъ былъ, когда понравился врагу.... Въ тебѣ весь родитель, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая часть дикой матери примѣшиваетъ свою красоту: на греческихъ устахъ видится скиѳская непреклонность. Если бы ты вступилъ въ Критскій проливъ вмѣстѣ съ отцомъ, то сестра моя спряла бы нити для тебя").

Р. Гарнье, ранѣе Расина подражалъ этому мѣсту такъ:

Hipp. C'est l'amour de Thésée qui vous tourmente ainsi?
Ph. Hélas! voire, Hippolyte, hélas! c'est mon souci.
J'ai, misérable, j'ai la poitrine embrasée
De l'amour que je porte aux beautés de Thésée,
Telles qu'il les avoit lorsque bien jeune encor,
Son menton cotonnoit d'une frisure d'or,
Quand il vit *étranger* la maison Dédalique
De l'homme mi-taureau, notre monstre Crétique.
Hélas! que sembloit-il? Ses cheveux crépelés
Comme soye retorse en petits annelets
Lui blondissoient la tête....
Sa taille belle et droite, avec ce teint divin,
Ressembloit, égalée, à celle d'Apollin,
A celle de Diane, et surtout à la vôtre....
Si nous vous eussions vu, quand votre géniteur
Vint en l'île de Crète, Ariadne ma soeur
Vous eût plutôt que lui de son fil salutaire
Retiré des prisons du roi Minos, mon père.

(т. е.: *Ипп.* „Такъ любовь Тезея такъ мучитъ тебя?—*Федра.* Увы! Мученье мое—видѣть, Ипполитъ! Моя грудь пылаетъ любовью къ тѣмъ красотамъ Тезея, которыя отличали его, когда онъ былъ еще молодъ, когда подбородокъ его былъ опушенъ золотистыми кудрями; когда странникомъ увидѣлъ онъ жилище Дедала, полубыка, наше критское чудовище. Увы! Какимъ являлся онъ? Съ свѣтлыми волосами на головѣ, подобно шелку вьющимися мелкими кудрями.... Его осанка прекрасная и стройная, божественный цвѣтъ его лица напоминали Аполлона, Діану — больше же всего—тебя.... Если бъ мы увидѣли тебя, когда твой родитель прибылъ на Критъ, то сестра моя Аріадна вывела бы своею спасительною нитью изъ заточенія у отца моего, царя Миноса, скорѣе тебя, нежели его").

Сама бы я, сама сумѣла научить,
Кáкъ въ лабиринтѣ томъ пройти всѣ повороты:
Не мало бы принесъ мой милый мнѣ заботы!
Не стала бъ возлагать надежду я на нить:
Рѣшилась бы съ тобой опасность раздѣлить—
Сама бы повела тебя я за собою:
Отъ гибели спаслась я вмѣстѣ бы съ тобою—
Иль вмѣстѣ бы съ тобой сгубила я себя!

Ипполитъ.

Святыя небеса! О, чтó услышалъ я!
Ты забываешься. Царица, вспомни только,
Что мнѣ Тезей—отецъ, тебѣ онъ—мужъ!

Федра.

Нисколько
Не позабылась я. Откуда вдругъ пришла
Тебѣ такая мысль? Ужели бы могла
Забыть я честь?

Ипполитъ.

Прости. Я сознаюсь, краснѣя,
Что рѣчь невинную, ея не разумѣя,
Я ложно обвинилъ, произнося укоръ....
Мнѣ стыдно—и меня смущаетъ такъ твой взоръ...
Я лучше удалюсь...

Федра.

Жестокій! ты прекрасно
Все понялъ: я тебѣ открылась слишкомъ ясно.
Узнай же Федру ты и силу страсти въ ней.
Люблю я. Но въ огнѣ любви къ тебѣ своей
Я ей не нахожу—клянуся—оправданья!
Не думай, чтобы я изъ низкаго желанья
Потворство оказать безумію любви
Старалась ядъ ея питать въ своей крови [45].

---

[45]) Идея этой борьбы страсти съ угрызеніями совѣсти дана въ начаткѣ у Еврипида, откуда ее заимствовали и Сенека и Расинъ:

Τὰ χρήστ' ἐπιστάμεσθα καὶ γιγνώσκομεν,
Οὐκ ἐκπονοῦμεν δέ....
Ἐπεί μ' ἔρως ἔτρωσεν, ἐσκόπουν ὅπως
Κάλλιστ' ενέγκαιμ' αὐτόν.... (ст. 381—394).

(т. е.: „Мы добродѣтель понимаемъ хорошо, но ей не слѣдуемъ.... Когда Эротъ нанесъ мнѣ рану, я думать стала, какъ съ честью мнѣ ударъ снести“).

Нѣтъ! жертва жалкая божественнаго мщенья,
Самой себѣ гнусна я больше, чѣмъ презрѣнье
Ты чувствуешь ко мнѣ. Порукой боги въ томъ—
Тѣ боги, что̀ во мнѣ губительнымъ огнемъ
И сердце и всю кровь нещадно воспалили
И въ почесть для себя жестокую вмѣнили
Соблазномъ женщину безсильную сгубить.
Припомни прошлое—ты вспомнишь, можетъ быть:
Не только я съ тобой встрѣчаться избѣгала,
Но я тебя гнала; несносною желала,
Безчеловѣчною казаться я тебѣ;
Хотѣла ненависть я взбудить къ себѣ.
И что жъ? къ чему тогда все это послужило?
Чѣмъ ты суровѣй былъ, тѣмъ больше я любила.
Ты обольстительнѣй въ своемъ несчастьи сталъ.
Томилась, сохла я, огонь во мнѣ пылалъ,
И слезы я лила. Въ томъ можешь убѣдиться,
Лишь на меня взглянувъ, коль взоръ твой обратиться
Способенъ хоть на мигъ на жалкую меня....
Но что̀ я говорю? Да развѣ въ этомъ я
Постыдно признаюсь тебѣ по доброй волѣ?
Съ заботой я пришла о жалкой сына долѣ;
Пришла молить, чтобъ ты ему не дѣлалъ зла—
Но я любовію одной полна была.
Кто любитъ, видно, тотъ не властенъ надъ собою—
И вотъ, увы! могла я говорить съ тобою
Лишь о тебѣ самомъ. Отмсти же за себя,
Чтобъ ненавистная любовь къ тебѣ моя
Была наказана... Достойный сынъ героя!
Съ лица земли сотри чудовище лихое!..
Какъ? Ипполитъ любимъ Тезеевой вдовой!
Убей чудовище, убей своей рукой...
Вотъ сердце—вотъ: въ него направь свою ты руку.
Въ порывѣ утолить вины преступной муку
Ужъ рвется—чувствую—оно къ рукѣ твоей.
Молю тебя, рази, рази его скорѣй...
Иль, если ты его достойнымъ не считаешь
Удара твоего и самъ меня лишаешь
Ты казни сладостной и гнусной кровью той

Не хочешь рукъ сквернить,—то мечъ подай мнѣ свой [46])
Взамѣнъ твоей руки... отдай его....

ЭНОНА.

Да что́ же,
Царица, что́ съ тобой? что́ дѣлаешь? О боже!
Сюда идутъ: бѣги, бѣги чужихъ очей!
Спѣши уйти, чтобъ скрыть позоръ свой отъ людей!

СЦЕНА VI.

Ипполитъ, Тераменъ.

ТЕРАМЕНЪ.

Не Федра ль прочь бѣжитъ? Кто Федру увлекаетъ?
Что́, государь, съ тобой? Что́ такъ тебя смущаетъ?
Ты блѣденъ? безъ меча? растерянъ, недвижимъ?

ИППОЛИТЪ.

О, добрый Тѐраменъ, бѣжимъ скорѣй, бѣжимъ.
Я въ изумленіи невольно цѣпенѣю
И на себя взглянуть я силы не имѣю.
Вѣдь Федра.... Но во вѣкъ пусть тайны роковой
Не вѣдаетъ никто...

---

[46]) Въ трагедіи Сенеки, мечъ Ипполита также остается въ рукахъ Федры и долженъ служить уликою противъ него. Но дѣло происходитъ не такъ, какъ у Расина́: не Федра старается овладѣть мечемъ, а Ипполитъ извлекаетъ его, чтобы убить Федру, но потомъ оставляетъ ей мечъ, когда она осквернила его своимъ нечистымъ прикосновеніемъ:

Hipp. Stringatur ensis; merita supplicia exigat....
Ph. Hippolyte, nunc me compotem voti facis.
Sanas furentem; majus hoc voto meo est,
Salvo ut pudore manibus immoriar tuis.
Hipp. Abscede, vive, ne quid exores; et hic
Contactus ensis deserat castum latus (ст. 706—714).

(т. е.: „*Ипп.* Пусть *обнажится мечъ: пусть онъ совершитъ* заслуженное наказаніе.—*Федра.* Ипполитъ, теперь ты исполняешь мое желаніе. Ты исцѣляешь мое бѣшенство. Умереть отъ твоихъ рукъ, потерявши стыдъ—превосходитъ мое желаніе.—*Ипп.* Прочь! Живи, чтобъ не исполнилась твоя мольба и чтобы этотъ мечъ не осквернился, покинувъ свое мѣсто у непорочнаго бедра").

Послѣдніе стихи въ особенности могутъ быть сближены съ стихами Расина.

Въ трагедіи Пинельера (д. III, сц. 3) Ипполитъ говоритъ:

Et jetons dans ces lieux désormais cette lame
Qu'a touchée aujourd'hui cette impudique femme.

(т. е.: „Покинемъ здѣсь навсегда этотъ клинокъ, къ которому прикоснулась эта распутная женщина").

Т е р а м е н ъ.

Корабль готовъ ужъ твой.
Коль хочешь, уѣзжай. Но вѣсть мы получили,
Что волю ужъ свою Аѳины объявили;
Собрали старшины тамъ голоса отъ всѣхъ:
Твой братъ ихъ получилъ; за Федрою успѣхъ.

И п п о л и т ъ.

За Федрой?

Т е р а м е н ъ.

Да. Посолъ имѣетъ порученье
Вручить ей отъ Аѳинъ сейчасъ бразды правленья:
Царемъ тамъ—сынъ ея.

И п п о л и т ъ.

Извѣстна вамъ она,
О боги! Неужель награда суждена
За добродѣтель ей!

Т е р а м е н ъ.

Но слухъ глухой все бродитъ,
Что живъ Тезей, что онъ въ Эпирѣ дни проводитъ.
Но былъ въ Эпирѣ я: повѣрь, тамъ нѣтъ его.

И п п о л и т ъ.

Все нужно выслушать. Не надо ничего
Изъ вида упускать. Изслѣдуемъ начало
Молвы той—и скорѣй, во что бы то ни стало,
Поѣдемъ, если мнѣ все подтвердитъ она:
Достойной власть рукѣ должна быть вручена.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

ФЕДРА, ЭНОНА.

ФЕДРА.

Прочь, прочь всѣ почести! Пусть примутъ ихъ другіе!
Зачѣмъ зовешь меня ты на глаза людскіе?
Не исцѣлить души, подавленной тоской!
Не докучай же мнѣ и ото всѣхъ укрой.
Изъ сердца вырвалась наружу страсть случайно:
Я высказала то, что́ всѣмъ должно быть тайной.
Какъ слушалъ онъ меня! и какъ рѣчей моихъ
Онъ ловко избѣгалъ! Безчувственный! отъ нихъ
Онъ жаждалъ убѣжать прочь съ глазъ моихъ скорѣе;
Признанье выслушавъ, смѣшался онъ, краснѣя,
И мой удвоилъ стыдъ. Энона! для чего
Не допустила ты удара моего?
Увы! когда ужъ мечъ груди моей касался,
Не дрогнулъ Ипполитъ и недвижимъ остался!
Достаточно меча коснуться было мнѣ,
Чтобъ возмутился онъ въ душевной глубинѣ—
И мечъ чтобъ мерзокъ сталъ глазамъ его безстрастнымъ!

ЭНОНА.

Предавшись жалобамъ въ тоскѣ своей ужаснымъ,
Огонь душевныхъ мукъ питаешь только ты.
Не лучше ль было бы отъ мрачной тяготы,
Миноса дочь, тебѣ искать успокоенья
Въ трудахъ возвышенныхъ, взять въ руки жезлъ правленья,
Къ неблагодарному забыть скорѣе страсть
И царствовать?

Федра.

Увы! Могу ль принять я власть,
Когда мой слабый умъ ужъ не владѣетъ мною,
Власть полную дала страстямъ я надъ собою,
Подъ низкимъ ихъ ярмомъ могу едва дышать
И умираю я?

Энона.

Такъ должно прочь бѣжать.

Федра.

Разстаться съ нимъ нѣтъ силъ.

Энона.

Не можешь разлучиться,
Когда могла изгнать?

Федра.

Ужъ поздно! Утаиться
Безумный пламень мой не могъ отъ глазъ его.
Предѣлы перешла стыда я моего,[47]
И побѣдителю весь мой позоръ раскрылся.
Невольно въ сердце лучъ надежды заронился:
Когда остатокъ силъ меня ужъ покидалъ
И на устахъ моихъ духъ жизни замиралъ—
Ты рѣчью вкрадчивой его вновь оживила,
И право на любовь мнѣ ты сама открыла.

Энона.

Виновна я иль нѣтъ, но чтобъ тебя спасти,
Я, кажется, на все рѣшилась бы пойти.
Но если чувствовать ты можешь оскорбленье,
Неужели простишь къ себѣ его презрѣнье?
Упорной злобою и взглядомъ ледянымъ
Едва онъ не повергъ тебя къ ногамъ своимъ;
Угрюмой гордостью внушалъ онъ омерзенье.
Зачѣмъ ты не могла, хоть на одно мгновенье,
Моими посмотрѣть глазами на него!

---

[47]) Луи Расинъ сближаетъ стихи съ словами Федры у Овидія (*Пос. Федры къ Иппол.*, 155):

Depuduit, pofugusque pudor sua signa reliquit.

(т. е.: „Потеряла стыдъ; стыдъ, покинувшій меня, потерялъ свой образъ“).

ФЕДРА.

Отвыкнуть можетъ онъ отъ нрава своего.
Слѣдъ дикихъ въ немъ лѣсовъ, гдѣ онъ возросъ, остался:
Средь быта грубаго онъ долго закалялся,
Донынѣ не слыхалъ онъ голоса любви
И оттого молчалъ на жалобы мои.

ЭНОНА.

Подъ сердцемъ варварка своимъ его носила.

ФЕДРА.

Хоть варварка она, а все жъ она любила!

ЭНОНА.

Привыкъ онъ къ женщинамъ лишь ненависть питать.

ФЕДРА.

Что жъ? я соперницы не буду трепетать [48]).
Энона! Твой совѣтъ ужъ не имѣетъ власти;
Разсудокъ мой молчитъ—служи жъ моей ты страсти!
Онъ недоступенъ былъ для чувства моего:
Поищемъ же того, что́ бъ тронуло его.
Мнѣ кажется, прельщенъ онъ чарами правленья:
Въ Аѳины онъ спѣшилъ и скрыть не могъ волненья.
Совсѣмъ гото́вый въ путь ужъ рядъ судовъ стоялъ,

---

[48]) Это мѣсто есть подражаніе Сенекѣ (ст. 229—243):

Nutr. Quis hujus animum flectet intractabilem?
Exosus omne feminae nomen fugit;....
...... Genus Amazonium scias....
Ph. .... Precibus haud vinci potest?
Nutr. Ferus est.—*Ph.* Amore didicimus vinci feros....
Nutr. Genus omne profugit.—*Ph.* Pellicis careo metu.

(т. е.: „*Корм.* Кто склонитъ его суровый духъ? Онъ съ ненавистью бѣжалъ всякаго женскаго имени.... Узнай родъ Амазонскій....—*Федра*.... Нельзя побѣдить его просьбами?—*Корм.* Онъ дикъ.—*Федра.* Мы знаемъ, что дикихъ побѣждаетъ любовь.—*Корм.* Всего рода (нашего) онъ убѣгаетъ.—*Федра.* Я свободна отъ страха передъ соперницею“). Жильберъ (д. III, сц. 1) также подражалъ этимъ стихамъ Сенеки; но онъ разрушилъ всю силу ихъ, измѣнивъ порядокъ діалога Федры съ наперсницей — ошибка, въ которую не *могъ впасть* Расинъ:

Ph. Pour toutes sa froideur, sa *haine sont égales.*
Achr. Tant mieux, vous n'aurez point à craindre de rivales.

(т. е.: „Его холодность и ненависть *ко всѣмъ*—равны.—Тѣмъ лучше: тебѣ не придется бояться соперницъ“).

Между тѣмъ выборъ *этого послѣдняго* слова для перевода *pellicis* наводитъ на мысль, что Расинъ имѣлъ передъ глазами стихи Жильбера.

И парусами ихъ свободно вѣтръ игралъ.
Скорѣе отъ меня сыщи его, Энона;
Воспламени его, чтобъ царская корона
Его прельстила взоръ. Пусть царственнымъ вѣнцомъ
Украситъ онъ чело; себѣ жъ найду и въ томъ
Высокую я честь, что собственной рукою
Вѣнецъ тотъ возложу[49]). О, съ радостью большою
Готова эту власть ему я уступить,
Которую сама не въ силахъ я носить.
Онъ сына моего научитъ царствомъ править:
Судьбу и матери и сына предоставить
Рѣшилась я ему; быть можетъ, въ немъ найдетъ
Мой сынъ себѣ отца[50])... Но время насъ не ждетъ;
Спѣши, употреби всѣ средства убѣжденья.
Чтобъ преклонить его. Въ глазахъ его значенья
Получатъ болѣе моихъ—слова твои: [51])
Настаивай, рыдай, лей слезы и моли,
И Федры смертію разжалобить старайся;
Униженной мольбой ты даже не смущайся.
Энона, ужъ теперь на все согласна я;
Въ тебѣ, одной тебѣ, моя надежда вся,
Иди же; твоего я жду здѣсь возвращенья:
Зависитъ отъ него моей судьбы рѣшенье.

СЦЕНА II.

ФЕДРА.

Неумолимая Венера! видишь ты
Позоръ, въ который я повергласъ съ высоты.

---

[49]) Федра у Сенеки (617 и 618 ст.) говоритъ Ипполиту:

Mandata recipe sceptra; me famulam accipe.
Te imperia regere, me decet jussa exsequi.

(т. . е.: „Получи скипетръ, мнѣ порученный, возьми меня въ рабыни. Тебѣ подобаетъ править властью, а мнѣ—исполнять приказанія“).

Брюмуа (*Театръ Грековъ*, т. I, стр. 393) говоритъ, что въ этихъ стихахъ заключается „черта неподражаемая, изъ которой Расинъ создалъ цѣлую сцену“.

[50]) Sinu receptam, supplicem ac servam tege (Ib., ст. 622).
(т. е.: „Принявши въ объятія, защити покорную рабу“).

[51]) Въ IV кн. *Энеиды* (ст. 423) Дидона такъ поручаетъ склонить Энея:

Sola viri molles aditus et tempora noras.

(т. е.: „Ты одна только знаешь вѣрный доступъ къ мужу и удобную минуту“).

Достаточно ль тебѣ такого униженья?
Иль дальше поведешь свое ожесточенье?
Ужъ цѣль достигнута—и полно торжество.
Но если надобенъ для гнѣва твоего
Еще одинъ предметъ неумолимой кары,
То на того врага направь свои удары,
Который больше всѣхъ тобой пренебрегалъ:
Мятежный Ипполитъ тебя всегда бѣжалъ,
Предъ алтаремъ твоимъ не гнетъ колѣнъ покорно,
И имя для него одно твое позорно.
Отмсти же за себя! Онъ врагъ обѣимъ намъ[52]):
Пускай полюбитъ онъ!..
Но вѣрить ли глазамъ?
Энона снова здѣсь!.. Приходъ твой что́ пророчитъ?
Онъ въ гнѣвѣ на меня?.. онъ мнѣ внимать не хочетъ?

СЦЕНА III.

Федра, Энона.

Энона.

И мыслить не должна ты больше о любви.
Вновь чувства чистыя въ себѣ одушеви.
Не умеръ царь, и онъ предстанетъ предъ тобою;
Тезей вернулся къ намъ. Навстрѣчу всѣ толпою
Спѣшатъ уже къ нему. Я къ Ипполиту шла—
Вдругъ кликами толпы поражена была...

Федра.

Онъ живъ!.. Молчи, молчи... Позорное признанье
Въ любви ужъ сдѣлано, и мужу поруганье
Нанесено... Онъ живъ. Что жъ слушать дальше?

---

52) См. въ большомъ монологѣ Медеи (д. I, сц. IV, ст. 201—206) въ трагедіи того же имени, Корнеля:

Souverains protecteurs des lois de l'hyménée...
Voyez de quel mépris vous traite son parjure,
Et m'aidez à venger cette commune injure.

(т. е.: „Высшіе покровители супружескаго закона.... смотрите, съ какимъ презрѣніемъ нарушаетъ его предатель; помогите мнѣ отомстить это наше общее оскорбленіе").

Вольтеръ въ комментаріи къ *Медеѣ* замѣчаетъ: „Расинъ подражалъ этому стиху (послѣднему) въ *Федрѣ*...; но у Корнеля лишь красота поэтическая, а у Расина—красота чувства". Признаемся, не понимаемъ этого различія.

ЭНОНА.

Что?

ФЕДРА.

Предсказывала я—ты отрицала то.
Раскаянье мое ты воплемъ побѣдила.
Достойной жалости въ могилу я сходила—
Умру въ позорѣ я, послушавшись тебя! [53])

ЭНОНА.

Умрешь, царица, ты?

ФЕДРА.

Чтó совершила я!
О небо! Мой супругъ предстанетъ предо мною,
А съ нимъ и сынъ его! Увижу предъ собою
Свидѣтеля любви преступной я своей,
И устремитъ онъ взглядъ внимательныхъ очей,
Мое смущеніе съ злорадствомъ наблюдая:
Какъ встрѣчу ихъ, свои рыданья подавляя [54]),
Которымъ онъ не внялъ,—съ слезами на глазахъ,
Отвергнутыми имъ. Почувствуетъ ли страхъ
Тезея оскорбить? Скажи: молчать онъ станетъ?
Отца, властителя—какъ думаешь?—обманетъ?
И ненависть ко мнѣ сумѣетъ ли сдержать?
Нѣтъ! тщетно бъ захотѣлъ онъ истину скрывать:
Своей измѣны я всю низость разумѣю.
Спокойствія души хранить я не умѣю,
Какъ могутъ многія, скрывая свой позоръ,
И смѣло всѣмъ въ глаза бросать безстыжій взоръ.
Готовы, кажется, поднять и эти стѣны

---

[53]) Тѣ же упреки Федры кормилицѣ, см. у Еврипида:

Οὐκ εἶπον (οὐ σῆς προὐνοησάμην φρενός);
Σιγᾶν, ἐφ' οἷσι νῦν ἐγὼ κακύνομαι;
Σὺ δ' οὐκ ἀνέσχου· τοιγὰρ οὐκ ἔτ' εὐκλεεῖς
Θανούμεθα.... (ст. 682—684).

(т. е.: „Планъ твой предугадавъ, не предлагала ль я молчать про то, изъ-за чего теперь страдаю. Не утерпѣла ты. И вотъ безславно мнѣ придется умереть").

[54]) Расинъ влагаетъ здѣсь въ уста Федры то, чтó у Еврипида говоритъ Ипполитъ. Онъ угрожаетъ кормилицѣ такъ:

Θεάσομαι δὲ σὺν πατρὸς μολὼν ποδί,
Πῶς νιν προσόψει, καὶ σὺ καὶ δέσποινα σή·
Τῆς σῆς δὲ τόλμης εἴσομαι γεγευμένος (ст. 657—659).

(т. е.: „Вслѣдъ за отцомъ вернувшись, посмотрю, какъ взглянете вы съ госпожей ему въ глаза").

Свой голосъ, чтобы весь позоръ моей измѣны
И всю вину открыть супругу моему.
Нѣтъ! легче умереть! Пусть ужасу тому
Спасительная смерть предѣлъ скорѣй положитъ:
Разстаться съ жизнію большимъ ли зломъ быть можетъ?
О, для несчастныхъ смерть бываетъ не страшна [55]).
Мнѣ страшно имя то, которое должна
Оставить по себѣ, въ гробу ища покоя—
Наслѣдье для дѣтей [56]) несчастныхъ роковое.
Хоть кровь Юпитера течетъ въ моихъ сынахъ [57])
И чувство гордое питаетъ въ ихъ сердцахъ,
Но тяжко будетъ знать имъ о моемъ позорѣ!
Боюсь, что какъ-нибудь въ случайномъ разговорѣ
Они всю истину узнаютъ вдругъ о немъ
И не осмѣлятся очей поднять потомъ [58])!

---

[55]) Usque adeone mori miserum est?... (*Эн.* Верг. XII, 646).
(т. е.: „Неужели такъ жалко разстаться съ жизнью?")

[56]) У Федры было два сына: Акамасъ и Демофонъ.

[57]) Нѣкоторые авторы различаютъ въ героическія времена двухъ Миносовъ: болѣе древняго—сына Юпитера и Европы, бывшаго по смерти судіей въ Аидѣ, и другого, отца Федры, внука перваго Миноса. Расинъ, согласно съ Гомеромъ и Гезіодомъ, знаетъ лишь одного Миноса (ст. ниже, сц. 6-ю IV д.).

[58]) Многое въ этой тирадѣ напоминаетъ слѣдующія слова Федры Еврипида:

....'Επειδὴ τοισίδ' οὐκ ἐξήνυτον
Κύπριν κρατῆσαι, κατθανεῖν ἔδοξέ μοι
Κράτιστον.....
Μισῶ δὲ καὶ τὰς σώφρονας μὲν ἐν λόγοις,
Λάθρα δὲ τόλμας οὐ καλὰς κεκτημένας.
Αἳ πῶς ποτ', ὦ δέσποινα ποντία Κύπρι,
Βλέπουσιν ἐς πρόσωπα τῶν ξυνευνετῶν,
Οὐδὲ σκότον φρίσσουσι τὸν ξυνεργάτην
Τερεμνά τ' οἴκων, μή ποτε φθογγὴν ἀφῇ;
'Ημᾶς γὰρ αὐτὸ τοῦτ' ἀποκτείνει, φίλαι,
'Ωδ μή ποτ' ἄνδρα τὸν ἐμὸν αἰσχύνασ' ἁλῶ,
Μὴ παῖδας, οὓς ἔτικτον· ἀλλ' ἐλεύθεροι,
Παῤῥησίᾳ θάλλοντες, οἰκοῖεν πόλιν
Κλεινῶν 'Αθηνῶν, μητρός οὕνεκ', εὐκλεεῖς.
Δουλοῖ γὰρ ἄνδρα, κἂν θρασύσπλαγχνός τις ᾖ,
Ὅταν ξυνειδῇ μητρὸς ἢ πατρὸς κακά (ст. 401—426).

(т. е.: „Когда жъ посредствомъ этихъ мѣръ была не въ силахъ Киприду одолѣть, на третье я рѣшилась—себя убить.... Равно я ненавижу скромныхъ на словахъ, а въ тайнѣ гнусныя дѣянія творящихъ. Владычица морей, Киприда! какъ онѣ въ глаза своимъ супругамъ смотрятъ, какъ не трепещутъ мрака, ихъ пособника, и стѣнъ, что́ тайну ихъ однажды огласятъ? Вѣдь мнѣ убиваетъ жизнь то, что обнаружится позоръ, который я навлекла на мужа и дѣтей. О, пусть свободные живутъ, пользуясь свободой слова широко, въ Аѳинахъ славныхъ: мать не опозоритъ ихъ.

ЭНОНА.

Вѣрь, чувствую я къ нимъ обоимъ сожалѣнье;
Понятно и твое за нихъ мнѣ опасенье:
Но для чего же ихъ безславью подвергать
И собственной души движенья выдавать?
Всѣ скажутъ, что покрывъ супруга честь позоромъ,
Боишься ты предстать его ужаснымъ взорамъ.
Радъ будетъ Ипполитъ, что смертію своей
Ты правду подтвердишь всѣхъ злыхъ его рѣчей.
И что жъ отвѣчу я ему на обвиненье?
Легко ему всегда привесть меня въ смущенье:
О, какъ же будетъ онъ тогда торжествовать
И память о тебѣ охотно всѣмъ пятнать!
Пусть лучше грянетъ громъ небесный надо мною,
Чѣмъ видѣть это мнѣ! Ужели же тобою
Онъ все еще любимъ?

ФЕДРА.

Внушаетъ ужасъ онъ.

ЭНОНА.

Не уступай ему: онъ будетъ побѣжденъ.
Взведи ты на него безъ думы обвиненье
И припиши ему сама то преступленье,
Въ которомъ онъ тебя готовъ теперь винить:
Оспоритъ кто тебя [59])? Его жъ изобличить

Вѣдь самый смѣлый рабски приниженъ, когда знаетъ за матерью иль за отцомъ порокъ").

Въ этихъ стихахъ Еврипида, которымъ подражалъ Расинъ, есть мѣсто, которое и Еврипидъ заимствовалъ изъ *Агамемнона* Эсхилова (ст. 37 и 38):

... Οἶκος δ' αὐτός, εἰ φθογγὴν λάβοι,
Σαφέστατ' ἂν λέξειεν.....

(т. е.: „Самый домъ, если бъ уловилъ голосъ, разсказалъ бы все, ничего не скрывая")

[59]) См. у Сенеки (ст. 719—724):

.... Quid segnis stupes?
Regeramus ipsi crimen, atque ultro impiam
Venerem arguamus....
Ausae priores simus, an passae nefas,
Secreta quum sit culpa, quis testis sciet?

(т. е.: „Что ты остолбенѣла? Обратимъ преступленіе на него самого и уличимъ сами его въ преступной любви... Если вина останется въ тайнѣ, кто узнаетъ: мы дерзнули на беззаконіе, или сами стали его жертвою?")

Все можетъ такъ легко: вѣдь онъ свой мечъ оставилъ
Въ твоихъ рукахъ, когда бѣжать тебя заставилъ;
Печаль минувшая, теперешній твой страхъ
И непрестанныя проклятья на устахъ,
Которыми его добилась ты изгнанья—
Все преградитъ ему возможность оправданья.

ФЕДРА.

Чтобъ на невиннаго я стала клеветать!

ЭНОНА.

Довольно и того, коль будешь ты молчать:
Все предоставь ужъ мнѣ. Не меньшее волненье
Испытываю я—и совѣсти мученье;
Скорѣе встрѣтила бъ я тысячу смертей:
Но для спасенія вѣдь жизни я твоей
Тебѣ недоброе то средство предлагаю;
Я знаю, безъ него тебя я потеряю [60]).
Тезею разсказать берусь сама я все;
Онъ ограничитъ тѣмъ все мщеніе свое,
Что сына удалитъ: когда отецъ караетъ,
Онъ все-таки отецъ; свой гнѣвъ онъ утоляетъ
И легкой карою. Но можно бы пролить
И кровь невинную, чтобъ честь твою омыть:
Она—сокровище настолько дорогое,
Что должно принести ей въ жертву все другое.
Что̀ честь потребуетъ твоя—исполни все:
И добродѣтелью пожертвуй для нея.
Но вотъ идетъ Тезей.

ФЕДРА.

Я вижу Ипполита:
Мнѣ гибель въ дерзостныхъ очахъ его сокрыта!

---

60) Εἰ μὲν γὰρ ἦν σοι μὴ 'πὶ συμφοραῖς βιός
Τοιαῖσδε, σώφρων δ' οὖσ' ἐτύγχανες γυνή,
Οὐκ ἄν ποτ' εὐνῆς οὕνεχ' ἡδονῆς τε σῆς
Προῆγον ἄν σε δεῦρο· νῦν δ' ἀγὼν μέγας
Σῶσαι βίον σόν, κοὐκ ἐπίφθονον τόδε (*Ипполитъ* Еврипида, ст. 494—498).
(т. е.: „Когда бы бѣдствія такого не случилось и женщиной ты разсудительной была, я страсти ради и твоей потѣхи на это не склоняла бы тебя. Теперь борьба великая идетъ, чтобъ жизнь твою спасти, и этимъ не должно пренебрегать“).

Какъ хочешь, поступай; ввѣряюсь я тебѣ—
Ужъ я заботиться не въ силахъ о себѣ.

СЦЕНА IV.

Тезей, Федра, Ипполитъ, Энона, Терамепъ.

Тезей.

Вражду свою со мной Фортуна прекратила,
Въ объятія твои супруга возвратила...

Федра.

Остановись, Тезей. Прекрасныхъ чувствъ своихъ
Ты мной не оскверняй: ужъ я не стою ихъ.
Твое достоинство оскорблено здѣсь было...
Фортуна безъ тебя жены не пощадила...
Приблизиться къ тебѣ ужъ недостойна я —
И должно лишь желать мнѣ скрыться отъ тебя.

СЦЕНА V.

Тезей, Ипполитъ, Терамепъ.

Тезей.

Какой пріемъ себѣ отецъ твой здѣсь встрѣчаетъ?[61]
Что́ значитъ это, сынъ?

Ипполитъ.

Лишь Федра это знаетъ.
Но просьбѣ пламенной не откажи моей:
Чтобъ больше никогда я не встрѣчался съ ней,
Дозволь мнѣ навсегда отсюда удалиться.

Тезей.

Ужели хочешь ты со мною разлучиться?

---

61) У Еврипида Тезей удивляется, что никто не привѣтствуетъ его возвращенія:
Οὐ γάρ τί μ' ὡς θεωρὸν ἀξιοῖ δόμος
Πύλας ἀνοίξας εὐφρόνως προσεννέπειν (ст. 788, 789).
(т. е.: „Мнѣ.... дверей не отворяютъ, и не встрѣчаетъ съ радостью меня никто“).

Ипполитъ.

Я Федры не искалъ. Ее привезъ ты самъ,
Когда вернулся вновь къ Трезенскимъ берегамъ;
Затѣмъ мнѣ поручилъ, Трезену покидая,
Ее съ Арисіей, охрану ихъ ввѣряя.
Теперь же чтó меня здѣсь можетъ удержать?
Въ безпечной юности пришлось мнѣ оказать
Довольно ловкости надъ мелкими врагами[62]):
Разстаться не пора ль мнѣ съ праздными часами
И дротики омыть въ достойнѣйшей крови?
Отецъ мой, самъ же ты успѣлъ въ лѣта мои
Давно уже сразить не одного тирана;
И злымъ чудовищамъ, на радость всѣмъ, ты рано
Умѣя счастливо каратъ за дерзость ихъ,
Успѣлъ ужъ показать всю тяжесть рукъ своихъ.
Двухъ береговъ морскихъ ты вѣрной былъ оградой:
Не устрашаемый опасною засадой
Тамъ странникъ совершать свободно сталъ свой путь;
Свободно Геркулесъ могъ, наконецъ, вздохнуть,
Узнавъ дѣла твои; тебѣ онъ предоставилъ
Труды свои съ тѣхъ поръ... А я? чѣмъ я прославилъ
Себя—безвѣстный сынъ столь славнаго отца?..
И матери моей держаться образца
Я въ жизни не умѣлъ. Такъ дай же дозволенье
Отваги мнѣ своей увидѣть примѣненье:
Быть можетъ, рукъ твоихъ успѣло избѣжать
Чудовище—позволь его мнѣ отыскать
И славный трупъ его къ ногамъ твоимъ повергнуть,
Иль гибели дозволь мнѣ жизнь свою подвергнуть,
Чтобъ славой вѣчною мой доблестный конецъ
Всѣмъ въ мірѣ показалъ, что мнѣ Тезей отецъ.

Тезей.

Чтó вижу? Ужасъ всѣмъ сердца здѣсь наполняетъ
И всю семью мою отсюда разгоняетъ.
О, если мало такъ желаютъ здѣсь меня,
То—боги!—для чего жъ свобода мнѣ моя?
Судьба мнѣ одного послала въ жизни друга..

---

[62]) Надъ звѣрями на охотѣ.

Зажгла въ немъ страсть царя эпирскаго супруга—
Похитить у царя ее задумалъ онъ.
Къ несчастью, былъ и я въ тотъ подвигъ вовлеченъ.
Обоихъ насъ судьба жестоко ослѣпила,
И одолѣла насъ тирана злого сила;
Я схваченъ былъ врасплохъ. Несчастный Перитой,
Лишь мной оплаканный, въ глазахъ моихъ, живой,
Царемъ чудовищамъ былъ отданъ на пожранье,
Которымъ онъ бросалъ людей на растерзанье [63]).
Меня жъ въ пещерѣ скрылъ отъ взора всѣхъ людей
Близь царства мрачнаго безжизненныхъ тѣней.
Но черезъ полгода меня взыскали боги:
Ка́къ охранителей дозоры тамъ ни строги,
Но я ихъ обманулъ—и я избавилъ міръ
Отъ лютаго врага: чудовищамъ на пиръ
Я бросилъ самого его безъ сожалѣнья.
Когда жъ съ восторгомъ я дождался возвращенья
Къ тому, что́ на землѣ дороже мнѣ всего...
Что́ говорю?.. когда другого ничего
И видѣть не хочу, насытить лишь желаю
Любезнымъ видомъ взоръ,—то что́ же я встрѣчаю?
Одинъ лишь страхъ къ себѣ? Никто здѣсь не спѣшитъ
Въ объятія мои; все въ трепетѣ бѣжитъ!
Тотъ ужасъ, наконецъ, и самъ я ощущаю,
И лучше вновь въ тюрьмѣ эпирской быть желаю!
Сказала Федра мнѣ, что здѣсь я оскорбленъ:
Такъ говори же: кѣмъ? и какъ не отомщенъ
Остался я? Ужель убѣжище злодѣю
Доставила страна, которой я радѣю,
Которую не разъ спасалъ своей рукой?..
Не отвѣчаешь ты? Мой сынъ, мой сынъ родной
Единомышленникъ съ врагами сталъ моими!
Войдемъ. Терзаюсь я сомнѣньями такими;
Сносить ихъ нѣтъ мнѣ силъ. Хочу узнать скорѣй,
Въ чемъ состоитъ вина, и кто виновенъ въ ней.
Пусть Федра объяснитъ причину мнѣ тревоги
Немедленно своей.

---

[63]) Плутархъ (*Жизнь Тезея*, гл. XXXI) разсказываетъ, что царь *молосскій* Эдоней отдалъ Пиритоя на пожраніе своему псу Церберу.

СЦЕНА VI.

Ипполитъ, Тераменъ.

Ипполитъ.

О, праведные боги!
Куда клонились тѣ ужасныя слова?
Отъ нихъ могу я духъ перевести едва.
Иль Фера предала себя уже всецѣло
Безумной ярости; сознаться захотѣла,
Рѣшилась и себя признаніемъ сгубить?
О! что́ же скажетъ царь?.. Весь домъ нашъ отравить
Намѣрена любовь! Я самъ, огнемъ палимый,
Который гнѣвъ въ отцѣ зажжетъ непримиримый,
Чѣмъ былъ я—и какимъ явлюсь въ его глазахъ!
Предчувствій черныхъ полнъ, я ощущаю страхъ....
Но не *виновенъ я*: чего же мнѣ страшиться?
Ко мнѣ вѣдь можетъ въ немъ и нѣжность пробудиться,
Коль къ сердцу я его, по-счастью, путь найду.
Я о любви своей ему сказать иду.
Конечно, пожелать смутить ее онъ можетъ:
Но даже власть его любви той не встревожитъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тезей, Энона.

Тезей.

Чтó слышу? Дерзкій сынъ хотѣлъ мнѣ измѣнить!
Отца намѣренъ былъ безславіемъ покрыть!
Судьба! за что меня ты гонишь безъ пощады?
Гдѣ *я*? куда иду—не различаютъ взгляды [64])!
Вотъ доброты моей и нѣжности всей плодъ!
Вотъ благодарность сынъ за нихъ какъ воздаетъ!
О дерзкій замыселъ! о мерзкое стремленье!
Чтобъ цѣли чернаго достигнуть вожделѣнья,
Къ насилію наглецъ готовъ прибѣгнуть былъ!
Узналъ я тотчасъ мечъ, которымъ онъ грозилъ
Въ своемъ неистовствѣ. Мечемъ тѣмъ былъ онъ мною
Самимъ вооруженъ, но съ цѣлію благою:
Для дѣлъ возвышенныхъ его я назначалъ [65]).
И что жъ? Страхъ кровныхъ узъ его не удержалъ!

---

[64]) ...... Πᾶ
Φύγω βάρος κακῶν;
Ἀπὸ γὰρ ὀλόμενος οἴχομαι....
Ἱππόλυτος εὐνῆς τῆς ἐμῆς ἔτλη θιγεῖν
Βίᾳ, τὸ σεμνὸν Ζηνὸς ὄμμ' ἀτιμάσας (ст. 875—884).

(т. е.: „Куда бѣжать отъ гнета бѣдствій? *я пропалъ*.... Насильемъ ложа моего коснуться Ипполитъ дерзнулъ, *не устыдившись* чистыхъ Зевсовыхъ очей").

[65]) Вергилій, подобно этому, сказалъ о мечѣ, дарѣ Энея, которымъ вооружается Дидона, готовая поразить себя (*Эн.*, IV, 647):

.... Non hos quaesitum munus in usus.

(т. е.: ...даръ, полученный не для такого употребленія").

А Федра медлила злодѣю наказаньемъ:
Преступнаго могла щадить своимъ молчаньемъ!

ЭНОНА.

Скорѣй она тебя желала пощадить.
Охвачена стыдомъ, лишь только различить
Порывъ преступныхъ чувствъ царица въ немъ успѣла,
Какъ непорочный свѣтъ очей своихъ хотѣла
Немедля погасить своею же рукой.
Увидѣвъ взмахъ ея, я бросилась стрѣлой
И для любви твоей ее я сохранила.
Равно обоихъ васъ мнѣ жалко видѣть было,
Тебя - въ смущеніи, ее—въ огнѣ стыда;
Въ тревогѣ невзначай являюсь я сюда—
И разсказала все: иначе я едва ли
Раскрыла бъ тайну всю царицыной печали.

ТЕЗЕЙ.

Предатель! блѣдностью себя онъ выдалъ самъ,
Въ позорномъ трепетѣ представъ моимъ глазамъ.
Какъ удивленъ я былъ, въ немъ радости не встрѣтивъ!
Я самъ былъ охлажденъ, холодность въ немъ замѣтивъ.
Преступную любовь, которой онъ зажженъ,
Ужель почувствовалъ еще въ Аѳинахъ онъ?

ЭНОНА.

Припомни, сколько разъ она возобновляла
На сына жалобы: всегда ихъ возбуждало
Негодованіе на гнусную любовь.

ТЕЗЕЙ.

Въ Трезенѣ жъ эта страсть въ немъ возгорѣлась вновь?

ЭНОНА.

То, что произошло—я все тебѣ открыла.
Безжалостно бъ ее теперь покинуть было
Въ смертельной горести. Позволь же поскорѣй
Оставить мнѣ тебя и возвратиться къ ней.

СЦЕНА II[66]).

Тезей, Ипполитъ.

Тезей.

Вотъ онъ! о небеса! Кто былъ бы въ состояньѣ
Не обмануться въ немъ, избѣгнуть обаянья
Столь благородною наружностью его?
Какъ можетъ на челѣ развратника того
Святой невинности блистать напечатлѣнье!
О, для чего нельзя по знаку отверженья
Сердца предателей тотчасъ же узнавать! [67])

Ипполитъ.

Могу ли, государь, просить тебя сказать,
Чтó такъ чело твое внезапно омрачило?
Иль тяжело бъ тебѣ открыть мнѣ тайну было?

Тезей.

Какъ смѣлъ явиться ты, предатель, предо мной?
Что жъ медлитъ грянуть громъ небесный надъ тобой?

---

[66]) Сюблиньи въ своемъ *Разсужденіи о трагедіяхъ „Федрѣ“ и „Ипполитѣ“* пишетъ объ этой сценѣ, называя ее *третьей* сценой. Очевидно, до напечатанія піесы, была другая *вторая* сцена IV акта, выпущенная Расиномъ. Въ *Разсужденіи* (стр. 389) читаемъ о ней: „Тезей.... такъ увѣренный въ этомъ предполагаемомъ преступленіи, какъ *если бы* оно совершилось на его глазахъ, довольствуется восклицаніями о его громадности вмѣсто того, чтобы отъ Федры или Эноны потребовать доказательствъ, болѣе основательныхъ, этого ужаснаго обвиненія“. Итакъ выпущенная сцена состояла изъ монолога Тезея.

[67]) Ту же мысль находимъ въ *Ипполитѣ* Еврипида, но съ совсѣмъ инымъ значеніемъ:

Φεῦ! χρῆν βροτοῖσι τῶν φίλων τεκμήριον
Σαφές τι κεῖσθαι καὶ διάγνωσιν φρενῶν,
Ὅστις τ' ἀληθής ἐστιν, ὅς τε μή, φίλος·
Δισσάς τε φωνὰς πάντας ἀνθρώπους ἔχειν,
Τὴν μὲν δικαίαν, τὴν δ' ὅπως ἐτύγχανεν,
Ὡς ἡ φρονοῦσα τἄδικ' ἐξηλέγχετο
Πρὸς τῆς δικαίας, κοὐκ' ἂν ἠπατώμεθα (ст. 923—929).

(т. е.: „Эхъ, нужно бъ смертнымъ ~~про~~ друзей установить мѣрило точное, чтобъ распознавать сердца: кто истинный, и кто невѣрный другъ. Два голоса всѣмъ людямъ надлежитъ имѣть: одинъ правдивый, а другой — чтобъ уличаемъ былъ правдивымъ, неправду замышляя, какъ случай приведетъ. Тогда мы не вводились бы въ обманъ“):

Сенека, подражая Еврипиду, влагаетъ въ уста Тезея такія слова:

O vita fallax! abditos sensus geris,
Animisque pulchram turpibus faciem induis.

(т. е.: „О лживая жизнь! Ты скрываешь чувства и гнусной душѣ даешь прекрасный обликъ“).

Остатокъ мерзостный враговъ родного края,
Которыхъ я разилъ, страну освобождая!
Предавшись пламени чудовищной любви,
На ложе отчее исканія свои
Ты простереть дерзнулъ—и предо мной явился,
Лицо враждебное мнѣ показать рѣшился!
Чтó медлишь ты въ мѣстахъ, которыя полны
Дѣлъ мерзостныхъ твоихъ— безчестья всей страны?
Бѣги отсюда прочь подъ небо намъ чужое,
Куда извѣстіе доселѣ никакое
Объ имени моемъ достигнуть не могло;
Бѣги—и отъ меня сокрой свое чело.
Едва могу сдержать свое негодованье!
Довольно срама мнѣ, что гнусное созданье
Такое я родилъ. Нельзя жъ, чтобъ казнь твоя
Вновь опозорила въ глазахъ людей меня
И славныя дѣла безславіемъ покрыла:
Прочь, коль не хочешь ты, чтобъ невзначай сразила
Тебя рука моя, прибавивъ къ стаѣ той,
Которую казнилъ я этою рукой!
Бѣги. Пусть солнца лучъ, сіяющій надъ нами,
Не видитъ никогда, чтобъ дерзкими стопами
Коснуться здѣсь земли ты снова смѣлъ... Бѣги,
Бѣги, я говорю; направь свои шаги
Безповоротно прочь. Очисть мои предѣлы
Отъ своего лица! [68])
Нептунъ! мой подвигъ смѣлый
Избавилъ нѣкогда на вѣки берегъ твой
Отъ гнусныхъ изверговъ. Даровано тобой
За это мнѣ тогда жъ—ты помнишь—обѣщанье
Отвѣтить помощью на первое призванье [69]).

---

68) Ἔξερρε γαίας τῆσδ' ὅσον τάχος φυγάς,
Καὶ μήτ' Ἀθήνας τὰς θεοδμήτους μόλῃς,
Μήτ' εἰς ὅρους γῆς ἧς ἐμὸν κρατεῖ δόρυ (971—973),
(т. е.: „Бѣги въ изгнанье изъ страны скорѣй, но не въ Аѳины, чтó построены богами, и не въ предѣлы той страны, гдѣ я—царемъ!")

69) Ἀλλ', ὦ πάτερ Πόσειδον, ἃς ἐμοί ποτε
Ἀρὰς ὑπέσχου τρεῖς, μιᾷ κατέργασαι
Τούτων ἐμὸν παῖδ', ἡμέραν δὲ μὴ φύγοι
Τήνδ', εἴπερ ἡμῖν ὤπασας σαφεῖς ἀράς (885—888).
(т. е.: „О Посейдонъ-отецъ, одно изъ обѣщаній тѣхъ, что нѣкогда мнѣ далъ, теперь

Въ темницѣ долго я страданія сносилъ,
Но помощи твоей безсмертной не просилъ:
Былъ скрытъ завѣтный даръ, мной, какъ скупцомъ, хранимый
На случай крайности въ нуждѣ неодолимой:
Она пришла теперь. Лети жъ, мольба моя!
Отмсти, отмсти, Нептунъ! Молю, услышь меня!
Поруганный отецъ о томъ къ тебѣ взываетъ
И гнѣву твоему предателя ввѣряетъ.
Его же кровію въ немъ гнусный пылъ залей:
Увижу благость я въ жестокости твоей.

Ипполитъ.

Я Федрою въ любви преступной обвиняюсь!
До глубины души я, государь, смущаюсь
Предъ этимъ ужасомъ! Ударовъ разомъ я
Такъ много претерпѣлъ, что молкнетъ рѣчь моя
И голосъ отнялся [70])...

Тезей.

Твоимъ желаньемъ было,
Чтобы молчаніемъ трусливымъ Федра скрыла
Твой необузданный, чудовищный порывъ.
Не долженъ былъ бы ты, отъ Федры отступивъ,

исполни: мнѣ сына умертви, чтобъ нынче жъ цѣлъ онъ не былъ, если ты не всуе обѣщалъ!")

Но Расинъ здѣсь слѣдовалъ еще ближе Сенекѣ:

... Genitor aequoreus dedit
Ut vota prono trina concipiam deo...
En, perage donum triste, regnator freti.
Non cernat ultra lucidum Hippolytus diem....
Fer abominandam nunc opem nato, parens.
Nunquam supremum numinis munus toi
Consumeremus, magna ni premerent mala.
Inter profunda Tartara et Ditem horridum......
Voto peperci: redde nunc pactam fidem,
Genitor...... (942—954).

(т. е.: „Отецъ морей предоставилъ мнѣ съ его дозволенія задумать три желанія.... Яви же теперь, владыко моря, свой печальный даръ; пусть Ипполитъ не увидитъ болѣе свѣтлаго дня.... Окажи, родитель, сыну гнусную помощь. Никогда бы я не прибѣгъ къ послѣднему дару твоей божественной воли, если бы не подавляли меня великія бѣдствія. Среди глубокаго Тартара и ужаснаго Плутона.... я не воспользовался обѣщаніемъ. Исполни теперь свое слово, родитель").

70) Ἔκ τοι πέπληγμαι· σοὶ γὰρ ἐκπλήσσουσί με
Λόγοι.... (932, 933).

(т. е.: „Испуганъ я. Внушаютъ опасенье мнѣ твои . . слова").

Меча ей покидать, свершая покушенье.
Въ ея рукахъ вѣдь онъ—улика въ преступленьѣ.
Иль до конца бъ ужъ ты измѣну довершалъ:
Однимъ ударомъ рѣчь и жизнь ея прервалъ.

Ипполитъ.

Столь черной клеветой по праву возмущенный,
Я долженъ бы открыть всю правду—и стѣсненный
Лишь тѣмъ, что тайна та касается тебя,
Молчу я. Такъ велитъ почтительность моя [71].
Признай же ты ее, и обратись къ сужденью
О личности моей. Большому преступленью
Всегда предшествуютъ другія. Кто посмѣлъ
Нарушить разъ законъ, бываетъ больше смѣлъ:
Онъ можетъ посягнуть и на права святыя.
Имѣютъ степени и доблести людскія,
И человѣческій имѣетъ ихъ порокъ.
Отъ скромной чистоты гдѣ виданъ былъ скачокъ
Къ распутству крайнему? Чье—доблесть украшенье,
Не можетъ тотъ чрезъ день свершить кровосмѣшенье.
Я героинею былъ чистою вскормленъ,
И крови этой родъ мной не былъ посрамленъ.
Я первые года былъ матерью лелѣемъ;
Изъ рукъ ея затѣмъ я принятъ былъ Питтеемъ.
За мудрость всякъ его глубоко уважалъ:
Онъ мой наставникъ былъ [72]. Не думай чтобъ желалъ
Достоинствами я хвалиться предъ тобою:
Но если одаренъ я доблестью какою,
То болѣе всего возненавидѣлъ я
Порокъ, въ которомъ здѣсь винятъ теперь меня [73].

---

71) Въ отвѣтѣ Ипполита отцу у Еврипида находимъ подобное же умолчаніе:
Εἰ δ' ἥδε δειμαίνουσ' ἀπώλεσεν βίον,
Οὐκ οἶδ'· ἐμοὶ γὰρ οὐ θέμις λέγειν πέρα (1030, 1031).
(т. е.: „Не изъ боязни ли она сгубила жизнь — не знаю я: мнѣ дальше говорить запрещено").

72) Питтей, царь Трезены, былъ дѣдъ Тезея съ материнской стороны. Тезей былъ воспитанъ имъ и ему поручилъ воспитаніе Ипполита. Въ прологѣ Еврипида (ст. 11) Ипполитъ названъ воспитанникомъ Питтея:
Ἱππόλυτος, ἁγνοῦ Πιτθέως παιδεύματα.
(т. е.: „Ипполитъ, воспитанникъ благочестиваго Питтея)".

73) Ἑνὸς δ' ἄθικτος, ᾧ, με νῦν ἑλεῖν δοκεῖς·
Λέχους γὰρ ἐς τόδ' ἡμέρας ἁγνὸν δέμας (1000 и 1001)
(т. е.: „Въ одномъ, въ чемъ ты почитаешь меня уличеннымъ—я невиненъ. Донынѣ тѣло дѣвственнымъ храню").

По всей Элладѣ слухъ объ Ипполитѣ ходитъ,
Что добродѣтель онъ до жесткости доводитъ,
Что строгій нравъ его и стоекъ и могучъ.
Отецъ! я чистъ душой, какъ солнца чистый лучъ.
И что же? Говорятъ, что кровь мою сжигаетъ...

Т е з е й.

Да! эта гордость вотъ тебя и обличаетъ.
Ясна причина мнѣ холодности твоей:
Плѣняла Федра лишь безстыдный взоръ очей [74]—
Предъ всякой же другой ты въ сердцѣ былъ покойнымъ:
Ты чистый огнь любви считаешь недостойнымъ.

И п п о л и т ъ.

О нѣтъ, отецъ!.. Зачѣмъ мнѣ долѣе скрывать?
Любовью чистой я осмѣлился пылать!
У ногъ твоихъ въ своемъ сознаюсь преступленьѣ:
Я полюбилъ, отецъ, нарушивъ запрещенье!
Арисія моей владѣетъ всей душой:
Палланта дочери сынъ покорился твой.
Любовью я горю. Хоть тѣмъ завѣтъ я рушу,—
Но только ей одной могу отдать я душу.

Т е з е й.

Ты полюбилъ ее?... Нѣтъ! хитростью такой
Ты хочешь оправдать себя передо мной,
Самъ взводишь на себя ты это обвиненье.

И п п о л и т ъ.

Почувствовавши къ ней сердечное влеченье,
Я полгода ея старался избѣгать.
Дрожа, готовъ я былъ о томъ тебѣ сказать,
Но гнѣва твоего ничто смирить не можетъ...

---

74) Тезей въ *Ипполитѣ* Жильбера (д. IV, сц. 3) также обращаетъ противъ сына то, чтó тотъ высказалъ въ свое оправданіе:

Hipp. Comparez seulement mes moeurs avec ce vice...
Pour juger du présent rappelez le passé.
Thesée. Il est vrai, tu menois une vie exemplaire.
Mais tu pensois par là couvrir ton adultère.

(т. е.: „*Ипп.* Сравни только образъ моей жизни съ этимъ порокомъ. Чтобы судить о настоящемъ, вспомни прошлое.—*Тезей.* То правда: ты велъ жизнь примѣрную. Но ты думалъ тѣмъ прикрыть свое прелюбодѣяніе“).

Ни у Еврипида, ни у Сенеки не находимъ ничего подобнаго.

Иль сила клятвъ ему предѣла не положитъ?
Пусть небо и земля, о! пусть природа вся [75])...

Т е з е й.

Молчи: тѣхъ лживыхъ клятвъ не буду слушать я.
Злодѣйство гнусное всегда къ нимъ прибѣгаетъ.
Не докучай же мнѣ, коль средствъ другихъ не знаетъ
Душа, лишенная неложной чистоты.

И п п о л и т ъ.

Притворною ее во мнѣ считаешь ты:
Во глубинѣ души къ ней въ Федрѣ больше вѣры.

Т е з е й.

Ты возбуждаешь гнѣвъ безстыдствомъ выше мѣры!

И п п о л и т ъ.

Когда ты, и куда меня изгнать рѣшилъ?

Т е з е й.

О, если бъ за столпы Геракла ты уплылъ [76]),
Я счелъ бы къ извергу себя въ сосѣдствѣ близкомъ.

И п п о л и т ъ.

Я, заподозрѣнный въ томъ преступленьѣ низкомъ,
Чью жалость вызову, покинутый тобой?

Т е з е й.

Ищи себѣ друзей съ отверженной душой,
Готовыхъ одобрять развратъ, кровосмѣшенье,
И благодарности не слышащихъ внушенья;

---

75) Νῦν δ' Ὅρκιόν σοι Ζῆνα καὶ πέδον χθονὸς
Ὄμνυμι, τῶν σῶν μήποθ' ἅψασθαι γάμων (1023, 1024).

(т. е.: „Теперь же Зевсомъ, клятвъ блюстителемъ, клянусь, отчизны почвой,—что твоей жены не трогалъ").

76) ΙΠΠ. Οἴ μοι! τί δράσεις; οὐδὲ μηνυτὴν χρόνον
Δέξει καθ' ἡμῶν, ἀλλά μ' ἐξελᾷς χθονός;
ΘΗΣ. Πέραν γε Πόντου καὶ τόπων Ἀτλαντικῶν,
Εἴ πως δυναίμην, ὡς σὸν ἐχθαίρω κάρα (ст. 1049—1052).

(т. е.: „*Ипп.* О горе! что задумалъ! Даже времени не выждешь, чтобъ изобличить! Ты меня отсюда вышлешь?—*Тезей.* За море, за предѣлы Атлантиды, когда бы могъ: такъ мнѣ противенъ ты!").

Ищи предателей безъ чести и стыда,
Готовыхъ защищать преступниковъ всегда [77]).

Ипполитъ.

Кровосмѣшенье ты, развратъ все поминаешь.
Молчу я... Федра же... ты, государь, самъ знаешь,
Какою матерью была порождена.
О! кровь, которую усвоила она,
Тѣхъ ужасовъ въ себѣ скрываетъ много больше.

Тезей.

Нѣтъ силъ безуміе твое сносить мнѣ дольше!
Ему ужъ мѣры нѣтъ! Тебѣ въ послѣдній разъ
Я говорю: ступай, съ моихъ исчезни глазъ.
Предатель, вонъ! Иль ждешь, чтобъ твой отецъ съ позоромъ
Велѣлъ тебя прогнать [78])?

СЦЕНА III.

Тезей (*одинъ*).

Презрѣнный! Шагомъ скорымъ
Спѣшишь къ погибели ты неизбѣжной самъ.
Поклялся мнѣ Нептунъ, столь страшный и богамъ,
Волной своей—и вотъ онъ клятву исполняетъ;
Богъ-мститель за тобой самъ слѣдомъ поспѣшаетъ:
Уже теперь его тебѣ не избѣжать!..
Но я любилъ тебя—и не могу сдержать
Я въ глубинѣ души тревожнаго волненья,

---

77) ʽΙΠΠ. Ποῖ δῆτα τλῆμαν τρέψομαι; τίνος ξένων
Δόμους ἔσειμι, τῇδ' ἐπ' αἰτίᾳ φυγών;
ΘΗΣ. Ὅστις γυναικῶν λυμεῶνας ἥδεται
Ξένους κομίζων καὶ ξυνοικούρους κακῶν (ст. 1064—1067).
(т. е: „*Ипп.* Куда бѣжать? Кто изъ чужихъ мнѣ дастъ пріютъ, лишенному отчизны за вину такую?—*Тезей.* Кто соблазнителей женъ радъ къ себѣ принять и соучастниковъ семейнаго позора").

78) ΘΗΣ. Οὐχ ἕλξετ' αὐτόν, δμῶες; οὐκ ἀκούετε
Πάλαι ξενοῦσθαι τόνδε προυννέποντά με;...
ʽΙΠΠ. Σύ δ'αὐτός, εἴ σοι θυμός ἐξώθει χθονός.
ΘΗΣ. Δράσω τάδ', εἰ μὴ τοῖς ἐμοῖς πείσει λόγοις (ст. 1082—1086).
(т. е.: „*Тезей.* Чтó прочь не тащите его? Иль глухи вы? Вѣдь я давно ужъ объявилъ, что изгнанъ онъ. — *Ипп.* Ты жъ самъ, коль хочешь, вытолкай меня!—*Тезей.* Исполню, если словъ не слушаешь моихъ").

Хоть мнѣ нанесено тобою посрамленье [79]).
Ты приготовилъ самъ себѣ такой конецъ.
Бывалъ ли кѣмъ-нибудь такъ оскорбленъ отецъ?
О небо! видишь ты души моей кручину!
Ужели *я* далъ жизнь преступному столь сыну!

СЦЕНА IV [80]).

ФЕДРА, ТЕЗЕЙ.

ФЕДРА.

Я въ страхѣ, государь, являюсь предъ тобой.
Донесся до меня ужасный голосъ твой [81])!
Боюсь внезапнаго угрозъ я исполненья.
Коль время есть еще, почувствуй сожалѣнье
Хоть къ роду своему! Молю, свой гнѣвъ сдержи
И крови собственной пощаду окажи,
Чтобъ слышать не пришлось мнѣ вопль ея ужасный
И укорять себя потомъ въ тоскѣ всечасной
О томъ, что́ за меня отецъ ее пролилъ.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, кровію своей я рукъ не обагрилъ.
Предатель отъ меня однакоже не скрылся:
На помощь божества я въ этомъ положился;

---

79) Сенека также изобразилъ невольную тревогу Тезея, которая владѣетъ имъ даже тогда, когда онъ еще считаетъ сына виновнымъ:

... O nimium potens,
Quanto parentes sanguinis vinclo tenes,
Natura! quam te colimus inviti quoque!

(т. е.: „О, слишкомъ сильная природа! какими крѣпкими узами родства держишь ты родителей: мы вѣрны тебѣ и противъ желанія“).

80) Въ *Ипполитѣ* Жильбера есть также сцена (V д., сц. 2), гдѣ Федра приходитъ къ Тезею просить милости Ипполиту. Ниже 6-ю сц. IV дѣйствія Расина можно сравнить также съ 1-й сц. V дѣйствія Жильбера, гдѣ Федра обращается съ суровыми упреками къ Ахризѣ. Дозволительно не считать это сходство случайнымъ, въ особенности если принять во вниманіе, что Ахриза сама осуждаетъ себя на смерть, подобно Энонѣ.

81) Этотъ стихъ, *повидимому, переведенъ* изъ Еврипида; но греческій поэтъ влагаетъ его въ уста Ипполита:

Κραυγῆς ἀκούσας σῆς ἀφικόμην, πάτερ,
Σπουδῇ, (ст. 900).

(т. е: „Отецъ, услышавши твой крикъ, я поспѣшилъ сюда“).

Рукѣ безсмертной казнь отнынѣ вручена:
Нептунъ мнѣ далъ обѣтъ; ты будешь отмщена.

Федра.

Нептунъ обѣтъ свой далъ?... Твоя рѣчь гнѣвомъ дышитъ...

Тезей.

Такъ что жъ? Боишься ты, что богъ ее услышитъ?
Соединись со мной въ моленіяхъ моихъ:
Пороки сына всѣ, со всею грязью ихъ,
Напомни; разожги отмстить во мнѣ желанье,
Задержанное мной въ напрасномъ колебаньѣ!
Но ты не знаешь всѣхъ его преступнихъ дѣлъ:
Онъ въ гнѣвѣ оскорбить тебя еще посмѣлъ;
Онъ говорилъ, что ты его оклеветала
И что Арисія его очаровала,
Что любитъ онъ ее...

Федра.

Что́, государь?

Тезей.

Да, онъ
Сказалъ мнѣ это самъ, но былъ изобличенъ
Мной хитрый тотъ обманъ. Храни же упованье,
Что не замедлитъ богъ исполнить обѣщанье
И правосудіе свершитъ свое надъ нимъ.
Пойду предъ алтаремъ Нептуна я святымъ
Молить, чтобъ поспѣшилъ онъ справедливой местью.

СЦЕНА V.

Федра (*одна*).

Уходитъ. Пораженъ мой слухъ такою вѣстью!
Какъ видно, не потухъ огонь въ груди моей
И съ новой силою готовъ онъ вспыхнуть въ ней.
Какъ громовой ударъ, та новость разразилась.
На помощь къ сыну я Тезея устремилась,
Энону въ ужасѣ покинувши одну.
Я не могла сдержать раскаянья волну,
Которая мой духъ такъ страшно всколебала.

Кто вѣдаетъ, куда она меня бъ умчала?
Быть можетъ, я бъ себя рѣшилась обвинить;
И если въ силахъ я была бы говорить,
Слетѣло бъ съ устъ моихъ ужасное признанье!
Такъ вотъ какъ! Ипполитъ и сердца трепетанье
Способенъ испытать: ко мнѣ же ничего
Не можетъ чувствовать совсѣмъ душа его!
Такъ чувствами его Арисія владѣетъ!
Арисія своимъ считать то сердце смѣетъ!
Возможно ли? Когда ему призналась я
И онъ старался такъ оборонить себя
Лицомъ бузчувственнымъ и непреклонно-твердымъ,
И строгостью чела, и этимъ взглядомъ гордымъ,
Я думала: любви закрыто сердце въ немъ,
Отъ всякой женщины охранено щитомъ.
И что жъ? Склонить его умѣла же другая!
Другую пощадилъ, жестокій взоръ склоняя!
Какъ видно, нѣжность чувствъ доступна для него:
Ему лишь я одна несноснѣе всего.
Возможно ль, чтобъ его спасти я пожелала!

СЦЕНА VI.

ФЕДРА, ЭНОНА.

ФЕДРА.

Энона! знаешь ли, чтó я сейчасъ узнала?

ЭНОНА.

Нѣтъ, но обманывать не стану я тебя:
Понявши цѣль твою, похолодѣла я,
Испугана твоимъ порывомъ, столь тревожнымъ.

ФЕДРА.

Энона! У меня—о кто бъ считалъ возможнымъ!—
Соперница была!

ЭНОНА.

Чтó говоришь ты? Кто?

ФЕДРА.

Да! Любитъ Ипполитъ—и несомнѣнно то!
Врагъ этотъ лютый мой, ничѣмъ неукротимый,

И даже трепетной мольбой неодолимый,
Свирѣпый этотъ тигръ, который могъ внушать
Мнѣ ужасъ лишь одинъ, какъ только подступать
Рѣшалась я къ нему,—ручнымъ вдругъ сталъ, смирился—
И, власть врага признавъ, предъ нею преклонился:
Арисія пути къ душѣ его нашла!

Энона.

Она!

Федра.

Мученья всѣ, что я перенесла:
И опасенія, и томное желанье,
И бѣшеная страсть, и совѣсти терзанье,
И чувству гордому обидный столь отказъ—
Лишь тѣнь ничтожная той муки, что зажглась
Теперь въ душѣ моей!.. Такъ вотъ какъ!.. Полюбили
Другъ друга ужъ они! И какъ искусно скрыли
Любовь отъ глазъ моихъ!.. Другъ друга ка́къ видать
Могли они? давно ль? и гдѣ?—должна ты знать.
Какъ ты могла меня оставить въ заблужденьѣ?
Какъ не сказала мнѣ о тайномъ ихъ влеченьѣ?
И часто видѣли ихъ встрѣчи: какъ они
Искали ихъ, и какъ, вдвоемъ, въ лѣсной тѣни,
Скрывались ото всѣхъ? Увы! Вѣдь имъ стѣсняться
Причины не было! Свободные, видаться
Всегда могли они! Любви невинность ихъ
И небо признаетъ. Ее въ сердцахъ своихъ
Безъ угрызенія они могли лелѣять;
День каждый долженъ былъ имъ яснымъ счастьемъ вѣять!
А я? Природой всей отверженная тварь,
Отъ свѣта пряталась! Самъ лучезарный царь
Мнѣ въ небѣ страшенъ былъ! Молиться я дерзала
Лишь богу одному: злой смерти... Я желала
Скорѣе умереть. Питалась желчью я,
И слезы горькія поили лишь меня:
Но, отъ чужихъ очей свое скрывая горе,
Свободно не могла я погружаться въ море
Горючихъ этихъ слезъ: и эту радость мнѣ
Лишь съ трепетомъ вкушать случалось въ тишинѣ.
Должна была съ лицомъ покойнымъ появляться,
Готовая всегда отъ слезъ своихъ сдержаться!

ЭНОНА.

Что жъ? Радостей любовь не дастъ имъ никакихъ:
Они разлучены.

ФЕДРА.

А все жъ связала ихъ
Взаимная любовь. И вотъ, когда съ тобою
Теперь я говорю—проклятье!—межъ собою
Смѣются, можетъ быть, они моей любви!
Другъ другу клятвы вновь они даютъ свои,
Скрѣпляя договоръ навѣкъ не разлучаться!..
Такъ нѣтъ же! Я не дамъ имъ счастьемъ упиваться!
Энона! Ревности моей не осуди:
Арисія умретъ! Въ Тезеевой груди
Къ отродью гнусному раздуемъ пламя гнѣва:
Грѣхъ братьевъ тяжекъ былъ: но ихъ преступнѣй дѣва!
Въ порывѣ ревности я умолю его...
Но что я? Гдѣ же власть разсудка моего?
Кто, кто ревнуетъ?—Я!.. Къ кому мольба?—къ Тезею!
Мужъ живъ—а я еще любовью пламенѣю!
Желанія мои къ кому меня влекутъ?
О, дыбомъ волосы на головѣ встаютъ
Отъ слова каждаго! Безмѣрное растлѣнье!
Я отдалась вся лжи, грѣху кровосмѣшенья;
Преступныя свои я руки, чтобъ отмстить,
Въ кровь неповинную сгараю погрузить!
И я, презрѣнная, живу! Того свѣтила
Сіянье выношу, что жизнью одарило
Божественный нашъ родъ! Мой праотецъ оно,
Отецъ и царь боговъ; и предками полно
Пространство міра все: куда жъ мнѣ утаиться? [82])

---

[82]) Расинъ заимствовалъ здѣсь нѣкоторыя мысли, зерно которыхъ находится у Сенеки, измѣнивъ ихъ искусно. Въ латинской трагедіи кормилица напоминаетъ Федрѣ, сколько судей встрѣтитъ ея преступленіе среди боговъ, ея предковъ: Миноса, Солнце, самого Юпитера:

Si, quod maritus supera non cernit loca,
Tutum esse facinus credis, et vacuum metu
Erras ...
Quid ille, lato maria qui regno premit,
Populisque reddit jura centenis pater?
Latere tantum facinus occultum sinet?...
Quid ille rebus lumen infundens suum
Matris parens? quid ille, qui mundum quatit...

Иль адской ночи въ сѣнь мнѣ поспѣшить укрыться?...
Но что я говорю? Отецъ мой грозный тамъ,
И встрѣтитъ онъ меня съ своею урной самъ.
Какъ говорятъ, ему ту урну роковую
Издревле Рокъ вручилъ,—да судитъ тварь земную,
Что́ блѣдною толпой вступаетъ въ эту сѣнь...
Какъ содрогнется тамъ испуганная тѣнь,
Увидѣвъ дочь свою, когда она предстанетъ
И съ трепетомъ въ грѣхахъ виниться тяжкихъ станетъ,
Какихъ не слыхивалъ, быть можетъ, самый Адъ!
При страшномъ зрѣлищѣ какія прогремятъ
Изъ устъ твоихъ слова, суля мнѣ кару злую?
Отецъ! Ужъ вижу я, какъ урну роковую
Роняешь ты изъ рукъ! Я вижу, какъ потомъ,
Чтобъ крови собственной стать грознымъ палачемъ,
Готовишься предать меня ты новымъ пыткамъ...
О, пощади меня! Твою семью съ избыткомъ
Богъ-мститель покаралъ. Въ безуміи моемъ
Узнай мнѣ посланный жестокимъ божествомъ
Губительный недугъ. Увы! Отъ преступленья,
Въ которомъ я нашла одно лишь посрамленье,
Тоскующій мой духъ не собиралъ плодовъ!
Послѣдній излетѣтъ мой вздохъ уже готовъ,
А ни одной еще я радости не знала —
И глубоко впилось въ меня страданій жало!

ЭНОНА.

Э! страхъ напрасный свой, царица, отгони,
На грѣхъ простительный ты иначе взгляни:
Ты любишь. Намъ судьба не станетъ покоряться:
Самъ Рокъ судилъ тебѣ красой очароваться.
Не диво это намъ. Какъ будто надъ тобой
Одной любовь успѣхъ торжествовала свой.

Sator Deorum? Credis hoc posse effici,
Inter videntes omnia ut lateas avos? (ст. 145—158)
(т. е.: „Ты ошибаешься, если думаешь, что поступокъ этотъ не опасенъ и не внушаетъ страха потому, что супругъ твой не видитъ нашего міра... А отецъ, который широковластительно правитъ морями и творитъ судъ надъ сотнями народовъ? Развѣ онъ дозволитъ такому дѣянію остаться втайнѣ? А отецъ твоей матери, озаряющій все своимъ свѣтомъ? А тотъ, кто потрясаетъ міръ... отецъ боговъ? Неужели ты надѣешься скрыться отъ взора всевидящихъ предковъ?“).

Вѣдь слабость свойственна такъ человѣка волѣ!
Ты тоже смертная—такъ смертныхъ общей долѣ
Ты тоже покорись. Издревле подъ ярмо,
Что такъ гнететъ тебя, и божество само
Склоняло голову. Ужасными громами
Преслѣдуя грѣхи, и Олимпійцы сами
Страсть незаконную рѣшались раздѣлять [83]).

ФЕДРА.

Какъ ты осмѣлилась такой совѣтъ мнѣ дать?
Отравою меня ты извести рѣшила?
Несчастная! Вотъ чѣмъ меня ты и сгубила!
Отъ жизни горестной хотѣла я бѣжать:
Ты, гнусная, меня вернула къ ней опять!
Мольбами долгъ меня забыть ты побудила!
Отъ Ипполита я скрывалась—ты сводила
Насъ съ нимъ. Презрѣнная! умѣла услужить!
Ка́къ смѣла ты его передъ отцомъ чернить,
Устами мерзкими своими обвиняя?
Быть можетъ, для него готова участь злая:

---

83) У Еврипида кормилица говоритъ почти то же:
Οὐ γὰρ περισσὸν οὐδὲν, οὐδ' ἔξω λόγου
Πέπονθας· ὀργαὶ δ' ἐς σ' ἀπέσκηψαν θεᾶς.
'Ερᾷς (τί τοῦτο θαῦμα); σὺν πολλοῖς βροτῶν.
Κᾄπειτ' ἔρωτος οὕνεκα ψυχὴν ὀλεῖς;...
Κύπρις γὰρ οὐ φορητὸς, ἢν πολλὴ ῥυῇ....
Ἴσασι μὲν Ζεὺς ὥς ποτ' ἠράσθη γάμων
Σεμέλης, ἴσασι δ' ὡς ἀνήρπασέν ποτε
Ἡ καλλιφεγγὴς Κέφαλον ἐς θεοὺς Ἕως....
.... Ἀλλ' ὅμως ἐν οὐρανῷ
Ναίουσι.....
Λῆξον δ' ὑβρίζους'· οὐ γὰρ ἄλλο πλὴν ὕβρις
Τάδ' ἐστὶ, κρείσσω δαιμόνων εἶναι θέλειν (ст. 438—476).

(т. е: „Ни дивнаго, ни непонятнаго съ тобой вѣдь не случилось: ты жертва богини. Ты любишь. Что́ за диво? Ты дѣлишь жребій многихъ. Къ чему жъ изза любви загубишь жизнь свою?... Кого потокъ Киприды сильный не снесетъ?... Знаютъ, что къ Семелѣ страстью воспылалъ однажды Зевсъ, что, страстію увлечена, въ безсмертныхъ сонмъ прекрасная сіяньемъ Эосъ Кефала вознесла: межъ тѣмъ на небесахъ живутъ... Брось думы мрачныя, о милое дитя, быть своевольной перестань! Вѣдь своеволье одно—стремиться стать сильнѣй боговъ").

Въ *Ипполитѣ* Жильбера (д. IV, сц. 1) Тезей говоритъ:
L'homme ne peut faillir en imitant les dieux.
Le monarque du ciel n'a-t-il pas des maîtresses?
(т. е.: „Человѣкъ не можетъ пасть, подражая богамъ. Владыка небесъ развѣ не имѣетъ возлюбленныхъ?")

Ужъ вняли небеса безумному отцу,
И сынъ приговоренъ къ ужасному концу!
Не смѣй мнѣ возражать! Прочь, гнусное творенье,
Прочь! Встрѣчу я одна судьбы своей рѣшенье.
Пусть небо казнь тебѣ достойную воздастъ;
Пусть эта казнь примѣръ внушительный подастъ
Тебѣ подобнымъ всѣмъ, кто, въ душу низко вкравшись,
Владыкамъ слабымъ льститъ, чтобъ тѣ, страстямъ поддавшись,
Стремились къ гибели, влекущей въ бездну ихъ,
И къ преступленьямъ кто зоветъ владыкъ земныхъ!...
Когда небесный гнѣвъ царей губить желаетъ,
То подлыхъ имъ льстецовъ, какъ даръ свой, посылаетъ[84]).

(*Уходитъ*).

ЭНОНА.

Была ей, боги, жизнь вся отдана моя:
Вотъ плата мнѣ за то! Ея достойна я.

---

[84]) На безнравственные совѣты кормилицы Федра у Еврипида отвѣчаетъ (ст. 487, 488):

Τοῦτ' ἔσθ', ὃ θνητῶν εὖ πόλεις οἰκουμένας
Δόμους τ' ἀπόλλυσ', οἱ καλοὶ λίαν λόγοι.

(т. е.: „Вотъ въ чемъ бичъ городовъ благоустроенныхъ, бичъ и семей—въ прекрасныхъ черезъ-чуръ рѣчахъ“).

Но Расинъ въ особенности подражалъ упрекамъ, которыя Федра обращаетъ къ кормилицѣ:

Ὦ παγκακίστη, καὶ διαφθορεῦ φίλων.
Οἷ εἰργάσω με! Ζεύς σ', ὁ γεννήτωρ ἐμός,
Πρόῤῥιζον ἐκτρίψειεν, οὐτάσας πυρί....
Ὄλοιο καὶ σὺ χὤστις ἄκοντας φίλους
Πρόθυμός ἐστι μὴ καλῶς εὐεργετεῖν....
Ἀλλ' ἐκποδὼν ἄπελθε, καὶ σαυτῆς πέρι
Φρόντιζ'· ἐγὼ γὰρ τἀμὰ θήσομαι καλῶς (ст. 679—706).

(т. е.: „О подлая, своихъ губительница ты! Чтó сдѣлала со мной? Пусть предокъ мой, Зевесъ, ударивъ молніей, съ лица земли тебя сотретъ!... Будь проклята и ты и всякій, кто готовъ, непрошенный, друзьямъ недобрую услугу оказать... Прочь уходи и о себѣ похлопочи. Сама свои дѣла устрою хорошо“).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Ипполитъ, Арисія.

Арисія.

Какъ! предъ опасностью такой молчать ты можешь
И заблужденіе отца не уничтожишь?
Жестокій! Если ты, презрѣвъ моей мольбой,
Согласенъ навсегда не видѣться со мной,
То въ свой отправься путь; я свыкнусь съ горькой мукой:
Но обезпечь хоть жизнь себѣ передъ разлукой;
Отъ нареканій злыхъ омой хоть честь твою
И упроси отца, чтобъ онъ мольбу свою
Обратно взялъ; спѣши, пока еще есть время.
Какъ можешь ты сносить всѣхъ обвиненій бремя
И клеветницѣ злой тѣмъ поле очищать?
Открой отцу глаза.

Ипполитъ.

Сказалъ, что́ могъ сказать,
Ему уже я все. Ужель я долженъ тоже
Разоблачить позоръ родительскаго ложа,
Разсказъ свой довести до гнуснаго конца
И краскою стыда покрыть лицо отца?
Въ ту тайну страшную одна лишь ты проникла
Моя душа себя высказывать привыкла
Тебѣ лишь и богамъ. Я утаить не могъ
(И въ этомъ видишь ты любви моей залогъ),
Что́ отъ себя бы скрыть мнѣ самого желалось.
Но не забудь, съ какимъ условіемъ вѣрялась
Мной тайна страшная, открытая тебѣ:

И если можешь ты велѣть самой себѣ
Забыть, что́ отъ меня ты только что узнала —
То позабудь навѣкъ, какъ будто не слыхала;
Чтобъ никогда уста невинныя твои
Для гнусной повѣсти открыться не могли!
На праведныхъ боговъ возложимъ упованье:
Для чести собственной должны мнѣ оправданье
Произнести они. А Федры страшный грѣхъ
Не избѣжитъ суда и поношенья всѣхъ.
Лишь въ этомъ отъ тебя я требую терпѣнья:
Во всемъ же остальномъ—преграды нѣтъ для мщенья!
Долой же рабства цѣпь! долой ея позоръ!
Бѣги со мной, покинь проклятый этотъ дворъ,
Гдѣ добродѣтельный одной отравой дышитъ.
Теперь здѣсь ничего не видятъ и не слышатъ,
Кромѣ немилости, ко мнѣ столь новой всѣмъ.
Бѣги жъ, бѣги скорѣй, воспользовавшись тѣмъ;
Я къ бѣгству способы немедля всѣ улажу:
Была ты отдана мнѣ одному подъ стражу.
Въ борьбѣ защитники могучіе у насъ:
Намъ Аргосъ дружественъ; намъ Спарта отдалась
И насъ зоветъ къ себѣ. Моля о правомъ мщеньѣ,
Мы кликнемъ кличъ друзьямъ. Опасно промедленье.
Не допустить же намъ, чтобъ Федра все взяла
И съ трона отчаго обоихъ прогнала,
Наслѣдье наше все для сына припасая!
Удобенъ случай намъ. Его не упуская,
Воспользуемся имъ... Но что́ жъ страшитъ тебя?
Ты въ колебаніи? Твоей же пользой я
Одушевленъ—и что жъ? Тогда какъ я пылаю—
Ты холодна какъ ледъ! Я вѣрить не желаю,
Чтобъ за изгнанникомъ боялась ты итти.

АРИСІЯ.

Увы, мой государь! Изгнаніе снести
Мнѣ было бъ счастіемъ. Въ какомъ бы восхищеньѣ,
Примкнувъ къ судьбѣ твоей, у всѣхъ людей въ забвеньѣ,
Жила бы я съ тобой! Но не связавъ себя
Союзомъ сладостнымъ, могу ли съ честью я
Пуститься въ путь съ тобой, Трезену покидая?

Конечно, въ правѣ я, ничѣмъ не нарушая
Строжайшей чести, плѣнъ покинуть нынѣ мой:
Я удалилась бы не изъ семьи родной;
Бѣжать дозволено, спасаясь отъ безправья:
Но любишь ты меня, и мнѣ мое безславье...

Ипполитъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Арисія! Священна честь твоя!
Намѣренье въ душѣ, повѣрь, имѣю я,
Которое твоей не угрожаетъ чести:
Бѣги своихъ враговъ—съ твоимъ супругомъ вмѣстѣ.
Рѣшеніемъ небесъ, подъ игомъ общихъ бѣдъ,
Свободные въ правѣ дать другъ другу мы обѣтъ.
При бракахъ не всегда свѣтильники пылаютъ.
    Гдѣ близь Трезенскихъ вратъ гробницы осѣняютъ
Останки родичей моихъ—издревле тамъ
Богамъ воздвигнутый стоитъ священный храмъ.
Клятвопреступникамъ бѣдой онъ угрожаетъ;
Въ немъ клятву ложную дать смертный не дерзаетъ:
Постигнетъ казнь его немедленно же тамъ;
И мысль, что смерть грозитъ на мѣстѣ всѣмъ лжецамъ,
Всегда была для нихъ сильнѣйшею уздою.
Туда, коль вѣришь мнѣ, пойдемъ принесть съ тобою
Обѣтъ въ любви на вѣкъ. Свидѣтель будетъ богъ,
Которому святой воздвигнутъ тотъ чертогъ.
Чтобъ былъ онъ намъ отцомъ, его молить я стану,
И въ клятвѣ призову я чистую Діану,
Владычицу затѣмъ Юнону призову
И къ сонму всѣхъ боговъ усердно воззову,
Чтобъ истинной любви свидѣтелями были
И клятву въ вѣрности тебѣ моей скрѣпили.

Арисія.

Царь приближается. Бѣги—и въ путь скорѣй.
Я жъ подожду пока, чтобы не могъ Тезей
Побѣга моего внезапнаго замѣтить.
Ты вѣрнаго слугу пришли меня здѣсь встрѣтить,
Чтобъ робкіе шаги онъ охранялъ мои.

СЦЕНА II.

Тезей, Арисія, Исмена.

Тезей,

О небо! Мнѣ въ моихъ сомнѣньяхъ помоги,
И правду мнѣ открой, которой здѣсь ищу я!

Арисія (*Исменѣ*).

Смотри жъ, готова будь: тебя съ собой возьму я!

СЦЕНА III.

Тезей, Арисія.

Тезей.

Ты въ замѣшательствѣ... Лицо твое горитъ...
Чтó дѣлалъ, говори, сейчасъ здѣсь Ипполитъ?

Арисія.

Прощался, государь, на вѣки онъ со мною.

Тезей.

Могла жъ ты, овладѣвъ мятежною душою,
Вздохъ вырвать изъ груди безчувственной его!

Арисія.

Не стану, государь, скрывать я ничего.
Несправедливости въ укорахъ гнѣва злого
Не унаслѣдовалъ онъ отъ отца родного:
Меня преступною, какъ ты, онъ не считалъ.

Тезей.

Да! онъ тебѣ въ любви до гроба клятву далъ!
На сердце шаткое его не полагайся:
Онъ клялся и другимъ, ему не довѣряйся.

Арисія.

Онъ?

Тезей.

Приковать его должна бы ты была:
Кáкъ раздѣленье чувствъ ты въ немъ сносить могла?

Арисія.

А какъ же вынесъ ты, что чистаго душою
Могли тебѣ чернить безстыдной клеветою?
Ужели мало такъ его ты сердце зналъ?
Ужель различія досель не распозналъ
Между невинностью и гнуснымъ преступленьемъ?
Одинъ лишь ты своимъ столь помраченнымъ зрѣньемъ
Не видишь чистоты, столь явной всѣмъ очамъ.
Довольно довѣрять лукавымъ языкамъ:
Раскайся и верни назадъ всѣ заклинанья.
Смотри, чтобъ небеса, въ пылу негодованья,
На голову его гнѣвъ не повергли свой
И не свершили казнь, молимую тобой.
Во гнѣвѣ небеса съ насъ жертвы получаютъ:
Дары ихъ за грѣхи намъ казнію бываютъ.

Тезей.

Напрасно хочешь ты измѣнника покрыть:
Могла тебя любовь къ злодѣю ослѣпить,
Но внялъ свидѣтельствамъ на этотъ разъ я вѣрнымъ:
Рыданьямъ искреннимъ, слезамъ нелицемѣрнымъ.

Арисія.

Остерегися, царь! Чудовищъ истребилъ
Ты много, не щадя своихъ могучихъ силъ:
Но не отъ всѣхъ ты ихъ страну свою избавилъ;
Одно чудовище ты здѣсь въ живыхъ оставилъ...
Твой сынъ мнѣ запретилъ все досказать вполнѣ,
Къ тебѣ почтеніе хранить внушая мнѣ.
Жестоко огорчить его я избѣгаю
И въ скромности ему послѣдовать желаю;
Поэтому теперь оставлю я тебя,
Чтобъ тайну сохранить могла свободнѣй я.

СЦЕНА IV.

Тезей (*одинъ*).

Чтó на умѣ у ней? Чтó рѣчь та означаетъ?
Едва ее начнетъ—какъ тотчасъ обрываетъ.

Иль хитрость это ихъ, чтобъ затуманить взоръ,
Чтобъ затруднить меня—лукавый заговоръ?..
Но отчего жъ въ душѣ, суровость заглушая,
Звучитъ печальный стонъ? И тайно сострадая,
Нежданнымъ чувствомъ я невольно изумленъ.
Поступокъ сына вновь быть долженъ разъясненъ:
Энону допрошу... Эй, стражи! позовите
Энону—и одну ее сюда введите.

СЦЕНА V.

Тезей, Панопа.

ПАНОПА.

Чтó съ государыней—я не могу понять:
Но въ изступленьи томъ всего возможно ждать.
Отчаянье лицо царицы выражаетъ,
И блѣдность смертная его ужъ покрываетъ.
Энона ею съ глазъ позорно прогнана,
И въ море бросилась глубокое она.
Чѣмъ вызванъ тотъ порывъ—узнать нельзя ужъ было:
Отъ нашихъ глазъ навѣкъ ее пучина скрыла.

ТЕЗЕЙ.

Чтó слышу!

ПАНОПА.

Но когда о страшной смерти той
Царицѣ донесли, разстроенной душой
Покой не овладѣлъ. Ея не покидаетъ
Смятенье мрачное, но будто возрастаетъ

---

83) Было замѣчено, что изъ трехъ трагическихъ поэтовъ, обработавшихъ сюжетъ *Федры*, у одного Расина кормилица наказывается. Расинъ не могъ впасть въ погрѣшность, допущенную Еврипидомъ и Сенекой. Увѣряютъ, что онъ этимъ обязанъ Жильберу, написавшему *Федру*, гдѣ Энона также утопилась" (*Прим. изд. 1807*). Дѣйствительно, въ V д., въ сценѣ 5-й *Ипполита* Жильбера Пасиѳая отвѣчаетъ Тезею, освѣдомляющемуся о судьбѣ Ахризы:

Dans les flots de la mer elle a fini ses jours,
De son crime elle-même a payé le salaire.

(т. е.: „Въ волнахъ моря окончила она дни свои. За свое преступленіе сама расплатилась она").

Но только Расину принадлежитъ дѣйствіе, произведенное этимъ извѣстіемъ о добровольной смерти Эноны, на Тезея въ ту минуту, когда сомнѣніе вкралось въ его душу.

Все съ большей силою. Порой, чтобъ обмануть
Скорбь тайную свою, беретъ къ себѣ на грудь
Дѣтей, ихъ горькими слезами обливая;
То, чувства матери внезапно забывая,
Отталкиваетъ прочь ихъ отъ себя она[86]).
Блуждаетъ взоръ ея; въ себя погружена,
Не узнаетъ и насъ. А то безцѣльно бродитъ
Невѣрною стопой—и мѣста не находитъ.
Пыталась раза три она письмо писать—
И броситъ всякій разъ, едва успѣвъ начать[87]).
О, государь! взгляни на бѣдную царицу,
Благоволи подать ей помощи десницу.

ТЕЗЕЙ.

Эноны больше нѣтъ—и Федра смерти ждетъ!..
Зовите сына! эй! Пусть онъ ко мнѣ придетъ.
Пусть защищается свободно предо мною.
(Одинъ).
О! не спѣши, Нептунъ, заслугой роковою,
И лучше впредь моимъ моленьямъ не внемли:
Быть можетъ, что лжецы въ обманъ меня ввели,
И въ гнѣвѣ поспѣшилъ къ тебѣ воздѣть я руки,
Чтобъ вымолить себѣ жестокія лишь муки!

СЦЕНА VI.

Тезей, Терамень.

ТЕЗЕЙ.

Ты это, Терамень? Чтó съ сыномъ сдѣлалъ ты?
Заботы всѣ о немъ тобою приняты:
Онъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ тебѣ порученъ мною...

---

[86]) Эти стихи повидимому вдохновлены патетической сценой *Медеи* Еврипида, гдѣ Медея осыпаетъ своихъ дѣтей поцѣлуями:

Δότ', ὦ τέκνα,
Δότ' ἀσπάσασθαι μητρὶ δεξιὰν χέρα....

(т. е.: „Дайте, дѣти, дайте матери поцѣловать (правую) руку“), потомъ отталкиваетъ ихъ прочь.

Χωρεῖτε, χωρεῖτ'· οὐκ ἔτ' εἰμὶ προσβλέπειν
Οἵα πρὸς ὑμᾶς (ст. 1059—1067).

(т. е.: „Прочь, прочь! Я не могу больше видѣть васъ“).

[87]) Расинъ вспоминаетъ 37 и 38 ст. *Ифигеніи* Еврипида.

Ты плачешь, Терамень? Скажи мнѣ, чтó съ тобою?
Чтó дѣлаетъ мой сынъ?

Терамень.

Ужъ поздно вопрошать!
Любовь къ нему теперь ужъ тщетно выражать!
Возможность всякая помочь ему закрыта
Отнынѣ для тебя: нѣтъ больше Ипполита! [88])

Тезей.

О боги!

Терамень.

Видѣлъ смерть я лучшаго изъ всѣхъ
И—скрыть то, государь, мнѣ былъ бы тяжкій грѣхъ—
Невиннѣйшаго всѣхъ.

Тезей.

Онъ умеръ! О проклятье!
Лишь только я простеръ къ нему свои объятья,—
Нетерпѣливое во гнѣвѣ божество
Послать спѣшитъ ужъ смерть на голову его!
Скажи: какой ударъ сразилъ его? какою
Онъ вырванъ у меня внезапно такъ стрѣлою?

Терамень.

Ужъ мы оставили Трезену за собой.
Онъ въ колесницѣ былъ; печальной свиты строй
Сомкнулся вкругъ него, его сопровождая
И такъ же, какъ и онъ, молчанье сохраняя.
Задумчивъ двигался дорогой онъ своей,
Свободно опустивъ къ конямъ волну возжей.
Тѣ кони гордые, чтó нѣкогда дивили
Горячностью своей и, чуткіе, ловили
Крикъ каждый, слушаясь владыки своего,—
Какъ будто бы понявъ теперь печаль его,
Угрюмый взоръ очей задумчиво склонили
И головы къ землѣ печально опустили.

---

[88]) Такъ и у Еврипида одно изъ первыхъ словъ вѣстника:
Ἱππόλυτος οὐκ ἔτ' ἔστιν.... (ст. 1152).
(т. е.: „Нѣтъ больше Ипполита").

Вдругъ вопль неслыханный изъ водной глубины
Пронесся въ воздухѣ средь общей тишины:
И въ глубинѣ земли на этотъ возгласъ моря
Отвѣтилъ страшный стонъ, ему протяжно вторя.
При кликахъ этихъ кровь, какъ ледъ, застыла въ насъ.
Насторожили слухъ и кони; поднялась
На шеяхъ грива ихъ щетиною густою.
Тогда надъ гладью водъ высокою горою
Внезапно вознеслась огромная волна.
Все ближе, ближе... вотъ – разбилася она,
Весь берегъ пѣною, вскипѣвши, захлестнула
И вдругъ чудовище предъ нами изрыгнула.
Широкій лобъ его рогами угрожалъ,
И желтой чешуей весь станъ его сверкалъ.
Свирѣпый быкъ и змѣй, готовый прянуть смѣло,
Свой изогнувъ хребетъ, кольцомъ свиваетъ тѣло.
Протяжный ревъ его весь берегъ всколебалъ;
Самъ отвращенье онъ и небесамъ внушалъ.
Вся сотряслась земля—и смрадъ распространился.
Его принесшій валъ въ испугѣ въ море скрылся[89]).
Всѣ устремляются въ стоящій подлѣ храмъ,
Въ нѣмомъ отчаяньи ища спасенья тамъ.
Одинъ лишь Ипполитъ, достойный сынъ героя,
Коней остановилъ, ихъ мигомъ успокоя;
И легкое копье увѣренной рукой
Намѣтилъ—и пустилъ. Кровь хлынула рѣкой
Изъ раны, широко зіяющей подъ чревомъ.
Отъ боли въ бѣшенствѣ, съ неимовѣрнымъ ревомъ
Подпрыгнувъ, гадъ упалъ у самыхъ ногъ коней.
Крутится; кровію изъ пасти ихъ своей
И дымомъ обдаетъ; огнемъ въ глаза имъ пышетъ.
Объемлетъ ужасъ ихъ: на этотъ разъ не слышатъ
Ужъ голоса они; не чувствуютъ удилъ.
Напрасно Ипполитъ напрягъ запасъ всѣхъ силъ:
Лишь красятъ удила они кровавой пѣной—
И даже, говорятъ, трезубецъ тутъ священный
Былъ виденъ въ свалкѣ той: какая-то рука
Колола лошадямъ ихъ потные бока.

89) Ср. *Энеиду*, VIII, 240: ...Refluitque exterritus amnis (т. е.: „Устрашенная волна отбѣгаетъ назадъ“).

Рванулись въ ужасѣ они къ скаламъ прибрежнымъ.
Ось взвизгнувъ, лопнула. Ударомъ неизбѣжнымъ
Разбито все въ куски; щепа и прахъ взвились:
Онъ опрокинулся—и на возжахъ повисъ.
Прости мнѣ, государь, невольныя рыданья:
Но страшный образъ тотъ источникомъ страданья
Мнѣ будетъ ужъ на вѣкъ... Я видѣлъ, видѣлъ я,
Какъ сына твоего, по праху волоча,
Безжалостно несли имъ вскормленные кони... 90)

---

90) У Еврипида, умирающій Ипполитъ, принесенный на сцену, восклицаетъ:

Ὦ στυγνὸν ὄχημ' ἵππειον, ἐμῆς
Βόσκημα χερός,
Διά μ' ἔφθειρας, κατὰ δ' ἔκτεινας (ст. 1346—1348).

т. е.: „Ненавистная упряжь коней тѣхъ, что вскормлены были моей рукою, погубила, сразила меня“).

Въ свою очередь Сенека сдѣлалъ заимствованія у Овидія, который въ XV кн. *Превращеній* (ст. 506 и сл.) влагаетъ въ уста воскресшаго Ипполита разсказъ, вліяніе котораго порою замѣтно и у Расина:

Pittheam profugo curru Troezena petebam;
Jamque Corinthiaci carpebam littora ponti,
Quum mare surrexit, cumulusque immanis aquarum
In montis speciem curvari et crescere visus,
Et dare mugitus, summoque cacumine findi.
Corniger hinc taurus ruptis expellitur undis,
Pectoribusque tenus molles erectus in auras,
Naribus et patulo partem maris evomit ore.
Corda pavent comitum, mihi mens interrita mansit,
Exiliis contenta suis: quum colla feroces
Ad freta convertunt, adrectisque auribus horrent
Quadrupedes; monstrique metu turbantur, et altis
Praecipitant currus scopulis: ego ducere vana
Frena manu, spumis albentibus oblita, luctor....
Excutior curru, lorisque tenentibus artus,
Viscera viva trahi, nervos in stirpe teneri,
Membra rapi partim, partim reprensa relinqui,
Ossa gravem dure fracta sonum, fessamque videres
Exhalari animam, nullasque in corpore partes
Noscere quas posses: unumque erat omnia vulnus.

(т. е.: „Я стремился въ Трезену, городъ Питтея, на быстрой колесницѣ и уже ѣхалъ подлѣ берега Коринѳскаго моря, какъ вдругъ море поднялось и, казалось, огромный водяной холмъ изгибается горою, затѣмъ издаетъ мычаніе, и его вершина распадается. Раздавшись, волны извергаютъ рогатаго быка; и поднявшись до самой груди въ воздухъ, онъ выпускаетъ изъ ноздрей и открытой пасти часть моря. Сердца спутниковъ трепещутъ, я же не устрашился духомъ, углубленный въ мысли о своемъ изгнаніи: какъ вдругъ разгоряченные кони обращаютъ шеи къ морю и, настороживъ уши, дрожатъ; въ страхѣ передъ чудовищемъ мятутся они и увлекаютъ колесницу къ высокимъ скаламъ. Напрасно старается рука моя направить удила, полныя бѣлой пѣны.... Меня вышибаетъ изъ колесницы. Можно было видѣть, какъ ремни, опутавъ, влекутъ мои члены и живыя внутренности, какъ жилы мои захватываются стволомъ де-

Онъ окликаетъ ихъ; они, страшась погони,
Ужъ голоса его теперь не узнаютъ,
Его пугаются и бѣшенѣй несутъ.
И скоро образъ весь прекраснѣйшаго стана
Былъ лишь кровавая одна сплошная рана.
Отчаянный нашъ крикъ весь берегъ огласилъ.
Но стали кони—тамъ, близь древнихъ тѣхъ могилъ,
Гдѣ праотцевъ его холодный прахъ хранится....
Кидаюсь я туда; за мною вслѣдъ стремится
И свита вся туда жъ.... Бросаемъ взглядъ впередъ—
О ужасъ! по камнямъ кровавый слѣдъ ведетъ,
И каплетъ кровь съ волосъ, которые клоками
По терніямъ висятъ, оторваны шипами.
Я добѣжалъ. Зову. Онъ, руку мнѣ схвативъ,
Глаза открылъ на мигъ и, снова ихъ закрывъ, [91])
Сказалъ: „Безвинно я сраженъ небесной волей.
„Мой другъ! Арисіи ты озаботься долей:
„И если мой отецъ, когда нибудь узнавъ
„Всю правоту мою и горесть всю понявъ
„Несправедливости, захочетъ примиренья,—
„Проси, чтобы о ней имѣлъ онъ попеченье,
„Ей возвратилъ бы...“ Тутъ герой уже молчалъ:
Лишь безобразный трупъ въ рукахъ моихъ лежалъ.
Побѣду гнѣва онъ небеснаго являетъ,
И въ немъ отецъ родной ужъ сына не признаетъ!

ТЕЗЕЙ.

О сынъ! мой сынъ! увы! тебя лишился я!

рева, какъ мои члены частію увлекаются, частію. удержавшись, остаются; кости, ломаясь, издаютъ тяжкій звукъ; я въ изнеможеніи испускаю духъ, и ни одной части тѣла моего нельзя было узнать: все было—одна рана“).

91) Въ 3-й сценѣ V дѣйствія *Ипполита* Бидара въ разсказѣ о смерти Ипполита есть нѣсколько стиховъ, имѣющихъ поразительное сходство съ этими стихами Расина:

Ce prince avec effort ouvre enfin la paupière,
Et tournant dessus moi la mourante lumière,
Qui reste dans ses yeux....

(т. е.: „Царевичъ съ усиліемъ наконецъ открываетъ вѣки и, обращая ко мнѣ потухающій свѣтъ своихъ очей....)

Нѣсколько ниже слова умирающаго героя, какъ и у Расина, прерываются неоконченнымъ предложеніемъ:

„L'adorable Cyane....“ Un soupir tout de flamme
Lui fait à ce beau nom exhaler sa grande âme.

(т. е.: „Обожаемая Ціана“.., При этомъ прекрасномъ имени съ пламеннымъ вздохомъ излетѣла его великая душа“).

Смертельную тоску готовитъ для меня
Безжалостныхъ боговъ услуга роковая [92])!

ТЕРАМЕНЪ.

Арисія шла въ храмъ, о бѣдствіи не зная.
Спасаясь, государь, отъ гнѣва твоего,
Готовилась она супругой стать его
Передъ лицемъ боговъ. Вотъ къ храму ужъ подходитъ
И, замедляя шагъ, свой взоръ вокругъ обводитъ:
Вездѣ трава въ крови.... шагъ далѣе... глядитъ:
Ужели передъ ней то гордый Ипполитъ!
Въ мгновенье первое она не хочетъ вѣрить,
Не можетъ силы всей несчастія измѣрить,
И милаго лица она не узнаетъ:
Хоть Ипполитъ предъ ней—все Ипполита ждетъ.
Но, наконецъ, она въ сознаніе приходитъ,
Печальный къ небесамъ съ укоромъ взоръ возводитъ
И, тяжко простонавъ, блѣдна и холодна,
Къ ногамъ его безъ чувствъ склоняется она.
Исмена близь нея, и съ жалобнымъ стенаньемъ
Спѣшитъ ее привесть... не къ жизни, а къ страданьямъ.
Проклявши солнца свѣтъ, къ тебѣ я поспѣшилъ
Исполнить тяжкій долгъ, который возложилъ
Въ мигъ смерти на меня герой, завѣтъ ввѣряя
И передать его отцу мнѣ поручая...
Но вижу: врагъ его смертельный къ намъ спѣшитъ.

СЦЕНА VII.

ТЕЗЕЙ, ФЕДРА, ТЕРАМЕНЪ, ПАНОПА, СТРАЖА.

ТЕЗЕЙ.

Ликуешь ты, а сынъ безжизненный лежитъ!
О! страшно, страшно мнѣ—и злое подозрѣнье
Тѣснится въ грудь мою: правдиво ль обвиненье?
Не злой ли ужъ навѣтъ его на сына взвелъ
И жалкаго отца лишь въ заблужденье ввелъ?
Твоею жертвою лежитъ онъ безъ движенья!
Что жъ? вотъ возьми его себѣ на утѣшенье!
Права ли эта казнь—о, лучше мнѣ не знать!

[92]) Tuque semper, genitor, irae facilis assensor meae (Сенека, ст. 1207). (т. е.: „Отецъ, ты всегда готовъ содѣйствовать моему гнѣву“).

Пусть, пусть виновенъ онъ, коль хочешь ты признать
Его преступникомъ... Смерть эта для мученій
Довольно пищи дастъ, чтобъ сталъ разоблаченій
Постыдныхъ я искать. Увы! не возвратятъ
Они его тоскѣ моей неодолимой
И только разожгутъ огонь неутолимый.
О, прочь отсюда, прочь! Готовъ я убѣжать,
На край земли уйти, чтобъ только не видать
Лица окроваваго растерзаннаго сына!
При мысли лишь о немъ жестокая кручина
Мнѣ разрываетъ грудь!.. Но... но куда бѣжать?
Изъ міра цѣлаго нельзя себя изгнать:
А грѣхъ мой на меня весь міръ вооружаетъ,
И имя славное мнѣ кару удвояетъ.
Когда бы меньше я извѣстенъ смертнымъ былъ,
Отъ взоровъ ихъ себя я легче бы укрылъ!
И милости боговъ я даже ненавижу:
Отъ этихъ милостей лишь смерть да слезы вижу.
Чтó бъ ни послали мнѣ и въ будущіе дни,
Ничѣмъ не возмѣстятъ, чтó отняли они!

ФЕДРА.

Нѣтъ, нѣтъ! пора прервать преступное молчанье,
Чтобъ сына твоего раскрылось оправданье:
Невиненъ Ипполитъ.

ТЕЗЕЙ.

Несчастнѣй нѣтъ меня!
Тебѣ повѣривши, вѣдь сына проклялъ я!
Безчеловѣчная! Иль думаешь прощенье
Возможно для тебя?

ФЕДРА.

Мнѣ дороги мгновенья....
Тезей! о выслушай. На сына твоего,
Невиннаго душой, не пощадивъ его
Стыдливой чистоты, я, я въ слѣпомъ забвеньѣ
Направила свой взоръ, къ грѣху кровосмѣшенья
Желая совратить. Той страстью роковой
Мнѣ небо грудь зажгло, а гнусной клеветой
Энона дѣло все безстыдно довершила.
Она тѣмъ страсть мою отъ глазъ твоихъ сокрыла,

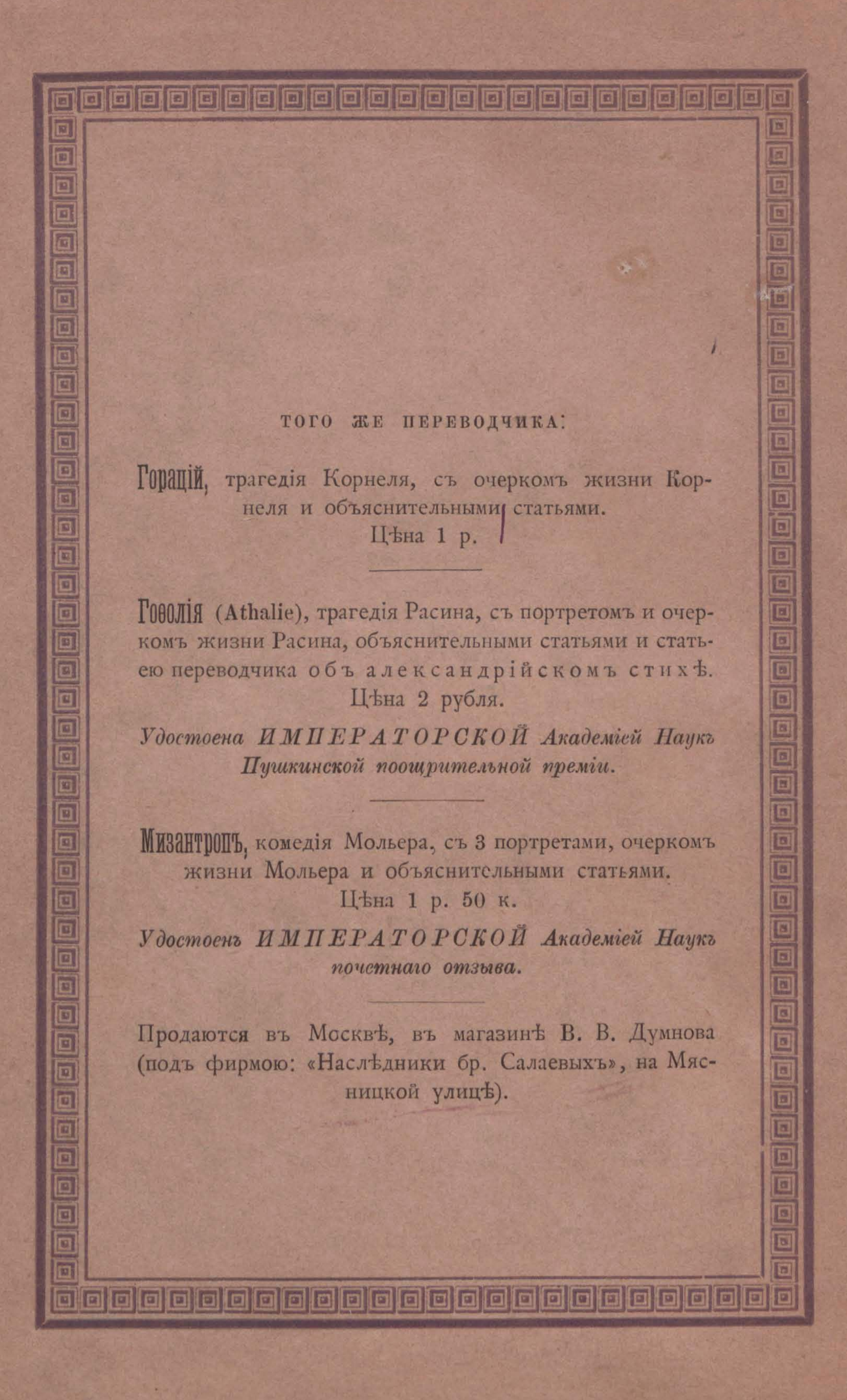
Боясь, что Ипполитъ откроетъ все тебѣ:
Но гнѣвъ увидя мой, она сама себѣ
Опредѣлила казнь: и вотъ, ее ускоря,
Она нашла покой на днѣ глубокомъ моря.
Давно бы острый ножъ покончилъ и со мной:
Но честь невиннаго я унесла бъ съ собой —
И вотъ пришла къ тебѣ раскрыть я преступленье
И совѣсти моей несносное мученье,
Себѣ избравъ въ страну безжизненныхъ тѣней
Не столь короткій путь. Я приняла, Тезей,
По жиламъ всѣмъ огонь жестокій разливая,
Тотъ ядъ, который былъ изъ чуждаго намъ края
Въ Аѳины нѣкогда Медеей привезенъ...
Но вотъ въ груди моей — я чувствую — ужъ онъ
Подъ сердце подступилъ... Оно охладѣваетъ...
Мнѣ очи облако густое застилаетъ...
Едва ужъ различить могу я сквозь него
И небо, и лицо супруга моего,
Котораго мой видъ зажегъ негодованьемъ, —
И смерть... Она, своимъ печальнымъ одѣяньемъ
Прикрывъ глаза мои, тому сіянью дня,
Что взоромъ такъ своимъ лишь оскверняла я,
Блистанье чистое всецѣло возвращаетъ...

ПАНОПА.

Она кончаетъ жизнь.

ТЕЗЕЙ.

Зачѣмъ же оставляетъ
Дѣянье черное въ воспоминаньѣ слѣдъ!
Пролился, наконецъ — увы! — столь поздній свѣтъ
На страшное мое, слѣпое заблужденье....
Пойду потоки слезъ, въ великомъ сокрушеньѣ,
Съ невинной кровію страдальца я смѣшать,
Увы! хоть поздно ужъ — пойду теперь принять
Останки жалкіе его въ свои объятья
И ужасъ искупить безумнаго проклятья!
Достойной почестью я сына одарю
Тѣнь гнѣвную его съ собою примирю;
Къ семьѣ враждебной гнѣвъ отнынѣ свой забуду
И дочерью считать Арисію я буду.

ТОГО ЖЕ ПЕРЕВОДЧИКА:

Горацій, трагедія Корнеля, съ очеркомъ жизни Корнеля и объяснительными статьями.
Цѣна 1 р.

Гоѳолія (Athalie), трагедія Расина, съ портретомъ и очеркомъ жизни Расина, объяснительными статьями и статьею переводчика объ александрійскомъ стихѣ.
Цѣна 2 рубля.

Удостоена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіей Наукъ Пушкинской поощрительной преміи.

Мизантропъ, комедія Мольера, съ 3 портретами, очеркомъ жизни Мольера и объяснительными статьями.
Цѣна 1 р. 50 к.

Удостоенъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіей Наукъ почетнаго отзыва.

Продаются въ Москвѣ, въ магазинѣ В. В. Думнова (подъ фирмою: «Наслѣдники бр. Салаевыхъ», на Мясницкой улицѣ).